

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2021 Том 8 № 3

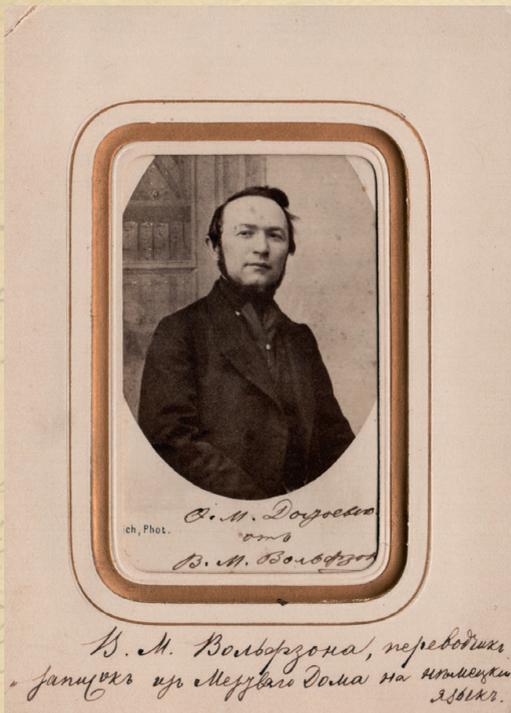
Сенсация: Установлены имена тех, кто помогал Наталье Дмитриевне Фонвизиной в Тобольске! Имя доблестного жандармского капитана — Александр Иванович Смальков! **Летние впечатления в Лондоне:** зачем турист Достоевский ездил к Герцену? **Облава в Вержболово:** Достоевский еще в Германии, а в Петербурге допрашивают его брата Михаила! **Два редактора:** как Достоевский редактировал Мещерского? **Уроки полемики:** каким образом критик и оппонент Буренин стал товарищем Достоевского? **Скандалы в мемуарах о Достоевском:** поэзия и действительность, или литература в жизни. **Сто лет назад:** как пытались разобраться с Достоевским в дни первого столетнего юбилея. **Достоевский в Сетях:** Как измерить глубину цифрового текста? Какие новые методы пригодятся в изучении его рукописей?

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH

JOURNAL 2021 Vol. 8 No. 3

Sensation: The names of those who helped Natalia Fonvizina in Tobolsk have been revealed! The name of the valiant gendarme captain is Alexander Smalkov! **Summer impressions of London:** Why did the tourist Dostoevsky visit Herzen? **The Verzhbolovo raid:** Dostoevsky is still in Germany, while his brother Mikhail is being interrogated in St. Petersburg! **Two editors:** How did Dostoevsky edit Meshchersky's work? **Lessons in polemics:** How did Dostoevsky's critic and opponent Burenin become his comrade? **Scandals in Dostoevsky's Memoirs:** Poetry and Reality, or Literature in Life. **A hundred years ago:** How did they try to make sense of Dostoevsky during the first centennial anniversary? **Dostoevsky Online:** How can the depth of a digital text be measured? What new methods will be useful in studying his manuscripts?

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2021

Том 8 № 3

Журнал имеет целью открытие новых перспектив в изучении биографии и творчества Ф. М. Достоевского, публикует оригинальные биографические и текстологические исследования, неизвестные архивные материалы, посвященные гениальному русскому писателю и его окружению

Основан в июле 2013 г.

Восьмой год издания

Выходит ежеквартально

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ

Индексируется в Web of Science (ESCI), Scopus, Erih Plus, EBSCOhost

и др.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

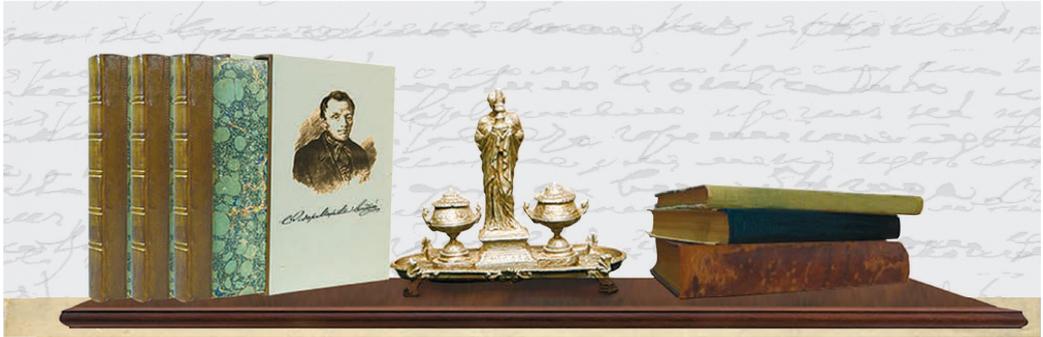
Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров —

доктор филологических наук, профессор

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

2021

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2021

Vol. 8 No. 3

The journal aims to open new perspectives in the study of the biography and work of F. M. Dostoevsky. It publishes original biographical and textual research findings and unknown archival materials dedicated to the brilliant Russian writer and his entourage.

Established in May 2013

The journal is published quarterly

Indexed in Web of Science (ESCI), Scopus, Erih Plus, EBSCOhost
and others

All the submitted articles are reviewed

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov

Doctor of Philology, Professor

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2021

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров (Москва, Петрозаводск, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин (Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Геригк Хорст-Юрген (Гейдельберг, Германия) — PhD, профессор

Ирэн Зохраб (Веллингтон, Новая Зеландия) — PhD, профессор

Вильям Милс Тодд III (Кембридж, США) — PhD, профессор

Дебора Мартинсен (Нью-Йорк, США) — PhD, профессор

Борис Николаевич Тихомиров (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доктор филологических наук

Виктор Федорович Молчанов (Москва, Россия) — доктор исторических наук

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ (Верона, Италия) — PhD, доцент

Кэрол Аполлоньо (Дарем, США) — PhD, профессор

Владимир Александрович Викторovich (Коломна, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Каталин Кроо (Будапешт, Венгрия) — PhD, профессор

Луи Аллен (Лилль, Франция) — PhD, профессор

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Российская Федерация) — кандидат филологических наук

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk, Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Editorial staff

Igor L. Volgin (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Horst-Jürgen Gerigk (Heidelberg, Germany) — PhD, Professor

Irene Zohrab (Wellington, New Zealand) — PhD, Professor

William Mills Todd III (Cambridge, USA) — PhD, Professor

Deborah Martinsen (New York, USA) — PhD

Boris N. Tikhomirov (St. Petersburg, Russian Federation) — Doctor of Philology,

Victor F. Molchanov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences

Editorial board

Stefano Aloe (Verona, Italy) — PhD, Associate Professor

Carol Apollonio (Durham, USA) — PhD, Professor

Vladimir A. Viktorovich (Kolomna, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Katalin Kroó (Budapest, Hungary) — PhD, Professor

Louis Allain (Lille, France) — PhD, Professor

Pavel E. Fokin (Moscow, Russian Federation) — PhD

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Д. Маскевич, Б. Н. Тихомиров

- «...Когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге»: Достоевский в Тобольске 9–20 января 1850 г. 5

И. Л. Волгин

- Достоевский как турист (1862): открытие Европы или тайный визит к Искандеру? 31

О. В. Захарова

- Дело 1862 года о литераторе Достоевском..... 72

Д. Д. Бучнева

- «Живаго мѣста не оставиль»: как Достоевский редактировал статью о Тютчеве в «Гражданине» 94

А. А. Прощенко

- Ф. М. Достоевский в пристрастных мнениях фельетониста и критика В. П. Буренина 107

П. Е. Фокин

- Забывтые воспоминания о Ф. М. Достоевском в собрании А. Г. Достоевской 136

Д. Е. Куликова

- Столетний юбилей Ф. М. Достоевского в контексте советской прессы 156

В. Н. Захаров

- Перспективы цифрового Достоевского 183

Н. А. Тарасова, И. А. Мбого, В. В. Захаркина

- Новые методы изучения творческого наследия Ф. М. Достоевского: на материале цифрового архива писателя 193

CONTENTS

E. D. Maskevich, B. N. Tikhomirov

- “...As We Were Awaiting Our Future Fate in Prison”: Dostoevsky in Tobolsk
on January 9–20, 1850 5

I. L. Volgin

- Dostoevsky as a Tourist (1862): The Discovery of Europe or a Secret Visit
to Iskander?..... 31

O. V. Zakharova

- The 1862 Case of the Writer F. M. Dostoevsky 72

D. D. Buchneva

- “He Massacred the Article”: How Dostoevsky Edited an Article About Tyutchev
in “Grazhdanin” (“Citizen”) 94

A. A. Proshenko

- F. M. Dostoevsky in the Biased Opinions of the Feuilletonist and
Critic V. P. Burenin..... 107

P. E. Fokin

- Forgotten Memoirs About F. M. Dostoevsky in the Collection
of A. G. Dostoevskaya 136

D. E. Kulikova

- Centenary of F. M. Dostoevsky’s Birth in the Soviet Russian Press 156

V. N. Zakharov

- Prospects of Digital Dostoevsky..... 183

N. A. Tarasova, I. A. Mbogo, V. V. Zakharkina

- New Approaches to the Creative Heritage of F. M. Dostoevsky:
Based on the Materials from the Writer’s Digital Archive 193

Научная статья

УДК 930.25+821.161.1

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5503

**«...Когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге»:
Достоевский в Тобольске 9–20 января 1850 г.**

Е. Д. Маскевич¹, Б. Н. Тихомиров² ✉

¹ *Российский государственный исторический архив (РГИА)
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: spb-collects@yandex.ru

² *Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: btikhomirov@rambler.ru ✉

Аннотация. В статье с привлечением новых архивных материалов, дополненных критическим анализом существующих печатных источников, рассмотрены двенадцать дней пребывания Достоевского в тобольской пересыльной тюрьме с 9 по 20 января 1850 г. В центре внимания авторов свидание декабристок (Н. Д. Фонвизиной, П. Е. Анненковой и др.) с петрашевцами в квартире смотрителя Тобольского тюремного замка. По архивным источникам опубликован ряд документов, в которых фигурирует фамилия смотрителя острога (Иван Гаврилович Корепанов), по формулярному списку приведены биографические сведения об этом лице, которые дополнены свидетельствами мемуаристов. В свете новых данных сделан ряд важных уточнений в представлении о том, как проходило свидание в квартире И. Г. Корепанова. Развивая наблюдение В. Н. Захарова о том, что в подробном описании этой сцены, представленном в письме Н. Д. Фонвизиной, отсутствует упоминание о передаче петрашевцам Евангелий, авторами статьи приведены биографические сведения о жандармском капитане Александре Смалькове (Смолькове), который и выполнил по поручению Н. Д. Фонвизиной эту миссию — вручил Достоевскому и его товарищам по экземпляру Нового Завета, показав, как извлекать из переплета заклеенные в нем деньги и как прятать обратно. Приведены наблюдения, подтверждающие предположение о том, что именно при помощи Смалькова Н. Д. Фонвизина и М. Д. Францева договорились с жандармами Короленко и Насоновым, сопровождавшими Достоевского и Дурова в Омск, о свидании с петрашевцами на зимней дороге, в 8 верстах от Тобольска, и о передаче письма И. В. Ждан-Пушкину с просьбой о помощи сыльным по их прибытии в Омский острог.

Ключевые слова: Достоевский, Тобольск, Новый Завет, смотритель острога Корепанов, декабристы, Фонвизина, Францева, жандарм Смальков

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90019 Достоевский («Нерешенные вопросы научной биографии Ф. М. Достоевского: новые печатные и архивные источники»).

Для цитирования: Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. «...Когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге»: Достоевский в Тобольске 9–20 января 1850 г. // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 3. С. 5–30. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5503

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5503

“...As We Were Awaiting Our Future Fate in Prison”: Dostoevsky in Tobolsk on January 9—20, 1850

Ekaterina D. Maskevich ¹, Boris N. Tikhomirov ²✉

¹ *The Russian State Historical Archive
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: spb-collects@yandex.ru

² *The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: btikhomirov@rambler.ru ✉

Abstract. The article uses new archival materials, supplemented by a critical analysis of existing printed sources, to analyze Dostoevsky’s 12-day stay in the Tobolsk transit prison on January 9–20, 1850. The authors focus on the meeting of the Decembrists’ wives (N. D. Fonvizina, P. E. Annenkova, etc.) with the Petrashevites in the apartment of the caretaker of the Tobolsk prison castle. According to archival sources, a number of documents that state the name of the prison warden (Ivan Gavrilovich Korepanov) have been published, and his biographical information is provided according to the form list, supplemented by the testimonies of memoirists. In the light of the new data, a number of important clarifications were made to the narrative of the meeting in the apartment of I. G. Korepanov. V. N. Zakharov observed that there is no mention of the transfer of the Gospels to the Petrashevites in the detailed description of this scene, presented in the letter by N. D. Fonvizina. The authors further develop this observation, providing biographical information about the gendarme captain Alexander Smalkov (Smolkov), who performed this mission on behalf of N. D. Fonvizina, by handing Dostoevsky and his comrades copies of the New Testament, and showing how to extract the money glued inside it from the binding and how to hide it again. They cite observations that confirm the assumption that Smalkov assisted N. D. Fonvizina and M. D. Frantseva to negotiate with gendarmes Korolenko and Nasonov. The latter two accompanied Dostoevsky and Durov to Omsk, and arranged for them to meet with the Petrashevites on the winter road, 8 versts from Tobolsk, and to send a letter to I. V. Zhdan-Pushkin asking for help for the exiles upon their arrival in the Omsk prison.

Keywords: Dostoevsky, Tobolsk, the New Testament, prison warden Korepanov, the Decembrists, Fonvizina, Frantseva, gendarme Smalkov

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 18-012-90019 Dostoevsky.

For citation: Maskevich E. D., Tikhomirov B. N. “...As We Were Awaiting Our Future Fate in Prison”: Dostoevsky in Tobolsk on January 9–20, 1850. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 5–30. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5381 (In Russ.)

---

24 декабря 1849 г., в Рождественский сочельник, ровно в девять часов вечера (очевидец свидетельствует, что на колокольне как раз проиграли куранты¹⁾), раскрылись ворота Петропавловской крепости и из них одни за другими выехали четверо саней. В первых санях ехал фельдъегерь Кузьма Прокофьевич Прокофьев, в остальных — трое политических преступников — Сергей Дуров, Иван Ястржембский и Федор Достоевский, каждый с сопровождающим жандармом. Путь предстоял долгий — в Сибирь, в Тобольскую пересыльную тюрьму.

Их везли пятнадцать дней, все Святки прошли в дороге. Мороз доходил до 40 градусов Реомюра²⁾. Путники промерзли до костей. Спасибо фельдъегерю Прокофьеву, который на одной из станций, когда меняли лошадей, пересадил заключенных в закрытые сани. На шестнадцатый день пути, 9 января, въехали в Тобольск. Проехали в нагорную часть города, где стоял Тюремный замок и располагалась каторжная пересылка. Куда отправят дальше, будет решаться именно здесь.

Остановились у подъезда большого каменного здания, еще не совершенно отстроенного. Для новоприбывших арестантов всё было ново. Но бывалый старик-фельдъегерь ориентировался хорошо. От ворот повел политических преступников в канцелярию Приказа о ссыльных — оформляться. Сдав их с рук на руки местным властям, получил «Квитанцию № 29»:

«Дана сия из Тобольского приказа о ссыльных фельдъегерю поручику Прокофьеву в том, что следующие при отношении господина дежурного генерала главного штаба Его Императорского Величества генерал-адъютанта Игнатьева, от 24 декабря 1849 года за № 1031 преступники: Сергей Дуров, Федор Достоевский и Иван Ястржембский приняты приказом о ссыльных сего девятого января тысяча восемьсот пятидесятого года.

Управляющий Тобольским приказом о ссыльных

надворный советник *Павел Кравчуновский*

Заседатель приказа о ссыльных

титулярный советник *Максим Пребстинг*

В должности заседателя приказа о ссыльных

коллежский регистратор *Иван Анненков*³⁾

У сего Тобольского приказа о ссыльных

печать» [Гроссман: 704].

Отметим: П. П. Кравчуновский, М. К. Пребстинг и И. А. Анненков — первые должностные лица на тобольской пересылке, с которыми суждено

¹⁾ См.: (Милюков: 270).

²⁾ Минус 40° по шкале Реомюра, принятой в XIX в. в России, равняется 50° мороза по шкале Цельсия.

³⁾ Фамилии подписавших квитанцию заседателей уточнены нами по изд.: (Адрес-календарь, 2: 152).

было по прибытии в Тюремный замок столкнуться Достоевскому и его товарищам по несчастью. Третий из них — ссыльный декабрист Иван Анненков — сам двадцать три года назад, в январе 1827 г., так же, как и петрашевцы, был доставлен в Сибирь в ножных кандалах.

Из Приказа о ссыльных Достоевского, Дурова и Ястржембского повезли «в старый острог, огромное одноэтажное деревянное здание, окруженное высокою каменной оградой» (*Львов*: 108). Здесь новая встреча — со зрителем Тобольского тюремного замка. В его канцелярии внимание петрашевцев привлекли «чиновники, занимающиеся письмоводством. Эти лица были в арестантских армяках; у некоторых из них на лбу и щеках видны были буквы: К. А. Т.; у других, с вырезанными ноздрями, лицо и лоб были помечены буквами: В. О. Р. Физиономии были à l'avenant⁴⁾...» (*Биография*: 125 (1-я паг.)).⁵⁾ Очевидно, это были ссыльнопоселенцы, бывшие каторжники. Всё это было в новинку и ошарашивало.

Кроме зрителя острога, из представителей власти присутствовали прокурор (Д. И. Францев), почтмейстер (П. И. Булах)⁶⁾ «и еще какой-то начальник» (*Биография*: 125–126 (1-я паг.)). В их присутствии был произведен обыск новоприбывших арестантов и досмотр их вещей. Всё непопущенное в остроге было конфисковано. Сам Достоевский об этом моменте своего поступления в тюремный замок упомянул кратко: «11 января [так!] мы приехали в Тобольск, и после представления начальству и обыска, где у нас отобрали все наши деньги, были отведены, я, Дуров и Ястржембский, в особую каморку...» (*ДЗ*; 28₁: 169). Так началось двенадцатидневное пребывание Достоевского в Тобольске⁷⁾.

Зритель острога, как и вся обстановка в Тобольском тюремном замке, произвели на Достоевского и его товарищев удручающее впечатление⁸⁾. В это время они еще и предположить не могли, что именно в квартире этого неприветливого старика-чиновника⁹⁾ им суждено будет пережить самые радостные и светлые минуты за всё время пребывания в Тобольске. Достоевский, спустя без малого четверть века, вспоминал об этом событии так:

«...в Тобольске, когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге на пересыльном дворе, жены декабристов умолили зрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами. Мы увидели этих великих страдалец, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили всё: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали

⁴⁾ соответственными (*фр.*).

⁵⁾ Курсивные выделения в цитатах принадлежат цитируемым авторам, полужирные — авторам настоящей статьи.

⁶⁾ Фамилия губернского почтмейстера установлена по изд.: (*Адрес-календарь*, 1: 183).

⁷⁾ Сам писатель через четыре года в письме к брату Михаилу ошибочно писал о шести днях пребывания в Тобольске (см.: *ДЗ*; 28₁: 169).

⁸⁾ См. ниже фрагменты воспоминаний И. Л. Ястржембского.

⁹⁾ Описания облика зрителя Тобольского тюремного замка будут приведены ниже.

для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чем неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли всё, что перенесли их осужденные мужья. Свидание продолжалось час» (ДЗ0; 21: 12).

Их «участие, живейшая симпатия почти целым счастьем наградили нас», — еще раньше делился он переживанием этих минут с братом Михаилом (ДЗ0; 28;: 169).

В памятной записке, приложенной к сделанной рукой жены писателя копии запрещенной цензурой главы «Старина о петрашевцах», предназначенной для январского выпуска «Дневника писателя» 1877 г., А. Г. Достоевская, также упомянув встречу петрашевцев с декабристками в квартире смотрителя острога, высказала предположение, что тот, вероятно, был подкуплен декабристками (возможно, так считал и сам Достоевский)¹⁰⁾. Однако, как установил В. Н. Захаров, никакого подкупа, скорее всего, не было (об этом речь пойдет ниже).

Хотя в мемуарной и исследовательской литературе о смотрителе Тобольского тюремного замка (как официально именовалась эта должность) можно найти некоторые сведения, личность человека, предоставившего свой дом в качестве места свидания Достоевского и его товарищей с женами декабристов, до сих пор не привлекала должного внимания биографов писателя.

Не называя имени смотрителя, о нем пишет, например, в своих воспоминаниях дочь тобольского прокурора М. Д. Францева:

«Смотрителем острога был очень скромный, простой чиновник старичок. Он настолько был робок, что, зная вспыльчивый характер моего отца, приезжая ежедневно с рапортом о состоянии острога и входя со страхом к нему в кабинет, читал постоянно вполголоса молитву „Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его» (Францева: 622).

Впрочем, с обитателями острога смотритель вел себя по-другому.

В записках петрашевца Ф. Н. Львова так описана первая встреча по прибытии в Тобольск со смотрителем острога:

«Через несколько минут меня привезли в старый острог, огромное одноэтажное деревянное здание, окруженное высокою каменной оградой. Передо мной как из земли вырос седенький старичок, аршин двух ростом, с черствою, как высушенный гриб, физиономиею, и велел мне идти за собою. Мы вошли в какую-то грязную комнату, где начался осмотр моей особы <...>. Заметив на груди моей образок, седенький старичок хотел его снять, в том предположении, что он золотой; мне очень трудно было уверить его, что

¹⁰⁾ См.: РГАЛИ. Ф. 212.1.155.

образок только вызолочен и не имеет большой ценности ни для кого, кроме меня, как благословение матери. “Покажи ногу”, — сказал старичок. — Я поднял ее на обрубок дерева, служивший, между прочим, вместо стула в острожной канцелярии. Он потрогал с видом знатока мои тяжелые оковы и закричал: “Кузнеца!” У меня блеснул луч надежды, что меня раскуют и я в состоянии буду переменять нижнее белье <...> но шипящий хриплый голос: “Заковать его покрепче” — разрушил мои мечты. По окончании операции закования моих ног <...> седой старичок, **оказавшийся смотрителем**, и караульный унтер-офицер повели меня через большой и маленький двор и посадили в каморку...» (*Львов*: 108–109).

«А впрочем, — продолжал Львов, — старичок мой, — нет спору, — был хотя черствый и жестокий человек, но имел же и человеческие чувства. Арестанты даже любили его, как, например... дикие звери в клетках любят хозяина зверинца. Он для них был удобен. За этим никто не гнался, что он отдерет на обе корки, что называется, если попадешься; но было для них то хорошо, что он иногда на многое смотрел сквозь пальцы, а в случаях важных всегда умел вовремя замять дело» (*Львов*: 126).

Правда, записки Львова написаны в художественной форме и ведутся от чужого лица (как в «Записках из Мертвого Дома» Достоевского). Но автобиографический характер его повествования не вызывает сомнений. И портрет смотрителя острога, нарисованный им, весьма близок мемуарной зарисовке другого петрашевца — И. Л. Ястржембского, который был доставлен в Тобольскую пересыльную тюрьму вместе с С. Ф. Дуровым и Достоевским на следующий день после Ф. Н. Львова. Причем в своих мемуарах, что для нас особенно ценно, Ястржембский величает смотрителя острога по имени и отчеству:

«Мы прибыли в Тобольск... и были приведены в огромную залу, в которой приготавливали к отправлению *партии*. Там было собрано до трехсот мужчин, женщин и детей разных возрастов и племен; одних заковывали в кандалы, других нанизывали на железный прут, третьим брили головы. <...> Мы были переданы в руки смотрителя острога...»

Пропутешествовав всю ночь и часть дня на сорокаградусном морозе, не удивительно, что я с представлением о приезде в Тобольск соединял понятие о кое-каком теплом приюте и горячем чае. На вопрос мой: “Можно ли в остроге, куда нас вели, получить самовар?” — **Иван Гаврилович (смотритель)** отвечал другим вопросом: “А как же вы будете делать путешествие по сибирским этапам? Нет у нас самовара!” Эти слова открывали передо мною перспективу пешего образа хождения, может быть, за тысячу верст. Тут же мне вспомнилась только что виденная картина приготовления к отправке *партии*» (*Биография*: 125 (1-я паг.)).

Далее события развивались по тому же «алгоритму», что и в изложении Ф. Н. Львова:

«**Иван Гаврилович** подошел к нам. “В кандалах?” — спросил он резко. “Да-с”, — отвечали мы. “Обыскать”, — скомандовал он. Мы подверглись обшариванию карманов, вызвавшему в наших лицах краску стыда и негодования. Тут же почтенный **Иван Гаврилович** конфисковал у меня почти полную бутылку хорошего рома, которую я купил было в Казани. Всё это не предвещало нам ничего хорошего» (*Биография*: 126 (1-я паг.)).

После обыска трех петрашевцев поместили в «узкую, темную, холодную, грязную» камеру: «В камере были нарвы и на них три грязные мешка, набитые сеном, вместо тюфяков, и такие же три подушки. Совершенная темнота». Горячий чай, тем не менее, узники получили, но отнюдь не от смотрителя острога. «Совершенно неожиданно, — продолжает мемуарист, — мы получили сальную свечку, спички и горячий чай, который нам показался вкуснее нектара (это произошло «по приказанию жандармского офицера, который оказался отчасти знакомым И. Л. Ястржембского»¹¹), комментирует составитель первой посмертной биографии Достоевского О. Ф. Миллер. — *Е. М., Б. Т.*) У Достоевского оказались превосходные сигары, которых, по счастью, недосмотрел почтенный Иван Гаврилович. В дружеской беседе мы провели большую часть ночи» (*Биография*: 126 (1-я паг.)).

Итак, имя смотрителя острога названо: Иван Гаврилович. Можно ли установить фамилию? Как ни странно, она известна. Применительно к описанному Ястржембским эпизоду ее называет в энциклопедическом словаре «Ф. М. Достоевский и его окружение» С. В. Белов¹²). В фонде Достоевского в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 212.1.123) хранится сделанная в 1934 г. копия «Дела Тобольского полицмейстера по секретной части 1850 года» (оригинал — в Тобольском филиале Госархива Тюменской области¹³), в котором содержится документ, гласящий, что смотритель тюремного замка *Корепанов* «сдал для сопровождения в Омск Достоевского и С. Ф. Дурова» [Белов, 1: 411]. С. В. Белов дает лишь ссылку на этот документ. Приведем его в полном виде:

---

¹¹) Отметим на будущее этого «отчасти знакомого» И. Л. Ястржембскому жандармского офицера.

¹²) Впрочем в статье, посвященной самому И. Л. Ястржембскому, где почти в полном объеме приведен тобольский эпизод из его воспоминаний, фамилия Корепанова не указана. Но фрагмент из мемуаров Ястржембского процитирован в статье об И. Г. Корепанове (см.: [Белов, 1: 411]).

¹³) Официальное название (с 2004 г.): Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».

«Его Высокоблагородию
Господину Тобольскому Полицеймейстеру¹⁴⁾

Смотрителя
Тобольского Тюремного Замка
Рапорт

Во исполнение предписания Вашего Высокоблагородия от 20 числа сего Генваря за № 19. Содержащихся во вверенном мне Замке преступников Сергея Дурова и Федора Достоевского закованными в ножных кандалах здал [так!] сего ж числа в час пополудни препровождаемым в Город Омск Унтер-Офицеру Тобольской жандармской команды Филипу [так!] Короленку и рядовому той же команды Ивану Насонову вместе с кормовыми деньгами и тетрадью на записку прихода и расхода под росписку [так!] их.

О чем Вашему Высокоблагородию сим почтительнейше честь имею донести
Смотритель тюремного замка Корепанов

№ 199

Генваря 20 дня
1850 года»¹⁵⁾.

Из копии этого документа и извлек С. В. Белов фамилию смотрителя острога. Однако данный рапорт в Деле отнюдь не первый, где фигурируют одновременно фамилии Достоевского и Корепанова. Для того чтобы «здать» политических преступников для отправки их в Омский острог, смотритель сначала должен был их, естественно, «принять». О чем и сообщается в более раннем рапорте:

«Его Высокоблагородию
Господину Тобольскому Полицеймейстеру

Смотрителя
Тобольского Тюремного Замка
Рапорт

Присланные при предписании из Тобольского приказа о ссыльных от 9 числа сего Генваря за № 30 доставленные в оный из Санкт-Петербурга фельдъегерем поручиком Прокофьевым преступники: Сергей Дуров, Федор Достоевский и Иван Ястрожемский [так!] каковые преступники во вверенный мне Замок приняты закованными в ножных кандалах и помещены на Подсудимом Дворе в особой комнате отдельно от прочих арестантов.

¹⁴⁾ Тобольским полицеймейстером был капитан Николай Андреевич Тецкий (см.: *Адрес-календарь*, 2: 152).

¹⁵⁾ ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 623. Л. 27–27 об. Благодарим за указание на место хранения этого документа Т. В. Панюкову.

О чем Вашему Высокоблагородию сим почтительнейше <честь имею> донести
Смотритель тюремного замка Корепанов.

№ 87

Генваря 9 дня

1850 года»¹⁶⁾.

Итак, в воспоминаниях И. Л. Ястржембского — *Иван Гаврилович*, в официальных документах — просто *Корепанов*. Правомочность же соединения названного мемуаристом имени и отчества с фамилией, почерпнутой из Дела Тобольского полицмейстера, подтверждает найденный С. В. Беловым формулярный список смотрителя Тобольского тюремного замка *Ивана Гавриловича Корепанова* (РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Ед. хр. 1278).

Парадокс ситуации, однако, заключается в том, что, привлекая, с одной стороны, мемуары Ястржембского, а с другой — указанные документы архивного хранения, составитель энциклопедического словаря в биографической статье об И. Г. Корепанове не упоминает ни прямо, ни косвенно, что именно по договоренности с ним и в его квартире Н. Д. Фонвизина и П. Е. Анненкова устроили встречу с Достоевским и другими петрашевцами. И наоборот, когда С. В. Белов пятикратно цитирует упомянутое свидетельство жены писателя о встрече с декабристками в доме смотрителя острога, там, в свою очередь, он не называет фамилии Корепанова (см.: [Белов, 1: 53, 340, 569; 2: 195, 364]). В столь важном, судьбоносном эпизоде биографии Достоевского оказалось «потерянным» имя одного из немало-важных участников события; из биографической же справки об этом лице выпал наиважнейший эпизод. Соединение имени Ивана Гавриловича Корепанова с хрестоматийным эпизодом жизнеописания писателя делается впервые в настоящей статье.

И. Л. Ястржембский дважды именует смотрителя острога «почтенным Иваном Гавриловичем». М. Д. Францева отзывается о нем как о «чиновнике старичке». Ф. Н. Львов описывает «седенького старичка, аршин двух ростом¹⁷⁾, с черствою, как высушенный гриб, физиономиею». Данные формулярного списка И. Г. Корепанова, на которые ссылается С. В. Белов, указывают, что он «службу начал 17 мая 1812 г. рядовым в Оренбургском линейном батальоне № 5» [Белов, 1: 411]. Значит, к началу 1850 г. смотритель острога уже почти сорок лет тянул служебную лямку. В октябре 1850 г., когда был составлен формулярный список¹⁸⁾, ему 60 лет. В словаре С. В. Белова указано, что он 1790 года рождения (см.: [Белов, 1: 411]).

¹⁶⁾ Там же. Л. 10–10 об.

¹⁷⁾ Если тут не содержится художественной гиперболы (точнее — литоты), И. Г. Корепанов оказывается почти карликом: его рост — чуть более 1 м 40 см.

¹⁸⁾ На титульном листе документа означено: «Формулярный список о службе смотрителя Тобольского тюремного замка губернского секретаря Корепанова. Составлен 18 октября 1850 года» (РГИА. Ф. 1349. Оп. 5, 1850 г. Ед. хр. 1278. Л. 306).

Несколько удивляет, что за сорок без малого лет службы И. Г. Корепанов дослужился только до чина XII класса — губернского секретаря. С. В. Белов из других формулярных данных указывает только, что Корепанов стал смотрителем Тобольского тюремного замка 13 июня 1844 г., то есть в возрасте 54 лет. Небезынтересным представляется ввести в научный оборот и другие биографические сведения об этом лице.

Итак, будучи по происхождению «из ямщиков Тобольской губернии» и получив «домашнее воспитание», И. Г. Корепанов 17 мая 1812 г. поступил на военную службу рядовым в линейный Оренбургский батальон № 5. Через три года, 20 мая 1815 г., был произведен в унтер-офицеры. С 1 мая 1816 г. служил в том же подразделении каптенармусом. Через пятнадцать лет он выслужил первый офицерский чин, будучи 17 февраля 1831 г. произведен в прапорщики с переводом в линейный Оренбургский батальон № 8 (в последующем Оренбургское казачье войско). Высший в своей армейской карьере чин поручика он получил почти в пятидесятилетнем возрасте — 28 августа 1838 г., исполняя должность батальонного казначея. Выйдя с 1 июля 1839 г. в отставку по болезни, без награждения следующим чином, Корепанов 17 августа 1839 г. был зачислен в штат Тобольской градской полиции, где, исполняя должность квартального надзирателя, 22 января 1842 г. был переименован указом Правительствующего Сената «в Губернские Секретари». 8 августа 1843 г. он вновь «был уволен по прошению в отставку», но менее чем через год, 13 июня 1844 г., «вследствие просьбы» управляющим Тобольскою губерниею «был вновь принят на службу и определен к исполнению должности Смотрителя Тобольского Тюремного Замка». А через пять месяцев, 7 ноября 1844 г., «утвержден настоящим Смотрителем», в каковой должности и пребывал в январе 1850 г.¹⁹⁾

Формулярный список заверен подписями Председателя Тобольского Губернского собрания <А. Н.> Владимировва, советников Николая Соколова, Степана Семенова и Ивана Чернякова. Подписан также исполняющим должность секретаря Иваном Забелиным²⁰⁾.

Вернемся, однако, к свиданию петрашевцев с женами декабристов в квартире 59-летнего смотрителя Тобольского тюремного замка губернского секретаря Ивана Гавриловича Корепанова. Выше уже было приведено предположение А. Г. Достоевской, по мнению которой смотритель острога, вероятно, был подкуплен декабристками. Записки Львова, давшего (пусть и в художественном повествовании) общую характеристику Корепанову, как будто поддерживают эту версию, когда он пишет, что смотритель «на многое смотрел сквозь пальцы, а в случаях важных всегда умел вовремя замять дело. **Конечно, это делалось не даром; но для ссыльно-каторжных было легче заплатить, чем подставлять свою спину под кнут**» (Львов: 126).

¹⁹⁾ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5, 1850 г. Ед. хр. 1278. Л. 306 об. – 311.

²⁰⁾ Там же. Л. 311.

Это прямое указание на то, что Иван Гаврилович был не прочь при случае «погреть руки». Но одно дело брать отступные с безгласных арестантов, и совсем другое — иметь дело с людьми, обладающими значительным весом в тобольском обществе. «...Жены декабристов умолили смотрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами», — вспоминает об этом событии сам Достоевский. Но «умолили», видимо, тоже не вполне соответствует действительности.

В. Н. Захаров, отвергая версию подкупа, приводит выразительное свидетельство того, что встреча дам из общества с арестантами в квартире смотрителя, о которой идет речь, была далеко не первой и что на должностное правонарушение (а весь эпизод надо квалифицировать именно так) Корепанов шел не из корысти, а, скорее, из того, что называется «ради страха иудейского»²¹⁾. М. Д. Францева в своих воспоминаниях рассказывает, как еще ранее, до появления петрашевцев в Тобольске, она однажды настояла на посещении острога и такой же встрече в квартире смотрителя с ссыльными поляками.

Посетив вместе с отцом-прокурором в секретном каземате пересыльной тюрьмы политических преступников-поляков, Францева прониклась к ним острой жалостью и задумала по возможности облегчить их участь. К этой акции она подключила Н. Д. Фонвизину, с которой была дружна. Вот как происходило дело:

«Когда мы с Натальей Дмитриевной приехали к обедне в острог, то увидели, что и поляки были тоже в церкви. По окончании службы, выходя, мы сказали им по-французски, что сейчас к ним зайдем. Хотя я и знала, что к политическим преступникам строго запрещено допускать кого бы то ни было, но, смело обратившись к караульному офицеру, сказала:

— Пропустите, пожалуйста, меня с Натальей Дмитриевной в секретные камеры к полякам.

Молоденький офицер смешался, не знал, что ответить.

— Ведь по закону не велено никого допускать к политическим преступникам, — отвечал он нерешительным голосом.

Я поторопилась воспользоваться его замешательством.

— Как, даже и с подаянием? — возразила я ему: — разве вы не знаете, что я в прошлый раз была уже там с моим отцом-прокурором, который не хуже вас знает законы?

Офицер поколебался...» (Францева: 620).

Так М. Д. Францева и Н. Д. Фонвизина проникли за «замкнутые чугунные решетчатые ворота, отделяющие секретный двор». Но это было только начало. После первой встречи и беседы с поляками дамы убедились, в каком

---

²¹⁾ Ниже мы используем ценные наблюдения В. Н. Захарова, приведенные им в статье: [Захаров, 2012: 76–77].

ужасном положении те находились. Узнав, в чем польские арестанты нуждались, особенно перед отправкой в дальнюю зимнюю дорогу, они «с Натальей Дмитриевной старались пополнить их недостатки, чем могли; она накупила им сапогов, теплых перчаток, шапок, белья и разных необходимых вещей для дороги»; Францева «со своей стороны взялась собрать некоторую сумму денег для мелких их расходов в таком дальнем пути...» (Францева: 621). Но всё это как-то надо было передать арестантам, не вызывая подозрений начальства. «Один план, — пишет мемуаристка, — показался мне более удобоисполнимым, на котором я и остановилась». Она решилась воспользоваться робостью Корепанова перед ее отцом, о чем уже выше упоминалось:

«...Когда однажды он выходил от отца, я подошла к нему с просьбою, чтоб он принял меня с Натальей Дмитриевной Фон-Визиной в этот вечер у себя на квартире в остроге. Бедный старик был очень удивлен таким небывалым моим заявлением».

Но отказать дочери прокурора не посмел.

«Часов в шесть вечера, — продолжает Францева, — мы с Н. Д. уже остановились у ворот острога. Часовой не пропускал нас, но мы сказали, что приехали в гости к смотрителю; тогда часовой, не отворяя ворот, передал другому часовому, стоявшему внутри двора, другой — третьему и так далее, пока не дошло до смотрителя. Разрешение пропустить нас передавалось тем же порядком...».

Так и на этот раз дамы оказались на территории острога.

«На пороге своей квартиры встретил нас смотритель. Войдя в комнату, я передала ему цель нашего посещения. “Пожалуйста, устройте нам свидание с заключенными поляками”, — обратилась я к нему. — “Да это невозможно, в настоящее ночное время никого нельзя допускать к ним в камеры”, — отвечал он мне растерянным голосом. — “Так приведите их сюда, ведь вы имеете полное право потребовать их к себе, когда хотите”, — настаивала я. И добрый старичок, не смея отказать просьбе дочери своего начальника, скрепя сердце согласился» (Францева: 622).

На этом можно остановиться. Сама встреча с политическими арестантами-поляками в квартире смотрителя острога сейчас не имеет для нас специального интереса. Она важна, выражаясь юридическим языком, в качестве прецедента. М. Д. Францева акцентирует «скромность» в этой истории бедного старичка Ивана Гавриловича. Точнее здесь говорить о робости маленького (не только ростом) чиновника XII класса перед дочерью его превосходительства, господина прокурора, переступая порог кабинета которого Корепанов читал от страха молитвы.

В аналогичной истории с петрашевцами дочь прокурора Маша Францева участия не принимала. Но, повторим, здесь важен *прецедент*. Нарушив установленный порядок единожды, робкий смотритель острога оказался уже «повязанным», не смея отказать в подобной же просьбе повторно. И не случайно здесь ключевой фигурой оказывается Наталья Дмитриевна Фонвизина, которая всегда могла напомнить губернскому секретарю Корепанову, что он уже однажды совершил подобное правонарушение.

Завершая свои наблюдения схожим выводом, В. Н. Захаров пишет: «Повидимому, так было и в этот раз». Но прибавляет: «Впрочем, в январе 1850 г. в остроге был другой смотритель: “Офицер был из кадетов и предобрый юноша”» [Захаров, 2012: 77]. Мы, однако, знаем, что И. Г. Корепанов служил в должности смотрителя Тобольского замка с мая 1844 г. Относить историю с поляками к более раннему времени у нас нет никаких оснований. И тогда возникает вопрос: как могло возникнуть подобное недоразумение? В поисках ответа на этот вопрос надо еще раз проанализировать источники и внимательнее присмотреться к другим участникам события.

Наиболее подробно эта встреча описана в письме Н. Д. Фонвизиной от 18–22 мая 1850 г. из Тобольска в село Марьино Бронницкого уезда к брату мужа И. А. Фонвизину. Впервые интересующие нас фрагменты этого обширного письма были опубликованы С. В. Житомирской в 1956 г. [Житомирская: 618–622] и после этого неоднократно перепечатывались. Полностью письмо опубликовано Е. Вяль и Л. Алексеевой в 2015 г. в электронном журнале «Неизвестный Достоевский» [Алексеева, Вяль: 54–64].

Приступая к изложению событий, в ходе которых Н. Д. Фонвизина в январе 1850 г. неоднократно встречалась с находящимися в Тобольском тюремном замке петрашевцами, она отмечает, что уже ранее «наши», то есть находящиеся на поселении в Тобольске декабристы, в том числе ее муж Michel (М. А. Фонвизин), «приняли дѣятельное участіе въ ихъ бѣдствіяхъ. Снабдили всѣмъ нужнымъ — и сношенія сначала этимъ только и ограничились» [Алексеева, Вяль: 55]. Кого Наталья Дмитриевна называет «нашими»? В биографической литературе о Достоевском принято говорить о «женах декабристов». В. Н. Захаров справедливо пишет о том, что «в их (то есть женщин-декабристок. — *Е. М., Б. Т.*) тени остались незаметны тобольские декабристы: М. А. Фонвизин, И. А. Анненков, П. Н. Свистунов, А. М. Муравьев, Ф. Б. Вольф... Кто еще?» [Захаров, 2015: 49] Как видим, действительно, изначально в помощи петрашевцам принимал участие М. А. Фонвизин. Служивший врачом Приказа общественного призрения в Тобольске Г. М. Мейер, общавшийся по долгу службы с заключенными петрашевцами, свидетельствует: «...в них [петрашевцах] приняла участие публика, особенно декабристы, жившие в Тобольске: Анненков, Муравьев, Свистунов, два Пушкина (имеются в виду братья Н. С. и П. С. Бобрищевы-Пушкины. — *Е. М., Б. Т.*), посылали им белье и т. п.» (*Маркевич*: 50). Выше нами приведен документ — Квитанция, выданная Тобольским Приказом о ссыльных

фельдъегерю К. П. Прокофьеву о доставке в Тобольск «преступников Дурова, Достоевского и Ястржембского», подписанная управляющим Приказом Павлом Кравчуновским и служившим в должности заседателя Иваном Анненковым. Значит, декабрист И. А. Анненков одним из первых должен был узнать в Тобольске о прибытии в пересыльную тюрьму М. В. Петрашевского и его товарищей, и все остальные «наши», принявшие участие в облегчении участи петрашевцев, скорее всего, самую первую информацию получили именно от него. Сам Достоевский как будто называл жене имя декабриста П. Н. Свистунова²². И тем не менее в письме к брату Михаилу, написанном вскоре после выхода из острога, вспоминая о пребывании в Тобольске, Достоевский писал, делая важную оговорку: «Ссылные старого времени (**то есть не они, а жены их**) заботились об нас, как о родне» (ДЗ0; 28; 169). Конечно, заключенным в остроге петрашевцам трудно было объективно уяснить, кто и чем им помогал на воле: в память врезались прежде всего встречи с декабристками и их сердечное участие в судьбе арестантов.

Тем не менее повторим в несколько расширенном виде уже процитированные слова из письма Н. Д. Фонвизиной:

«Признаюсь что я даже не искала съ ними сближенія. — Другіе изъ нашихъ и Michel приняли дѣятельное участіе въ ихъ бѣдствіяхъ. Снабдили всѣмъ нужнымъ — и сношенія сначала этимъ только и ограничились. <...> Смотритель и семейство его (имеется в виду жена И. Г. Корепанова — Мавра Яковлевна: детей у них не было. — Е. М., Б. Т.) были уже въ сношеніи съ нашими по случаю передачи съѣстныхъ припасовъ, бѣлья и платья нужнаго» [Алексеева, Валь: 55].

Значит, когда Наталья Дмитриевна приняла участие в деле помощи петрашевцам, смотритель острога был уже подключен к этой «гуманитарной акции».

²² Если только в памятной записке А. Г. Достоевской правильно зафиксирована фамилия этого декабриста и имеется в виду именно Петр Николаевич Свистунов, а не его жена Татьяна Александровна (урожд. Неугодникова). В этом документе, никогда в полном объеме не публиковавшемся, А. Г. Достоевская, перечисляя тех, с кем встретились петрашевцы, пишет: «Въ сопровожденіи конвойныхъ они были приведены въ квартиру смотрителя острога <...> и тамъ-то находились, какъ бы въ гостяхъ у смотре<ля>, жены декабристовъ, Анненков[а]{ы} (мать и дочь, впоследствии Иванов<а>), Муравьева, Фонъ Визинъ [так!] и Свистуновъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.155). В этой записи не только парадоксально (описка?) фамилия Натальи Дмитриевны поставлена в форме мужского рода, но и после фамилии Свистунова стоит стенографический значок «кажется», являвшийся у жены писателя выражением сомнения (за последнее указание благодарим петрозаводскую исследовательницу О. А. Сосновскую, специально изучавшую систему стенографии А. Г. Достоевской). В этой связи отметим, что в воспоминаниях жены писателя при упоминании встречи в квартире смотрителя острога названы только женщины — мать и дочь Анненковы, Фонвизина и Муравьева, а о Свистунове нет ни слова (см.: *Достоевская*: 427). Ж. А. Муравьева в этом мемуарном свидетельстве ошибочно названа Муравьевой-Апостол).

«Нашими» (кем именно, Фонвизина не называет) ей было поручено постараться каким-либо образом передать собранные деньги «Главному изъ нихъ Петрашевскому — который содержался всѣхъ строжѣе [так!]» [Алексеева, Вяль: 55]. Интересно, что в письме к И. А. Фонвизину Наталья Дмитриевна пишет, что она сначала не знала, как приступить к этому делу (как будто у нее не было опыта проникновения в острог с Машей Францевой, когда они оказывали помощь ссыльным полякам). По ее свидетельству, только совет служившего в остроге Ипполита Кашкадамова, с которым была в приятельских отношениях ее «няня»²³⁾, подсказавшего, что к заключенным можно пройти «под видом раздачи милостыни», помог найти решение поставленной задачи. Петрашевский в это время находился в тюремной больнице. М. Д. Францева сообщала, что в отличие от «секретного двора» в больницу можно было пройти беспрепятственно²⁴⁾. Н. Д. Фонвизина пишет деверю, что Петрашевский «содержался всѣхъ строжѣе». Тут опять нам видится определенная неувязка. Но так или иначе, а совет Кашкадамова сработал, и встреча с Петрашевским состоялась.

Рассказав в письме подробно о свидании с Петрашевским, Н. Д. Фонвизина затем сообщает, как под тем же предлогом раздачи подавания она проникла в камеру, где находились петрашевцы Николай Спешнев, Феликс Толль, Николай Григорьев и Федор Львов. Общение с ними продолжалось более часа. Конвоир, впустивший ее, из осторожности запер дверь и сам вскоре сменился, передав ключи и не сообщив своему товарищу о нахождении в камере посторонних. Затем произошла одновременно драматическая и курьезная история, о которой Наталья Дмитриевна повествует так:

«Мы слышали шумъ и говоръ но не обратили вниманія — вдругъ шумъ усилился, слышимъ отпираютъ и входятъ: дежурный офицѣръ съ жандармскимъ капитаномъ. — Няня такъ испугалась что сдѣбался понось — но подивитесь что я не только не испугалась но даже не сконфузилась — и привставъ поклонилась знакомому жандарму назвавъ его по имени. — Мнѣ и мысли никакой не пришло о послѣдствіяхъ. Жандармъ потѣрялся сталь спрашивать о М. А. (Фонвизина. — Е. М., Б. Т.) здоровьѣ<, > я сказала что была у обѣдни и зашла спросить у Господъ не нужно ли имъ чего на дорогу. <...> Смольковъ жандармъ говорилъ мнѣ послѣ, что моя смѣлость такъ его поразила, что онъ рѣшился содѣйствовать намъ — и сдѣржалъ слово» [Алексеева, Вяль: 57–58].

Запомним это новое имя — жандармский капитан Смольков.

²³⁾ Имеется в виду старушка Матрена Петровна Нефедова, бывшая няней Н. Д. Фонвизинной (урожд. Апухтиной) в ее детские годы и добровольно поехавшая за ней в Сибирь. Присутствовавшую при встрече петрашевцев с декабристами Нефедову тоже необходимо отнести к лицам, которые должны быть зарегистрированы в энциклопедическом словаре «Ф. М. Достоевский и его окружение». Но там она отсутствует.

²⁴⁾ Описывая посещение с Н. Д. Фонвизинной арестанта Зыкова, она замечает: «В больницу допускали всех, и могли быть там без всяких опасений» (Францева: 624).

«После *этаго*, — продолжает письмо Н. Д. Фонвизина, — намъ уже невозможно было не принимать живѣйшаго участія во всѣхъ этихъ бѣдныхъ людяхъ и не считать ихъ своими. Дамы наши явились ко мнѣ узнать удалось ли мнѣ доставить деньги. Мы положили подъ вечеръ переодѣвшись въ сопровожденіи няни ѣхать къ смотрителю» [Алексеева, Вяль: 58].

В этом пассаже в легкости, с которой без рассуждений и опасений было принято решение организовать встречу с петрашевцами в доме смотрителя, напротив, как раз сказывается прежний опыт свиданий с польскими арестантами, известный нам из рассказа М. Д. Францевой. Цепь часовых у чугунных решетчатых ворот при входе в острог теперь уже никого не смущает: известно, как преодолеть это препятствие.

С другой стороны, надо сказать, что в этой части письма Н. Д. Фонвизинной изложение событий как-то ускоряется, лишается подробностей. И именно в связи с этим, как представляется, возникло то недоразумение в исследовании В. Н. Захарова, о котором выше шла речь.

Приведем соответствующий фрагмент письма, отступив несколько назад.

«Мы, — повторим еще раз последнюю фразу Н. Д. Фонвизинной, — положили подъ вечеръ переодѣвшись въ сопровожденіи няни ѣхать къ смотрителю. — Офицѣръ былъ изъ кадетовъ и предобрый юноша. Тутъ же пріѣхалъ и одинъ изъ служащихъ офицѣровъ при строительной комисіи — короткой пріятель Львову — (теперь уже онъ покойный) и этотъ присоединился къ намъ въ желаніи видѣть узниковъ. Смотритель и офицѣръ согласились на нашу просьбу и сначала привели Петрашевскаго одного. Онъ былъ съ нами довольно долго — мы его угощали²⁵⁾. Смотритель подчивалъ чаемъ. <...> Этаго увѣли и привѣли 4хъ съ которыми я сидѣла взаперти,> ихъ не приказано было сводить вмѣстѣ съ Петрашевскимъ и съ тремя остальными — намъ стало жаль что трое остальныхъ какъ бы покинуты. Становилось поздно и няня вздумала просить офицѣра чтобы и остальныхъ привѣли не уводя еще этихъ. Тотъ взялъ на свой страхъ...» [Алексеева, Вяль: 58]²⁶⁾.

²⁵⁾ В. Н. Захаров задается вопросом: какого числа могла происходить эта встреча в квартире смотрителя? По расчетам исследователя, «тайное свидание» могло состояться в воскресенье 15 января, а передача книг и денег в переплете — в любой из дней с 16 по 19 января» [Захаров, 2015: 44]. Решая этот вопрос, необходимо учитывать, что Петрашевский был отправлен в Иркутск в семь часов вечера 17 января, Спешнев и Григорьев (также в Иркутск) — 18 января, Львов (в Иркутск) и Толль (в Томск) — 19 января (ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 623. Л. 15–15 об., 19, 20, 23–23 об.). Значит, в самом деле, встреча не могла иметь место позднее 16 января (канун отправки Петрашевского). Евангелия же, — если они действительно были подарены *всем восьмерым* петрашевцам, — должны были передаваться до дня отправки, возможно — в несколько приемов, в период с 17 января (в день отправки Петрашевского) по 20 января (день отправки Достоевского, Дурова и — ближе к полуночи — Ястржембского).

²⁶⁾ Интересно, что не смотритель острога отдает распоряжение привести трех оставшихся петрашевцев, а офицер охраны соглашается исполнить просьбу декабристок «на

Знание нами формулярных данных о 59-летнем губернском секретаре Иване Гавриловиче Корепанове, бывшем смотрителем Тобольского тюремного замка, по крайней мере, до осени 1850 г., обостряет восприятие этого места из письма Н. Д. Фонвизиной. Тире между первой и второй фразой поставлено автором письма не случайно. Не обладая теми сведениями о смотрителе острога, которые приводятся в настоящей статье, В. Н. Захаров, очевидно, воспринял два предложения процитированного эпистолярного текста как единое целое, не придавая должного значения разделяющему их тире (которое в синтаксисе XIX в. нередко выполняло роль абзаца): «Мы положили подъ вечеръ переодѣвшись въ сопровожденіи няни ѣхать къ смотрителю. — Офицѣръ былъ изъ кадетовъ и предобрый юноша...» В прочтении В. Н. Захарова смотритель острога и юноша офицер оказались одним и тем же лицом. Зная мемуары М. Д. Францевой, где смотритель острога в истории с поляками — «очень скромный, простой чиновник старичок», исследователь, чтобы снять противоречие, сделал напрашивающийся вывод: «Впрочем, в январе 1850 г. в остроге был другой смотритель».

Правда, фраза в последующем изложении: «**Смотритель и офицѣръ** согласились на нашу просьбу и сначала привели Петрашевскаго...» — как будто должна была подсказать исследователю, что «офицѣръ... изъ кадетовъ и предобрый юноша» — это иное лицо, нежели смотритель острога: по видимому, он обеспечивал доставку петрашевцев из тюремных камер в квартиру смотрителя и обратно. Но здесь запутывает ситуацию *еще один офицер*, присутствовавший при встрече, — «короткій приятель Львову», который присоединился к декабристкам и их спутникам (19-летней Ольге Анненковой и, возможно, П. Н. Свистунову) «въ желаніи видѣть узниковъ». Конечно же, он, будучи офицером «при строительной комиссіи», здесь ничего не мог решать, брать что-то «на свой страхъ», и не к нему обращалась с просьбой «няня» Натальи Дмитриевны, «чтобы и остальныхъ (то есть Достоевского, Дурова и Ястржембского. — Е. М., Б. Т.) привѣли, не уводя еще этихъ». Но повторим: присутствие в изложенном предельно сжато эпизоде *двух офицеров*, — одного служащего по тюремной, а другого — по строительной части, способно запутать читателя.

К сожалению, имена этих двух офицеров, присутствовавших при свидании, остаются нам неизвестными. Если еще можно попытаться установить личность «короткаго приятеля Львова» (возможно, они вместе учились в Первом кадетском корпусе), служившего в тобольской строительной комиссии и (как сообщает в письме Фонвизина) умершего в ближайшие месяцы после этой встречи, то без обнаружения новых источников сказать что-то определенное об офицере — «предобром юноше» «из кадетов» вряд ли удастся²⁷⁾.

свой страх». Последнее выражение подтверждает, что организация этого свидания — серьезное правонарушение тюремного порядка.

²⁷⁾ Обратим, однако, внимание на тот факт, что заговаривает с офицером, высказывая пожелание, чтобы привели и других трех петрашевцев, — «няня». Нельзя исключить, что

Но у нас остается еще одно лицо, о котором желательно узнать поподробнее, — жандармский капитан Смольков. На исключительную роль этого офицера пронизательно указал В. Н. Захаров. Исследователь обратил внимание на то, что в изложении Н. Д. Фонвизиной, описывающей встречу с петрашевцами в квартире смотрителя острога, отсутствует упоминание Евангелий, которые декабристки подарили каждому из арестантов, заклеив в переплеты книг по десять рублей. Это — одно из важнейших событий духовной биографии Достоевского. И вот о нем нет ни слова в наиболее авторитетном источнике — письме Натальи Дмитриевны Фонвизиной!

В «Дневнике писателя», вспоминая почти через четверть века встречу с декабристками в Тобольске, Достоевский писал:

«Мы увидели этих великих страдалец, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. <...> Свидание продолжалось час. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием — единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге» (ДЗ0; 21: 12).

По убедительному мнению В. Н. Захарова, эта нарисованная Достоевским выразительная картина имеет подчеркнuto эмблематический характер, выстроена автором «Дневника...» как своеобразный символ и не отражает реального хода события в его действительной последовательности. «Были ли у Натальи Дмитриевны возможность в первый день знакомства с петрашевцами приготовить восемь экземпляров Евангелия, разрезать переплет, вложить деньги?» — задается ученый резонным вопросом [Захаров, 2015: 49]²⁸⁾. Добавим к этому и то обстоятельство, что появление Достоевского, Дурова и Ястржембского на этой встрече в квартире Корепановых произошло

это мог быть ее знакомый в остроге И. Кашкадамов, подсказавший Фонвизиной способ проникнуть в острог под предлогом раздачи милостыни. Он назван в письме Натальи Дмитриевны «воспитанникомъ Талызина» (так обычно говорят о молодых людях).

²⁸⁾ Немаловажен также вопрос: все ли восемь человек петрашевцев получили в подарок именно Новый Завет на русском языке 1823 года издания? Данный аспект ситуации тем более заостряет проблему: где Н. Д. Фонвизина в Тобольске могла оперативно найти восемь экземпляров книги, изданной более четверти века назад? Скорее всего, она должна была обратиться в тобольский губернский комитет Общества попечительного о тюрьмах, одним из направлений деятельности которого являлось распространение среди заключенных духовной литературы. Существуют сведения, что после 1826 г. определенная часть тиража Нового Завета в русском переводе распространялась как раз через структуры указанного Общества (см.: [Чистович: 117]). О том, что оперативно найти экземпляры Нового Завета на русском языке в Сибири было весьма непросто, свидетельствует, например, письмо священника А. И. Сулоцкого, который писал 18 апреля 1850 г. М. А. Фонвизину из Омска в Тобольск: «Я дожидался и не мог дожидаться ответа от Синодальной Типогр<афской> Конторы на требование мое чрез Григория Алекс<андровича> некоторых духовных книг, в числе которых требую и Новый Завет на Славяно-Русском наречии в числе 3-х экземпляров. <...> Впрочем по некоторым обстоятельствам я уже отчаялся получить Славяно-Русские Заветы» (ОР РГБ. Ф. 319. Оп. 1. Карт. 3. Ед. хр. 67. Л. 19 об.–20. За указание на этот источник сердечно благодарим В. Н. Захарова).

спонтанно — лишь после того, как «няня» упростила офицера привести, не уводя первых четырех, и трех оставшихся арестантов.

Проникнувшись симпатией к Сергею Дурову, выдавая его за своего племянника, Н. Д. Фонвизина в последующие дни получила возможность беспрепятственно посещать его (а значит, и Достоевского с Ястржембским) в остроге. Этим трем узникам она имела возможность подарить Евангелия при последующих встречах. Но в ее письме содержится указание, что в действительности данное событие произошло иначе. И заслуга В. Н. Захарова в том, что он акцентировал это эпистолярное свидетельство, которое в автографе письма содержится в приписке на полях, а в публикациях обычно дается петитом в сноске. Сообщая своему корреспонденту, как жандармский офицер Смольков, обнаружив ее в запертой камере с четырьмя петрашевцами, сказал Фонвизиной, пораженный ее смелостью, что «рѣшилсѣ содѣйствовать» ей в деле помощи петрашевцам — «и сдѣржалъ слово», Наталья Дмитриевна делает к этому месту письма примечание: «Этотъ жандармъ всѣмъ остальнымъ передалъ тайныя деньги, вдѣланныя въ книги, и показаль каждому какъ доставать и какъ опять заклѣвывать» [Алексеева, Вьяль: 58]²⁹⁾.

Евангелия были подарены петрашевцам Н. Д. Фонвизиной (не исключено, что при участии П. Е. Анненковой и других дам), но *вручил* их узникам Тобольского тюремного замка, научив заодно, как извлекать и вновь прятать заклеенные в переплет деньги, — *жандармский капитан Смольков*³⁰⁾.

Фамилия этого человека отсутствует в энциклопедическом словаре С. В. Белова «Ф. М. Достоевский и его окружение». Но после пронизательного указания В. Н. Захарова на его роль в биографии писателя наша задача — собрать о нем хотя бы первоначальные сведения.

Первым обстоятельством, осложняющим поиск биографических данных об интересующем нас лице, оказывается тот факт, что офицеры с фамилией

---

²⁹⁾ В исследовательской литературе это место долго не было должным образом оценено. Показательно, что в капитальной работе М. М. Громыко, где большие фрагменты письма Н. Д. Фонвизиной повторно, после публикации Житомирской, воспроизведены по автографу, это авторское примечание с упоминанием жандарма, передавшего петрашевцам книги, опущено (см.: [Громыко: 77]). «Сказочную подробность» о передаче петрашевцам офицером Смольковым «денег, вделанных в Евангелия», отметила в новейшем жизнеописании Достоевского Л. И. Сараскина. Но в отличие от В. Н. Захарова не заострила противоречие двух версий, а представила фрагмент «Записок из Мертвого Дома» с рассказом о подарке Евангелия «теми, которые тоже страдали в ссылке и считали время ее уже десятилетиями», *уточнением* к сообщению о миссии Смолькова [Сараскина: 252–253].

³⁰⁾ В воспоминаниях И. Л. Ястржембского, к сожалению, известных нам не в полном объеме, а частично опубликованных в составе первой посмертной биографии Достоевского в *изложении* О. Ф. Миллера, содержится указание, что в первые часы заключения в камере Тобольского тюремного замка им оказал поддержку жандармский офицер, «отчасти знакомый с Ястржембским» (см. выше примеч. 11). Штат жандармских офицеров, несших службу в остроге, не должен был быть велик. Как знать, не был ли это капитан Смольков и не объясняется ли его помощь петрашевцам также и тем, что среди них был его знакомый?

Смольков (а также Смальков) отсутствуют в адрес-календарях Российской империи за 1840–1850-е гг. Другие же лица с этой фамилией служат либо по министерству финансов, либо в уездном суде. Вообще надо заметить, что чины Отдельного корпуса жандармов в этих, казалось бы, универсальных по своему составу справочниках как правило отсутствуют. Не только жандармского капитана Смолькова, но и начальника VIII (Сибирского) округа Корпуса жандармов в 1844–1852 гг. генерал-майора К. И Влахопулова (Влахопуло) нет в адрес-календарях за данный период.

В этом отношении гораздо репрезентативнее оказываются регулярно издававшиеся вплоть до 1917 г. Списки офицерам (майорам, подполковникам, полковникам, генералам) по старшинству, содержащие информацию о дате производства в офицеры, дате производства в чин, занимаемой должности, имеющихся наградах и проч., в которых и обнаруживается след интересующего нас лица. Правда, сразу надо отметить, что в этих справочниках фигурируют офицеры с фамилией *Смальков* (вариант написания *Смольков* отсутствует за весь обследованный период с 1850-х по 1880-е гг.). Можно предположить, что Н. Д. Фонвизина не вполне точно передает в письме воспринятую ею на слух фамилию жандармского офицера³¹⁾.

Самым ранним источником, где зарегистрировано несколько офицеров с фамилией *Смальков*, является Список майорам по старшинству за 1861 г. (по положению на 13 марта). Здесь фигурируют *три* майора *Смалькова*, но двое из них служат в пехотных полках и лишь Александр Иванович Смальков числится по корпусу жандармов. Присмотримся к этому лицу.

*Генерал-майор Корпуса жандармов
Александр Смальков*

*Major General of the Gendarmes Corps
Alexander Smalkov*

³¹⁾ Впрочем, отметим, что известная вариативность в написании фамилий была характерна для всего XIX в.

А. И. Смальков, согласно данным указанного Списка, получил первый офицерский чин (прапорщика) 28 августа 1838 г. К январю 1850 г. он вполне мог быть в чине капитана (или, скорее, штабс-капитана, что по штатному расписанию соответствовало должности начальника губернской жандармской команды: Н. Д. Фонвизина, именуя его капитаном, могла не вполне разбираться в нюансах воинских званий). Чин майора А. И. Смальков получил 8 сентября 1859 г. (см.: *Список майорам*: 497). При обычном порядке чинопроизводства он вполне мог быть штабс-капитаном в 1850 г. Правда, в 1861 г. майор А. И. Смальков служил штаб-офицером Корпуса жандармов в Самарской губернии. Но со времени тобольского эпизода прошло более десяти лет, и за эти годы он вполне мог получить новое назначение.

В более поздних Списках, вплоть до начала 1880-х, А. И. Смальков является единственным жандармским офицером с такой фамилией в Российской империи. Он по-прежнему числится в Корпусе жандармов Самарской губернии, занимая со второй половины 1870-х гг. должность начальника Самарского губернского жандармского управления. 1 апреля 1879 г. он получает звание генерал-майора (см.: *Список генералам*: 993). Выходит в отставку 1 января 1885 г., получив очередное звание — генерал-лейтенанта. Похоронен на кладбище Самарского Иверского женского монастыря³².

Вернемся, однако, к тобольским событиям января 1850 г. Теперь с достаточной вероятностью можно утверждать, что именно жандармский капитан (штабс-капитан?) А. И. Смальков был тем лицом, который, выполняя поручение Н. Д. Фонвизиной, передал Достоевскому Новый Завет в издании Российского Библейского общества 1823 г. (первый полный перевод на русский язык), сберегавшийся писателем до последних дней его жизни, бывший его настольной книгой. Новый Завет, который мы традиционно именуем «каторжным Евангелием Достоевского». Но помощь Смалькова декабристам не ограничилась лишь этим.

В письме к брату мужа, не называя имени Смалькова, но, несомненно, имея в виду именно его, Наталья Дмитриевна также сообщает: «Жандармской Капитанъ» предложилъ даже М. А. (Фонвизину. — Е. М., Б. Т.) за рѣкою при отправленіи Дур<ова> и Достоев<скаго> имѣть съ ними свиданье и мы ѣздили» [Алексеева, Вяль: 59]. Комментаторами было отмечено (см.: [Захаров, 2012: 80]), что из этого места письма как будто следует, что во время свидания на зимней дороге с отправленными 20 января 1850 г. в Омскую крепость петрашевцами Наталья Дмитриевна Фонвизина была с мужем Мишелем, однако из другого источника достоверно известно, что ее сопровождала лишь Маша Францева, которая писала в своих воспоминаниях:

---

³²) Кстати, согласно данным Некрополя Самарского Иверского женского монастыря, на его кладбище был погребен «генерал А. И. Смольков» (Некрополь Самарского Иверского монастыря: 1851–1925 // Генеалогический форум ВГД [Электронный ресурс]. URL: <https://forum.vgd.ru/28/25465/0.htm> (22.06.2021). Это лишнее свидетельство о распространенной вариативности написания фамилий в XIX в.

«Узнав о дне их [Достоевского и Дурова] отправления, мы с Натальей Дмитриевной выехали проводить их по дороге, ведущей в Омск, за Иртыш, верст за семь от Тобольска. Мороз стоял страшный. Отправившись в своих санях пораньше, чтоб не пропустить проезжающих узников, мы заранее вышли из экипажа и нарочно с версту ушли вперед по дороге, чтоб не сделать кучера свидетелем нашего с ними прощанья; тем более что я должна была еще тайно дать жандарму письмо для передачи в Омске <...>. Вскоре из-за опушки леса показалась тройка с жандармом и седоком, за ней другая; мы вышли на дорогу и, когда они поравнялись с нами, махнули жандармам остановиться, о чем уговорились с ними заранее. Из кошевых (сибирский зимний экипаж) выскочили Достоевский и Дуров. <...> Мы наскоро с ними простились, боясь, чтобы кто-нибудь из проезжающих не застал нас с ними, и успели только им сказать, чтоб они не теряли бодрости духа, что о них там будут заботиться добрые люди. Я отдала приготовленное письмо к Пушкину жандарму, которое он аккуратно и доставил ему в Омске.

Они снова уселись в свои кошевые, ямщик ударил по лошадям, и тройки помчали их в непроглядную даль горькой их участи» (*Францева*: 628–629).

Эпизод этот хорошо известен, но в контексте нашей статьи он требует некоторых комментариев. Итак, сама идея этой встречи на зимней дороге была подсказана Наталье Дмитриевне жандармским офицером Александром Смальковым. Именно от него, скорее всего, Фонвизина и Францева узнали точное время отправки петрашевцев (согласно приведенному выше донесению И. Г. Корепанова, Достоевского и Дурова должны были отправить в час пополудни, но, по свидетельству М. Д. Францевой, кошевые с узниками появились позже расчетного времени³³). Более чем вероятно, что и с сопровождавшими петрашевцев низшими жандармскими чинами (из того же донесения мы знаем их по именам: унтер-офицер Филипп Короленко и рядовой Иван Насонов³⁴) дамы договаривались не самостоятельно, а при посредстве их прямого начальника — капитана Смалькова. Письмо, которое Маша Францева передала, вероятно, со старшим по команде, унтер-офицером Филиппом Короленко, было адресовано инспектору классов Сибирского кадетского корпуса подполковнику Ивану Викентьевичу Ждан-Пушкину³⁵ и содержало просьбу помочь по возможности облегчить участь

³³ «Долго нам пришлось прождать запоздалых путников; не помню, что задержало их отправку, и 30-тиградусный мороз порядочно начинал нас пробирать в открытом поле» (*Францева*: 628).

³⁴ Впервые имена этих жандармов были названы А. Э. Лейфером; см.: [Лейфер, 1984], [Лейфер, 1996: 209, примеч.].

³⁵ В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» подполковник И. В. Ждан-Пушкин произвольно представлен как «генерал-майор» [Летопись: 180]. Чин генерал-майора он получит лишь в 1862 г.

Достоевского и Дурова, что Ждан-Пушкин и сделал, пользуясь своим влиянием в Омске³⁶).

В том, что состоялась эта историческая встреча на заснеженной дороге под Тобольском, которая с необходимостью вошла почти во все жизнеописания писателя³⁷), а также в том, что с первых же дней заключения в остроге Достоевский и Дуров получили в Омске влиятельных заступников, немалая заслуга жандармского офицера Александра Ивановича Смалькова.

А что же Иван Гаврилович Корепанов? В «Выдержках из записок ссыльно-каторжного» Ф. Н. Львов так писал о судьбе смотрителя Тобольского тюремного замка: «Этот старичок был искренно привязан к тюрьме <...> до такой степени, что, когда его исключили из службы, он всякий день посещал свою любимицу-тюрьму и умер с горя, как бы сказал историк Кайданов» (Львов: 126). Реальный ли это факт или художественный вымысел, еще предстоит установить³⁸).

Источники

Адрес-календарь — Адрес-календарь: Общий штат Российской империи, 1850: в 2 ч. [СПб., 1850]. Ч. 1. [2], X, IV, 32, 240, 45, IV с.; Ч. 2. [4], 180, II с.

Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1883. 332, 375, 122, V с.

Достоевская — Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой, Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. 768 с; ил.

Д30 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Львов — Львов Ф. Н. Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного. Гл. I–II // Современник. 1861. № 9. Отд. I. С. 107–127.

Маркевич — А. М. (Маркевич А. И.) К воспоминаниям о Ф. М. Достоевском [М. Г. Мейера] // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 50–51.

³⁶) Подробнее см.: [Громыко: 5–25].

³⁷) Парадоксальным образом в биографии Достоевского, написанной Ю. Селезневым и несколькими изданиями выпущенной в серии «Жизнь замечательных людей», в этой сцене прощания на зимней дороге вместе с Н. Д. Фонвизиной участвует не Маша Францева (из воспоминаний которой мы и знаем об этом эпизоде), а... Прасковья Егоровна Анненкова. Нет в этом жизнеописании Достоевского и встречи в квартире смотрителя острога: Фонвизина и Анненкова дарят каждому из петрашевцев по Евангелию, добившись свидания с ними в камере острога (см.: [Селезнев: 144]).

³⁸) Во всяком случае опущенные нами в этой фразе слова о «тюрьме, в которой он прокомандировал чуть ли не тридцать лет», действительности не соответствуют. Напомним, что И. Г. Корепанов до 1843 г. служил в Тобольске квартальным надзирателем, а должность смотрителя тюремного замка отправлял лишь с 1844 г.

Милюков — Милюков А. П. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 259–290.

Список генералам — Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е Декабря. СПб., 1879. [2], XXVII, 1054 с.

Список майорам — Список майорам по старшинству. Исправлено по 13-е Марта. СПб., 1861. [2], XLIV, 592 с.

Францева — Воспоминания М. Д. Францевой. Гл. IV–V // Исторический вестник. 1888. Т. 32. № 6. С. 610–640.

Список литературы

1. [Алексеева Л. В., Вяль Е. Н.] Из писем Н. Д. Фонвизиной (1850–1853): Письмо Н. Д. Фонвизиной к И. А. Фонвизину от 18–22 мая 1850 года / подгот. текста и публ. Е. Н. Вяль, примеч. Л. В. Алексеевой // *Неизвестный Достоевский*. 2015. № 2. С. 54–69 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754924.pdf (10.06.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2465
2. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1: [А–К]. 572, [1] с.; Т. 2: [Л–Я]. 540, [1] с.
3. Громько М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского, 1850–1854 гг. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1985. 168 с.
4. Гроссман Л. Гражданская смерть Ф. М. Достоевского. Материалы Центрального военно-исторического архива о петрашевцах и Достоевском // *Литературное наследство* / под ред. П. И. Лебедева-Полянского. М.: Жур.-газ. объединение, 1935. Т. 22/24. С. 683–736.
5. Житомирская С. В. Встречи декабристов с петрашевцами // *Литературное наследство*. М.: АН СССР, 1956. Т. 60: Декабристы литераторы. Кн. 1. С. 615–629.
6. Захаров В. Н. Достоевский в Тобольске // *Тобольск и вся Сибирь. 425 лет Тобольску*. Тобольск, 2012. Альманах № 18. С. 67–85.
7. Захаров В. Н. Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850 года? // *Неизвестный Достоевский*. 2015. № 2. С. 44–53 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (10.06.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2464
8. Лейфер А. Э. Записка Марии Францевой // *Вечерний Омск*. 1984. 4 янв.
9. Лейфер А. Э. «Вокруг Достоевского» и другие очерки: к 175-летию писателя. Омск: Ком. по культуре и искусству Администрации Омской обл., 1996. 215 с.; ил.
10. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. / под ред. Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридлендера. СПб.: Академический проект, 1993. Т. 1: 1821–1864 / сост. И. Д. Якубович, Т. И. Орнатская. 544 с.
11. Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825, [7] с., ил. (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; вып. 1320).
12. Селезнев Ю. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1981. 543 с. (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; вып. 16 (621)).
13. Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб.: Тип. М. А. Стасюлевича, 1899. 347 с.

References

1. Alekseeva L. V., Vyal' E. N. From Letters of N. D. Fonvizina (1850–1853): N. D. Fonvizina's Letter of May 18–22, 1850 to I. A. Fonvizin. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, no. 2, pp. 54–69. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754924.pdf (accessed on June 10, 2021). (In Russ.)
2. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh* [F. M. Dostoevsky and His Ambience: *Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 1. 572 p.; vol. 2. 540 p. (In Russ.)
3. Gromyko M. M. *Sibirskie znakomye i druz'ya F. M. Dostoevskogo, 1850–1854 gg.* [*Siberian Acquaintances and Friends of F. M. Dostoevsky, 1850–1854*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 168 p. (In Russ.)
4. Grossman L. F. M. Dostoevsky's Civil Death of. Materials of the Central Military Historical Archive About the Petrashevsky Circle, and Dostoevsky. In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1935, vol. 22/24, pp. 683–736. (In Russ.)
5. Zhitomirskaya S. V. Meetings of the Decembrists with the Petrashevists. In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, 1956, vol. 60, book 1, pp. 615–629. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. Dostoevsky in Tobolsk. In: *Tobol'sk i vsya Sibir'. 425 let Tobol'sku* [*Tobolsk and All Siberia. 425 Years of Tobolsk*]. Tobolsk, 2012, almanac no. 18, pp. 67–85. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Who Presented the Gospel to Dostoevsky in January 1850? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, no. 2, pp. 44–53. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (accessed on June 10, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2464 (In Russ.)
8. Leyfer A. E. Note of Maria Frantseva. In: *Vecherniy Omsk*, 1984. 4 January. (In Russ.)
9. Leyfer A. E. «Vokrug Dostoevskogo» i drugie ocherki: k 175-letiyu pisatelya [“Around Dostoevsky” and Other Essays: to the 175th Anniversary of the Writer]. Omsk, Komitet po kul'ture i iskusstvu Administratsii Omskoy oblasti Publ., 1996. 215 p. (In Russ.)
10. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh* [*The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols*]. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 1993. T. 1: 1821–1864. 544 p. (In Russ.)
11. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 825 p. (The Life of Wonderful People. Series Biographies; issue 1320). (In Russ.)
12. Seleznev Yu. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1981. 543 p. (The Life of Wonderful People. Series Biographies; issue 16 (621)). (In Russ.)
13. Chistovich I. A. *Istoriya perevoda Biblii na russkiy yazyk* [*A History of the Translation of the Bible into Russian*]. St. Petersburg, Tipografiya M. A. Stasyulevicha Publ., 1899. 347 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Маскевич Екатерина Дмитриевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Российский государственный исторический архив (РГИА) (пр. Заневский, 36, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 195112); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8054-1813>; e-mail: spb-collects@yandex.ru.

Тихомиров Борис Николаевич, доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (пер. Кузнечный, 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-313X>; e-mail: btikhomirov@rambler.ru.

Ekaterina D. Maskevich, PhD (History), Leading Researcher, The Russian State Historical Archive (pr. Zanevskiy 36, Saint Petersburg, 195112, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8054-1813>; e-mail: spb-collects@yandex.ru.

Boris N. Tikhomirov, PhD (Philology), Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg, the President of the Russian Dostoevsky Society (per. Kuznechnyy 5/2, Saint Petersburg, 191002, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-313X>; e-mail: btikhomirov@rambler.ru.

Поступила в редакцию / Received 01.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.08.2021

Принята к публикации / Accepted 20.08.2021

Дата публикации / Date of publication 15.09.2021

Научная статья

УДК 821.161.1+070

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5541

Достоевский как турист (1862): открытие Европы или тайный визит к Искандеру?

И. Л. Волгин

*Московский государственный университет
(Москва, Российская Федерация)*

e-mail: mail@volgin.ru

Аннотация. Первое зарубежное путешествие Достоевского летом 1862 г. обладает как видимой, так и сокрытой сторонами. Посетив «страну святых чудес», автор «Зимних заметок о летних впечатлениях» сосредоточивает свое внимание на двух мировых столицах. Оба города — символы победившей буржуазной цивилизации: ее материального (Лондон) и морального (Париж) торжества. Именно с этим «дивным новым миром» соотносятся возможные исторические перспективы России. При этом Англия выступает как «испытательный полигон» для некоторых будущих романских коллизий, а Франция — как образчик полицейского государства. Ставится вопрос о формировании у Достоевского завершенной концепции Запада. В работе тщательно реконструируются практически неизвестные ранее подробности тайного визита Достоевского к лондонскому изгнаннику — А. И. Герцену, тематика и характер их общения, проявленный ими взаимный интерес. Впервые эта встреча рассматривается в широком историческом контексте — в тесной связи с событиями в России: петербургскими пожарами, прокламацией «Молодая Россия», арестами Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского (а также — с визитом к последнему Достоевского накануне своего отъезда за границу), обыском в Ясной Поляне, приостановкой «Современника» и «Русского слова», готовящейся репрессией против «Времени». Все эти линии связаны единым «типографическим сюжетом» (попытками создания бесцензурной свободной печати), у истоков которого стоял Достоевский (1849) и который был реально воплощен Герценом в 1853 г. На основе неизвестных архивных документов исследуются подробности обыска Достоевского на русской границе (Вержболово) после возвращения из Европы, опечатывания его бумаг и последующего допроса на Следственной комиссии в Петербурге.

Ключевые слова: Достоевский, Герцен, Лондон, Париж, Запад, «Зимние заметки о летних впечатлениях», буржуазная цивилизация, Чернышевский, Ольга Герцен, Писарев, «Молодая Россия», петербургские пожары, обыск в Вержболово, «Колокол», «Полярная звезда», Катков, Александр II, Следственная комиссия, Л. Толстой, Петрашевский, Майков, Страхов

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 «Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)».

Для цитирования: Волгин И. Л. Достоевский как турист (1862): открытие Европы или тайный визит к Искандеру? // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 3. С. 31–71. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5541

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5541

Dostoevsky as a Tourist (1862): The Discovery of Europe or a Secret Visit to Iskander?

Igor L. Volgin

*Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: mail@volgin.ru

Abstract. Dostoevsky's first foreign trip in the summer of 1862 has both visible and hidden aspects. Having visited the "land of holy miracles," the author of *Winter notes on summer impressions* focuses his attention on two world capitals. Both cities are symbols of the victorious bourgeois civilization: its material (London) and moral (Paris) triumphs. It is with this "brave new world" that Russia's potential historical prospects are correlated. At the same time, England acts as a "testing ground" for some future novel collisions, and France — as an example of a police state. The question is raised about the formation of Dostoevsky's comprehensive concept of the West. The work carefully reconstructs the previously little-known details of Dostoevsky's secret visit to the London exile — A. I. Herzen, the subject and nature of their communication, the mutual interest they demonstrated. For the first time, this meeting is examined in a broad historical context—in close connection with the events in Russia. The latter include the St. Petersburg fires, the "Young Russia" proclamation, the arrests of D. I. Pisarev and N. G. Chernyshevsky (and with Dostoevsky's visit to the latter on the eve of his departure abroad), a police search in Yasnaya Polyana, the suspension of the *Contemporary* and *Russian Word*, and the upcoming repression against *Time*. All of the above are connected by a single "typographic plot" (attempts to create an uncensored free press), which was founded by Dostoevsky (1849) and realized by Herzen in 1853. based on unknown archival documents, the details of Dostoevsky's search on the Russian border (Verzhbolovo) after his return from Europe, the sealing of his papers and the subsequent interrogation at the Investigative Commission in St. Petersburg are examined.

Keywords: Dostoevsky, Herzen, London, Paris, the West, "Winter Notes on Summer Impressions," bourgeois civilization, Chernyshevsky, Olga Herzen, Pisarev, "Young Russia," St. Petersburg fires, search in Verzhbolovo, "The Bell," "The Polar Star," Katkov, Alexander II, The Investigative Commission, Leo Tolstoy, Petrashevsky, Maikov, Strakhov

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90021.

For citation: Volgin I. L. Dostoevsky as a Tourist (1862): The Discovery of Europe or a Secret Visit to Iskander? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 31–71. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5541 (In Russ.)

«Восторг и ужас»: встреча с первой любовью

В декабрьском номере «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский вдруг вспоминает о «мечтах и фантазиях», которые бродили некогда в головах его юных сверстников. В том числе и о дерзких прожектах «бежать в Венецию». «...Я знал одного такого», — несколько туманно добавляет он в скобках.

Разумеется, он его знал. В возрасте пятнадцати лет, покидая Москву и направляясь в Петербург, он усердно сочиняет (правда, пока в уме) «роман из венецианской жизни».

«Венеция» — собирательный образ романтического и благословенного Запада, «страны святых чудес». К ним, этим чудесам, он был приуготован с ранних своих дней. Можно сказать, он возрос под обаянием этого победительного чувства.

«За границей, — сказано в “Зимних заметках о летних впечатлениях”, — я не был ни разу; рвался я туда чуть не с моего первого детства, еще тогда, когда в долгие зимние вечера, за неумением грамоте, слушал, разиня рот и замирая от восторга и ужаса, как родители читали на сон грядущий романы Радклиф, от которых я потом бредил во сне в лихорадке. Вырвался я наконец за границу сорока лет от роду, и, уж разумеется, мне хотелось не только как можно более осмотреть, но даже все осмотреть, непременно все, несмотря на срок» (Д30; 5: 46)¹⁾.

«Восторг и ужас» — вот первое восприятие Достоевским западного культурного мифа. Но «ужас» здесь, скорее, фигура речи: подразумевается, конечно, «ужас восторга». Вряд ли, однако, именно с подобным чувством въезжал он в Европу, когда судьба даровала ему эту чаемую с детства возможность:

«Как это вот я увижу наконец Европу, я, который бесплодно мечтал о ней почти сорок лет, я, который еще с шестнадцати лет, и пресерьезно, как Белопяткин у Некрасова,

Бежать хотел в Швейцарию, —

но не бежал, и вот теперь и я въезжаю наконец в “страну святых чудес”, в страну таких долгих томлений и ожиданий моих, таких упорных моих верований» (Д30; 5: 51).

Бежать, оказывается, хотелось также и в Швейцарию, причем «с шестнадцати лет». То есть уже не из благополучного московского семейства, а, судя по всему, из Петербурга, прямо из военно-учебного заведения — Инженерного училища, иными словами, — из воздвигнутого по западным «масонским» лекалам Михайловского замка, где вполне домашним способом был умерщвлен несчастный император.

---

¹⁾ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома, полутома (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.

Он покидает Петербург 7 июня (по ст. стилю) 1862 г.²⁾ в восемь часов утра. Поездка по железной дороге до Берлина занимала 46 часов 15 минут³⁾.

Спрашивается: как могли его, недавнего каторжника, всего лишь два года с небольшим как вернувшегося в столицу, обретшего вновь дворянство, но отнюдь не прощенного (ибо никакой официальной реабилитации не последовало), выпустить за границу? (Формальное разрешение было получено сравнительно быстро.) Не потому ли, что мотив у намеревающегося отъехать литератора был довольно стандартный, не вызывающий подозрений. А именно — поправление здоровья⁴⁾.

Не мог же он толковать *им*, что просто желает «проехаться по Европе»: применительно к *нему* такого рода аргументы могли и не возыметь желаемых последствий.

Между тем за более чем двухмесячное пребывание за границей собственно на лечение не было, кажется, потрачено ни одного дня (что не исключает разовых консультаций, например, у каких-то парижских врачей). Он ехал туда совсем не за этим.

Отправляясь в Европу, Достоевский достигает крайней западной точки своего физического присутствия в мире. Передвижение его в пространстве ограничивается строгой системой координат: Кузнецк — Лондон. Ни восточнее этих «конечных» пунктов, ни западнее он никогда более не двинется.

Он въезжает в «страну долгих томлений» восемь лет спустя после выхода «из мрачных пропастей земли». «Записки из Мертвого дома» еще печатаются во «Времени». И хотя он уже вполне освоился в Петербурге, контраст между недавним сибирским прошлым и открывающимся в своих пока еще неведомых подробностях европейским настоящим — этот контраст не мог не волновать его ум. В обоих случаях он оказывался за пределами привычной ему среды: этой асимметрией как бы замыкалось его жизненное поле.

У русской путевой прозы был к тому времени немалый задел. Вряд ли, приступая к своим «Зимним заметкам...», Достоевский держал в памяти

²⁾ Даты, связанные с Россией, даются по старому стилю, а с пребыванием Достоевского за границей — преимущественно по новому.

³⁾ Хронология всех передвижений Достоевского за границей в указанный период прослежена в статье М. И. Брусовани и Р. Г. Гальпериной (см.: [Брусовани, Гальперина]).

⁴⁾ Хотя во время майских петербургских пожаров 1862 г. (речь о которых впереди) в здании Министерства внутренних дел сгорели документы, относящиеся к первой заграничной поездке Достоевского (см.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 24. 1862. Д. 127. Л. 4; [Коган: 596], [Летопись: 363]), есть основания полагать, что начальству было представлено медицинское свидетельство от профессора В. В. Бессера [Летопись: 350]. Обсуждалась также возможность о предоставлении такового от профессора С. П. Боткина. Для получения заграничного паспорта медицинское свидетельство Бессера было удостоверено во врачебной управе. Не исключено, что получению разрешения на выезд споспешествовал генерал-губернатор Петербурга А. А. Суворов («гуманный внук воинственного деда», по слову Ф. Тютчева), сочувствовавший Достоевскому. Автор «Бедных людей» оказался одним из первых петрашевцев, выпущенных за границу. Кроме него, этой милости удостоился лишь А. И. Европеус, сопровождавший в Европу свою больную жену.

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Но «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина он не мог не знать. Правда, автор «Писем...» «сделал вид», что означенные эпистолы сочинялись и отсылались им по мере его продвижения по европейским просторам, хотя писались они преимущественно по возвращении путешественника в Москву. Достоевский не стал прибегать к этим творческим хитростям. Он твердо обозначил дистанцию между самым путешествием и возникшим впоследствии текстом. В самом названии «Зимних заметок о летних впечатлениях» можно усмотреть весьма ироничный оттенок: намек на то, что указанный временной промежуток мог охладить (и одновременно — укрупнить) впечатления *интуриста*.

Но заголовок еще и задает *тон*. Все повествование (в первую очередь, «немецкие» и «французские» главы) проникнуто сдержанной авторской усмешкой. Или, иначе говоря, внутренний сюжет «Зимних заметок...» развертывается под саркастическим писательским прищуром.

Почему Достоевский избрал именно такую художественную оптику, именно такой — подчеркнуто игровой — угол зрения? Не рассчитывался ли он подобным образом со своим прошлым — с юношеским упоением и ослеплением Западом?

«Ведь все, решительно почти все, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, все, все ведь это оттуда, из той же страны святых чудес! Ведь вся наша жизнь по европейским складам еще с самого первого детства сложилась. Неужели же кто-нибудь из нас мог устоять против этого влияния, призыва, давления? Как еще не переродились мы окончательно в европейцев?» (Д30; 5: 51).

Но вот что интересно. Во всем многомерном тексте «Зимних заметок...» почти нет *развернутых* характеристик тех или иных явлений европейской культуры. Столь любимые в молодости Расин, Корнель, Шекспир, Гёте, Шиллер и др. как бы остаются в подтексте повествования. Культура — в ее классическом виде — присутствует, подразумевается, но отнюдь не она определяет нынешний облик Запада. Из обязательных для «среднестатистического» туриста достопримечательностей упомянут вскользь (причем в довольно двусмысленной огласовке) разве что Кельнский собор, и, пожалуй, еще парижский Пантеон (да и то лишь как место, где безмолвный посетитель обязан вкушать плоды французского красноречия). Причем эти авторские (туристические) небрежности подаются как сознательно избранная точка зрения:

«Ведь говорят же вот, что быть в Риме и не видеть собора Петра невозможно. Ну так посудите же: я был в Лондоне, а ведь не видал же Павла. Право, не видал. Собора св. Павла не видал. Оно конечно, между Петром и Павлом есть разница, но все-таки как-то неприлично для путешественника» (Д30; 5: 49).

Он говорит, что не видел Павла потому, что торопился в Пентонвиль. Почему именно туда? Он полагается на осведомленность читателей: Пентонвиль — это лондонская тюрьма.

Если «Зимние заметки...» являют собой очерковую прозу, то последняя претерпевает под пером очеркиста неожиданные метаморфозы. Можно сказать, что взгляд автора сфокусирован не столько на описании предмета, сколько пытается проникнуть в его субстанциональную глубину, постигнуть его внутренний смысл⁵⁾.

Перечислив города, в которых за неполные два месяца он побывал, — Берлин, Дрезден, Висбаден, Баден-Баден, Кёльн, Париж, Лондон, Люцерн, Женеву, Геную, Флоренцию, Милан, Венецию, Вену («да еще в иных местах по два раза»), Достоевский признается, что «в Риме, например, так и не был».

Однако не только Рим, но и большинство названных городов в «Зимних заметках...» практически не упоминаются. Авторское внимание почти целиком сосредоточено на двух мировых столицах — Лондоне и Париже. Это — два несокрушимых оплота Запада, два центра, где в наибольшей степени воплотились образы современной Европы. Очевидно, поэтому «Зимние заметки...» — сугубо *выборочный* текст: читатель лишен возможности сопутствовать автору в его остальных зарубежных скитаниях.

Правда, мимоходом сообщается, что, например, Берлин, где путешественник пробыл всего один день, произвел на него «самое кислое впечатление», поскольку указанный город «до невероятности похож на Петербург» (ДЗ0; 5: 47). И что «ничего нет противнее типа дрезденских женщин». Заодно вызывает сомнения и Кёльнский собор: он аттестован «галантерейной вещицей». Однако все эти уничижительные определения тут же дезавуируются: оказывается, они вызваны ничем иным, как дорожной усталостью и больной печенью повествователя. Поэтому, скажем, у Кёльнского собора, чей образ Достоевский «с благоговением чертил <...> еще в юности, когда учился архитектуре», автор даже готов просить прощения на коленях. Да и перед дрезденскими немками он согласен повиниться, хотя замечает, что «к немцу надо особенно привыкать и что с непривычки его весьма трудно выносить в больших массах» (ДЗ0; 5: 47).

Все это, разумеется, входит в правила игры, в ту игровую условность, которая предложена автором.

Вообще-то у внимательного читателя может создаться впечатление, что Запад — это только предлог для того, чтобы потолковать о России. Недаром автор называет одну из важнейших составляющих текста «Глава III. И совершенно лишняя»: она полностью посвящена русскому восемнадцатому столетию, Д. И. Фонвизину, его комедии «Бригадир» и проч.:

⁵⁾ Спор о жанре «Зимних заметок...» бессмыслен: жанр этот настолько же индивидуально-«достоевский», насколько личностен и неповторим, скажем, «Дневник писателя». См. обстоятельную работу: [Захаров: 180–201].

«Да, конечно, тогда нам легко давалась Европа, физически, разумеется. Нравственно-то, конечно, обходилось не без плетей. Напяливали шелковые чулки, парики, привешивали шпажонки — вот и европеец» (ДЗ0; 5: 56–57).

Достоевский постоянно «держит в уме» Россию: именно она *idée fixe* его путевых заметок.

Въехав во Францию и посвятив несколько страниц первым, сугубо *полицейским* впечатлениям от начавшейся поездки (об этом еще будет сказано ниже), Достоевский, наконец, достигает Парижа.

«Но не думайте, однако, — спешит он разочаровать читателя, — что я вам много расскажу собственно о городе Париже. Я думаю, вы столько уже перечитали о нем по-русски, что, наконец, уж и надоело читать» (ДЗ0; 5: 68).

Он старается подобрать к столице Франции исчерпывающий эпитет и торжественно возглашает (само собой, все в той же игровой тональности), что Париж «самый нравственный и самый добродетельный город на всем земном шаре» (ДЗ0; 5: 68). Он с жаром отвергает возможность обвинения, что его скепсис — «это все желчная патриотическая клевета».

«Но друзья мои, — говорит он, — ведь предупредил же я вас еще в первой главе этих заметок, что, может быть, ужасно навру. Ну и не мешайте мне. Вы знаете тоже наверно, что если я и навру, то навру, будучи убежден, что не вру. А, по-моему, этого уже слишком довольно. Ну так и дайте мне свободу» (ДЗ0; 5: 68).

И, сделав подобное признание, автор — неожиданно для читателей — оставляет Париж и направляется в Лондон.

«Доколе, Господи»: английский след

Никаких штампов и печатей в его заграничном паспорте (как это было при посещении им других стран) в данном случае не понадобилось. Англия — свободная страна.

Достоевский пробыл в Лондоне восемь дней. Глава, посвященная этому городу, называется кратко: «Ваал».

«Даже наружно, — говорит Достоевский, — какая разница с Парижем. Этот день и ночь суетящийся и необъятный, как море, город, визг и вой машин, эти чугунки, проложенные поверх домов (а вскоре и под домами), эта смелость предприимчивости, этот кажущийся беспорядок, который в сущности есть буржуазный порядок в высочайшей степени, эта отравленная Темза, этот воздух, пропитанный каменным углем, эти великолепные скверы и парки, эти страшные углы города, как Вайтchapель, с его полуголым, диким и голодным населением. Сити с своими миллионами и всемирной торговлей, кристальный дворец, всемирная выставка...» (ДЗ0; 5: 69).

(Не этими ли, в частности, картинами вдохновлялся М. Горький, когда писал свой «Город Желтого Дьявола»?)

Если Берлин напоминает Петербург, если Париж, пусть иронически, поименован эталоном добродетели, то британская столица — это нечто для русского сознания трудновообразимое. Это иной мир, страшный прообраз неотдаленного и всеобщего будущего. В первую очередь — Хрустальный дворец, где в 1851 г. была открыта «Великая Промышленная Выставка Всех Наций». Достоевский в эти подробности не входит, надеясь, очевидно, на осведомленность читателей. И хотя к моменту, когда в это чудо света (уже не относящееся к тем *святым* чудесам) ступила его нога, прошел добрый десяток лет, Хрустальный дворец продолжает поражать воображение современников. В 1859 г. его посетил Н. Г. Чернышевский, тайно приехавший в Лондон для переговоров с Герценом (Достоевский об этом пока ничего не знает). Увиденное сооружение столь поразило автора «Что делать?», что оно — в несколько облагороженном виде — возникло в четвертом сне Веры Павловны: правда, банальные железо и чугун находчиво заменены там стоящим пока дороже золота алюминием.

Взгляд Достоевского, некогда прельщаемый фаланстерами Фурье, ныне совсем иной. Он видит здесь финал мировой истории, ее завершающий, торжествующий акт. Но вместо ожидаемого ликования «вам отчего-то становится страшно» (ДЗ0; 5: 69). Достоевский не скрывает причины этого *несообразного* чувства («болезненный вздор, нервы, преувеличение»):

«Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? — думаете вы; — не конец ли тут? не это ли уж, и в самом деле, “едино стадо”. Не придется ли принять это, и в самом деле, за полную правду и занеметь окончательно? Все это так торжественно, победно и гордо, что вам начинает дух теснить <...> Это

Илл. 1. Здание Всемирной выставки в Лондоне 1862 года. («Crystal palace»).
Литография В. Тимма. 1862

Fig. 1. The 1862 World Fair building in London. (“Crystal palace”).
Lithograph by V. Timm. 1862

какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, в очию совершающееся»⁶⁾ (ДЗ0; 5: 69–70).

Пройдет два года — и цитадель прогресса явится в словах главного героя «Записок из подполья»:

«Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать. Ну, а я, может быть, потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое и что нельзя будет даже и украдкой языка ему выставить» (ДЗ0; 5: 120).

Но пока в «Зимних заметках...» Достоевский замечает другую оппозицию Хрустальному дворцу. Он говорит, что «при такой колоссальности, при такой исполинской гордости владычествующего духа» голодная душа смиряется и ищет спасения в разврате и в джине. Полмиллиона работников и работниц, окруженные бегающими и ползающими между ними детьми, напиваются «как скоты» раз в неделю, в субботнюю ночь. И тогда «пивные лавки разубраны как дворцы» (курсив мой. — И. В.) (ДЗ0; 5: 70): не отрицательные ли это аналоги Хрустального дворца?

Однажды, во втором часу ночи, он заблудился в подобной толпе и «долго таскался по улицам», не зная языка и знаками выпрашивая дорогу. Впечатление этой ночи глубоко врезалось в сердце:

«И вы чувствуете, глядя на всех этих париев общества, что еще долго не сбудется для них пророчество, что еще долго не дадут им пальмовых ветвей и белых одежд и что долго еще будут они взывать к престолу всевышнего: “доколе, Господи”» (ДЗ0; 5: 71).

Другой (а может быть, той же) ночью Достоевский посещает Гай-Маркет, где «в некоторых улицах тысячами толпятся публичные женщины» (ДЗ0; 5: 71). Он заходит в казино: там гремит музыка, танцуют пары, и вообще толчется «бездна народу». Он наблюдает сцену, казалось бы, ничем не примечательную. Однако он *домысливает* ее — с поразительной художественной силой:

«Наверху, в галерее, я увидел одну девушку и остановился просто изумленный: ничего подобного такой идеальной красоте я еще не встречал никогда. Она сидела за столиком вместе с молодым человеком, кажется богатым джентльменом и, по всему видно, непривычным посетителем казино. Он,

---

⁶⁾ Впрочем, русский читатель 1863 г., избалованный постоянным умножением журнальной путевой прозы, не обратил особого внимания на обнародованный в февральском и мартовском выпусках «Времени» текст. Практически не отозвалась и критика, еще совсем недавно живо откликнувшаяся на «Записки из Мертвого дома». Достоевский, однако, включил «Зимние заметки...» в Собрание сочинений 1865 г., наряду с чисто художественными произведениями.

может быть, отыскивал ее, и наконец они свиделись или условились видеться здесь» (Д30; 5: 72).

Итак, Достоевского прежде всего поражает *красота*. (Заметим, что английских женщин — в отличие, вспомним, от дрезденских — он ценит чрезвычайно высоко: «Во всем мире нет такого красивого типа женщин, как англичанки» (Д30; 5: 71). Что нравилось ему в них: строгая чистота, благородство черт, скрытая за внешней холодностью страсть?) Взглянув на молодого человека, спутника девушки, он предполагает, что тот весьма состоятелен. При случае подобные наблюдения мог бы сделать любой из присутствовавших в казино. Но дальше под пером наблюдателя возникает *коллизия*:

«Он мало говорил с нею и все как-то отрывисто, как будто не о том, о чем они хотели бы говорить. Разговор часто прерывался долгим молчанием. Она тоже была очень грустна. Черты лица ее были нежны, тонки, что-то затаенное и грустное было в ее прекрасном и немного гордом взгляде, что-то мыслящее и тоскующее. Мне кажется, у ней была чахотка» (Д30; 5: 72).

Здесь уже просматривается некоторая интрига, предлагается некая психологическая догадка. Наблюдатель словно бы допускает наличие драмы, начавшейся ранее, но ныне совершающейся у него на глазах. Возможно, эта встреча для них роковая. Предполагаемая у девушки чахотка лишь подчеркивает трагизм ситуации. Тем более что развязка сцены далека от хеппи-энда.

Прекрасная незнакомка, по мнению автора, «не могла не быть выше всей этой толпы несчастных женщин своим развитием: иначе что же значит лицо человеческое? А между тем она тут же пила джин, за который заплатил молодой человек. Наконец он встал, пожал ей руку, и они расстались. Он ушел из казино, а она с румянцем, разгоревшимся от водки густыми пятнами на ее бледных щеках, пошла и затерялась в толпе промышляющих женщин» (Д30; 5: 72).

Собственно, это уже сюжет для небольшого рассказа (а может быть, и романа). В случайном «проходном» эпизоде автор «Белых ночей» различает глубокий жизненный смысл. При этом мы, нынешние, можем расценить эпизод как своеобразную творческую заявку: на создание художественного произведения — в стихах, в прозе или на экране. Достоевский словно дарит этот сюжет будущим подвижникам культуры.

Не уместно ли предположить, что Англия (и «английское») служит в этом случае испытательным полигоном для будущих романских сюжетов? Не поступает ли в чертах таинственной посетительницы казино гордый лик Настасьи Филипповны? Впрочем, можно указать еще на одного героя Достоевского чисто английского происхождения. Это — мистер Астлей, персонаж будущего «Игрока». Если он и не вполне «положительно прекрасный человек», то, во всяком случае, человек чести, истинный джентльмен, помогающий

другим персонажам словом и делом. В отличие от князя Мышкина, он деятелен и целеустремлен, он старается умерить чужие — низкие — страсти и в критический момент буквально спасает Полину. Английская невозмутимость и внутреннее благородство поставлены здесь на службу добра.

На этом «английский след» не заканчивается.

Сразу же после сцены в казино следует рассказ о ребенке, встреченном Достоевским в том же Гай-Маркете: не исключено, в ту же самую ночь:

«Помню раз, в толпе народа, на улице, я увидел одну девочку, лет шести не более, всю в лохмотьях, грязную, босую, испитую и избитую: просвечивавшее сквозь лохмотья тело ее было в синяках. Она шла, как бы не помня себя, не торопясь никуда, бог знает зачем шатаюсь в толпе; может быть, она была голодна. На нее никто не обращал внимания» (Д30; 5: 72).

«Дети — странный народ, они снятся и мерещатся» (Д30; 22: 13), — пишет он много лет спустя в «Мальчике у Христа на елке». Обездоленный герой этого рассказа насмерть замерзает в питерской подворотне — «за дровами». Между тем у маленького обитателя петербургских трущоб есть неведомая ему лондонская сестра. Она встает в один ряд с другими «обиженными девочками» Достоевского: с напоенной каким-то негодяем барышней на бульваре, которую пытается выручить Раскольников; с малолетней Матрёшей, грозящей «кулачонками» своему соблазнителю; с бедной Нелли (полуангличанкой!) из «Униженных и оскорбленных»...

«Слезинка ребенка» не имеет национальности:

«Но что более всего меня поразило — она шла с видом такого горя, такого безвыходного отчаяния на лице, что видеть это маленькое создание, уже несущее на себе столько проклятия и отчаяния, было даже как-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей включенной головой из стороны в сторону, точно рассуждая о чем-то, раздвигала врозь свои маленькие руки, жестикулируя ими, и потом вдруг сплескивала их вместе и прижимала к своей голенькой груди» (Д30; 5: 72).

Да, русская слеза не горше английской.

Однако пора задаться вопросом: только ли для приобретения местных впечатлений Достоевский пересек Ла-Манш? Не было ли у него еще одной, может быть, главной, цели?

«В знак глубочайшего уважения...»

В Лондоне уже много лет проживает русский изгнанник. Он выпускает «Колокол», «Полярную звезду» и другие издания, которые нелегально ввозятся в Россию. Имя его, на родине печатно не упоминаемое, обладает, тем не менее, магической силой.

Трудно сказать, планировал ли Достоевский встречу с Герценом, выезжая из Петербурга. Но, приехав в Лондон, он не мог не посетить автора «Былого и дум».

Первый вольный русский печатный станок заработал в 1853 г.: Достоевский еще избывал последний год сибирской каторги. Но даже после смерти императора Николая в семипалатинскую глушь вряд ли доходили подробные сведения из туманного Альбиона (хотя о *новой* деятельности Герцена Достоевский мог знать). Конечно, вернувшись в Петербург, автор «Бедных людей», скорее всего, был вполне осведомлен о деятельности «Вольтера XIX века», как поименуют впоследствии Искандера на его погребальном венке. Тем более что в «Полярной звезде», как будет сказано ниже, затрагивалась тема петрашевцев.

Издания Герцена проникали повсюду:

«Весной 1857 г. во время заседания Государственного совета граф С. Г. Строганов оторвал клочок бумаги и написал сидевшему рядом шефу жандармов князю В. А. Долгорукову: “Не хотите ли, князь, я уступлю Вам “Полярную звезду” за 5 р. серебром, за что сам купил?” Долгоруков также на клочке отвечал ему: “Лучше скажите мне, откуда достаете Вы так дешево эту книгу?”» [Эйдельман: 17].

Такие рискованные шутки шутят высшие сановники империи. В вопросе шефа жандармов различимо не одно лишь удивление «дешевизной» запрещенного издания (на самом деле — цена вовсе не малая), но и намек — надо полагать, также не без *подковырки* — о желательности узнать источник столь счастливых приобретений.

«Отчего мы молчим? — писал Герцен (Искандер) в первом же своем воззвании “Братьям на Руси”. — Неужели нам нечего сказать? Или неужели мы молчим оттого, что мы не смеем говорить? Дома нет места свободной русской речи, она может раздаваться инде, если только ее время пришло»⁷⁾.

Достоевский, как сказано, третий год пребывает на омской каторге. Ему есть, что сказать.

«Присылайте, что хотите, — продолжает Искандер свое обращение к соотечественникам, — все писанное в духе свободы будет напечатано, от научных и фактических статей по части статистики и истории до романов, повестей и стихотворений. Мы готовы даже печатать безденежно. Если у вас нет ничего готового, своего, пришлите ходящие по рукам запрещенные стихотворения Пушкина, Рыльева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др.»⁸⁾.

⁷⁾ Десятилетие вольной русской типографии в Лондоне. Сборник ее первых листов, составленный и изданный Л. Чернецким. Лондон: Вольная русская типография, 1863. С. 3.

⁸⁾ Там же. С. 5.

Имя Белинского здесь не названо. Но первый же выпуск «Полярной звезды» (1855) открывается его перепиской с Гоголем — тем самым текстом, за публичное произнесение которого Достоевский схлопотал свои четыре каторжные года (если не считать *первоначальную смертную казнь*).

Но тут скрывается еще один поворот сюжета.

Не посещала ли Достоевского мысль, что Герцен в конце концов осуществил его давний замысел? Ведь именно он, автор «Двойника», был деятельным участником спешневской семерки и пытался внушить одному из своих товарищей идею первой в России подпольной типографии.

В 1885 г. Аполлон Николаевич Майков признался (и это было засвидетельствовано письменно), что незадолго до ареста к нему заходил Достоевский с предложением примкнуть к группе настоящих заговорщиков, задумавших завести в Петербурге тайное печатание:

«...Петрашевский, мол, дурак, актер и болтун, у него не выйдет ничего путного, а что люди поделнее из его посетителей задумали дело, которое Петрашевскому неизвестно, и его туда не примут...» [Покровская: 268].

На вопрос Майкова, с какой целью замышляется «особое тайное общество с тайной типографией для печатания разных книг и даже журналов», Достоевский отвечал:

«— Конечно, с целью произвести переворот в России. Мы уже имеем типографский станок, его заказывали по частям в разных местах (очевидно, с целью конспирации. — *И. В.*), по рисункам Мордвинова; все готово»⁹⁾.

Оставшийся ночевать у Майкова Достоевский, восседая, как умирающий Сократ перед друзьями, в ночной рубашке с незастегнутым воротом, напирал все свое красноречие, дабы убедить собеседника в святости этого дела. Речь шла не более и не менее как «о нашем долге спасти отечество и пр.»... Аполлон Майков, невзирая на то, что он истинный поэт, решительно отказался.

“Итак — нет?” — заключил Достоевский. — “Нет, нет и нет”. Утром, уходя после чая, ночной гость предостерег: “Не нужно говорить об этом — ни слова”. — “Само собой»» [Покровская: 268].

Безумный замысел почти удался. На квартире Спешнева был собран типографский станок. Уж не письмо ли Белинского Гоголю намеревались предать тиснению незадачливые типографы?

Этот сюжет по ряду причин был замят следствием и практически изъят из дела. Недаром Достоевский позднее заметит: «Целый заговор пропал»¹⁰⁾.

⁹⁾ Исторический архив. 1956. № 3. С. 224.

¹⁰⁾ Подробнее об этом и о других обстоятельствах дела петрашевцев см. в кн.: [Волгин, 2017b].

Подобный «заговор» через четыре года фактически осуществил Искандер — правда, в свободном «от их всевидящего глаза» Лондоне. Он мог встретиться с Достоевским не только как писатель с писателем, но и — как типограф с типографом.

Будущий автор «Зимних заметок...» является к Герцену 4 (16) июля 1862 г.

До их лондонской встречи они виделись только единожды — 5 октября 1846 г. «Не могу сказать, что впечатление было особенно приятно» [Герцен, 1961: 259], — заметил тогда Герцен. В свою очередь, Достоевский писал брату Михаилу:

«Явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечателен Герцен (Искандер) и Гончаров <...> Их ужасно хвалят. Первенство остается за мною покамест и надеюсь, что навсегда» (ДЗ0; 28₁: 120).

Теперь, в 1862 г., они давно не соперники: у них разные поприща. Но, принадлежа к одному, не столь широкому в России, интеллектуальному кругу, они не могут не помнить друг о друге.

Планировалась ли поездка в Лондон заранее или мысль о ней явилась, так сказать, по ходу дела? Еще 26 июня / 8 июля в письме к Н. Н. Страхову из Парижа (другие письма Достоевского из-за границы до нас не дошли) он сообщает, что собирается оттуда отбыть не ранее 15 (27) июля. Подразумевается, что все это время он будет оставаться в Париже. В обозначенном им дальнейшем европейском маршруте Лондон также не упомянут.

Около 12 июля (т. е. через 4 дня после письма Страхову) он выезжает в столицу Британии. Он пробудет там 8 дней — до 20 июля.

Кстати: кто дал Достоевскому адрес (Герцен в это время проживал в Паддингтоне)? Не зная ни слова по-английски, он, разумеется, должен был озаботиться этим заранее. С другой стороны, адрес не являлся секретом.

«Приезжий в Лондон, — пишет В. И. Кельсиев, — обыкновенно изъявлял Трюбнеру (издатель герценовских сочинений. — И. В.) желание удостоиться счастья познакомиться с Герценом. Трюбнер давал адрес и приглашал написать записку. В ответ на эту записку Герцен назначал свидание или у себя или у приезжего, если последнему почему-нибудь не хотелось, чтобы его видели в доме Герцена»¹¹).

Трудно сказать, подвергся ли Достоевский этой процедуре. Но вряд ли он явился в дом лондонского изгнанника без предварительного оповещения.

«Такие случаи бывали очень часто, — продолжает Кельсиев. — Лица очень высокопоставленные никогда не входили в дом Герцена <...> Собственные имена в доме Герцена не произносились или произносились очень редко».

¹¹) В. И. Кельсиев — человек, близкий к Герцену, сотрудник его изданий, позднее раскаявшийся в своей зарубежной деятельности, вернувшийся в Россию и прощенный властью.

Сознавал ли Достоевский степень риска? Бывший политический преступник, недавний каторжанин, впервые по высочайшему разрешению выпущенный за границу, он не мог не понимать, что любой контакт с издателем «Колокола» может негативно сказаться на его политической репутации и, может быть, — на его литературной судьбе.

«Серьезные свидания, — отмечает Кельсиев, — составляли, как я сказал, тайну Герцена и Огарева. Свидания и приемы несерьезные делались раз в неделю (впоследствии два раза), в назначенный день, обыкновенно в воскресенье, с пяти часов вечера»¹².

4/16 июля 1862 г. не было выходным. Это была среда. Свидание, скорее всего, состоялось без посторонних глаз.

Достоевскому не надо было рекомендоваться: он как бы возобновлял давнее знакомство. (В пользу заранее посланной записки говорит то обстоятельство, что Достоевский посещает Герцена лишь на четвертый-пятый день после прибытия в Лондон). Но у Герцена были еще и дополнительные причины желать этой встречи.

Во «Времени» из месяца в месяц печатаются «Записки из Мертвого дома». «Где найти мне Достоевского, воспоминания о каторге», — спрашивает Герцен Тургенева 19 мая (за два месяца до визита автора). И пару дней спустя просит того же корреспондента прислать ему на адрес Трюбнера все те же «Записки...» (ГЗ0; 27₁: 221–222)¹³. Неизвестно, отозвался ли Тургенев, но еще через две недели, при посещении Герцена А. Н. Островским и И. Ф. Горбуновым речь снова заходит о том же предмете¹⁴. И наконец лично явившийся автор дарит хозяину дома переплетенные главы «Записок...», напечатанные во «Времени» (отдельного издания еще нет). И если главы из журнала Достоевский переплетает еще в Петербурге и берет их с собой, не означает ли это, что он намеревался кому-то конкретно их подарить? И, следовательно, поездка через Ла-Манш не была столь уж внезапной.

Даритель «Записок...» делает лаконичную надпись:

«Александрю Ивановичу Герцену в знак глубочайшего уважения от автора» (ДЗ0; 30₂: 58).

Это не просто ритуальный акт вежливости: скорее, констатация реального положения дел. Конечно, Достоевский в первую очередь свидетельствует свое уважение к *литератору*. Однако он не может не помнить, что указан-

¹² «Исповедь» В. И. Кельсиева / подгот. к печ. Е. Кингисепп; вступ. ст. и коммент. М. Клевенского // А. И. Герцен. М., 1941. С. 273–274. (Литературное наследство; т. 41/42.)

¹³ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1966. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ГЗ0 и указанием тома, полутома (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.

¹⁴ Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 12. С. 520. См. также: «Дневник» Горбунова // Сочинения И. Ф. Горбунова. СПб., 1907. Т. 3. Ч. 4. С. 410–411.

ное лицо — самый убежденный политический противник *режима*. Правда, были серьезные основания верить, что эта журнальная *улика* никогда не дойдет до властей.

Между тем русские писатели не столь редкие гости в доме Герцена. Иные из них с ним переписывались. В первую очередь, И. С. Тургенев — давний приятель и усердный поставщик новостей. О посещении А. Н. Островского уже говорилось выше. 19 июня 1862 г. к Герцену заявляется А. Ф. Писемский. «Были сильные и сильно неприятные объяснения» (Г30; 27: 241), — записывает посещаемый. Возможно, гости при этом дарили свои труды.

Л. Н. Толстой знакомится с хозяином дома в роковые минуты. Это — первые числа марта 1861 г.: лихорадочное ожидание уже подписанного Александром II, но еще не обнародованного манифеста об освобождении крестьян. «Эти дни — не жизнь, а судорожное пережигание себя», — пишет Герцен Тургеневу. «Духу не достало!» — так назовет он свою статью в «Колоколе»¹⁵⁾, сетуя на «пансионские затеи» правительства, опасавшегося волнений и страшившегося возвестить о народной свободе ранее наступления Великого поста.

Лев Толстой пробыл в Лондоне неделю и виделся с Герценом «почти каждый день» (Т30; 75: 71)¹⁶⁾. Герцен понравился автору «Севастопольских рассказов»: «Живой, отзывчивый, умный... Я ни у кого уже потом не встречал такого редкого соединения глубины и блеска мыслей», — скажет позднее Толстой (см.: [Сергеенко: 13]). И подтвердит еще раз: «...были разговоры всякие и интересные» (Т30; 75: 71).

Надо полагать, не менее интересные разговоры были и с Достоевским: правда, их содержание до нас не дошло.

«Вчера был Достоевский, — пишет Герцен Огареву 17 июля, — он наивный, не совсем ясный, но очень милый человек. Верит с энтузиазмом (так! — *И. В.*) в русский народ» (Г30; 27: 247). Определение совсем иное, нежели аттестация 1846 года. «Наивный» — то есть, очевидно, идеологически не столь искушенный, как сам Герцен, слишком доверчивый и т. д. Казалось бы, говорить о наивности такого писателя, как Достоевский, довольно странно. Однако вспомним признания Анны Григорьевны Достоевской — о порой ребяческом простодушии ее мужа. «Не совсем ясный» — тоже можно понять: Герцену нелегко постигнуть конечную суть убеждений гостя (он и о Толстом писал Тургеневу: «...упорен, говорит чушь, но простодушный и хороший человек» — Г30; 28: 139). О Достоевском сказано: «очень милый». Очевидно, *человеческое* — главное для Герцена. И то, что гость с энтузиазмом «верит в русский народ», несомненно, должно сближать его с хозяином дома.

Не лишено оснований предположение, что на следующий день, 17 июля, они снова сошлись. В донесении агента III Отделения отчетливо сказано,

¹⁵⁾ Колокол. 1862. № 94. Л. 94.

¹⁶⁾ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Т90, указанием тома и страницы в круглых скобках.

что, будучи в Лондоне, Достоевский «свел там дружбу с изгнанниками Герценом и Бакуниным»¹⁷⁾. Из материалов III Отделения следует, что шефом жандармов В. А. Долгоруковым Достоевский был отнесен не просто к числу случайных посетителей Герцена, а к категории лиц, которые участвовали «более или менее в преступных его намерениях» [Коган: 596].

Нам ничего не известно о контактах Достоевского с главным русским анархистом. Но 5/17 июля «между 4 ½ и 5 ½ часами» Бакунин предполагал быть у Герцена¹⁸⁾.

На следующий день, 18 июля, Герцен посещает русский отдел Всемирной выставки, то есть Хрустальный дворец. Не пригласил ли лондонский *абориген* российского гостя ему сопутствовать? Или — что еще вероятнее — не попросил ли Герцена сам Достоевский: быть его *vade mecum*¹⁹⁾.

7/19 июля они встречаются вновь. Герцен дарит Достоевскому свою фотографию (работы С. Л. Левицкого) с надписью: «В знак глубочайшей симпатии от А. Герцена»²⁰⁾ (ГЗ0; 27₁: 543). Это, очевидно, симметричный ответ на «глубочайшее уважение». Впрочем, фамилия одаряемого в тексте отсутствует. Может быть, даритель опасается, что по возвращении в Россию у владельца фотографии могут возникнуть неприятности?

Достоевский не остается в долгу. На следующий день, отъезжая в Париж, он, в свою очередь, презентует отзывчивому хозяину собственное изображение: «Александр Ивановичу Герцену в память нашего свиданья в Лондоне от Ф. Достоевского. 8 (20) июля 1862 года»²¹⁾. Обмен вещественными знаками невещественных отношений (как выразился бы писатель Гончаров) навсегда останется в памяти века.

Итак, позволительно сделать вывод, что с момента первой встречи с Герценом 4/16 июля и до отъезда Достоевского из Лондона 20-го июля они общались практически каждый день. Конечно, если еще не предполагать (это было бы слишком!), что Герцен сопровождал Достоевского во время его ночных скитаний в Гай-Маркете.

Разумеется, в «Зимних заметках о летних впечатлениях» о встречах с издателем «Колокола» не будет сказано ни слова. При этом ни с кем во время первой заграничной поездки Достоевский не общался столь тесно. Кроме, пожалуй, Н. Н. Стрехова, когда они вместе проводили время в Швейцарии

¹⁷⁾ ГА РФ. Ф. 109 (III Отд.). 1 эксп. Д. 230. Ч. 82. Л. 1. См. также: [Коган: 596].

¹⁸⁾ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С приложением его памфлетов, биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Женева, 1896. С. 82–83. По-видимому, этот визит не состоялся.

¹⁹⁾ С лат. «иди со мной». В «Божественной комедии» эти слова Вергилий адресует Данте и приглашает последнего в путешествие по аду.

²⁰⁾ Место хранения оригинала: Музей ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. № 28404. Впервые опубли.: Описание изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1962. [Т.] VII. С. 65. Надпись сделана на обороте фотографии, выполненной С. Л. Левицким в 1861 г. в Париже. Адресат устанавливается предположительно, в связи с тем, что фотография поступила в музей в составе собрания А. Г. Достоевской.

²¹⁾ Литературная газета. 1992. 8 апреля. № 15. С. 6.

и Италии, и который, кстати, тоже не упомянут в «Зимних заметках...». Как сказано выше, это очень выборочный текст.

И еще одна любопытная подробность, не привлекавшая доселе внимания исследователей. 7/19 июля Герцен пишет в Париж С. А. Левицкому, чью авторскую фотографию со своим изображением он только что подарил российскому гостю:

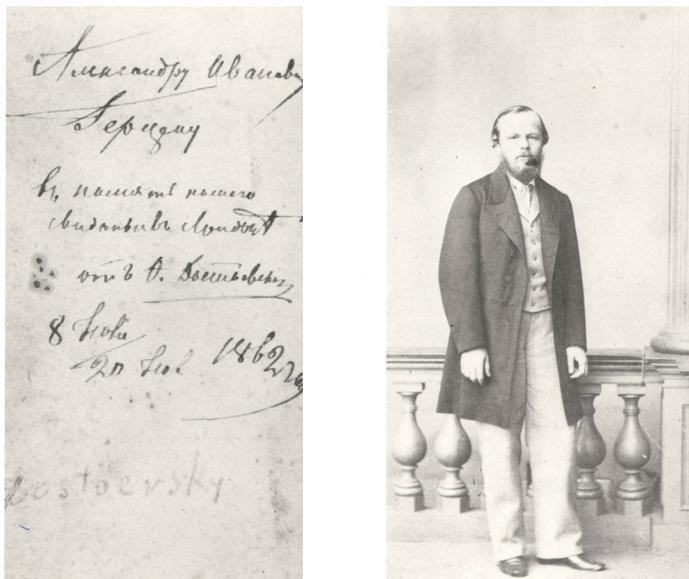
«К тебе приедет наш знаменитый Достоевский. Он хочет Ольгин портрет — если есть, дай»²²⁾.

Илл. 2. А. И. Герцен.
Фотография С. Левицкого. Париж. 1861
Fig. 2. A. I. Herzen.
Photo by S. Levitsky. Paris. 1861

²²⁾ Записки Отдела рукописей Государственной Ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1976. С. 217.

Почему вдруг Достоевский заинтересовался 11-летней дочерью Искандера? А, скажем, не другими детьми Герцена — например, той же Лизой, о самоубийстве которой он напишет через много лет в «Дневнике писателя»? (4-летняя Лиза присутствовала при визите Л. Толстого. В подтверждение своих слов о нем, как о хорошем человеке, Герцен сообщает Тургеневу: «...даже Лиза Огарева его полюбила и называет “Левостой”» (Г30; 27₁: 139)).

Илл. 3. Фотография Достоевского, подаренная им Герцену, и дарственная надпись на обороте. Фото М. Б. Тулинова¹

Fig. 3. Photo of Dostoevsky presented by him to Herzen, and the gift inscription on the back. Photo by M. B. Tulinov

Объясняется это просто: Лиза вместе со своей матерью Н. А. Тучковой-Огаревой находилась в это время в Коусе — поселке на севере острова Уайт у моря. Ольга же оставалась с отцом в Лондоне. В десятых числах июля она заболела ветрянкой. Однако вскоре девочка пошла на поправку. И 17 июля, как удовлетворенно отмечает Герцен, «первый раз вышла в сад» (Г30; 27₁: 247). Скорее всего, именно в этот день Ольгу мог видеть Достоевский (что лишний раз подтверждает его повторное — после 16 июля — присутствие в доме). Он, все еще бездетный, запомнил ребенка — как запомнил, хотя и по другим основаниям, несчастную нищенку в Гай-Маркете. Оля ему, очевидно, понравилась: возможно, они даже немного потолковали (даром, что девочка не говорила по-русски). Достоевский просит ее фотографию: это должно быть приятно отцу (см. Илл. 4).

Ольга Герцен родилась 25 ноября 1850 г. — в разгар романа «железного жаворонка», немецкого поэта Георга Гервега с Натальей Александровной

Герцен — и теоретически могла быть его дочерью. Существует одно свидетельство, что Герцен выказывал подобное подозрение²³⁾. Разумеется, об этих тонкостях Достоевский не догадывался.

Герцена и двух его дочерей — Наталью и Ольгу — Достоевский, путешествующий вместе с А. П. Суловой, встретит через год — 13 октября 1863 г.: на пароходе, следующем из Неаполя в Ливорно. В Ливорно они вместе отобедают.

«Вторую же дочь Герцена, самоубийцу (на самом деле, это была не Лиза, а Ольга. — И. В.), я [запомнил] видел лишь однажды, — пишет Достоевский в черновиках к октябрьскому выпуску «Дневника писателя» 1876 г. — и именно в [этом] это же путешествие и [потом] на другой день у них за обедом, в Генуе (на самом деле — Ливорно. — И. В.). Ей было тогда лет одиннадцать или двенадцать, но я резко ее запомнил. (Полагаю, что это была она, то есть самоубийца, потому что у Герцена, сколько запомню, было только две дочери и сын.) Это был [чрезвычайно] довольно грациозный ребенок, за столом она несколько конфузилась, помню, за ней очень ухаживали, после обеда она пошла и легла на кровать, под предлогом, что у ней разболелась голова, но, однако же, простилась со мной смеясь и пожелав еще раз непременно со мной увидеться» (ДЗ0; 23: 324).

Достоевский запомнил, что эту девочку он впервые видел годом раньше, в 1862-м, и даже хотел иметь ее фотографию. Дал ли ему Левицкий этот дагерротип?

Илл. 4. Ольга Герцен в 6 лет
(Дом-музей А. И. Герцена)
Fig. 4. Olga Herzen at the age of 6
(A. I. Herzen House Museum)

²³⁾ Внук А. И. Герцена, Н. А. Герцен, писал М. Гершензону: «Вы, несомненно, сами помните, что дедушка высказывал некоторые сомнения о своем отцовстве по отношению к моей тетке Ольге» (цит. по: [Житомирская: 608]. См. об этом также: [Паперно]).

Когда в 1876 г. он будет писать о самоубийстве Лизы Герцен (лишь недавно узнавший, что она дочь Герцена, а не Огарева), то — с подачи К. П. Победоносцева — спутает ее с Ольгой. Может быть, еще этим объясняется горечь его размышлений.

Ольга Александровна Герцен вышла замуж за французского историка Габриэля Моно. Она дожила до 103 лет и скончалась уже в «наше время», в 1953 г. (когда автору этих строк, как и ей тогда, было 11 лет). Вспоминала ли она *милого* русского, посетившего ее отца летом 1862 г., с которым она «простилась, смеясь», пожелав ему встретиться с ней еще раз?

«Однажды, разговаривая с покойным Герценом, — замечает Достоевский во вступлении к “Дневнику писателя” 1873 г. — я очень хвалил ему одно его сочинение — “С того берега”» (ДЗ0; 21: 8).

Это случилось как раз во время их итальянской встречи. Но Достоевский не уточняет время и место. Так же как никогда не упомянет он о своем лондонском визите.

Что происходит в Северной Пальмире

Не пора ли, однако, остановиться на историческом или, если угодно, событийном подтексте «Зимних заметок...»? Вернее, на том, что происходило в Петербурге накануне и во время заграничного путешествия их автора. Эти *летние впечатления*, хотя и оставшиеся за пределами «Зимних заметок...», оказались далеко не безразличными ни для российской истории, ни для самого Достоевского.

Как помним, 7 (19) июня, ровно за месяц до встречи с Герценом, он выезжает из Петербурга. Прошла всего неделя после прекращения грандиозных майских пожаров, охвативших северную столицу: сгорели Толкучий рынок, Апраксин двор, Министерство внутренних дел, десятки домов на Лиговском проспекте, в Солдатской слободе, на Малой и Большой Охте... Император Александр II, явившийся на пожар и прошедший пешком от Чернышёва моста до Садовой улицы, возможно, повторял про себя строки из «Медного всадника», вложенные Пушкиным в уста его дяди, императора Александра I: «С Божией стихией Царям не совладать». Молва, правда, не очень-то верила в божью стихию. Ходили упорные слухи, что поджигают нигилисты (только недавно вышли «Отцы и дети»), студенты и, возможно, поляки. Власть, понятно, с опровержениями не спешила.

В эти дни, в конце мая 1862 г., Достоевский неожиданно посещает Н. Г. Чернышевского. Он предъявляет ему найденную на ручке своей двери прокламацию «Молодая Россия» (вспоминая это, Достоевский ошибочно именуется «К молодому поколению»: последняя была написана Шелгуновым осенью 1861 г.). Позже в «Дневнике писателя» он засвидетельствует, что просил тогда Николая Гавриловича воздействовать на безумных авторов

этой возмутительной бумаги. Сам же Чернышевский говорит, что Достоевский горячо просил его остановить бедствие: «Вы близко знаете людей, которые сожгли Толкучий рынок, и имеете влияние на них. Прошу вас, удержите их от повторения того, что сделано ими»²⁴.

Следует, однако, согласиться с хорошо аргументированным мнением, что речь Достоевский вел исключительно о прокламации, а вовсе не призывал Чернышевского остановить пожары, к которым его собеседник не имел ни малейшего касательства. Спустя много лет, автор «Что делать?» просто контаминировал эти сюжеты [Розенблюм: 39]. Едва ли не в день визита Достоевского к Чернышевскому (30 или 31 мая) гостем была написана для «Времени» статья «Пожары». В ней автор самым категорическим образом отвергает подозрения в адрес «наших бедных студентов»:

«Там, где делается самый страшный упрек русскому юношеству, посвятившему себя науке, на которое справедливо возлагаются надежды всей мыслящей России, нельзя молчать» [Розенблюм: 49]²⁵.

Более того, Достоевский выказывает дерзкое предположение, что подобные толки не могли возникнуть в народе сами собой, «а очень может быть, они перешли в него извне». Это почти прямой намек на возможность спланированной (не исключено, с участием правительства) провокации. Недаром император, прочитавший статью в гранках (об этом речь впереди), отчеркнул эти слова карандашом на полях.

Во всей периодике того времени мы не встретим столь откровенной и страстной защиты студенческого сословия. О самой же прокламации «Молодая Россия» Достоевский говорит, что, скорее всего, ее составители — «три золотушных школьника, из которых старшему уже, наверное, не более

Илл. 5. Пожар в Апраксином дворе
28 мая 1862 г. Литография

Fig. 5. Fire in the Apraksin Dvor
on May 28, 1862. Lithography

²⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1939. Т. 1. С. 187. Этот сюжет рассмотрен также в содержательной книге В. К. Кантора ««Срубленное дерево жизни». Судьба Николая Чернышевского» — см.: [Кантор: 263–265].

²⁵ Аргументы в пользу авторства Ф. М. Достоевского см. в указанном томе «Литературного наследия»: [Розенблюм].

тринадцати лет»²⁶). Он не столь сильно ошибался. Сочинителем, призывавшим к большой крови, беспощадному террору и истреблению династии, оказался 20-летний П. Заичневский, студент физико-математического факультета Московского университета. Написавший свою *пламенную* бумагу («революция, революция, кровавая и неумолимая») в дни полицейской отсидки, он изрядно напугал Петербург и одновременно споспешествовал явному повороту общественного мнения в пользу существующей власти. Иными словами, добился результата, прямо противоположного ожидаемому²⁷).

Толков относительно поджогов было не счесть. Но в том, что это именно поджоги, были уверены практически все. Причем обсуждались версии самые невероятные.

«Говорят тоже, что в заговоре Петрашевский; была программа пожаров и что эта программа сбывается», — пишет М. Г. Карташевская В. С. Аксаковой 26–27 мая 1862 г. (цит. по: [Розенблюм: 26]). И много позже, в примечаниях к письмам Ф. И. Тютчева жене, многознающий И. П. Бартенев отметит: «Поджоги велись по тому самому плану, который был составлен еще в 1849 г. Петрашевским с братиею. Слышал от И. П. Липранди»²⁸).

Знал ли Достоевский об этих слухах? Среди «братии» мог, естественно, находиться и он сам. Но неужели Липранди, досконально знавший дело петрашевцев, был распространителем этих пиротехнических баек? Петрашевскому, доживавшему свои дни в сибирской глуши (в том числе, некоторое время в «ленинском» Шушенском!), возможно, польстили бы эти наветы. Но Достоевскому они вряд ли понравились бы. М. Г. Карташевская пишет о петербургских событиях: «Разбойники!.. <...> Тут, конечно, не без Герценовского участия» (цит. по: [Розенблюм: 26]) (мнение отнюдь не исключительное: так, в Берлине появились изображения Герцена, поджигającego северную столицу). Итак, Герцен, Петрашевский и — потенциально — Достоевский оказываются в одной компании.

Что пожары «в связи с прокламациями, — пишет 6 августа / 25 июля 1862 г. К. Д. Кавелин Герцену (Герцену!), — в этом нет теперь ни малейшего сомнения». То есть транслирует точку зрения *большинства*. «Аресты, — замечает тот же корреспондент, — меня не удивляют; и признаюсь тебе, не кажутся возмутительными»²⁹). Кавелин надеется найти в старом приятеле сочувствие и понимание.

---

²⁶) По поводу этих строк М. М. Достоевский 8 июня (на следующий день после отъезда брата) был вызван в Следственную комиссию — с требованием назвать имена «трех золотушных школьников». Михаилу Михайловичу пришлось оправдываться, что указанный пассаж — не более чем литературное выражение.

²⁷) См.: [Козьмин].

²⁸) Русский архив. 1899. № 8. С. 594. См. также: [Розенблюм: 26].

²⁹) Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Genève: H. Georg, Libraire éditeur, 1892. С. 80–82.

Кстати, отдавая должное прошлым заслугам Герцена, радикальнейший автор «Молодой России» упрекает его в идейной отсталости, утрате «революционного задора» и т. д. Наверное, эти материи мало волновали Достоевского. Но можно ли сомневаться в том, что тема пожаров и «Молодой России» затрагивалась во время лондонской встречи?

Еще до отъезда Достоевского М. Н. Катков в легальной печати (впрочем, не называя запрещенного имени) напишет о «свободном артисте», который «уже серьезно воображает себя представителем русского народа, решителем его судеб» и который «вербует себе приверженцев во всех уголках Русского царства, и сам, сидя в безопасности за спиной лондонского полисмена, для своего развлечения высылает их на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью...»³⁰⁾.

Фактически Катков обвинял лондонского изгнанника в идейной провокации и подстрекательстве тех самых студентов, в защиту которых выступил Достоевский.

В день, предшествующий отбытию автора «Записок из Мертвого дома» в Европу, в «Современной летописи» появляется новая статья Каткова «Наши заграничные refugies³¹⁾...»:

«Недавно случилось нам упомянуть о русских агитаторах, проживающих комфортабельно за морями: разве то, что они делают, не те же поджоги? Или они так невинны, что не понимают, к чему клонятся их манифесты?»³²⁾.

Статья была доложена царю и им одобрена. Это означало, что отныне с лондонскими изгнанниками не возбраняется диалог.

Очевидно, поэтому — на сей раз в «Русском вестнике» — публикуется катковская «Заметка для издателей “Колокола”», где имя Герцена обозначено гласно. Катков дает здесь полную волю своему, по уверению В. В. Розанова, золотому перу:

«Он, — говорится о Герцене, — остался все тот же — недоносок на всех поприщах, — кипящий раздражением пленной мысли, бесспорно утвердивший за собой только одно качество, — качество бойкого остряка и кривляки...»³³⁾.

Затрагивается в катковской статье и «Молодая Россия», в связи с которой Достоевский недавно решил побеспокоить Чернышевского. И тут Герцену навязывается та роль, от которой Достоевский хотел бы предостеречь главного сотрудника «Современника»:

³⁰⁾ Современная летопись. 1862. 16 мая. № 20. С. 11–13.

³¹⁾ Беженцы (франц.).

³²⁾ Современная летопись. 1862. 6 июня. № 23.

³³⁾ Русский вестник. 1862. № 6. С. 837.

«Бездушный фразер, не видит, в чем уголовщина. Ему ничего, — пусть прольется кровь этих “юношей-фанатиков”! Он в стороне, — пусть она прольется»³⁴⁾.

На сокрушительную статью Каткова Герцен ответил не менее сокрушительно — в «Колоколе» от 15 июля. То есть буквально накануне (за день) до своей встречи с Достоевским. Упоминается в этой статье и дошедшая наконец до Лондона «Молодая Россия»:

«Мы прочли его (текст прокламации. — *И. В.*), — пишет Герцен, — раз, два, три раза... со многим очень не согласны <...> но, по совести, признаемся, не понимаем ни белую горячку правительства, ни хныканье добросовестных журналов, ни душесмятения <...> платонических любовников прогресса»³⁵⁾.

Но еще ранее, 22 июня, в день, когда Достоевский перемещался между Берлином и Дрезденом, в «Колоколе» появилась статья Искандера (И-р) «Дурные оружия» (Достоевский мог видеть этот номер «Колокола» по дороге в Лондон или у Трюбнера), где автор жестко отвечал на инсинуации «Современной летописи»:

«Но что нас удивило — это отсутствие того такта, того декорума, того нравственного чутья, по которому человек никогда не берется за некоторые оружия. Как могли они под влиянием раздраженного самолюбия наклониться до полицейской лужи и с ее дна брать камень для своего праща»³⁶⁾.

(Эти *разборки* стали первым сигналом близкого общественного поворота: от Герцена — к «закону и порядку». Поворота, который был довершен польским восстанием 1863 г.)

Не приходится сомневаться, что в дни лондонского общения указанные темы так или иначе затрагивались собеседниками. Не об английской же погоде было им толковать.

Странные сближенья

Вспоминая в «Былом и думах» пик своей популярности (1857–1863), Герцен писал:

«Кого и кого мы не видали тогда!.. как многие дорого заплатили бы теперь (1867 г. — *И. В.*), чтобы стереть из памяти, если не своей, то людской, свой визит... Но тогда, повторяю, *мы были в моде*» (ГЗ0; 11: 297).

Герцен вспоминает эти тайны лондонского двора не без некоторого ностальгического чувства:

³⁴⁾ Там же.

³⁵⁾ Колокол. 1862. 15 июля. Л. 139.

³⁶⁾ Колокол. 1862. 22 июня. Л. 137.

«“Колокол” — власть», — говорил мне в Лондоне, *horribile dictu*³⁷⁾, Катков и прибавил, что он у Ростовцева лежит на столе для справок по крестьянскому вопросу... И прежде его повторяли то же и Т<ургенев>, и А<ксаков>, и С<амарин>, и К<авелин>, генералы из либералов, либералы из статских советников, придворные дамы с жаждой прогресса и флигель-адъютанты с литературой...» (ГЗ0; 11: 301).

С Михаилом Никифоровичем Катковым Достоевский близко сойдется позже: в «Русском вестнике» будут напечатаны четыре романа из «великого пятикнижия». При этом отношения с издателем будут далеко не безоблачными³⁸⁾.

Но вернемся к другой, петербургской встрече — за несколько дней до отбытия одного из ее участников в Европу. Чернышевский объясняет незапный визит к нему Достоевского тем, что писатель «имеет нервы, расстроенные до беспорядочности, близкой к умственному расстройству». И все-таки, зная об этом, посещаемый не полагал, что болезнь гостя «достигла такого развития»³⁹⁾. Все это заявляется через много лет, *задним числом*. В этой ретроспекции аккумулированы позднейшие толки о покойном писателе, воспроизведен привычный миф, утвердившийся в массовом сознании. Герцен, беседовавший с Достоевским несколько недель спустя, не усматривает в его поведении никаких отклонений. Разве что «не вполне ясный». Это, однако, не диагноз.

Между тем причин для беспокойства у Достоевского было более чем достаточно. Хотя он пока ничего о них не ведал.

Речь идет о судьбе его любимого детища — журнала «Время».

Цензурное разрешение на выход шестого номера «Времени» (откуда была изъята статья «Пожары») — 8 июня 1862 г.: накануне, 7-го, Достоевский отбыл из Петербурга. Едва ли он мог предположить, что гранки запрещенной статьи лягут на стол к императору.

«Кем написана?» — строго спросит Александр II: его карандашные пометы остались (о чем уже говорилось выше) на цензурном экземпляре. Неясно, получил ли царь исчерпывающий ответ: потенциальным автором мог считаться и официальный издатель «Времени» М. М. Достоевский. Кстати, помимо политических акцентов высочайшего читателя, может быть, еще покоробил *стиль*?

«Залп хохоту должен был встретить глупый листок <...>, — говорит Достоевский о “Молодой России”. — Но несколько хилых старцев в подагре и хирагре с старобабьим умом, переменявшие по прочтении глупого листка свое белье и даже тут не догадавшиеся о настоящем употреблении этого

³⁷⁾ Страшно вымолвить (лат.).

³⁸⁾ См. подробнее: [Волгин, 2017а; 2020].

³⁹⁾ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1939. Т. 1. С. 777.

листка, — эти старцы почувствовали страшный, паралитический страх. Все это принялось с кашлем и удушьем проповедовать гибель» (цит. по: [Розенблюм: 51]).

Намек на «хилых старцев со старобабым умом», обвинявших в поджогах представителей молодого поколения, мог быть понят очень расширительно.

Интересно, что в своей статье в «Колоколе» Искандер прибегает к стилистике и семантике, весьма схожим с той, какая имеет место в запрещенной статье из «Времени»:

«Как мало надобно нашим женским нервам, чтоб испугаться, бежать назад, схватиться за фалду квартального...»⁴⁰⁾.

«Старобабий ум» у одного и «женские нервы» у другого взяты из одного образного ряда⁴¹⁾.

Через неделю после отъезда Достоевского, 15 июня, согласно недавно утвержденным «Временным правилам о печати», на восемь месяцев был приостановлен «Современник». На такой же срок приостанавливалось и «Русское слово».

Достоевский не предполагал, что подобная участь может грозить и «Времени».

10 июня А. Ф. Голицын, председатель Следственной комиссии, специально созданной в связи с событиями в Петербурге (в 1849 г. он руководил Особой комиссией по разбору бумаг арестованных петрашевцев), в своем всеподданнейшем докладе предлагает применить ко «Времени» указанную выше санкцию. «Согласен», — налагает резолюцию государь [Розенблюм: 34].

Удивительно: правительственная репрессия предлагается не за напечатанный, общедоступный, а — за остановленный, не дошедший до публикации текст. В истории отечественной журналистики трудно найти подобный прецедент.

12 (24) июня Достоевский играет в Висбадене на рулетке: надо полагать, впервые в жизни⁴²⁾. Иными словами, играет с судьбой.

В этот день министр народного просвещения А. В. Головин возвращает министру внутренних дел П. А. Валуеву отношение князя А. Ф. Голицына — о судьбе журнала братьев Достоевских. «...Я, — пишет министр, — просмотрел несколько книжек журнала “Время” и не нашел в них вредного направления, которое могло бы оправдать какие-либо строгие меры против этого издания»⁴³⁾. Валуев, в свою очередь, доводит это спасительное резюме

⁴⁰⁾ Колокол. 1862. 15 июля. Л. 139.

⁴¹⁾ На это сходство указывает также в своей статье Н. Г. Розенблюм: [Розенблюм: 37].

⁴²⁾ Очевидно, он проигрался. «Ради Бога, не играй больше, — пишет брату М. М. Достоевский. — Где уж с нашим счастьем играть» [Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования: 534].

⁴³⁾ [Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования: 34].

до высочайшего воззрения. В итоге: «Государь император изволил разрешить не прекращать издание журнала “Время” ныне, но с тем, чтобы за ним имелось наблюдение. Царское село 22 июня 1862 г.»⁴⁴⁾

Правительственная кара была отсрочена. «Время» запретят — и уже навсегда — ровно через год, но уже совершенно по иным основаниям.

Однако цепь *странных сближений*, сопутствующих лондонской встрече двух знаменитых русских писателей, на этом не заканчивается.

2 (14) июля — за два дня до свидания в Лондоне — в Петербурге арестовывают Д. И. Писарева. Публицист «Русского слова» вознамерился напечатать (разумеется, в подпольной типографии) статью в защиту Герцена. Статья была направлена против изданной в Берлине на французском языке брошюры Шедо-Ферроти (барона Фиркса: как полагают, агента русского правительства). Лондонский изгнанник подвергся в упомянутой брошюре тотальному поношению. Произведение Шедо-Ферроти с поощрения власти свободно ввозилось в Россию и, естественно, хорошо продавалось. Не упоминаемый (до выступления Каткова) «на языке родных осин» Герцен отозвался не без издевки: «перестать быть намеком, крепким словом, которого в печати не употребляют, равняется победе»⁴⁵⁾.

Дмитрий Писарев в своей статье-прокламации не просто попытается защитить Герцена и уничтожить «плоскую посредственность» Шедо-Ферроти. Он закончит ее призывом, за которым последуют четыре года отсидки в Петропавловской крепости:

«Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти. То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы»⁴⁶⁾.

Достоевский никогда не увидит этого листка, написанного, правда, гораздо талантливее, нежели «Молодая Россия» (но в конечных выводах не менее радикального). Зато он вполне мог быть знаком с брошюрой Шедо-Ферроти. И если так, то это сочинение отнюдь не отвратило его от поездки ко всячески поносимому в нем лицу. И опус Шедо-Ферроти тоже мог быть упомянут в их зарубежных беседах.

Они пока ничего не знают о том, что в эти дни происходит на родине.

Достоевский выбрал не лучшее время для своего европейского турне. 19 июля — в часы, когда он собирается покинуть Лондон и Герцен дарит ему свою фотографию, в Петербурге приходят за Чернышевским. Первоначально один из редакторов «Современника» был взят по подозрению в противо-

⁴⁴⁾ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 7–9. См. также: [Розенблюм: 35].

⁴⁵⁾ Колокол. 1862. 8 апреля. Л. 128.

⁴⁶⁾ Писарев Д. И. Полн. собр. соч.: в 6 т. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1907. С. 130.

законных сношениях с «лондонскими пропагандистами». Сношения заключались в том, что отъезжавший из Лондона приятель Кельсиева П. А. Ветошников вызвался передать Н. А. Серно-Соловьевичу (последний был арестован в один день с Чернышевским) письмо Огарева. Герцен сделал к нему маленькую приписку — о готовности издавать за свой счет «Современник» (приостановленный, как помним, на восемь месяцев) «здесь с Чернышевским или в Женеве» (ГЗ0; 27₂: 707). Агент III Отделения Г. Г. Перетц, скромно расположившийся среди герценовских гостей, донес: 1 июня (19 мая) Ветошников был взят на границе. Герцен никогда не мог простить себе этой конспиративной небрежности.

Наряду с письмом Огарева захватили известный дагерротип Левицкого — тот самый герценовский портрет, который будет вручен Достоевскому несколько недель спустя.

Знаменательно, что обвинение, которое привело к аресту Чернышевского, в окончательном приговоре отсутствует. Следственная комиссия и Правительствующий сенат пришли к заключению, что «нет основания полагать Чернышевского виновным в участии с Герценом в его стремлениях пропаганду ниспровергнуть существующий в России образ правления, а по сему по обвинению этому <...> его следует признать недоказанным»⁴⁷⁾.

Всезнающая власть не подозревала, что Чернышевский и Герцен имели удовольствие быть лично знакомыми.

В июне 1859 г. Чернышевский приезжает в Лондон: необходимо объяснить. В «Колоколе» вышла статья «Very dangerous», где Герцен неожиданно (и не очень ловко) задел «Современник» и заодно — сатирическое к нему приложение «Свисток». Этот реприманд (а если применить к данной размовке позднейшее определение Достоевского — «раскол в нигилистах») изумил их потенциальную аудиторию. Вознегодовал Некрасов (заметивший, что Герцен, дружески ехавший рядом, огрел его арапником), взволновался в дневнике Добролюбов. Поэт отправиться в Лондон не мог: они с Герценом пребывали в ссоре из-за пресловутого «огаревского наследства»⁴⁸⁾. Прямолинейный и резкий Добролюбов лишен дипломатических талантов: существовала вероятность, что он лишь усугубит ситуацию. Выбор пал на самого «деликатного» сотрудника «Современника».

Чернышевский, как и Достоевский, не знал ни слова по-английски. Чтобы добраться по адресу, он писал его на бумажке, которую предъявлял случайным прохожим. К Герцену он явился 24 июня / 6 июля 1859 г.

Визит Чернышевского сохранялся в глубокой тайне. Ни Герцен, ни его посетитель не обмолвились об этом ни словом. Правду знало всего несколько человек.

⁴⁷⁾ Колокол. 1865. 1 января. Л. 193.

⁴⁸⁾ См.: [Черняк].

Тем не менее остался документ: «Эстетические отношения искусства к действительности» (СПб., 1855) с дарственной надписью «Александрю Ивановичу Герцену с благоговением подносит автор»⁴⁹⁾ (Достоевский дарил свои «Записки из Мертвого дома», как помним, «с глубочайшим уважением»). Трудно предположить, что знаменитая диссертация, которую Тургенев в сердцах именовал «поганая мертвечина», произвела на автора «Былого и дум» благоприятное впечатление.

Знал ли Достоевский об этом сверхсекретном визите? Никто не задавал этим вопросом. Но на него — косвенно — ответил сам Достоевский.

В статье с характерным названием «Нечто личное», напечатанной в журнале «Гражданин» в 1873 г., Достоевский как бы вскользь замечает:

«Герцен мне говорил, что Чернышевский произвел на него неприятное впечатление, то есть наружностью, манерой. Мне наружность и манера Чернышевского нравились»⁵⁰⁾ (ДЗ0; 21: 25).

Когда и где делился Герцен подобными наблюдениями?

В 1862 г., толкуя в Лондоне, в том числе и о «Молодой России», собеседник Герцена не мог не поведать ему о своем разговоре на ту же тему с будущим автором «Что делать?». В свою очередь, Герцен, возможно, решил поделиться своими личными — трехлетней давности — впечатлениями. Так Достоевский был допущен в круг *посвященных*.

Достоевский в «Гражданине» не упоминает о своей давней поездке. Конечно, слова Герцена о Чернышевском могли быть сказаны им и позже — при их встречах в Италии или в Швейцарии. Но те свидания были случайны и непродолжительны: одно в 1863 г. — в присутствии А. П. Суловой (о чем уже говорилось выше), другое в 1867 г. — когда в Женеве они сказали несколько фраз друг другу в «враждебно-вежливом тоне» (ДЗ0; 28₂: 282). В 1863 г. Чернышевский уже больше года находился в Петропавловской крепости и маловероятно, что Герцен стал бы характеризовать его в подобных выражениях. Так что, скорее всего, речь о тайном госте заходила в Лондоне.

Вернемся опять к событиям в Петербурге. Нельзя не обратить внимания, что они теснейшим образом связаны с *типографической* темой. Той самой, у истоков которой стоял молодой Достоевский.

⁴⁹⁾ Хранится в музее А. И. Герцена в Москве.

⁵⁰⁾ Со своей стороны, Чернышевский незадолго до смерти заметил: «Я ломаю каждого, кому вздумаю помять ребра; я медведь. Я ломал людей, ломавших все и всех, до чего и до кого дотронутся; я ломал Герцена (я ездил к нему дать ему выговор за нападение на Добролюбова: и — он вертелся передо мной, как школьник)» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1950. Т. 15. С. 790).

Опасный след

«Заводите типографии! Заводите типографии! — отчаянно воззвал Герцен в 105-м листе “Колокола” от 15 августа 1861 г. — Теперь самое время».

Призыв был услышан: «Великорусс», «К молодому поколению», «Молодая Россия» вышли в свет. 15 июня (по ст. стилю) 1862 г. полиция нагрянула в «Карманную типографию» П. Д. Баллода: там обнаружилась готовая к печати писаревская статья.

Что касается арестованного через несколько дней Чернышевского, окончательный приговор по его делу тоже был связан с типографским станком. Воззвание «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», приписанное ведущему сотруднику «Современника», предназначалось для подпольной печати (Чернышевский был «пойман» на том, что якобы вносил исправления в текст, так и не достигнувший печатного станка). На сей раз «типографический след» не был замят: обвиняемый получил по полной.

В 1849-м участники «типографической семерки» были почти у цели. Герцен довел дело до конца. Знал ли он, что у него имелись *предшественники*? Впрочем, в «Полярной звезде» был напечатан приводимый ниже документ.

17 августа 1849 г. уже упомянутый выше И. П. Липранди пишет в Следственную комиссию: «Впоследствии, как я слышал, открыто комиссиею, что была заготовлена и тайная типография, долженствовавшая скоро начать работу и действовать, конечно для удобства распространения идей, а, может быть, уже и для печатания воззваний»⁵¹). Речь идет о том же, затеянном Достоевским с сотоварищами деле. Затрагивалась ли эта *деликатная* тема в их беседах?

Чернышевский, отвергая причастность к типографии, вряд ли подозревал, что он «встраивается» в некую историческую парадигму. Не подозревал об этом и Достоевский. «Никогда, — скажет он в 1873 г. о процессе над Чернышевским, — ничего не мог я узнать об этом деле; не знаю до сих пор» (ДЗ0; 21: 26). Наверное, он сильно бы удивился, узнай о тайной переключке сюжетов. Но еще более поразил бы его факт, также ему неизвестный.

18–19 (6–7) июля 1862 г. — в дни, когда он мирно общался с Герценом, в Ясной Поляне прошел полицейский обыск. Искали, разумеется, типографию.

Л. Н. Толстой пребывал «на кумысе», в башкирских степях. Внезапный приезд жандармов напугал его домашних. Обыск оказался следствием ложных доносов: ничего *криминального* не нашли. Хотя при этом переворошили

---

⁵¹) Отрывок из мнения действительного статского советника Липранди. В высочайше утвержденную комиссию о злоумышленниках под председательством генерал-адъютанта Набокова (Полярная звезда. 1862. Кн. 7. Вып. 1. С. 39). Этот выпуск «Полярной звезды», где опубликованы и другие материалы о петрашевцах (с упоминанием Достоевского), вышел осенью 1861 г., и более чем вероятно, что Достоевский был знаком с его содержанием.

толстовский кабинет, рылись в письмах и интимных дневниках многопишущего хозяина. Пока длился обыск, подвизавшиеся при яснополянской школе студенты изловчились вынести и перепрятать подаренный Толстому герценовский портрет: очевидно, все тот же.

Вернувшийся из Самары Толстой был в ярости. У него даже возникло желание покинуть возлюбленное отечество. (Но: «К Герцену я не поеду. Герцен сам по себе, я сам по себе» (Т30; 60: 435).) Он пишет письмо императору Александру II: при соблюдении эпистолярных приличий и норм в нем прорывается с трудом скрываемая обида.

Странная вещь, непонятная вещь! — как выразился бы поэт. В июле 1862 г. «типографическая идея» незримо связывает нескольких не самых заурядных русских литераторов — Достоевского, Герцена, Чернышевского, Писарева, Толстого. Они никогда не осознают этой общей зависимости. (Хотя, кто знает, не поделился ли Достоевский с Герценом своей давней тайной.) В этой ситуации сокрыт не только сиюминутный, но и глубокий исторический смысл. Тяга русского слова к публичности, к бесцензурности, а, говоря проще, к свободе материализуется в настоятельных попытках «завести типографию». Но лондонская печатня остается единственным вполне удавшимся проектом. Иные пока факультативны.

Если в 1859 г. визит Чернышевского к Герцену остался неизвестен властям, то через три года они стали куда проницательнее. В конце июля агент III Отделения (выполнявший в данном случае функции внешней разведки) общается в Петербург имена тех, кто посещал лондонского изгнанника.

3/15 августа сверхинформированный Герцен (ссылаясь на верный польский источник) помещает в 141-м листе «Колокола» «Список лиц, которых правительство распорядилось арестовать по возвращении из-за границы». Последним в указанном списке значится Достоевский⁵²⁾ (Т30; 15: 381–383). Успел ли Достоевский увидеть это предостережение? Он возвращается в Россию 4 сентября (23 августа по ст. стилю) 1862 г. В его заграничном паспорте значится: «Вержболово. Предъявлен при приезде» (см.: [Брусовани, Гальперина: 287]). Потребовали ли от него предъявить что-либо еще?

До последнего времени на эти вопросы не существовало однозначных ответов. Но вновь найденные документы позволяют прояснить дело.

24 августа 1862 г. Вержболовская таможня (принадлежащая Министерству финансов) «имеет честь донести» в III Отделение, «что вечером вчерашнего числа возвратился из-за границы отставной подпоручик Федор Михайлович

⁵²⁾ Некоторые из этих лиц (Н. Г. Рубинштейн, С. П. и А. А. Боткины, Г. Г. Перетц (агент III Отделения!) и др.) были подвергнуты обыску, но у них «ничего подозрительного» обнаружено не было. Как свидетельствует Г. Ф. Коган, на основании поступивших в III Отделение донесений Достоевский был отнесен шефом жандармов В. А. Долгоруковым к категории тех лиц, которые посещали Герцена не из простого любопытства, а участвовали «более или менее в преступных его намерениях» [Коган: 596]. Интересно, что конкретно имели в виду те, кто поставлял начальству эту *криминальную* информацию?

Достоевский, и по строжайшем осмотре его не найдено ни при нем самом, ни в багаже его ничего подозрительного, кроме книг, поименованных в прилагаемом при сем реестре, и писем жены и брата его, опечатанныхъ въ одномъ пачке его же печатью»⁵³). Теперь не остается сомнений, что Достоевский внял герценовскому сигналу. Разумеется, ни «фотографической улики», ни каких-либо запрещенных изданий в личных вещах законопослушного путешественника обнаружено не было. (Не был ли передан герценовский портрет находящемуся вне подозрений Н. Н. Страхову?) Восемь частей «Отверженных» («Les Misérables») В. Гюго на французском языке и еще две французские книжки (одна из которых «Отец Горио» Бальзака) не могли почесться чем-то очень сомнительным. Равно как и безобидные русские издания — «Афины и Константинополь»⁵⁴) и «Небывалые люди»⁵⁵). И — вместо потенциально возможных «Колокола» или «Полярной звезды» — два номера благонадежнейшей «Северной пчелы». Все это не представляло никакого *специфического* интереса. Тем не менее означенные книги были препровождены в Санкт-Петербургский комитет цензуры иностранной.

Но на этом дело не кончилось. 31 августа генерал-майор Свиты Его Императорского Величества А. Л. Потапов (исполняющий обязанности начальника III Отделения) представляет на заседании Следственной комиссии указанное отношение Вержболовской таможни «с приложением оказавшихся у проезжавшего из-за границы в С. Петербург отставного по<дпо>ручника Федора Достоевского писем, которые он запечатал своею печатью, изъявив желание, чтобы оные вскрыты в его присутствии». Очевидно, Достоевский сумел настоять на том, чтобы изъятая у него корреспонденция во время ее передвижения по инстанциям оставалась недоступной для чужих глаз. Собственно, его и пригласили в Комиссию для свидетельствования писем в присутствии их владельца. Эта сугубо частная переписка, содержащая сведения семейного, порой интимного характера (заметим, что письма Марьи Дмитриевны, первой жены, до нас не дошли), была исследована членами Комиссии с невольного согласия адресата. «Для этого Достоевский был приглашен в Комиссию и по вскрытии, при его бытности, доставленного пакета с письмами в сих последних ничего предосудительного не найдено. *Положено*: письма сии возвратить Достоевскому, что и исполнено в присутствии Комиссии». Этот документ, поименованный как «Выписка из журнала Высочайше учрежденной в С. Петербурге Следственной Комиссии»,

⁵³) ГА РФ. Ф. 109 (III Отд.). 1 эксп. Д. 230. Ч. 82. Л. 1. В полном объеме материалы дела публикуются в статье: [Захарова].

⁵⁴) Скорее всего, имеется в виду одноименная книга А. Милюкова (СПб., 1859).

⁵⁵) Удалось выяснить, что это не что иное, как рецензия З-н (Е. Ф. Зарин) на журнальную публикацию во «Времени» «Униженных и оскорбленных». Статья Зарина с указанным названием была напечатана в «Библиотеке для чтения» (1862, № 1–2). Очевидно, у Достоевского был оттиск этой статьи. Не вполне ясно, зачем ему понадобилось везти в Европу этот далеко не выдающийся текст.

имеет гриф «Секретно». А само дело, находящееся в фондах III Отделения, озаглавлено так: «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний». Это делопроизводство той самой Следственной комиссии, которая занималась не только петербургскими пожарами, но и отслеживала все действия в отношении Чернышевского, Писарева и других «политических преступников». «Часть 82. О литераторе Федоре Достоевском. 1862 г.» — именно здесь содержатся приведенные выше документы⁵⁶.

Илл. 6. Управляющий Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал-майор А. Л. Потапов²

Fig. 6. Superintendent of the Third Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, Major General A. L. Potapov

Итак, будущий автор «Зимних заметок...» был реабилитирован в глазах правительства, хотя подвергся при этом довольно унижительным процедурам. Пора, однако, вернуться в Париж.

«Отойди от меня, Сатана»

Следует признать, Достоевский пробуждал любопытство не только у тружеников отечественного сыска. Оказывается, он мог быть интересен и полиции других стран.

Еще ранее, при пересечении французской границы (он въезжал в пределы Второй империи через Бельгию), в вагон к путешественнику подсаживается четверка странных попутчиков. У них нет «ни узелка, ни даже платья,

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 109 (III Отд.). 1 эксп. Д. 230. Ч. 82. Л. 1. О полицейском надзоре над писателем см. также: [Волгин, 2017b: 165–183], [Волгин, 2019: 188–204].

которые бы хоть сколько-нибудь напоминали человека дорожного». Они были «в каких-то легоньких сюртучках» и в несвежем белье (что автор «Зимних заметок...», всегда носивший, по свидетельству современников, белье исключительно чистое, не мог не отметить). «Небрежно посвистывая», они «равнодушно, но упорно поглядывали в окна кареты»⁵⁷⁾, как бы подчеркнуто не обращая внимания на своих спутников. Когда, проехав одну станцию, они дружно выскочили из вагона, некий швейцарец, ехавший вместе с Достоевским, объяснил наивному россиянину, что это — не кто иные, как полицейские агенты, шпионы, в чью непрременную обязанность входит запоминание примет всех иностранцев, прибывающих в пределы Второй империи. «Швейцарец не обманул меня, — говорит Достоевский. — В отеле, в котором я остановился, немедленно описали все малейшие приметы мои и сообщили их, куда следует. По точности и мелочности, с которой рассматривают вас при описании примет, можно заключить, что и вся дальнейшая ваша жизнь в отеле, так сказать, все ваши шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются» (ДЗ0; 5: 66).

У правительства Франции могли быть свои резоны. 14 января 1858 г. четыре итальянца во главе с Феличе Орсини, недовольные политикой императора в отношении их раздираемой усобицами родины, метнули под карету Наполеона III несколько бомб: 8 убитых и 142 раненых остались на месте. (В России до применения такого рода оружия дойдут нескоро: Зимний дворец будет взорван лишь 5 (17) февраля 1880 г.) Но вообще, после борений и смут Второй республики, Франция слыла довольно спокойной, *благоустроенной* страной. Историки называют эпоху Наполеона III золотым веком провокации, царством тайных агентов, доносчиков и соглядатаев. Не простаивали и добровольные помощники. Достоевский столкнулся с ними при заселении в очередной отель — причем весьма патриархально-го толка. Его владельцы, пожилые супруги («очень хорошие люди и чрезвычайно деликатны»), озаботились не только вопросом относительно общественного положения гостя (в конце концов предложили ему записать свое звание в наиболее приемлемом качестве — «собственник»), но и его особыми приметами, как то: ростом, цветом волос и т. д. Результаты осмотра были занесены хозяйкой гостиницы в особую книгу:

«— Позвольте, мсье, — продолжала она, кладя перо, вставая со стула и подходя ко мне с самым любезным видом, — вот сюда, два шага, к окну. Надо разглядеть цвет ваших глаз. Гм, светлые...

И она опять посоветовалась глазами с мужем. Они, видимо, чрезвычайно любили друг друга.

— Более серого оттенка, — заметил муж с особенно деловым, даже озабоченным видом. — *Voilà*, — мигнул он жене, указывая что-то над своею

---

⁵⁷⁾ Очевидно, описка Достоевского, поскольку речь везде идет о *вагоне*.

бровью, но я очень хорошо понял, на что он указывал. У меня маленький шрам на лбу, и ему хотелось, чтобы жена заметила и эту особую примету.

— Позвольте ж теперь спросить, — сказал я хозяйке, когда кончился весь экзамен — неужели с вас требуют такой отчетности?

— О мсье, это необ-хо-димо!..

— Мсье! — поддакнул муж с каким-то особенно внушительным видом» (Д30; 5: 67).

Первоначальные («летние!») впечатления вскоре подтвердились.

Париж под пером Достоевского предстает вместилищем лицемерия, ханжества и изощренной лжи. «Опыт о буржуа» — так называется глава шестая «Зимних заметок...». Столь беспощадной нравственной анатомии еще не подвергался этот мировой тип — ни в русской, ни в европейской литературе. Неслучайно будущий герой «Игрока», Алексей Иванович, станет утверждать, что фантазия современного француза «слагается из заранее принятых и давно уже опошлившихся форм. Натуральный же француз состоит из самой мещанской, мелкой, обыденной положительности, — одним словом, скучнейшее существо в мире» (Д30; 5: 239–240).

В характеристике, данной Алексеем Ивановичем «французику Де-Грие», угадываются те же мотивы, что присутствуют в «Опыте о буржуа». «Де-Грие был, как все французы, то есть веселый и любезный, когда это надо и выгодно, и нестерпимо скучный, когда быть веселым и любезным переставала необходимость. Француз редко натурально любезен; он любезен всегда как бы по приказу, из расчета» (Д30; 5: 239).

Соблюдение внешней формы, главная цель которой — прикрыть содержание, — вот методология не только авантюриста Де-Грие, но и других героев Достоевского. Лужин в «Преступлении и наказании», Ганечка Иволгин в «Идиоте», Кармазинов в «Бесах» — у всех у них внутренняя суть завуалирована приличным жестом, видимостью благородства.

На этой видимости держится вся социальная жизнь Парижа.

«Чего же более для совершенного счастья? Вот почему заглавия романов, как например “Жена, муж и любовник”, уже невозможны при теперешних обстоятельствах, потому что любовников нет и не может быть. И будь их в Париже так же много, как песку морского (а их там, может, и больше), все-таки их там нет и не может быть, потому что так решено и подписано, потому что все блеснит добродетелями. Так надо, чтоб все блестело добродетелями» (Д30; 5: 75).

«Потребность добродетели в Париже неугасима!» — продолжает Достоевский. И эта потребность прекрасно уживается с истинной страстью парижанина. А именно — с тем, что мы сейчас обозначили бы как главенствующую черту общества потребления:

«Накопить fortuna и иметь как можно больше вещей — это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизм парижанина. Это

и прежде было, но теперь, теперь это имеет какой-то, так сказать, священнейший вид» (ДЗ0; 5: 76).

В этом *вещественном* контексте понятие благородства утрачивает изначальный смысл и превращается в свою нравственную противоположность:

«Странный человек этот буржуа: провозглашает прямо, что деньги есть высочайшая добродетель и обязанность человеческая, а между тем ужасно любит поиграть и в высшее благородство. Все французы имеют удивительно благородный вид <...> Без неизъяснимого благородства он и спать не может спокойно» (ДЗ0; 5: 76, 77).

Между тем, говорит Достоевский, западный человек толкует о братстве. Но, оказывается, «сделать братство нельзя, потому что оно само делается, дается, в природе находится». И здесь автор «вдруг» называет обстоятельства, которые трудно отнести к ходу французской и вообще европейской жизни. Чтоб было братство, надо прежде всего любить, «надо, чтоб самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласие, и тянуло, несмотря на все вековые страдания нации, несмотря на варварскую грубость и невежество, укоренившиеся в нации, несмотря на вековое рабство, на нашествия иноплеменников, — одним словом, чтоб потребность братской общины была в натуре человека, чтоб он с тем и родился или усвоил себе такую привычку искони веков» (ДЗ0; 5: 80). Все эти исторические реалии имеют касательство скорее к России. Именно ее образ, как уже говорилось, неизменно возникает в глубинах повествования. Не отсюда ли начинается цепь умозаключений, ведущих к «Пушкинской речи»? К речи-«завещанию», где потребность братства провозглашена как основополагающее стремление русского человека, «всечеловека», дающее надежду на духовный подвиг и искупление.

Но пока, в координатах западного мира, благороднейшие идеалы — вроде тех, что были провозглашены Великой французской революцией, утрачивают первоначальный смысл и превращаются в социальную пародию:

«Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно» (ДЗ0; 5: 78).

Собственно, здесь действует та же авторская оптика: «благородный жест» на самом деле прикрывает реальную несвободу; настоящая свобода — в ее материальном эквиваленте — зависит от толщины кошелька.

Не отсюда ли, пожалуй, проистекает традиционная антибуржуазность российской поэзии и прозы? Иначе, сугубое недоверие к тем, чей «обрюзгший жир» вытекает по человеку «в чистый переулок»:

«Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей»⁵⁸⁾.

1 марта 1918 г. Александр Блок записывает в дневнике:

«Отойди от меня, Сатана, отойди от меня, буржуа, только так, чтобы не соприкоснуться, не видеть, не слышать; лучше я или еще хуже его, не знаю, но гнусно мне, рвотно мне, отойди, Сатана».

А за месяц до этого — другая запись:

«Сидеть у печки и читать Достоевского»⁵⁹⁾.

Но вот вопрос. Отправляясь в свой первый зарубежный вояж, был ли Достоевский приуготован к тому или иному восприятию Запада? То есть: сложился ли у него образ современной ему Европы еще до того, как его нога переступила границу России? Или же в «Зимних заметках...» отложились только те впечатления, которые были приобретены за время летнего турне?

Не будем повторять, что горячую любовь к «стране святых чудес», к ее истории и культуре он пронес через всю свою жизнь. Тем не менее маловероятно, что в 1862 г. он питал какие-то иллюзии относительно еще не виденного им Запада. И поездка только укрепила его в тягостных предчувствиях. Но при этом была выработана некая «формула», некая концепция Запада, которая практически не менялась до конца его дней. Ироническое отношение к «современному» немцу, легкое презрение к «современному» французу, брезгливость к буржуа вообще — все это сохранится, пожалуй, навсегда. Позднейшие зарубежные поездки только укрепят его в этих чувствах. И тем драматичнее будет осознаваться пропасть между великим европейским прошлым и неприглядным настоящим.

«Я хочу в Европу съездить, Алеша, — говорит младшему брату Иван Карамазов, — отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище... вот что!.. Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни, и плакать над ними, — в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище и никак не более» (ДЗ0; 14: 210).

Строго говоря, это *повтор*. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» сокрыты многие мировоззренческие истоки позднего Достоевского. Личное знакомство с Западом стало для него горьким и вместе с тем обнадеживающим уроком. Ибо в тексте просматривается альтернатива этому миру, там

⁵⁸⁾ Маяковский В. Нате! // Маяковский В. Стихи и поэмы. М., 1960. С. 44.

⁵⁹⁾ Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М., Л.: Худож. лит., 1963. Т. 7. С. 328, 324.

явлен намек на то, что возможен иной исход. Это чувство будет сопровождать Достоевского до могилы. Он говорит:

«Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности» (ДЗ0; 5: 79).

Можно сказать, что он «на себе» исполнил этот завет. Он исполнил его в «высшем смысле», ибо все его творчество было жертвой, принесенной на искупление наших общих грехов. Недаром Герцен признал: «Верит с энтузиазмом в русский народ». И, может быть, долгожданное путешествие в западное *загробье* убедило его, что «святые чудеса» возможны и на его родине и что наивный шиллеровский призыв «Обнимитесь, миллионы!» прежде всего может найти отзвук в страдающем русском сердце.

Примечания

- 1 Фото предоставлено И. А. Желваковой, директором Московского Дома-музея А. И. Герцена.
- 2 Фото из издания: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 2: Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование императора Александра II. Кн. 2. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. С. 802.

Список литературы

1. Брусовани М. И., Гальперина Р. Г. Заграничные путешествия Ф. М. Достоевского в 1862 и 1863 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 272–292.
2. Волгин И. Л. Последний год Достоевского. М.: АСТ, 2017. 780 с. (а)
3. Волгин И. Л. Пропавший заговор. Достоевский: дорога на эшафот. М.: Академический проект, 2017. 869 с. (б)
4. Волгин И. Л. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 735 с.
5. Волгин И. Л. Чудо в Женеве. А. Г. Достоевская и роман «Идиот» // Текст и традиция. СПб.: Росток, 2020. Альманах 8. С. 56–95.
6. Житомирская С. В. Судьба архива Герцена и Огарева // Герцен и Запад. М.: Наука, 1985. С. 549–640. (Литературное наследство; т. 96.)
7. Захаров В. Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 180–201 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (15.04.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2013.379
8. Захарова О. В. Дело 1862 года о литераторе Достоевском // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 3. С. 72–93 [Электронный ресурс]. URL: <https://unknown-dostoevsky.ru/journal/article.php?id=5621> (01.05.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5621
9. Кантор В. К. «Срубленное древо жизни»: судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 527 с.

10. Коган Г. Ф. Разыскания о Достоевском // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 581–605. (Литературное наследство; т. 86.)
11. Козьмин Б. П. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». М.: Изд-во Всес. о-ва политка-торжан и сс.-поселенцев, 1932. 171 с.
12. Летопись жизни и творчества Достоевского, 1821–1864: в 3 т. СПб.: Академический проект, 1999. Т. 1: 1821–1864. 544 с.
13. Паперно И. Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1850–1890-е годы) // Новое литературное обозрение. 2010. № 3 (103). С. 41–66.
14. Покровская Е. Б. Достоевский и Петрашевцы // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. Пб., 1922. С. 257–274.
15. Розенблюм Н. Г. Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский (Запрещенные цензурой статьи журнала «Время») / статья и публ. Н. Г. Розенблюма // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 16–54. (Литературное наследство; т. 86.)
16. Сергеенко П. А. Толстой и его современники. М.: Изд-е В. М. Саблина, 1911. 283 с.
17. Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / под ред. А. С. Долинина. Л.: АН СССР, 1935. 604 с.
18. Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.; Л.: Academia, 1933. 559 с.
19. Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М.: Мысль, 1966. 309 с.

References

1. Brusovany M. I., Gal'perina R. G. Fyodor Dostoevsky Overseas Travel, 1862–1863. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 8, pp. 272–292. (In Russ.)
2. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo* [The Last Year of Dostoevsky]. Moscow, AST Publ., 2017. 780 p. (In Russ.) (a)
3. Volgin I. L. *Propavshiy zagovor. Dostoevskiy: doroga na eshafot* [The Missing Conspiracy. Dostoevsky: The Road to the Scaffold]. Moscow, Akademicheskiiy proekt Publ., 2017. 869 p. (In Russ.) (b)
4. Volgin I. L. *Nichey sovremennik. Chetyre kruga Dostoevskogo* [Nobody's Contemporary. Four Circles of Dostoevsky]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 735 p. (In Russ.)
5. Volgin I. L. Miracle in Geneva. A. G. Dostoevskaya and the Novel “The Idiot”. In: *Tekst i traditsiya* [Text and Tradition]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2020, almanac 8, pp. 56–95. (In Russ.)
6. Zhitomirskaya S. V. The Fate of Herzen and Ogarev Archives. In: *Gertsen i Zapad* [Herzen and the West]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 549–640. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 96). (In Russ.)
7. Zakharov V. N. The Poetics of the Chronotope in Winter Notes on Summer Impressions by Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2013, issue 11, pp. 180–201. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (accessed on April 15, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2013.379 (In Russ.)
8. Zakharova O. V. The 1861 Case of the Writer F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 3, pp. 72–93. Available at: <https://unknown-dostoevsky.ru/journal/article.php?id=5621> (accessed on May 1, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5621 (In Russ.)

9. Kantor V. K. «*Srublennoe drevo zhizni*»: sud'ba Nikolaya Chernyshevskogo ["*The Cut Down Tree of Life*": the Fate of Nikolai Chernyshevsky]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 527 p. (In Russ.)
10. Kogan G. F. Investigations About Dostoevsky. In: *F. M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya* [F. M. Dostoevsky. New Materials and Researches]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 581–605. (Ser. "Literary Heritage"; vol. 86.) (In Russ.)
11. Koz'min B. P. P. G. *Zaichnevskiy i «Molodaya Rossiya»* [P. G. Zaichnevsky and the "Young Russia"]. Moscow, the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers Publ., 1932. 171 p. (In Russ.)
12. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 1: 1821–1864. 544 p. (In Russ.)
13. Paperno I. The Intimacy and History: Herzen's Family Drama in the Minds of the Russian Intelligentsia (1850–1890-ies). In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2010, no. 3 (103), pp. 41–66. (In Russ.)
14. Pokrovskaya E. B. Dostoevsky and Petrashevtsy. In: *F. M. Dostoevskiy. Stat'i i materialy* [F. M. Dostoevsky. Articles and Materials]. Peterburg, 1922, pp. 257–274. (In Russ.)
15. Rozenblyum N. G. Petersburg Fires of 1862 and Dostoevsky (Articles of the Journal "Vremya" Prohibited by the Censorship). In: *F. M. Dostoevskiy. Novye Materialy i issledovaniya* [Fyodor Dostoevsky. New Materials and Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 416–54. (Ser. "Literary Heritage"; vol. 86.) (In Russ.)
16. Sergeenko P. A. *Tolstoy i ego sovremenniki* [Tolstoy and His Contemporaries]. Moscow, Izdanie V. M. Sablina Publ., 1911. 283 p. (In Russ.)
17. *F. M. Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [F. M. Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1935. 604 p. (In Russ.)
18. Chernyak Ya. Z. *Ogarev, Nekrasov, Gertsen, Chernyshevskiy v spore ob ogarevskom nasledstve* [Ogarev, Nekrasov, Herzen, Chernyshevsky in the Dispute About the Ogarev Inheritance]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1933. 559 p. (In Russ.)
19. Eydel'man N. Ya. *Taynye korrespondenty «Polyarnoy zvezdy»* [Secret Correspondents of "The Polar Star"]. Moscow, Mysl' Publ., 1966. 309 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Волгин Игорь Леонидович, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, основатель и президент Фонда Достоевского, вице-президент International Dostoevsky Society, заслуженный профессор, факультет журналистики, Московский государственный университет (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Российская Федерация, 119019); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2313-1906>; e-mail: mail@volgin.ru.

Igor L. Volgin, PhD (Philology, History), Founder and President of Dostoevsky Foundation, Vice President of the International Dostoevsky Society, Emeritus Professor, The Faculty of Journalism, Moscow State University (ul. Mokhovaya 9c1, Moscow, 119019, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2313-1906>; e-mail: mail@volgin.ru.

Поступила в редакцию / Received 05.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.08.2021

Принята к публикации / Accepted 01.09.2021

Дата публикации / Date of publication 15.09.2021

Научная статья

УДК 930.25

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5621

Дело 1862 года о литераторе Достоевском

О. В. Захарова

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: ovzakh05@yandex.ru

Аннотация. Первое заграничное путешествие Достоевского летом 1862 г. проходило в условиях обострения политической ситуации в России. Этому способствовала радикальная революционная агитация в Петербурге, Москве, других городах, петербургские пожары, которые последовали за прокламациями и вызвали подозрения в поджогах. Для борьбы с радикальной пропагандой была учреждена Следственная комиссия по делам о распространении революционных воззваний под председательством кн. А. Ф. Голицына. В ее поле зрения оказался Ф. М. Достоевский, встречавшийся в Лондоне с Герценом в июле 1862 г. В статье рассматриваются не публиковавшиеся ранее материалы из следственного дела III Отделения «О литераторе Федоре Достоевском», которые позволяют уточнить не только факты биографии писателя, но и значение этого историко-литературного события. Среди них особый интерес вызывает реестр книг и бумаг, изъятых у Достоевского на границе. Их анализ позволяет понять, что волновало писателя, что он читал, о чем размышлял. Особое значение имеет первый номер журнала «Russische Revue», который был издан в мае 1862 г. Его редактор В. Вольфзон был свидетелем литературного успеха Достоевского в 1845 г. Он присутствовал на чествовании Достоевского в салоне князя Одоевского, был поклонником и переводчиком его произведений. В статье устанавливаются новые факты немецко-русских литературных связей 1840–1860 гг. и биографии Достоевского.

Ключевые слова: ГА РФ, III Отделение, Следственная комиссия, Достоевский, Герцен, Тургенев, Вольфзон, Russische Revue, биография

Для цитирования: Захарова О. В. Дело 1862 года о литераторе Достоевском // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 3. С. 72–93. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5621

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5621

The 1862 Case of the Writer F. M. Dostoevsky

Olga V. Zakharova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: ovzakh05@yandex.ru

Abstract. Dostoevsky's first trip abroad in the summer of 1862 took place in the midst of an aggravated political situation in Russia, facilitated by radical revolutionary unrest in St. Petersburg, Moscow and other cities, fires that followed the proclamations and raised suspicions of arson. To combat radical propaganda, an Investigative Commission for the dissemination of revolutionary appeals was established under the chairmanship of Prince A. F. Golitsyn. F. M. Dostoevsky, who

© О. В. Захарова, 2021

had met with Herzen in London in July 1862, came to its attention. The article examines materials from the investigation file of the III Department “On the writer Fyodor Dostoevsky,” which have not been previously published and which allow to clarify both the facts of the writer’s biography, and the significance of this historical and literary event. The register of books and papers seized from Dostoevsky at the border is of particular interest. An analysis allows to understand what concerned the writer, what he read and deliberated. The first issue of the magazine *Russische Revue*, published in May 1862, is of particular importance. Its editor V. Wolfson witnessed Dostoevsky’s literary success in 1845. He witnessed Dostoevsky’s triumph at the salon of Prince Odoyevsky, and was an admirer and translator of his works. The article establishes new facts of German-Russian literary contacts in 1840–1860 and Dostoevsky’s biography.

Keywords: The State Archive of the Russian Federation, Section III, Investigative Commission, Dostoevsky, Herzen, Turgenev, Wolfson, “*Russische Revue*”, biography

For citation: Zakharova O. V. The 1862 Case of the Writer F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 72–93. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5621 (In Russ.)

В архиве III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии имеется дело № 2 3 0 «О революціонномъ духѣ народа въ Россіи и о распространеніи по сему случаю возмутительныхъ воззваній. Часть 82. О литераторѣ Фѣдорѣ Достоевскомъ. 1862 г.». Оно заведено в связи с обострением внутривнутриполитической ситуации в стране, прежде всего в столицах — Петербурге и Москве, и с учреждением в мае 1862 г. Следственной комиссии по делам о распространении революционных воззваний и пропаганде под председательством кн. А. Ф. Голицына.

14 мая в Петербурге и Москве появилась прокламация «Молодая Россия», в которой прозвучал призыв «к революции кровавой и неумолимой», к уничтожению Императорской семьи, к радикальному переустройству России, созданию «социальной и демократической республики Русской» [Заичневский: 144–149]. В ночь с 15 на 16 мая в Петербурге начались двухнедельные пожары, которые последовали за прокламацией и дали повод к подозрительным суждениям в обществе.

Илл. 1. Литография неизвестного художника «Пожар 28 и 29 мая 1862 года в Санкт-Петербурге»

Fig. 1. Unknown artist. “Fire on May 28 and 29, 1862 in St. Petersburg”. Lithograph.

А. В. Никитенко записал в дневнике слухи в обществе о связи прокламации и пожаров:

«Общее мнение, что поджигают. Рассказывают, что в разных местах задержаны люди с горючими веществами» (29 мая 1862 года) (*Никитенко*: 276).

Одну из прокламаций Достоевский нашел у себя на дверной ручке:

«Однажды утромъ я нашель у дверей моей квартиры, на ручкѣ замка, одну изъ самыхъ замѣчательныхъ прокламацій, изо всѣхъ которыя тогда появлялись; а появлялось ихъ тогда довольно. Она называлась “Къ молодому поколѣнію”. Ничего нельзя было представить нелѣпѣ и глупѣ. Содержанія возмутительнаго, въ самой смѣшной формѣ, какую только ихъ злодѣй могъ-бы имъ выдумать, чтобы ихъ же зарѣзать» (*Достоевский*: 62).

В «Дневнике Писателя» Достоевский вспоминал, что ее появление «ошеломило» его, «никогда до этого дня не предполагалъ» он «такого ничтожества!» (*Достоевский*: 62).

Всю вторую половину мая Петербург был охвачен пожарами.

«Время» откликнулось на пожары редакционными статьями, в которых журнал встал на защиту студентов от обвинений в поджигании.

Первая статья «Пожары» была запрещена цензурой 1 июня 1862 г., а 3 июня была запрещена вторая — известная под названием «Мы прочли передовую статью в № 143 “Северной Пчелы”». Их цензурной истории и атрибуции посвящена обстоятельная статья Н. Г. Розенблюма [Розенблюм]. По мнению В. С. Нечаевой, «нельзя определить, кто был ее автор, но, несомненно, она выражала позицию редакции журнала» [Нечаева: 298]. Она обращает внимание на смелость, с которой автор вступает за молодежь, издевается «над паническим страхом верховной бюрократии», указывает на «злостный характер соединения факта появления прокламации с последовавшими почти тотчас после петербургскими пожарами» [Нечаева: 299]. Эти слова в равной мере можно отнести и к Михаилу, и к Федору Достоевским. Н. Г. Розенблюм приписал обе статьи Ф. М. Достоевскому, допуская «возможность некоторого участия» и М. М. Достоевского [Розенблюм: 36–38]. В пользу авторства Ф. М. Достоевского исследователь приводит следующие доводы: «...в первую очередь его перо, язвительная ироничность и острота его стиля, взволнованность, страстность, а отчасти быстрота, с которой была написана статья, столь характерные для Ф. М. Достоевского. Во-вторых, содержание, находящееся, как это уже отмечалось Томашевским, в согласии с другими высказываниями Ф. М. Достоевского. В-третьих, имеющиеся у нас сведения, что в эти годы Ф. М. Достоевский написал для журнала “Время” ряд публицистических статей, откликавшихся на события, волновавшие общество, и сведения, что М. М. Достоевский был лишь автором нескольких критических статей. Добавим к этому некоторую близость

статьи Герцена «Молодая и старая Россия» написанной вскоре после встречи с Достоевским, с запрещенными статьями «Времени»...» [Розенблюм: 37]. Пометы, исправления, вставки, написанные рукой Михаила, имеются на гранках статьи, представленной в цензурный комитет [Розенблюм].

Эту атрибуцию подтверждает математико-статистическое исследование по методике Г. Хетсо, в результате которого авторство статьи «Пожары» по 13 из 15 параметрам можно приписать Ф. М. Достоевскому. Похожий результат был получен при анализе статьи с использованием нейросети «Трансформер»: Ф. М. Достоевскому может принадлежать 100 % текста. По методике определения авторства «Лес решений» текст проверялся в паре «Ф. М. Достоевский против М. М. Достоевского». В результате этого исследования Ф. М. Достоевскому возможна атрибуция 100 % текста [Рогов и др.: 284]. Вместе с тем понятно, что это редакционная статья, и очевидно со-авторство М. М. Достоевского.

Говоря о причинах усиления политического надзора за писателем летом 1862 г., необходимо иметь в виду еще один факт.

В мае 1862 г., после начавшихся в Петербурге пожаров, писатель несколько раз встречался с Чернышевским. В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» датой визита Достоевского к Чернышевскому названы 16 или 17 мая [Летопись: 360–361]. Достоевский полагал, что Чернышевский может остановить поджигателей. Во время визита он убеждал его повлиять на молодых радикалов. Через несколько дней Чернышевский посетил Достоевского, в ходе встречи Достоевский дал согласие на публикацию отрывка «Записок из Мертвого Дома» в хрестоматии А. Д. Пуляты [Летопись: 361–362].

В конце мая Достоевский получил заграничный паспорт. 7 июня он выехал из Петербурга за границу. Маршрут поездки был разработан Достоевским заранее [Брусовани, Гальперина], [Волгин], [Захаров].

7 (19) мая Герцен в письме спрашивал Тургенева: «...где найти мне Достоевского воспоминания о каторге...» (*Герцен*, т. 27, кн. 1: 221), во второй раз он просил его выслать ему «Записки из Мертвого Дома» на адрес Н. Трюбнера [Летопись: 360]. 27 мая Тургенев, будучи в Петербурге, нанес визит в редакцию «Времени» и пригласил Достоевского и сотрудников редакции на обед. У Тургенева было несколько возможностей передать Достоевскому просьбу Герцена.

Уезжая за границу, Достоевский взял с собой несколько книг и оттисков статей, в том числе «Записки из Мертвого Дома». По мнению Волгина, Достоевский подарил Герцену не отдельное издание, которое еще не вышло, а собранный из оттисков журнальный вариант произведения [Волгин: 46]. Эта деталь показывает, что Достоевский заранее, еще в Петербурге, готовился к поездке в Лондон, чтобы встретиться с Герценом. Считается, что встреча Достоевского с Герценом произошла 4 июля. Об этом пишет сам Герцен в письме Огареву от 5 (17) июля (*Герцен*, т. 27, кн. 1: 247). В цитируемой

ниже справке III Отделения сообщается о встрече Достоевского с Герценом и Бакуниным в июне 1862 г. Противоречия в документах неустранимы, можно лишь определенно сказать, что в период с 28 июня (10 июля) по 8 (20) июля 1862 г. Достоевский несколько раз посетил Герцена, о чем агенты III Отделения тут же донесли в Петербург.

13 июля последовали санкции, о чем свидетельствует документ:

«Въ Июнь сего года, получено свидѣніе, что литераторъ Ѳеодоръ Достоевскій находясь за границую, свелъ тамъ дружбу съ изгнанниками Герценомъ и Бакунинымъ.

Вслѣдствіе сего предположено при возвращеніи его изъ за границы осмотрѣть его бумаги и книги.

<Ниже на полях справки дана помета карандашом:>

*О Достоевскомъ есть еще дѣло 1849 г. № 214
ч. 13»¹.*

15 августа 1862 г. Герцен опубликовал в «Колоколе» список лиц, которых правительство велело арестовать по возвращении из-за границы. Источником информации был «польский корреспондент», который прислал имена тех, кого русское правительство «велело задержать на первой польской станции железной дороги» (Герцен, т. 16: 229). В списке из 20 лиц был Достоевский, отнесенный к категории «мелких журнальных писателей: Альбертини, Достоевский, Мартьянов, Писемский, Черкесов, Касаткин, Калиновский, Сатин, Стасов, Ковалевский, Давыдов и Ветошников» (Герцен, т. 16: 229).

Герцен и его польский корреспондент намеренно провоцировали читателей искажением информации. Никто без повода не собирався арестовывать его посетителей, последовало всего лишь распоряжение о досмотре багажа при возвращении из-за границы.

14 (26) июля 1862 г. Достоевский выехал из Парижа в Германию, 15–17 (27–29) июля был Кельне и Дюссельдорфе на пути в Швейцарию, а в России уже начались новые мероприятия по надзору за собеседником Герцена.

В это время в Петербургский почтамт поступил пакет на имя М. М. Достоевского для передачи Ф. М. Достоевскому. Обнаружив его имя в адресе отправления, почтовые чиновники препроводили пакет в Санкт-Петербургскую таможню, а та — в III Отделение.

Из сопроводительного документа можно составить представление, о чем шла речь в распоряжении, на основании которого должен был проводиться осмотр вещей посетителей лондонского изгнанника:

«III <четвертая пагинация>

№ 2378².14 Июля 1862 г.³

Секретно.

МИНИСТЕРСТВО
Ф И Н А Н С О В Ъ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКАЯ
Т А М О Ж Н Я.

13 Июля 1862 г.
№ 405.

Разсмотреть
завтра и доложить
13 Июля⁴

оставить въ
3-мъ отдѣленіи⁵

Въ Третье Отдѣленіе
Собственной Его Императорскаго
Величества
Канцеляріи.

Г. Управляющій Департаментомъ
Внѣшней Торговли предписалъ: въ случаѣ
открытія при возвращеніи изъ загра-
ницы Федора Достоевскаго (литерато-
ра) запрещенныхъ книгъ, газетъ или
подозрительныхъ писемъ не медлен-
но отобратъ оныя и препроводить
въ III Отдѣленіе Собственной Его Им-
ператорскаго Величества Канцеляріи.

<III об.>

Нынѣ Почтамтъ препроводилъ въ С. Петербургскую Таможню 1 пачекъ,
адресованный на имя Михаила Достоевскаго, для передачи Федору Достоев-
скому⁶, въ коемъ при досмотрѣ оказались писанныя бумаги.

Препровождая при семъ означенный пачекъ въ III Отдѣленіе Собствен-
ной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, С. Петербургская Тамож-
ня имѣетъ честь покорнѣйше просить возвратить оный въ Таможню, для
выдачи по принадлежности, если со стороны III^{го} Отдѣленія признано бу-
детъ то возможнымъ. —

За Управляющаго <Подпись>

За Секретаря <Подпись>

За <нрзб> <нрзб> <Подпись>⁷.

Как видно, никакого ареста при возвращении не предполагалось.

Документ составлен в пятницу 13-го, рассмотрен в III Отделении в суб-
боту 14 июля, а уже в понедельник 16 июля М. М. Достоевский давал пись-
менные объяснения по поводу поступившего пакета:

«V⁸

[По вскрытіи при мнѣ] {Касательно} рукописи, присланной на имя брата моего Ѳедора Мих. Достоевскаго, находящагося въ настоящее время за границей, {и вскрытый при мнѣ,} я полагаю, что [эта рукопись] {она} имѣетъ отношеніе къ письму, полученному мною недавно отъ неизвѣстнаго мнѣ чиновника Зарубаев[ъ]{а}, — письму, въ которомъ онъ проситъ меня (или брата моего, не помню хорошенько) напечатать эту рукопись въ моемъ журналѣ. Сколько можно судить по слогу этого письма, я не думаю, чтобъ рукопись эта могла быть напечатана. Письмо это, полученное мною недѣли три тому назадъ, я буду имѣть честь представить, если только отыщу его.

Редакторъ “Времени” М. Достоевск<ій>

16 іюля⁹.

Поступившая из-за границы рукопись была приобщена к делу:

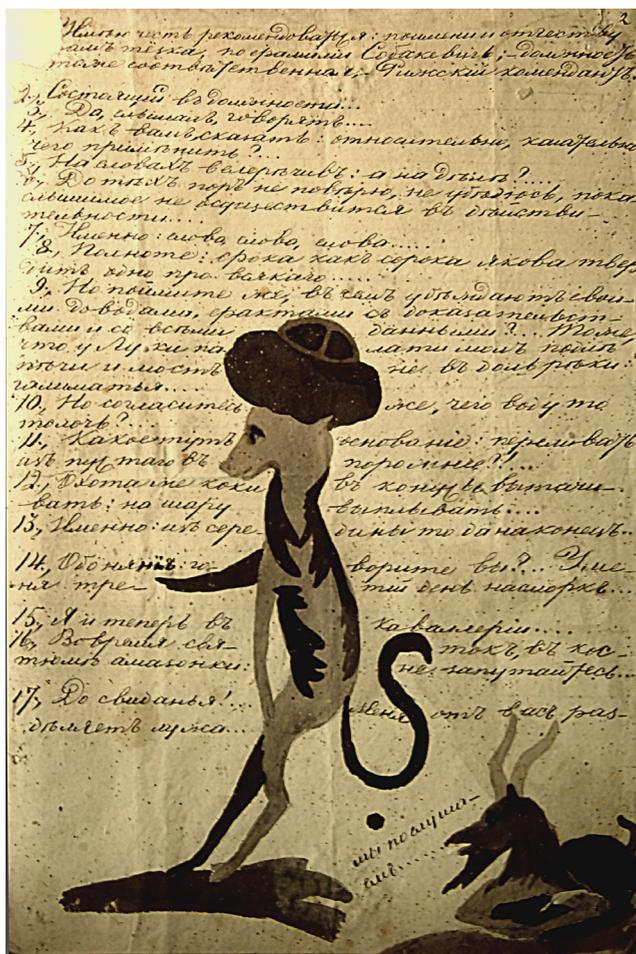
«Бумаги, присланныя С. Петербургскою Таможнею при отношеніи за № 405¹⁰, которое подшито къ дѣлу 1862 года подъ № 230 ч. 82 о Достоевскомъ»¹¹.

В архивном деле имеется еще одна справка:

«Упоминаемые въ семъ отношеніи бумаги, хранятся особо въ шкафѣ запечатанными съ надписью: “Бумаги въ семъ конвертѣ запечатанные присланы СПб. таможнею при отношеніи за № 405¹², которое подшито къ дѣлу 1862 г. № 230 ч. 82 о Достоевскомъ”»¹³.

Рукопись, которая вызвала подозрение в III Отделении, названа автором «Дѣло Земскаго Ярыжки изъ Подъячихъ съ приписью» и представляет собой своеобразный текст на 279 листах большого формата с иллюстрациями (см. Илл. 2).

Сочинение написано в форме чиновного документа, которое имеет даты начала (1 января 1862 г.) и окончания (1 мая того же года), состоит из нескольких частей: «Оглавленія», «Оберточного листа Дѣла», «Вмѣсто описи», заглавного листа словесных карикатур, «Фронтисписа къ нимъ» и других элементов игрового текста. Основным содержанием «Дѣла Земскаго Ярыжки» являются «Карикатуры “маленькаго челоуѣчка” Ивана Ивановича Міродѣрова, за которыя къ нему привязались» (общим счетом 51) и повести «Жизнь Ив. Ив.» в ее множественных, но типичных проявлениях, отмеченных в названиях глав: «ребячество», служба, состоянія (наблюдатель, читатель, писатель, вивёръ, больной, сны), друзья, женщины, «последніе дни». Текст производит впечатление, будто его писал графоман с когнитивными расстройствами. В нем преобладают абсурдные ассоциативные связи, балаганное балагурство, раёк, пословицы, поговорки, встречаются элементы барковианы и т. д. Редакция «Времени» на этот текст не претендовала, комиссия на всякий случай отставила его в архиве III Отделения.

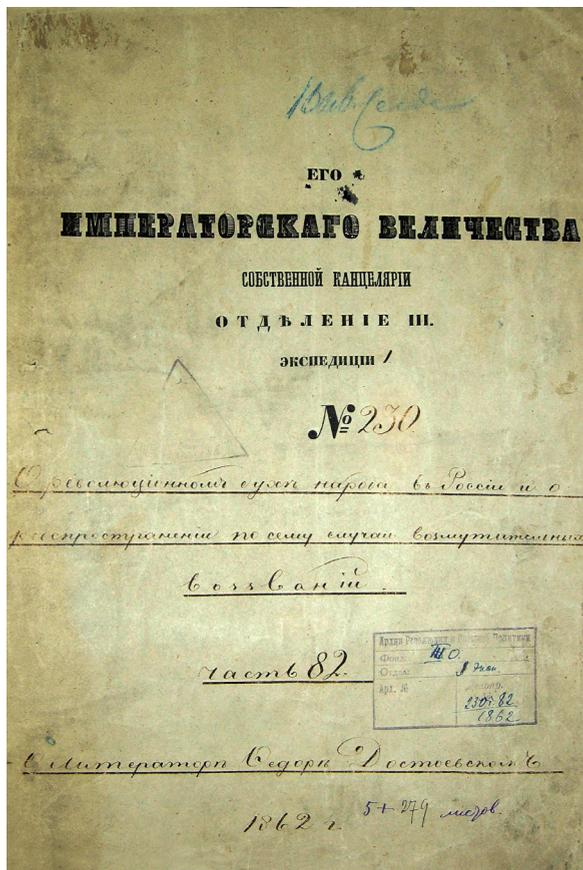

Илл. 2. Страница из «Дѣла Земскаго Ярыжки»
 Fig. 2. A page from "The Case of the county constable"

История с «Дѣломъ Земскаго Ярыжки изъ Подъячихъ съ приписью» была своего рода репетицией возвращения Достоевского из-за границы.

22 августа (3 сентября) Достоевский выехал из Берлина в Петербург. 23 августа (4 сентября) он пересек границу между Пруссией и Россией, и на пограничной станции Вержболово подвергся тщательному досмотру, во время которого в соответствии с распоряжением главноначальствующего III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и шефа жандармов кн. В. А. Долгорукова у него изъяли книги и письма, которые отправили в Санкт-Петербургский Комитет Цензуры Иностранной.

В результате этих и других действий таможни, жандармов и Следственной комиссии в рамках дела № 230 «О революціонномъ духѣ народа въ Россіи и о распространеніи по сему случаю возмутительныхъ воззваній» была сформирована часть 82 «О литераторѣ Фѣдорѣ Достоевскомъ».

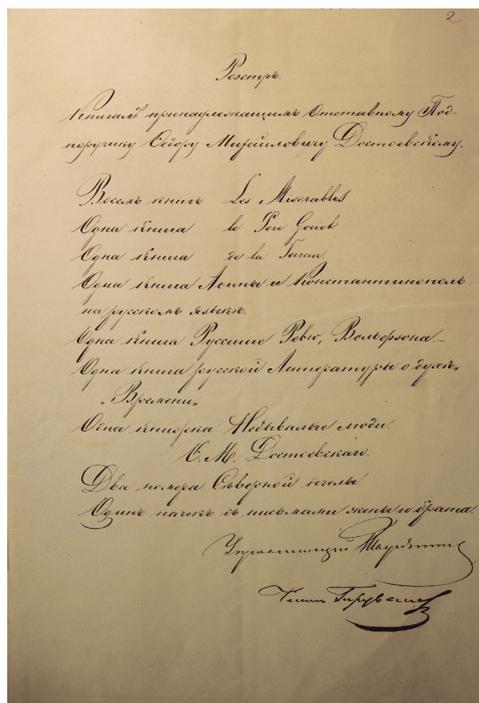

Илл. 3. Титульный лист дела «О литераторѣ Фѣдорѣ Достоевскомъ»

Fig. 3. The title page of the case “On the writer Fyodor Dostoevsky”

В его составе имеются реестр и опись бумаг, находящихся в деле, отношение Вержбловской таможни от 24 августа, реестр изъятых у Достоевского бумаг, выписка из Журнала Следственной комиссии о возврате ему личных писем и книг.

Из всех документов дела о возвращении Достоевского особый интерес представляет реестр книгам и бумагам, представленным на рассмотрение комиссии.

Реестръ
 Книгамъ принадлежащихъ Отставному
 Подпоручику Федору Михайловичу
 Достоевскому.

Восемь книгъ Les Misérables.
 Одна книга le Pere Goriot.
 Одна книга de la Terreur.
 Одна книга Аюины и Константинополь
 на русскомъ языкѣ.
 Одна книга Руссише Ревю, Вольфзона.
 Одна книга русской Литературы о духѣ
 и «Времени»
 Одна книжка Небывалые люди.
 Ф. М. Достоевскаго.
 Два номера Сѣверной пчелы
 Одинъ пачекъ съ письмами жены и брата.
 Управляющій <Подпись>
 Членъ <Подпись>
 За секретаря <Подпись>

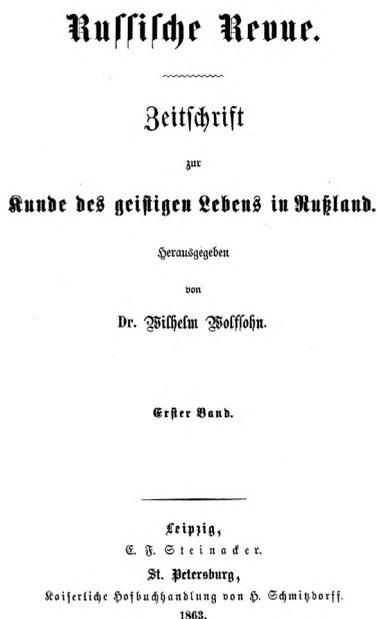
Илл. 4. «Реестръ Книгамъ принадлежащихъ Отставному Подпоручику Федору Михайловичу Достоевскому»

Fig. 4. "The Register of books belonging to retired lieutenant Fyodor Mikhailovich Dostoevsky"

Среди взятых на досмотр книг есть романы любимых авторов на французском языке: «Отец Горио» Бальзака, «Отверженные» Гюго, оттиски статей Антоновича «О духе "Времени" и о г. Косице, как наилучшем его выражении» из «Современника» и Е. Ф. Зарина «Небывалые люди...» из «Библиотеки для Чтения», книга о терроре во времена Французской революции «Histoire de la terreur, 1792–1794: d'après des documents authentiques et inédits, par Mortimer-Ternaux. 1862–1881» (Мортимер-Терно Л. «История террора. 1792–1794») и первый выпуск немецкого журнала о России и русской литературе «Russische Revue», а также два номера «Северной Пчелы».

Оттиски статей оппонентов Достоевский брал с собой для полемики. Номера «Северной Пчелы» он мог взять для чтения в дорогу, но там могли быть и материалы, которые его заинтересовали настолько, что он сохранил их и вернулся с ними в Россию.

Обращает внимание кириллическая транскрипция немецкого названия: «Одна книга Руссише Ревю, Вольфзона».

Илл. 5. Титульный лист годового комплекта журнала “Russische Revue. Zeitschrift zur Kunde des geistigen Lebens in Rußland”

Fig. 5. The title page of the annual set of the “Russische Revue. Zeitschrift zur Kunde des geistigen Lebens in Rußland” magazine

Достоевский вернулся в Россию с первым выпуском нового периодического издания «Russische Revue», который основал энтузиаст и пропагандист русской литературы в Германии В. Вольфзон.

Первый номер журнала вышел в мае 1862 г., второй, третий и четвертый номера вышли в первой половине 1863 г. (февраль-май). Издание было завершено в течение года, но сроки выхода номеров были нерегулярны: «Каждый том “Russische Revue” должен был состоять из четырех книжек, но сроки их выхода в свет были лишены всякой регулярности. Например, вторая книжка первого тома появилась в феврале 1863 года, то есть спустя девять месяцев после первой книжки, а третья и четвертая книжки вышли одновременно, в мае 1863 года» [Сундквист: 112–113].

Каким был первый номер «Russische Revue», который Достоевский вез с собой в Петербург?

Это была тетрадка объемом 118 страниц. Его открывали предисловие редактора и перевод стихотворения Ф. Тютчева «Mein Vaterland» («Эти бедные селенья...»). В состав номера вошли перевод повести Тургенева «Фауст», обзор русских газет, описания Астрахани и Одессы, статьи о студенческом движении и о реформе образования, о педагогической и общественной деятельности Н. И. Пирогова, мелкие заметки на разные темы.

Литературную программу второго номера составили переводы стихотворений «Труженник» Хомякова и «Весна» Тютчева, большая статья о Достоевском с переводами отрывков из романа «Бедные люди» и «Записок из Мертвого Дома»¹⁴, третьего номера — переводы стихотворения Лермонтова «Смерть поэта» («Auf Puschkín's Tod»), новых отрывков «Записок из Мертвого Дома», драмы А. К. Толстого «Дон Жуан»¹⁵; в четвертом номере были опубликованы переводы стихотворения Пушкина и рассказа Тургенева «Муму», статьи о восприятии «Ревизора» Гоголя в Германии, о развитии стенографии в России и др.

Эти материалы составили первый том годового комплекта журнала.

Достоевского заинтересовал проект В. Вольфзона познакомить немецких читателей с русской литературой и Россией, его концепция русской литературы как европейской и мировой. Он еще не знал, какое место Вольфзон уделит ему, но уже вез новость из Германии.

Во втором номере «Russische Revue» была опубликована большая статья о Достоевском с переводами дневника Вареньки Доброселовой из «Бедных людей» и отрывков из первых глав «Записок из Мертвого Дома», в третьем номере были переведены главы «Первые знакомства. Петров» и «Решительные люди. Лучка».

Из статьи критика и переводчика можно узнать, что В. Вольфзон был свидетелем и в некотором смысле участником литературного дебюта Достоевского. Он ставит в заслугу Белинского открытие «совершенно неизвестного в то время молодого человека», который приобрел известность в литературных кругах, удивил читателей совершенно необычным характером героя, вызывал «глубокую сенсацию» везде, где знакомились с эпистолярным романом Достоевского «Бедные люди».

Наконец Вольфзон делает чрезвычайно важное признание, из которого следует, что он присутствовал на чествовании Достоевского в салоне кн. Одоевского:

«Я сам был свидетелем этого первого впечатления в доме князя Одоевского в то время, когда я проезжал через Петербург, и, признаюсь, после всего, что я узнал о новом произведении, я был потрясен» (*Russische Revue*: 141).

Он был в Петербурге несколько недель во второй половине ноября — в начале декабря 1845 г. В круг его петербургских знакомых входили

А. А. Краевский, И. И. Панаев, Н. А. Некрасов, В. Ф. Одоевский, В. А. Соллогуб [Сундквист: 94, 123–124]. Роман Достоевского Вольфзон считал самым ярким событием в литературной жизни России 1840-х гг.

Критик был достаточно осторожен в своей оценке поэтического таланта писателя:

«Примечательным, даже новым было во всяком случае обращение к языку. Это была попытка перевести речь простого человека в своего рода поэтический поток с помощью чувства и переполняющей нежности, или, скорее, перевести поэзию сердца в красноречие простого человека. Мы не можем сказать, что оригинальная попытка удалась» (*Russische Revue*: 142).

Возможно, критика насторожило, что другие не заметили то, о чем он говорит, но это важное и глубокое его суждение, которое достойно внимания современных исследователей.

Вольфзон недоумевает, что роман Достоевского до сих пор не переведен:

«В Германия, насколько мне известно, он до сих пор оставался неизвестным» (*Russische Revue*: 143).

Он признается, что вскоре после его появления он перевел отрывок из романа, пытаясь воспроизвести языковые способности автора, но перевод был опубликован в малозаметном издании и не произвел должного эффекта, в связи с чем переводчик решил вновь опубликовать его (*Russische Revue*: 143).

Обращает внимание, что в сопроводительной статье Вольфзон приводит точную и детальную информацию о Достоевском, которая отсутствовала в то время в печатных источниках. Вольфзон точно указывает, что родился Достоевский в 1821 г. в Москве, что его отец работал врачом в Мариинской больнице; с 1837 г. будущий писатель пять лет учился в Главном инженерном училище в Петербурге, дослужился до звания подпоручика (*Unterleutnant*), но вышел в отставку в чине поручика (*Leutnant*) и «посвятил себя свободному литературному труду». В 1845–1846 гг. он добился успеха и признания (*Russische Revue*: 141). В 1849 г. был арестован по делу Петрашевского, был привлечен к суду в числе двадцати двух обвиняемых, приговорен к смертной казни, «после всех предсмертных ужасов» узнал об изменении наказания, был выпущен из острога в 1854 г., зачислен в армию солдатом. Его помиловал Император после восшествия на престол. В 1856 г. он снова получил офицерское звание, позже выпросил отставку, с 1858 г. снова взялся за перо, при содействии генерала Тотлебена получил разрешение на возвращение в Европейскую Россию и Петербург, в 1861 г. в ежемесячном журнале «Время», который издает брат Михаил, опубликовал роман «Униженные и Оскорбленные» и мемуары «Записки из Мертвого Дома». Редактор Вольфзон с уважением отзывается о Михаиле Михайловиче как редакторе

влиятельного и распространенного ежемесячника «Время» (*Russische Revue*: 166–167).

Откуда Вольфзон мог знать детали официальной и неофициальной биографии автора, детали его производства в чинах и званиях, о помощи Тотлебена по возвращению в Петербург? Либо от редактора М. М. Достоевского, либо от самого Ф. М. Достоевского.

Достоевский и Вольфзон могли познакомиться и в 1845, и в 1861 г., когда оба были в Петербурге в одно и то же время. Возможно, в салоне кн. Одоевского Вольфзон был представлен Достоевскому. В 1846 г. Вольфзон перевел отрывок романа Достоевского «Бедные люди» на немецкий язык. В 1861 г. он приезжал в Россию, встречался с писателями, редакторами журналов, министрами в поисках общественной, финансовой и административной поддержки издания журнала о России. В мае 1861 г. в Петербурге он встретился с Тургеневым, мог встретиться с редактором «Времени» и с автором «Униженных и Оскорбленных» и «Записок из Мертвого Дома».

Считается, что Достоевский и Вольфзон познакомились в Дрездене в 1863 г., но Достоевский дважды был в Дрездене не только в 1863 г. (около 7–8 / 19–20 августа, около 18–19 / 30–31 октября) [Летопись: 415, 426], но дважды и в 1862 г. (10–11 / 22–23 июня, 18–21 августа / 30 августа — 2 сентября) [Летопись: 366–367, 375–376]. В архиве писателя имеется подписанная Ф. М. Достоевскому фотография В. Вольфзона, он является адресатом письма Достоевского от 5 декабря 1863 г. [Зусманович, Фокин].

Достоевский был нетверд в отчестве своего корреспондента:

«Mon tres cher Monsieur¹⁶,

Извините что обращение к Вам написано по-французски. Я не знаю Вашего отчества (имя знаю, а отчества не знаю), а без имени и отчества русское обращение в письме невозможно» (Д18, т. 15, кн. 2: 49).

Причина затруднения очевидна: он не знал имя отца своего адресата.

Около 10 октября 1863 г. Достоевский остановился на игру в Гомбурге и проигрался. Около недели он ждал помощи от А. П. Суловой, на ее перевод добрался до Дрездена, денег на возвращение в Петербург не хватало. Из письма писателя Вольфзону следует, что деньги в долг от него и графа А. К. Толстого Достоевский получил.

Но это было через год — в 1863 г.

В августе 1862 г. Достоевский вернулся из Европы в Россию с бесценным багажом. Несмотря на то, что журнал Вольфзона не имел заметного успеха, его появление в русистике было событием большого значения. Его следствием было открытие русской литературы и открытие Достоевского немецкому читателю, но это будет еще впереди, а через полгода в февральском и мартовском номерах «Времени» появятся его «Зимние заметки о летних впечатлениях» 1862 г.

Приложение

Материалы Следственной комиссии «О литераторѣ Ѳедорѣ Достоевскомъ»

Фонд III о.
Отдел [3]{1} эксп.
Делопр. № 230 і. 82
1862

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОБСТВЕННОЙ КАНЦЕЛЯРИИ О Т Д Ъ Л Е Н І Е Ш.

№ 230

О революціонномъ духѣ народа въ Россіи и о распространеніи по сему случаю возмутительныхъ воззваній.

часть 82.

О литераторѣ Ѳедорѣ Достоевскомъ

1862 г.

5+279 листов.
I¹⁷.

РЕЭСТРЪ БУМАГАМЪ.

НАХОДЯЩИМСЯ ВЪ ЭТОМЪ ДЪЛѢ.

Число.	№		Лист.
_____	_____	1862 годъ	
14 Июля	2878	Записка _____ Отн. М ^{ра} финансовъ, отъ 13 Июля № 405	1.
_____	_____	Записка _____ Объясненіе Ѳ. М. Достоевскаго _____	1.
16	_____	_____	1.
		Всего _____	4
		Губернскій секретарь <Подпись>	

I¹⁸.

Опись
Бумагамъ, находящимся въ семь производствъ.

№ по порядку	Означеніе бумагъ.	Число листовъ
1	<i>Отношеніе Вержболовской Таможни отъ 24го Августа 1862 года за № 34 съ приложеніемъ реэстра</i>	2.
2	<i>Выписка изъ журнала Коммисіи 31 Августа 1862 г.</i>	1.
3	<i>Записка Ротмистра Бабушкина отъ 31 Августа 1862 года</i>	1.

Дълопроизводитель Переяславцевъ.

I¹⁹

№ 337

24 Авг. 1862 г. передано въ Коммисію Членомъ оной, Свиты Его Императорскаго Величества, Генераль-Майоромъ Потаповымъ²⁰.

**МИНИСТЕРСТВО
ФИНАНСОВЪ.
ВЕРЖБОЛОВСКАЯ
ТАМОЖНЯ.**

24 августа 1862 года
№ 34.

АВГУСТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

ДЕР. Кибарты
при Станціи желѣзной дороги

Доносится о проѣздѣ изъ
за границы отставнаго
Подпоручика Достоевскаго²¹.

Доложено Коммисіи 31 Авг.
1862 г.²²

Секретно:

Въ Третье Отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. —

По предписаніямъ Г. Управляющаго Департаментомъ Внѣшней Торговли, отъ 14 и 18 Юля с. г. за [№] 809. и 847. Вержболовская Таможня имѣетъ честь донести, что вечеромъ вчерашняго числа возвратился изъ за границы, отставной Подпоручикъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій, и по строжайшемъ осмотрѣ его, не найдено ни при немъ самомъ, ни въ багажъ его ничего подозрительнаго, кромѣ книгъ, поименованныхъ въ прилагаемомъ при семъ реэстрѣ и писемъ жены и брата его, опечатанъ въ одномъ пачкѣ его же печатью.

Представляя при семъ означенный пачекъ съ письмами, Вержболовская

<1 об.>

Таможня имѣетъ честь присовокупить, что книги вмѣстѣ съ симъ за [№] 3785, препровождены въ СПетербургскій Комитетъ Цензуры Иностранной, что Достоевскій запечаталъ свои письма съ тою цѣлью, чтобы не читали ихъ посторонніе лица и наконецъ что онъ Г. Достоевскій отправился прямо въ СПетербургъ и будетъ имѣть пребываніе въ домъ Астафьевой на углу Малой Мѣщанской и Екатерининскаго Канала.

Управляющій <Подпись>

Членъ <Подпись>

за секретаря <Подпись>

2²³

Резстръ

Книгамъ принадлежащимъ Отставному Подпоручику
Федору Михайловичу Достоевскому.

Восемь книгъ *Les Miserables*²⁴.

Одна книга *le Pere Goriot*²⁵.

Одна книга *de la Terreur*²⁶.

Одна книга Авинны и Константинополь на русскомъ языкѣ²⁷.

Одна книга *Руссише Ревю, Вольфзона*²⁸.

Одна книга русской Литературы о духѣ и «Времени»²⁹.

Одна книжка *Небывалые люди*. Ф. М. Достоевскаго³⁰.

Два номера *Сѣверной пчелы*³¹.

Одинъ пачекъ съ письмами жены и брата³².

Управляющій <Подпись>

Членъ <Подпись>

за секретаря <Подпись>

№ 44.

3³³

Секретно.

Выписка изъ Журнала
Высочайше учрежденной въ С. Петербургѣ
Слѣдственной Коммисіи
31го Августа 1862 г.

VIII. Членъ Коммисіи, Свиты Его Императорскаго Величества Генераль-Маіоръ Потаповъ, въ засѣданіи Коммисіи 27го Августа представилъ, полученное въ III Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, отношеніе Вержболовской

таможни, отъ 24го Августа, за № 34, съ приложеніемъ оказавшихся у проѣзжавшаго изъ за границы въ С. Петербургъ, отставнаго По{дно}ручника Федора Достоевскаго, писемъ, которые онъ запечаталъ своею печатью, изъявивъ желаніе, чтобы оныя вскрыты въ его присутствіи. Для этого Достоевскій былъ приглашенъ въ Коммисію и по вскрытіи, при его бытности, доставленнаго пакета съ письмами, въ сихъ послѣднихъ ничего предосудительнаго не найдено.

Положено: Письма сіи возвратить Достоевскому, что и исполнено въ присутствіи Коммисіи³⁴.

Вѣрно. Дьялопроизводитель Переяславцевъ.

4³⁵.

Приглашаемая на 31го сего Августа къ 2^{мѣ} часамъ обязались явиться.

1. Отставной Поручикъ Литвиновъ.

2. Отставной Подпоручикъ Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

3. Отъ [Г^{на} Котляревскаго отзывъ истребованъ, и писемъ прилагается].

Ротмистръ Бабушкинъ

Августа 31го дня.

1862го Года.

Источники

ГА РФ. Ф. 109. Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Оп. 37. 1-я экспедиция. 1862 г. О революционном духе народа в России и о распространении им по сему случаю возмутительных воззваний. Ч. 82. О литераторе Федоре Достоевском. 280 л. <В документе отсутствует сквозная нумерация, имеется четыре пагинации.>

Герцен — Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1954–1965.

Достоевскій — Достоевскій Ф. М. Дневник писателя. IV. Нечто личное // Гражданин. 1873. № 3. 15 января. С. 61–64.

Д18 — Достоевскій Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2003–2005.

Никитенко — Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 2. 1858–1865. 652 с.

Russische Revue — Russische Revue. Zeitschrift zur Kunde des geistigen Lebens in Russland. Herausgegeben von Dr. Wilhelm Wolfsohn. 1863. Leipzig. E. Steinacker. Erster Band.

Примечания

- 1 ГА РФ 109.37.230. Ч. 82. Л. II (четвертой пагинации).
- 2 Регистрационный номер в III Отделении.
- 3 Дата рассмотрения документа в III Отделении.
- 4 На полях слева резолюция карандашом.
- 5 На полях внизу слева резолюция карандашом.
- 6 Подчеркнуто красным карандашом.
- 7 ГА РФ 109.37.230. Ч. 82. Л. III (четвертой пагинации).
- 8 Четвертая пагинация.
- 9 ГА РФ 109.37.230. Ч. 82. Л. V (четвертой пагинации).
- 10 Подчеркнуто красным карандашом.
- 11 ГА РФ 109.37.230. Ч.82. Л. IV (четвертая пагинация).
- 12 Подчеркнуто красным карандашом.
- 13 ГА РФ 109.37.230. Ч.82. Л. IV (четвертая пагинация).
- 14 Второй номер включен в библиографический указатель А. Г. Достоевской [Достоевская А. Г.].
- 15 В библиографическом указателе А. Г. Достоевской этот номер отсутствует [Достоевская А. Г.].
- 16 Милостивый Государь (*фр.*).
- 17 Нумерация первой пагинации.
- 18 Нумерация второй пагинации.
- 19 Нумерация третьей пагинации.
- 20 В верхней части бланка написаны номер регистрации и дата передачи документа в Следственную комиссию по делам о распространении революционных воззваний и пропаганде.
- 21 Текст написан на полях слева.
- 22 Текст написан на полях слева.
- 23 Нумерация третьей пагинации.
- 24 Роман В. Гюго «Отверженные» (1862) Достоевский приобретал по мере его выхода из печати. Всего вышло 10 томов. В библиотеке Достоевского могли быть издания: *Les misérables, par Victor Hugo. T. 1–10. Bruxelles: A. Lacroix, Verboeckhoven, 1862* или *Les misérables, par Victor Hugo. T. 1–10. Paris: Pagnerre, 1862* [Библиотека Достоевского: 228].
- 25 В «Библиотеке Достоевского» имеются сведения о наличии у писателя брюссельского издания сочинений Бальзака 1837–1843 гг. Об отдельном издании романа Бальзака «Отец Горио» упоминаний нет [Библиотека Достоевского: 210].
- 26 Возможно, имелась в виду книга: *Histoire de la terreur, 1792–1794: d'après des documents authentiques et inédits, par Mortimer-Ternaux. 1862–1881. Vol. 1. Paris, 1862* (Мортимер-Терно Л. История террора. 1792–1794: из достоверных и неопубликованных документов. Париж, 1862. Т. 1). «История террора» — монументальный труд о первой французской революции в 10 т., который был опубликован Луи Мортимером-Терно с 1862 по 1881 г. Первый том содержал главы «Введение», «Праздник Свободы и праздник Закона», «20 июня 1792 года», «Ла Файетт в Париже».
- 27 Милюков А. П. Афины и Константинополь: Путевые записки А. Милюкова 1857 г. СПб.: Тип. Рюмина и Ко., 1859. 216 с.
- 28 Вольфзон, Вильгельм (Wolfsohn, Carl Wilhelm) (1820–1865) — немецкий писатель, переводчик и журналист еврейского происхождения из Одессы, издававший в 1862–1865 гг. журнал «Russische Revue».

- ²⁹ Оттиск статьи: Антонович М. О духе «Времени» и о г. Косице, как наилучшем его выражении // Современник. 1862. № 4. С. 247–292.
- ³⁰ Оттиск статьи: З-н <Зарин Е. Ф.> Небывалые люди. Униженные и Оскорбленные. Роман в 4-х частях, Ф. М. Достоевского (Время. № № 1–7) // Библиотека для Чтения. 1862. № 2. С. 25–42.
- ³¹ «Северная Пчела» — ежедневная газета политическая и литературная газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1825–1864 гг. С 1860 г. издателем газеты стал П. С. Усов, который произвел изменение ее направления.
- ³² Письма брата Михаила Михайловича Достоевского и жены писателя Марьи Дмитриевны Достоевской.
- ³³ Нумерация третьей пагинации.
- ³⁴ Эти письма брата и жены не сохранились.
- ³⁵ Нумерация третьей пагинации.

Список литературы

1. Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
2. Брусовани М. И., Гальперина Р. Г. Заграничные путешествия Ф. М. Достоевского в 1862 и 1863 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 272–292.
3. Волгин И. Л. Достоевский как турист (1862 г.): открытие Европы или тайный визит к Искандеру? // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 3. С. 31–71 [Электронный ресурс]. URL: <https://unknown-dostoevsky.ru/journal/article.php?id=5541> (01.05.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5541
4. [Достоевская А. Г.] Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся къ жизни и дѣятельности Ѳ. М. Достоевскаго, собранныхъ въ «Музеѣ памяти Ѳ. М. Достоевскаго» въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ Имени Императора Александра III. 1846–1903 гг. Составила А. Достоевская. С.-Петербургъ. Типографія П. Ѳ. Пантелѣева. 1906. 392 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petsru.ru/agdost/bibl/bibl.htm> (01.05.2021).
5. [Заичневский П. Г.] Молодая Россия // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е. Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. С. 142–150.
6. Захаров В. Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 180–201 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (01.05.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2013.379
7. Зусманович М. А., Фокин П. Е. Ф. М. Достоевский: биография в фотографиях // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 114–148 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1602528675.pdf (01.05.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4802
8. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. СПб.: Академический проект, 1999. Т. 1: 1821–1864. 544 с.
9. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972. 317 с.

10. Розенблюм Н. Г. Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский (Запрещенные цензурой статьи журнала «Время») // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 16–54. (Сер. «Литературное наследство»; т. 86.)
11. Рогов А. А., Абрамов Р. В., Бучнева Д. Д., Захарова О. В., Кулаков К. А., Лебедев А. А., Москин Н. Д., Отливанчик А. В., Савинов Е. Д., Сидоров Ю. В. Проблема атрибуции в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин». Петрозаводск: Острова, 2021. 391 с.
12. Сундквист Л. Вильгельм Вольфзон, Клер фон Глюмер и первые немецкие переводы романа «Отцы и дети» // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. СПб.: Альянс-Архео, 2016. С. 76–165.

References

1. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisaniye* [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
2. Brusovany M. I., Gal'perina R. G. Fyodor Dostoevsky Overseas Travel, 1862–1863. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 8, pp. 272–292. (In Russ.)
3. Volgin I. L. Dostoevsky as a Tourist (1862): The Discovery of Europe or a Secret Visit to Iskander? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 3, pp. 31–71. Available at: <https://unknown-dostoevsky.ru/journal/article.php?id=5541> (accessed on May 5, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5541 (In Russ.)
4. Dostoevskaya A. G. *Bibliograficheskiy ukazatel' sochineniy i proizvedeniy iskusstva, odnosyashchikhsya k zhizni i deyatel'nosti F. M. Dostoevskogo, sobrannykh v «Muzeey pamyati F. M. Dostoevskogo» v Moskovskom Istoricheskom muzeey imeni imperatora Aleksandra III. 1846–1903* [A Bibliographic Index of Writings and Works on Art Related to Life and Work of F. M. Dostoevsky, Kept in the Dostoevsky Memorial Museum in the Imperial Russian Historical Museum Named After Emperor Alexander III in Moscow. 1846–1903]. St. Petersburg, Tipografiya P. F. Panteleeva Publ., 1906. 392 p. (In Russ.)
5. Zaichnevskiy P. G. Young Russia. In: *Revolutsionnyy radikalizm v Rossii: vek devyatnadsatyy. Dokumental'naya publikatsiya* [Revolutionary Radicalism in Russia: The Nineteenth Century. Documentary Publication]. Moscow, Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1997, pp. 142–150. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. The Poetics of the Chronotope in Winter Notes on Summer Impressions by Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2013, issue 11, pp. 180–201. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (accessed on May 5, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2013.379 (In Russ.)
7. Zusmanovich M. A., Fokin P. E. F. M. Dostoevsky: Biography in Photographs. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 3, pp. 114–148. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1602528675.pdf (accessed on May 5, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4802 (In Russ.)
8. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 1. 544 p. (In Russ.)
9. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Vremya». 1861–1863* [The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky "Vremya". 1861–1863]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 317 p. (In Russ.)

10. Rozenblyum N. G. Petersburg Fires of 1862 and Dostoevsky (Articles of the Journal “Vremya” Prohibited by the Censorship). In: *F. M. Dostoevskiy. Novye Materialy i issledovaniya* [Fyodor Dostoevsky. *New Materials and Studies*]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 16–54. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 86.) (In Russ.)
11. Rogov A. A., Abramov R. V., Buchneva D. D., Zakharova O. V., Kulakov K. A., Lebedev A. A., Moskin N. D., Otlivanchik A. V., Savinov E. D., Sidorov Yu. V. *Problema atributsii v zhurnalakh «Vremya», «Epokha» i ezhenedel’nike «Grazhdanin»* [The Problem of Attribution in the Journals “Vremya”, “Epokha” and the Weekly “Grazhdanin”]. Petrozavodsk, Ostrova Publ., 2021. 391 p. (In Russ.)
12. Sundqvist L. Wilhelm Wolfson, Claire von Glumer and the First German Translations of “Fathers and Sons”. In: *I. S. Turgenev. Novye issledovaniya i materialy* [I. S. Turgenev. *New Research and Materials*]. St. Petersburg, Al’yans-Arkheo Publ., 2016, pp. 76–165. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захарова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0426-4145>; e-mail: ovzakh05@yandex.ru

Olga V. Zakharova, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Classical Literature, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0426-4145>; e-mail: ovzakh05@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 12.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.08.2021

Принята к публикации / Accepted 25.08.2021

Дата публикации / Date of publication 15.09.2021

Научная статья

УДК 821.161.1+070

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5641

**«Живаго мѣста не оставилъ»:
как Достоевский редактировал статью о Тютчеве в «Гражданине»**

Д. Д. Бучнева

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: darja.lammasjarvi@mail.ru

Аннотация. Впервые проблему атрибуции Ф. М. Достоевскому статьи «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» («Гражданин», 1873, №31) поставил Н. Ф. Бельчиков в 1925 г., сославшись на письмо Достоевского к А. Г. Достоевской от 29 июля 1873 г., в котором редактор «Гражданина» сообщал о сильной правке статьи Мещерского. А. В. Архипова, приводя контраргументы, посчитала, что «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» нельзя атрибутировать Достоевскому, поскольку он ограничился редакторской правкой. Приняв во внимание атрибуцию Н. Ф. Бельчикова, редакционная коллегия академического «Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского» согласилась с точкой зрения А. В. Архиповой. Статья не вошла в издание. В 2004 г. В. А. Викторovich включил статью в раздел «Коллективное» 11-го тома «Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского» в 18 томах. Отмечая редакторскую правку, исследователи не обращали внимания на языковые особенности текста. В настоящей статье рассматриваются особенности стиля «Свежей памяти Ф. И. Тютчева», приводятся результаты исследования статьи с помощью статистических методов, а также аргументы в пользу сильной редакторской правки Достоевского, который сумел подстроиться под стиль автора, вжиться в него. Достоевский не претендовал на авторство. Он редактировал статью, стилистически совершенствовал, но это пример того редактирования, которое не переходит в соавторство.

Ключевые слова: «Гражданин», атрибуция, «Свежей памяти Ф. И. Тютчева», Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский, редактирование, статистические методы

Для цитирования: Бучнева Д. Д. «Живаго мѣста не оставилъ»: как Достоевский редактировал статью о Тютчеве в «Гражданине» // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 3. С. 94–106. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5641

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5641

**“He Massacred the Article”:
How Dostoevsky Edited an Article About Tyutchev in “Grazhdanin” (“Citizen”)**

Daria D. Buchneva

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: darja.lammasjarvi@mail.ru

Abstract. The problem of attribution of the article “In fresh memory of F. I. Tyutchev” (*Grazhdanin*, 1873, No. 31) was posed for the first time by N. F. Belchikov in 1925. N. F. Belchikov referred to F. M. Dostoevsky’s letter to A. G. Dostoevskaya dated 29 July 1873, in which the editor of *Grazhdanin* referred to a strong revision of Meshchersky’s article. A. V. Arkhipova, citing

counterarguments, believed that “In fresh memory of F. I. Tyutchev” cannot be attributed to Dostoevsky, since he limited himself to editorial revision. Taking into account N. F. Belchikov’s attribution, the editorial board of the academic *Complete Works of F. M. Dostoevsky* agreed with A. V. Arkhipova’s point of view and did not include the article in the publication. In 2004, V. A. Viktorovich included it in the “Collective” section of the 11th volume of the 18-volume *The Complete Works of F. M. Dostoevsky*. While noting the editorial revision, the researchers did not pay attention to the linguistic features of the text. In this article, the author examines the peculiarities of the style of “In fresh memory of F. I. Tyutchev,” provides the results of examining the article using statistical methods and number of arguments in favor of strong editorial revision done by Dostoevsky, who managed to adapt to the author’s style and internalize it. Dostoevsky did not claim authorship. He edited the article, stylistically improved it, but it is an example of editing that does not transform into co-authorship.

Keywords: “Grazhdanin,” “Citizen,” attribution, “In fresh memory of F. I. Tyutchev,” F. M. Dostoevsky, V. P. Meshchersky, editing, statistical methods

For citation: Buchneva D. D. “He Massacred the Article”: How Dostoevsky Edited an Article About Tyutchev in “Grazhdanin” (“Citizen”). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 94–106. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5641 (In Russ.)

На смерть Ф. И. Тютчева (27 июля 1873 г.) отозвались разные издания, включая газету «Московские ведомости», в 190-м номере которой (29 июля) за 1873 г. была опубликована статья «Воспоминания о Ф. И. Тютчеве» М. П. Погодина, приятеля поэта с университетских лет. Некролог «Ф. И. Тютчев» появился на страницах журнала «Всемирная иллюстрация» в 244-м номере этого же года, автором которого был Я. П. Полонский. Статья о поэте-мыслителе вышла в 8-м номере «Русского вестника» и т. д.

Редакция «Гражданина» опубликовала в 30-м номере (23 июля) за 1873 г. свой некролог:

«Некрологъ. 15 июля, въ Царскомъ Селѣ, скончался **Федоръ Ивановичъ Тютчевъ**, сильный и глубокий русскій поэтъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и своеобразнѣйшихъ продолжателей Пушкинской эпохи. Съ горестью сообщая объ этой утратѣ нашимъ читателямъ, мы имѣемъ въ виду въ непродолжительномъ времени, въ отдѣльной статьѣ, по возможности оцѣнить поэтическую дѣятельность покойнаго поэта» (*Достоевскій, 1873а*).

Автором представленного некролога был Достоевский. Мещерский в то время отсутствовал в Петербурге (см. об этом: [Викторович, 2019: 345]). Достоевский от имени редакции выразил свое отношение к Тютчеву, отметив его связь с Пушкиным. Он оценил поэтический дар Тютчева: «...сильный и глубокий поэт». При этом синтаксическая модель предложений выдает Достоевского: фразы наслаиваются друг на друга, продолжают ход мыслей.

Уже в следующем номере вышла статья «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» за подписью «Кн. В. Мещерский». Позже, в 1898 г., перепечатав эту статью, он снабдил ее комментарием:

«Оцѣнкѣ Тютчева, скончавшагося въ іюль 1873 года, я посвятилъ въ *«Гражданинѣ»* того года задушевныя строки, которыя считаю умѣстнымъ 24 года спустя помѣстить въ своихъ *«Воспоминаніяхъ»*. Прочитавшіе ихъ тогда забыли, а новые читатели не поспѣютъ на меня за попытку воскресить образъ прелестнаго поэта» (*Мещерскій, 1898: 197*).

Исследователи обратились к проблеме атрибуции этой статьи в связи с сохранившимся письмом Ф. М. Достоевского к А. Г. Достоевской от 29 июля 1873 года:

«Прошлую недѣлю началъ писать статью и долженъ былъ бросить изъ уваженія къ Мещерскому чтобъ помѣстить внезапно присланную имъ статью о смерти Тютчева, — безграмотную до того что понять нельзя и съ такими промахами, что его на 10 лѣтъ осмѣяли бы въ фельетонахъ. Сутки, не разгибая шеи сидѣлъ и переправлялъ, живаго мѣста не оставилъ. Напишу ему прямо что онъ ставитъ меня въ невозможное положеніе» (*Достоевскій, 1873e: Л. 23*).

В 1925 г. Н. Ф. Бельчиков, основываясь на этом письме, поставил задачу выяснить, какие мысли в *«Свежей памяти Ф. И. Тютчева»* принадлежат Достоевскому. Исследователь заметил, что статья содержит две основные идеи: «богатое освещение Тютчева как человека» [Бельчиков: 156] — об этом мог писать Мещерский, поскольку у него с поэтом были приятельские отношения, и «размышления о величии поэта, отразившего по-своему русскую стихию, русское мировоззрение» [Бельчиков: 156] — эти идеи принадлежат Достоевскому. Н. Ф. Бельчиков был склонен приписать 2-й, 3-й и 6-й абзацы статьи авторству Достоевского, а также, с некоторой вероятностью, редактирование 7-го абзаца. Помимо этого, исследователь отметил, что Достоевский переделал текст в 1-м, 4-м и 5-м абзацах — например, ввел эпитеты. Н. Ф. Бельчиков также обращался к стилю статьи, в которой заметна «неровность слога», «местами нечеткость и неяркость мысли», что нехарактерно для Достоевского [Бельчиков: 159].

Н. Ф. Бельчиков заострил внимание на двух важных деталях редакционного некролога от 23 июля. Во-первых, именно Достоевский особенно ценил творчество Тютчева, продолжателя традиций А. С. Пушкина. Во-вторых, в некрологе содержалось обещание того, что *«Гражданин»* в ближайшее время опубликует подробную статью о Тютчеве и его творчестве. Исследователь решил, что за ее написание принялся Достоевский, ссылаясь на письмо к Анне Григорьевне от 26 июля 1873 г. [Бельчиков: 155].

В 1975 г. А. В. Архипова однозначно заявила, что статью *«Свежей памяти Ф. И. Тютчева»* «ни в коей мере не следует атрибутировать Достоевскому» [Архипова: 176]. Она выдвинула гипотезу, что «начатая статья», упоминаемая в письме, может быть политической, о которой не раз писал Достоевский [Архипова: 173]. Однако это предположение ошибочно. Достоевский

в упомянутом письме от 26 июля указывает: «...всю недѣлю буду писать политическую статью» (*Достоевский, 1873d*: Л. 22). Выходит, он ее еще не начал писать. Это подтверждается другим письмом — от 29 июля, то есть спустя 3 дня: «Между тѣмъ къ слѣдующему № надо начинать уже другую статью, политическую. Такихъ статей я никогда не писывалъ» (*Достоевский, 1873e*: Л. 23). Достоевский в двух письмах заявляет о необходимости написать политическую статью, но к ней из-за «бездны дел» не приступает.

А. В. Архипова считала, что статья «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» — это «обычная редакторская правка, правда, значительная». По ее мысли, Достоевский мог изменить композицию, «объединив отдельные мысли и факты и разбив статью на ряд абзацев, отделенных черточками», а также произвести сокращения. Вслед за Н. Ф. Бельчиковым она обратила внимание на то, что после правки Достоевского статья осталась «рыхлой по композиции и несколько вялой по стилю». Одним из ключевых аргументов исключительно редакторского участия Достоевского в создании этого текста, по мнению А. В. Архиповой, является то, что в статье «не раскрыто содержание поэзии Тютчева, его место в русской поэзии» [Архипова: 173].

Действительно, роль Тютчева Достоевский и Мещерский оценивали по-разному. Для Достоевского Тютчев, как отмечалось выше, продолжатель пушкинской традиции. Об этом редактор-издатель заявляет и в некрологе от 23 июля. В «Дневнике Писателя» за 1877 год Достоевский отмечает: «...Тютчев никогда не займет такого видного и памятного места в литературе нашей, какое бесспорно останется за Некрасовым. В этом смысле он (Некрасов. — Д. Б.), в ряду поэтов (т. е. приходивших с “новым словом”), должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым» (*Д30*; 26: 112). Тютчев не пришел с «новым словом» в русскую литературу, но, по мнению Достоевского, был художественнее и обширнее, чем Некрасов. В статье отсутствует какая-либо отсылка к Пушкину, поэтому сказать однозначно, что Достоевский переписал статью, не оставив мыслей Мещерского, будет ошибочно.

Для Мещерского Тютчев — оригинальный, своеобразный, особенный поэт. Он не раз об этом писал, например, в «Воспоминаниях»: «Из многих оригинальных типов той эпохи, мною виденных, Ф. И. Тютчев помнится мне как оригинальный» (*Мещерский, 2001*: 158). Своеобразие поэта Мещерский отмечает и в рецензии на биографию Тютчева, автором которой был И. С. Аксаков. Свой отзыв Мещерский оставил в 49-м номере «Гражданина» за 1874 г. (Достоевский к тому времени уже покинул пост редактора): «Я нарочно употребилъ слово *оригинальная*, говоря о личности Тютчева. Все в немъ и до него относящееся было оригинально» (*Мещерский, 1874*: 1254). В статье «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» отражены мысли Мещерского. В ней нет упоминания о Пушкине и о том, что Тютчев — его продолжатель.

Полное собрание сочинений Достоевского в 30 томах посчитало точку зрения А. В. Архиповой аргументированной и не включило статью «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» в разделы «Dubia» или «Коллективное», отметив, что статья подлежит дальнейшему изучению (*Д30*; 27: 188–189).

К проблеме атрибуции статьи «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» обратился также В. А. Викторovich. Он усилил аргументацию Н. Ф. Бельчикова, благодаря обращению к идеям и стилю не только Достоевского, но и Мещерского, и пришел к выводу, что редактирование перешло в соавторство [Викторovich, 1996: 168]. Статья «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» вошла в 11-й том Полного собрания сочинений Достоевского в 18 томах (*Д18*; 11: 741–744). Издавая монографию «Ф. М. Достоевский — редактор “Гражданина” (1873–1874)», Викторovich вновь обратился к проблеме автора статьи, подтвердив свою гипотезу [Викторovich, 2019: 345–249].

Изучив особенности редакторской работы Достоевского, В. Н. Захаров отметил, что некоторые тексты писатель правил исключительно стилистически и тем самым раскрывал свой редакторский талант. Чужой текст все равно оставался чужим, поэтому нет необходимости ставить вопрос о соавторстве. Статья «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» тому явный пример [Захаров, 221].

В период пребывания Анны Григорьевны с детьми в Старой Руссе Достоевский очень подробно отчитывался в письмах к жене о жизни и работе в Петербурге. Так, в письме от 20 июля 1873 г., будучи оскорблен грубым письмом Мещерского, он отмечает: «Сегодня же отвѣчу ему (Мещерскому. — *Д. Б.*) такъ рѣзко, что оставить вперед охоту читать наставленія» (*Достоевский, 1873b*: Л. 17 об.). В следующем письме спустя три дня Достоевский пишет жене: «Мещерскому на его грубое письмо я отлично отвѣтилъ, — безъ задору, ровно, строго, прямо. Не посмѣть болѣе себя выказывать» (*Достоевский, 1873c*: Л. 19 об.).

В письме от 29 июля, в котором Достоевский пишет Анне Григорьевне, что сутки переправлял присланную статью о Тютчеве, он же указывает: «Напишу ему (Мещерскому. — *Д. Б.*) прямо что онъ ставить меня въ невозможное положеніе» (*Достоевский, 1873e*: Л. 23). Письма Мещерскому не сохранилось и не осталось никаких подтверждений его отправки, следующее письмо Анне Григорьевне Достоевский написал только 10 августа, он обещал жене третьего числа того же месяца быть в Старой Руссе, но указал, что «къ тому времени можетъ и еще напишу» (*Достоевский, 1873e*: Л. 24 об.).

Достоевский серьезно относился к своей редакторской работе и не пропуская безграмотные статьи в «Гражданин». Это можно проследить и в письмах к жене. Например:

«Я Аня ужасно занятъ работой, все больше чужія работы передѣлываю, редактирую просто какъ каторжный. Самъ своему здоровью дивлюсь что все это выношу» (*Достоевский, 1873f*: Л. 31 об.).

«Дѣль у меня бездна — бездна! Этотъ разъ цѣлый № прокорректировать по *редакторски*, т. е. переправляя. Это ужасная работа» (*Достоевский, 1873d: Л. 22 об.*).

Все названные выше исследователи, отмечая редакторскую правку Достоевского в статье, не обращали внимания на языковые особенности текста. Только В. А. Викторovich в 1996 г., доказывая соавторство Достоевского и Мещерского, вскользь обратил внимание на черты стиля Достоевского, в частности, «на акцентирование с помощью словечка “даже”» [Викторovich, 1996: 168].

Между тем в статье заметны черты, характерные для стиля Достоевского: например, использование оценочных сложений или сращений (сложных эпитетов) (см. подробнее: [Николина, 205]), которые реже встречаются в публикациях Мещерского, зачастую отсутствуют вовсе. В «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» употреблено много таких конструкций:

«Только вчера пришла къ намъ въ глушь деревни **глубоко-печальная вѣсть** (здесь и далее выделено мной. — Д. Б.) о кончинѣ Ѳедора Ивановича Тютчева» (*Мещерский, 1873: 846*).

«Хотя уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, всѣ знавшіе покойнаго должны были приготовиться къ роковому исходу постигшей его, среди зимы, болѣзни; но пока дорогой намъ человекъ живъ, мысль о смерти далеко, и вѣсть о ней — все тотъ же **безпощадно-тяжелый и неумолимо-горестный ударъ**» (*Мещерский, 1873: 846*).

«Въ эпоху крѣпостнаго права онъ слылъ то за вольнодумца, то за славянофила; въ наше время онъ являлся, среди массы мыслящихъ беспорядочно и **лихорадочно-свободно людей**, какъ будто отсталымъ и во всякомъ случаѣ какъ передовой человекъ весьма блѣднымъ» (*Мещерский, 1873: 847*).

«Не смотря на то, — странная вещь, — Ѳ. И. Тютчевъ былъ вѣроятно одинъ въ своемъ родѣ **изъ крупно-выдававшихся** впередъ въ обществѣ **мыслителей**, про котораго можно было сказать: у него нѣтъ враговъ» (*Мещерский, 1873: 847*).

«Съ неисчерпаемымъ поэтическимъ чувствомъ, онъ былъ **неисчерпаемо-остроумень**, но это остроуміе было потому всегда обаятельно и прелестно, что оно скорѣе было добродушно, чѣмъ **ѣдко-зло**, и всегда являлось какъ бы блестящимъ и удачнымъ выраженіемъ для самаго простаго сужденія или душевнаго чувства, особенно понятнаго въ данную минуту; никогда не было натяжки или усилія въ его остроуміи, никогда рѣчи на показъ, никогда ничего походяго на фейерверкъ возбужденной мысли (*Мещерский, 1873: 847*)» и т. д.

Как уже ранее было отмечено, в статье неоднократно употребляется свойственная для Достоевского частица «даже»:

«Въ наше время много преданій точно совсѣмъ исчезло о такихъ началахъ челоѳического общества, которыя прежде, казалось, были у насъ **даже** жизненными» (*Мещерский, 1873: 846*).

«...но ни разу эта лира не оскорбила **даже** атомомъ звука кого бы то ни было...» (*Мещерский, 1873: 847*).

«Къ тому-же вспомнимъ что *Ф. И. Тютчевъ*, прекрасною стороною мысли или чувства могъ принадлежать **даже** ко всякому лагерю, въ той степени, въ какой находилъ тамъ мысль, или хоть искру истины...» (*Мещерский, 1873: 847*).

«...**даже** въ отгѣнкахъ, различіе, если **даже** они по условіямъ общественнаго положенія стояли и выше его» (*Мещерский, 1873: 848*) и др.

Достоевский в своих текстах зачастую использует не только данную частицу, но также наречия меры и степени, выполняющие усилительную функцию. Например:

«Да, въ тѣ тяжелые дни, въ прошломъ году, когда со всѣхъ сторонъ насъ встрѣтили **столь** непривѣтливо...» (*Мещерский, 1873: 846*);

«Лишиться **столь** добраго генія, значитъ много потерять въ жизни» (*Мещерский, 1873: 846*);

«...въ наше время онъ являлся, среди массы мыслящихъ безпорядочно и лихорадочно-свободно людей, какъ будто отсталымъ и во всякомъ случаѣ какъ передовой челоѳкъ **весьма** блѣднымъ» (*Мещерский, 1873: 847*);

«Политика и исторія были любимымъ занятіемъ его ума и жизни; опираясь на исторію, онъ являлся убѣдительнымъ, логичнымъ и часто **весьма** строгимъ судьей времени и его событій и личностей...» (*Мещерский, 1873: 847*) и т. д.

Предложения в статье построены по моделям, характерным для текстов Достоевского. Так, синтаксическому почерку писателя присуща «тенденция к образованию в ходе развертывания фразы интонационно выделяемых синтагм», которая носит характер дополнительного уточнения (места, времени и т. д.) [Иванчикова, 283]. Эта черта Достоевского встречается многократно в статье:

«Хотя уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, всѣ знавшіе покойнаго должны были приготовиться къ роковому исходу постигшей его, **среди зимы**, болѣзни...» (*Мещерский, 1873: 846*);

«Да, **въ тѣ тяжелые дни**, въ прошломъ году, когда со всѣхъ сторонъ насъ встрѣтили столь непривѣтливо...» (*Мещерский, 1873: 846*) и др.

Особенностью паратаксиста Достоевского является нанизывание друг на друга близких по значению слов. В «Свежей памяти *Ф. И. Тютчева*» заметно

употребление ассоциативно близких, семантически дублирующих друг друга определений в однородном ряду.

«...что рѣмы стало быть одна только смѣшная и пустая забава» (Мещерский, 1873: 846).

«Ихъ записывали, они быстро расходились между почитателями поэта и хотя на нѣсколько минутъ заставляли жить въ мѣрѣ изящнаго, прекраснаго, поднимающаго духъ и, въ особенности, назидательнаго» (Мещерский, 1873: 846).

«...но во всякую пору жизни окружавшаго его общества, все прекрасное въ литературѣ, все прекрасное на тронѣ воспринималось душою поэта во всей его цѣльности и безъ всякой примѣси чего либо чуждаго, временнаго, условнаго...» (Мещерский, 1873: 847).

«...и всегда являлось какъ бы блестящимъ и удачнымъ выраженіемъ для самаго простаго сужденія...» (Мещерский, 1873: 847).

«Будучи поэтомъ нашего времени, въ высококомъ и чистомъ значеніи этого слова...» (Мещерский, 1873: 847).

«Онъ вѣрилъ въ безусловное и непосредственное всемогущество истины и красоты на землѣ...» (Мещерский, 1873: 847).

Достоевский в художественных и публицистических текстах своеобразно использует союзы для установления отношений однородности. Он употребляет зевгматические конструкции грамматически однородных, но по смыслу разноплановых понятий. Такие примеры встречаются и в статье «Свежей памяти Ф. И. Тютчева»:

«...о чемъ пишутъ безъ размѣровъ и рѣмъ всѣ пишущіе и печатающіе просто въ прозѣ и о дѣлѣ» (Мещерский, 1873: 846).

«Поэзія Тютчева никогда не была къ услугамъ сильныхъ міра сего, кто бы они ни были, и гдѣ бы они ни были — на тронѣ или въ литературѣ...» (Мещерский, 1873: 847) и т. д.

Для смыслового выделения отдельных лексем Достоевский прибегает к использованию обратного порядка слов. Так, статья о Тютчеве построена на противопоставлении «тогда—теперь» (напр., «...вотъ что онъ говорилъ намъ тогда» (Мещерский, 1873: 846) или «...въ какомъ оно понимается теперь» (Мещерский, 1873: 847) и др.). Следуя правильному порядку слов, автору необходимо употреблять обстоятельства времени в препозиции по отношению к глаголу-сказуемому. Мещерский редко использовал обратный порядок, поэтому, скорее всего, Достоевский намеренно изменил конструкцию предложения для смыслового выделения, поскольку в тексте обстоятельства времени в превалирующем большинстве стоят в постпозиции по отношению к глаголу-сказуемому.

Особого внимания заслуживает выражение «душе его». Достоевский в художественных, публицистических текстах, а также в письмах почти всегда использует местоимение в постпозиции по отношению к лексеме «душа» (см. подробнее: [Шепелева]). Возможно, это влияние Евангелия на Достоевского, в котором это сочетание слов всегда используется в обратном порядке. Мещерский редко употребляет в своих сочинениях данное выражение, а если и использует, то не нарушает прямого порядка слов. В статье все сочетания со словом «душа», «дух» употреблены в постпозиции:

«Возьмите стихотворенія Ѳ. И. Тютчева какой угодно эпохи, вы въ нихъ найдете разные предметы, вы въ нихъ почерпнете разныя впечатлѣнія, но въ каждомъ изъ нихъ вы найдете одно неизмѣннымъ: зеркало души его» (*Мещерский, 1873: 847*).

«Неисчерпаемый содержаніемъ духъ его не переставалъ ни на минуту чувствовать что все прекрасное и великое въ человѣческомъ обществѣ — есть вѣчное, и что все, что этого чувства вѣчности душѣ его не даетъ, все то — не есть то прекрасное, которое создаетъ поэта и поэзію» (*Мещерский, 1873: 847*) и т. д.

В статье о Тютчеве используется сочетание «фейерверкъ возбужденной мысли» (*Мещерский, 1873: 847*). Мещерский до 1873 г. не употреблял в текстах такую метафору. Сочетание необычное. Достоевский за год до публикации статьи, посвященной Тютчеву, в романе «Бесы» использовал выражение «фейерверк идей»: «Целый фейерверк идей блеснул в изворотливом уме Лямшина» (*Д30; 10: 446*). Вероятно, это выражение принадлежит Достоевскому.

Все языковые черты, перечисленные выше, не характерны для В. П. Мещерского, а если и встречаются в его сочинениях, то в виде исключения.

Интересная параллель прослеживается между анализируемой статьей и рецензией на биографию Тютчева, опубликованную в 49-м номере за 1874 г. Так, в статье 1873 г. присутствует фраза: «Сказавши что въ кончинѣ Ѳ. И. Тютчева мы оплакиваемъ утрату великаго русскаго поэта, сказали ли мы слишкомъ много?» (*Мещерский, 1873: 847*). В то же самое время в рецензии 1874 г.: «Увлечшись личностью Тютчева, не сказалъ-ли я слишкомъ мало о замѣчательной книгѣ И. С. Аксакова?» (*Мещерский, 1874: 1254*). Отметим, что в статье 1873 г. повествование идет от первого лица множественного числа, а в рецензии 1874 г. — от первого лица единственного числа. Это связано, скорее всего, с тем, что статья писалась не просто от лица Мещерского, а от всего «Гражданина». В редакционном вступлении отмечается, что «мы лично и “Гражданин” понесли незамѣнимую утрату <...> мы потеряли нашего добраго генія» (*Мещерский, 1873: 846*). Тютчев действительно оказывал большую поддержку «Гражданину». Об этом известно из «Воспоминаний» Мещерского, в которых он пишет:

«Ө. И. Тютчевъ говорилъ мнѣ: дорогой князь, я привѣтствую ваше намѣреніе, но я впередъ соболѣзную вашимъ испытаніямъ. Вы входите въ среду, гдѣ вамъ все простятъ — и ваши промахи пера, и ваши ошибки стиля, и ваши заблужденія, — но одного не простятъ, что вы князь Мещерскій» (*Мещерскій*, 1898: 160).

В статье автор отмечает: «...со всѣхъ сторонъ насъ встрѣтили столь непривѣтливо, мы имѣли счастье найти въ великомъ поэтѣ, нынѣ нами оплакиваемомъ, неистощимый запасъ теплаго сочувствія, благородной симпатіи и энергическаго поощренія начатому нами дѣлу» (*Мещерскій*, 1873: 846). Без сомнений об этом не мог писать Достоевский, поскольку он не стоял у истоков «Гражданина». Особое внимание в статье и в рецензии уделено Тютчеву как мыслителю. Мещерский в 1874 г. ставит Тютчева-мыслителя выше, чем Тютчева-поэта. Эти же мысли высказаны и в статье.

Мещерский довольно часто писал некрологи в «Гражданине». Отличительной особенностью это жанра у Мещерского является его обращение к врагам покойного. Так, в некрологе «Николай Алексеевич Милютин», опубликованном в 5-м номере «Гражданина» за 1872 г., Мещерский подробно расписывает неприятелей политического деятеля. В статье о Тютчеве также повествуется о врагах, которых у поэта сначала нет, а в конце автор замечает: «Но у Ө. И. Тютчева былъ одинъ врагъ: врагъ этотъ была практическая жизнь» (*Мещерскій*, 1873: 848). Далее идет подробное описание внешности Тютчева, на которую, вероятно, не обращал внимания Достоевский, но очень хорошо помнил Мещерский.

Сохранилось письмо Тютчева Мещерскому от 3 марта 1872 г., где поэт писал: «<...> изъ всѣхъ печатныхъ органовъ, конечно, предпочитаю “Гражданина”» [Ф. И. Тютчев: 524]. Статья пропитана чувством грусти и переживания. Мещерский Тютчева знал с детства, они общались в течение всей жизни. Для Мещерского смерть Тютчева была не просто потеря великого поэта, а утрата друга.

Статья «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» исследовалась с помощью статистического метода «Лес решений», нейросети «Трансформер», а также методике, использованной Г. Хетсо¹. «Лес решений» строился на основе текстов Ф. М. Достоевского (1873–1874 гг.) и В. П. Мещерского (1872 г.). Достоевскому было атрибутировано 100% текста. По нейросети «Трансформер» получены противоположные результаты. Однозначно было отвергнуто авторство Достоевского. Методика Г. Хетсо, основывающаяся на 15 лингвостатистических параметрах, показывала противоречивые результаты. Так, если в основе использовать тексты Ф. М. Достоевского, то по пяти параметрам отвергается авторство издателя «Гражданина». Во втором эксперименте основой стали статьи В. П. Мещерского. Его авторство отвергается по четырем признакам.

Полученные результаты объяснимы. Для «Леса решений» важны биграммы. Методика чувствительна на конструкции предложения, поэтому статья «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» была атрибутирована Достоевскому, поскольку он являлся ее редактором, в том числе изменяя последовательность лексем в тексте. Нейросеть «Трансформер» способна на более сложный анализ статьи — возможно, в связи с этим она отнесла текст на 100% к Мещерскому. Методику, использованную Г. Хетсо, можно применять при атрибуции текстов не только из «Времени» и «Эпохи», но и из других периодических изданий. Она содержит ошибку второго рода, которая не уменьшается с изменением эталонных текстов (см. подробнее: [Рогов и др.]).

Таким образом, статья «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» подверглась сильной редакторской правке Достоевского, вмешательство которого подтверждается не только письмом к Анне Григорьевне, рядом приведенных аргументов, но и статистическими методами, в частности «Лесом решений». Редактор сумел подстроиться под стиль автора, вжиться в него.

Достоевский не претендовал на авторство. Он редактировал статью, стилистически совершенствовал, но это пример того редактирования, которое не переходит в соавторство. Мещерский, публикуя не раз эту подписанную его именем статью, считал ее своей, поэтому нет никаких оснований приписывать статью «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» Достоевскому.

Источники

Д18 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2003–2005.

Д30 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Достоевский, 1873a — [Достоевский Ф. М.] Некролог // Гражданин. 1873. № 30. С. 842.

Достоевский, 1873b — Достоевский Ф. М. Письмо к А. Г. Достоевской. От 20 июля 1873 г. (РГАЛИ. Ф. 212.1.26. Л. 17–18; см. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов. URL: <https://philolog.petsru.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm>).

Достоевский 1873c — Достоевский Ф. М. Письмо к А. Г. Достоевской. От 23 июля 1873 г. (РГАЛИ. Ф. 212.1.26. Л. 19–20 об.; см. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов. URL: <https://philolog.petsru.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm>).

Достоевский, 1873d — Достоевский Ф. М. Письмо к А. Г. Достоевской. От 26 июля 1873 г. (РГАЛИ. Ф. 212.1.26. Л. 21–22 об.; см. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов. URL: <https://philolog.petsru.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm>).

Достоевский, 1873e — Достоевский Ф. М. Письмо к А. Г. Достоевской. От 29 июля 1873 г. (РГАЛИ. Ф. 212.1.26. Л. 23–24 об.; см. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов. URL: <https://philolog.petsru.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm>).

Достоевский, 1873f — Достоевский Ф. М. Письмо к А. Г. Достоевской. От 19 августа 1873 г. (РГАЛИ. Ф. 212.1.26. Л. 31–33 об.; см. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов. URL: <https://philolog.petrstu.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm>).

Мещерский, 1873 — Мещерский В. П. Свежей памяти Ф. И. Тютчева // Гражданин. 1873. № 31. С. 846–848.

Мещерский, 1874 — [Мещерский В. П.] Федор Иванович Тютчев. (Биографический очерк И. С. Аксакова в «Русском архиве», за октябрь 1874 г.) // Гражданин. 1874. № 49. С. 1248–1255. Подпись: М.

Мещерский, 1898 — Мещерский В. П., кн. Мои воспоминания: [в 3 ч.]. Ч. 2: 1865–1881 гг. С.-Петербургъ: Тип. кн. В. П. Мещерского, 1898. 514 с.

Мещерский, 2001 — Князь Мещерский: Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 687 с.

Примечание

- ¹ Результаты исследований см. на сайте «Информационная система “Статистические методы анализа литературных текстов”»: <http://smalt.karelia.ru/methods/>

Список литературы

1. Архипова А. В. Ф. М. Достоевский о Тютчеве (к атрибуции статьи в «Гражданине») // Русская литература. 1975. № 1. С. 172–176.
2. Бельчиков Н. Ф. Достоевский о Тютчеве // Былое. 1925. № 5. С. 155–162.
3. Викторovich В. А. Ф. М. Достоевский. Новоатрибутированные статьи 1872–1874 гг. (атрибуция и научный комментарий В. Викторovichа) // Знамя. 1996. № 11. С. 151–177.
4. Викторovich В. А. Достоевский — редактор «Гражданина» (1873–1874). Петрозаводск: ПетрГУ, 2019. 426 с. [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (25.05.2021).
5. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский: Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
6. Иванчикова Е. А. Индивидуальный синтаксис Достоевского // Слово Достоевского. 2001. С. 272–314.
7. Николина Н. А. Типы и функции новообразований в прозе Ф. М. Достоевского // Слово Достоевского. 2001. С. 199–218.
8. Рогов А. А., Абрамов Р. В., Бучнева Д. Д., Захарова О. В., Кулаков К. А., Лебедев А. А., Москин Н. Д., Отливанчик А. В., Савинов Е. Д., Сидоров Ю. В. Проблема атрибуции в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин». Петрозаводск: Острова, 2021. 391 с.
9. Ф. И. Тютчев: в 2 кн. М.: Наука, 1988. Кн. 1. 590 с. (Литературное наследство; т. 97.)
10. Шепелева С. Н. Лексема «душа» в творчестве Ф. М. Достоевского: особенности словоупотребления // Слово Достоевского. 2001. С. 488–539.

References

1. Arkhipova A. V. F. M. Dostoevsky About Tyutchev (To the Attribution of the Article in the “Citizen”). In: *Russkaya literatura*, 1975, no. 1, pp. 172–176. (In Russ.)
2. Belchikov N. F. Dostoevsky About Tyutchev. In: *Byloe*, 1925, no. 5, pp. 155–162. (In Russ.)

3. Viktorovich V. A. F. M. Dostoevsky. Newly Attributed Articles of 1872–1874. In: *Znamya*, 1996, no. 11, pp. 151–177. (In Russ.)
4. Viktorovich V. A. *Dostoevskiy — redaktor «Grazhdanina» (1873–1874) [Dostoevsky as Editor of “Grazhdanin” (“Citizen”) (1873–1874)]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2019. 426 p. Available at: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (accessed on May 25, 2021). (In Russ.)
5. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevsky: ocherk tvorchestva [The Name of the Author — Dostoevsky: Essay on Creativity]*. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
6. Ivanchikova E. A. Individual Syntax of Dostoevsky. In: *Slovo Dostoevskogo [Dostoevsky’s Word]*, 2000, pp. 272–315. (In Russ.)
7. Nikolina N. A. Types and Functions of New Formations in F. M. Dostoevsky’s Prose. In: *Slovo Dostoevskogo [Dostoevsky’s Word]*, 2001, pp. 199–218. (In Russ.)
8. Rogov A. A., Abramov R. V., Buchneva D. D., Zakharova O. V., Kulakov K. A., Lebedev A. A., Moskin N. D., Otlivanchik A. V., Savinov E. D., Sidorov Yu. V. *Problema atributsii v zhurnalakh «Vremya», «Epokha» i ezhenedel’nikе «Grazhdanin» [The Problem of Attribution in the Journals “Vremya”, “Epokha” and the Weekly “Grazhdanin”]*. Petrozavodsk, Ostrova Publ., 2021. 391 p. (In Russ.)
9. *F. I. Tyutchev: v 2 knigakh [F. I. Tyutchev: in 2 Books]*. Moscow, Nauka Publ., 1988, book 1. 590 p. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 97.) (In Russ.)
10. Shepeleva S. N. Lexeme “Soul” in the Works of F. M. Dostoevsky: Features of Word Usage. In: *Slovo Dostoevskogo [Dostoevsky’s Word]*, 2001, pp. 488–539. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бучнева Дарья Дмитриевна, студентка *Daria D. Buchneva*, Student of the Institute of Института филологии, Петрозаводский Philology, Petrozavodsk State University (pr. государственный университет (пр. Ленина, 33, Lenina 33, Republic of Karelia, Petrozavodsk, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910, Russian Federation); e-mail: darja.185910); e-mail: darja.lammasjarvi@mail.ru. lammasjarvi@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.06.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.08.2021

Принята к публикации / Accepted 15.08.2021

Дата публикации / Date of publication 15.09.2021

Научная статья
УДК 37+821.161.1+070
DOI: 10.15393/j10.art.2021.5561

Ф. М. Достоевский в пристрастных мнениях фельетониста и критика В. П. Буренина

А. А. Проценко

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: a9851825663@gmail.com

Аннотация. Влияние критика В. П. Буренина на общественную жизнь 1860–1880-х гг. велико: его популярность была сравнима с популярностью В. Г. Белинского в 1840-е гг. По свидетельству Б. Б. Глинского, фельетоны Буренина тайком читали все — даже те, кто презирал газету «Новое Время» и лично ненавидел ее критического обозревателя за резкость и грубость полемической манеры. В статье рассматривается эволюция взглядов критика на творчество Ф. М. Достоевского и его роль в отечественной журналистике и литературе. В первый период своей деятельности В. П. Буренин скорее придерживался общих настроений и оценок — и ругал Достоевского. Постепенно он осознал масштаб писательского дара Достоевского. Будучи уже знаменитым и влиятельным автором «Нового времени», В. П. Буренин стал большим почитателем, другом и защитником писателя. Он был одним из немногих критиков, кто по достоинству оценил «Дневник Писателя». После смерти Достоевского Буренин поддерживал доброе общение с вдовой писателя. Из их переписки становится понятно, что А. Г. Достоевская считала Буренина своим соратником в деле сохранения наследия ее покойного мужа; в письмах содержатся не известные ранее данные о том, что корреспонденция «Нового Времени» о пожаре в Старой Руссе принадлежит перу самой А. Г. Достоевской, а также некоторые другие сведения о Достоевском и судьбе его наследия.

Ключевые слова: окружение Достоевского, В. П. Буренин, газета «Новое время», критика, полемика, фельетон, очерк

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 «Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)».

Для цитирования: Проценко А. А. Ф. М. Достоевский в пристрастных мнениях фельетониста и критика В. П. Буренина // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 3. С. 107–135. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5561

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5561

F. M. Dostoevsky in the Biased Opinions of the Feuilletonist and Critic V. P. Burenin

Anastasia A. Proshenko

*Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: a9851825663@gmail.com

Abstract. The influence of the critic V. P. Burenin on the public life of the 1860s — 1880s is great: his popularity was comparable to that of V. G. Belinsky in the 1840s. According to B. B. Glinsky, everyone has secretly read Burenin's feuilletons, even those who despised the newspaper *Novoe Vremya* (*New Time*) and personally hated its critical columnist for the sharpness and rudeness of his polemical style. The article examines the evolution of the critic's views of F. M. Dostoevsky's work and his role in Russian journalism and literature. In the initial period of his activity, V. P. Burenin tended to adhere to common moods and assessments, and scolded Dostoevsky. Gradually, he realized the scale of Dostoevsky's writing gift. Already a famous and influential author of the *Novoe Vremya* (*New Time*), V. P. Burenin became a great admirer, friend and defender of the writer. He was one of the few critics who appreciated the *Writer's Diary*. After Dostoevsky's death, Burenin maintained good communication with the writer's widow. Their correspondence makes it clear that A. G. Dostoevskaya considered Burenin her colleague in preserving the legacy of her late husband. The letters contain previously unknown information, namely, that the correspondence of the *Novoe Vremya* (*New Time*) about the fire in Staraya Russa were penned by A. G. Dostoevskaya herself, as well as some other information about Dostoevsky and the fate of his legacy.

Keywords: Dostoevsky's entourage, V. P. Burenin, newspaper "Novoe Vremya" ("New Time"), criticism, polemic, feuilleton, essay

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90021.

For citation: Proshenko A. A. F. M. Dostoevsky in the Biased Opinions of the Feuilletonist and Critic V. P. Burenin. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2021, vol. 8, no. 3, pp. 107–135. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5561 (In Russ.)

Литературной деятельности Виктора Петровича Буренина посвящено немало исследований ([Боева], [Игнатова, 2009; 2012; 2013; 2015], [Куликова, Пенская], [Рейтблат, 1991; 2005], [Смирнов], [Шабалина, 2012а; 2012b]¹ и др. В этих работах разобраны литературные приемы критика, объяснены причины его популярности и оценен вклад в русскую журналистику. По свидетельству Б. Б. Глинского [Глинский], фельетоны Буренина тайком читали все — даже те, кто презирал газету «Новое Время» и лично ненавидел ее критического обозревателя за резкость и грубость полемической манеры. Однако, на наш взгляд, роль В. П. Буренина в упрочении посмертной славы Ф. М. Достоевского и сохранении национальной памяти о нем по-прежнему мало изучена.

Достоевский и Буренин в 1866–1872 гг.

В. П. Буренин был младше Достоевского ровно на 20 лет. Их отношения начинались непросто — об этом обстоятельно рассказывает в своих работах К. А. Баршт [Баршт, 2017а; 2017б; 2018], упоминает О. В. Захарова [Захарова] и др. Художественная манера Буренина, определяемая им самим как «цинический» или «наглый» реализм, предполагала в 1860-е гг. высокую степень нигилизма: он принципиально не признавал авторитетов и эпатировал читателя злыми нападками на самых модных и признанных литераторов. Критиковал он и Достоевского: не стесняясь серьезной разницы в жизненном и литературном опыте, двадцатидвухлетний Буренин, едва переехавший в Петербург, позволяет себе резкие выпады против журнала «Время» и лично братьев Достоевских. Критик не мог принять их «почвенничество», идею о спасительной роли христианства для России и мира. Так, в 1863 г. в пылу полемики молодой В. П. Буренин (под псевдонимом Михаил Антипастов) написал язвительное стихотворение, которое вышло в девятом номере «Свистка»:

«Ах, зачем читал я “Время”!
Лучше б я до срока умер
В цвете юности свистящей,
Но не зрел январский нумер!
<...>
О, редактор Достоевский!
Я прошу вас: ради неба,
Не казните так жестоко
Тварь, свистящую из хлеба!»².

Исследователи литературной деятельности критика разделяют его литературную карьеру на три этапа: 1) начало пути (сотрудничество в качестве пародиста и сатирика в революционно-демократических органах, таких, как «Искра» и «Свисток»); 2) период «Санкт-Петербургских Ведомостей» (1863–1875 гг.); 3) расцвет (период «Нового Времени» в литературно-критической деятельности В. П. Буренина (1880-е — 1890-е гг.) [Игнатова, 2009: 5]).

В первый период своего творчества Буренин-сатирик во многом схож с революционными демократами: не признает либеральные и реакционные идеи, критикует теорию «искусства для искусства», упрекает прессу в продажности и т. д. При этом уже тогда он отрицает любую идеологию, считая, что она используется журналистами исключительно в конъюнктурных целях. С самого начала сатиры Буренина имели адресный характер, однако критик опирался не столько на самостоятельные суждения, сколько на общую политику журнала, в котором работал, а также на настроения большинства: как известно, против «почвенничества» в то время высказывались «Голос», «Русское Слово», «Современник», «Искра» и другие печатные органы.

В газете «Санкт-Петербургские Ведомости» Буренин был по-прежнему недоброжелателен к Ф. М. Достоевскому. Он категорически не принимал его как журналиста: в этот период в критике Буренина «формируется характерный “образ фельетониста” — нападки на личность, провокация и т. д. Уже в 1870-е гг. Буренина отличает стремление выйти за рамки газетного фельетона и выработать особую стратегию литературного поведения, исполненного чисто “базаровской” агрессии против любых “интеллигентских” приличий ведения критической полемики. Основная цель такой стратегии — снять “культурную” маску с литературного противника и указать ему на его истинное лицо “обывателя” по духу и образу жизни, как бы уравнивать его с “массой»» [Игнатова, 2009: 9].

В 1866 г. критик охарактеризовал выход романа «Преступление и Наказание» как произрастание «беллетристического ананаса» на «картофельных грядках “Русского Вестника”»³, а в 1869 г. — трижды нападал на Ф. М. Достоевского в статьях, посвященных роману «Идиот». Находя, что Достоевский делает своего героя и окружающих его лиц «аномалиями среди обыкновенных людей», вследствие чего повествование «имеет характер некоторой фантазмагии», Буренин замечал:

«Роман можно было бы не только “Идиотом” назвать, но даже “Идиотами”, ошибки не оказалось бы в подобном названии»⁴.

В 1871 г. критик высказал неприятие романа «Бесы» (отметив при этом удачность характера С. Т. Верховенского):

«Вместе с живыми лицами, в роде помянутого либерала, выходят куклы и надуманные фигурки; рассказ тонет в массе ненужных причитаний, исполненных нервической злости на многое, что вовсе не должно бы вызывать злости»⁵.

Буренин как бы продолжает провоцировать Достоевского, при этом начиная постепенно осознавать силу и значение его творчества.

Год спустя, 15 января 1872 г., Буренин уже признает за Достоевским «крупный литературный талант (едва ли не самый крупный талант после г. Тургенева)», но упрекает писателя в путанности и смутности концепции его последних произведений⁶.

Отношения между Бурениным и Достоевским теплеют с 1873 г., когда критик «Санкт-Петербургских Ведомостей» написал, что даже наиболее тенденциозные страницы «Бесов» — это «плод искреннего убеждения, а не низкопоклонства пред грубыми и плотоядными инстинктами толпы, как у беллетристических дел мастеров»⁷. Достоевскому это понравилось: «...в разборе моего романа “Бесы”, — писал он о В. П. Буренине, — пропустил мысль, что если я и изменил мои убеждения, то произошло это во мне искренно (т. е. не из видов и, стало быть, честно), и <...> фраза эта меня даже тронула»⁸.

В записной тетради Достоевского 1872–1875 гг. есть строки: «Буренина очень тонкие отметки...»⁹. Однако критик по-прежнему еще не понимал и не принимал Достоевского как публициста. Он «находил сходство публицистики Достоевского с кликушеством» и оценивал «Дневник Писателя» как «странный»¹⁰. Автор «Санкт-Петербургских ведомостей считал, что Достоевский и сам был настолько смущен странностью своего “Дневника”, что прекратил его выпуски во второй половине 1873 года» [Петрова, 141].

«Дружба» 1876–1881 гг.

В 1876 г. В. П. Буренин, перешедший из «Санкт-Петербургских Ведомостей» в только что купленную А. С. Сувориным газету «Новое Время», пересмотрел свое отношение к произведениям Достоевского. 24 декабря в № 297 «Нового Времени» Буренин под псевдонимом «Тор» написал обширную статью «об исключительности и одинокости дарования г. Достоевского»¹¹. В этом тексте критик дает высокую оценку «фантастическому рассказу» «Кроткая» и творчеству писателя в целом, размышляя над тем, почему у Достоевского нет подражателей и отчего он не создал литературной школы. Ответ на этот вопрос Буренин находит в том, что талант Достоевского уникален и неповторим:

«Так, как он пишет, у нас не пишет никто другой», а «его психиатрические этюды имеют прямое отношение к действительности и глубоко затрагивают ее»¹².

В 1876 г. В. П. Буренин уже называет Достоевского «в высшей степени даровитым и оригинальным» автором «Преступления и Наказания», «Бесов» и «Записок из Мертвого Дома», который «в силе художественного таланта <...> не уступит ни г. Тургеневу, ни гр. Л. Толстому, ни г. Некрасову»¹³. Однако по-прежнему критик отмечает общую путанность и невыдержанность повествования, отсутствие художественной целостности в романах Достоевского; по-прежнему относит «Идиота» к исключениям, уводящим в «область патологии».

В 1878 г. Буренин посвящает Достоевскому четыре литературных очерка, и все — в положительном ключе. Критик, до этого считавший, что редактор «Гражданина» «имеет значение крупное» только как романист, а когда «желает быть публицистом, философом, моралистом — он тогда ужасен, нет, больше чем ужасен — он невменяем по отношению к здравому смыслу и логике»¹⁴, — дает один за другим позитивные отклики о «Дневнике Писателя»¹⁵.

В 1879 г. критик посвящает целых пять статей разбору нового романа Достоевского «Братья Карамазовы»¹⁶, одним из первых в прессе откликнувшись на публикацию начальных глав. В этих очерках Буренин полемизирует с поверхностными, «формально-либеральными» критиками

и читателями, осуждавшими Достоевского за обилие в его романе «лампадного масла» и «психиатрической истерики»¹⁷. Кроме того, в статье от 16 февраля, разбирая новую повесть М. Н. Альбова «День итога», Буренин вновь обращается к Достоевскому, называя произведение Альбова подражательным:

«Повесть эта, очевидно, порождена усердным чтением произведений г. Достоевского и именно “Преступления и наказания” и “Бесов”. В ней выведен один из заедаемых самолюбием героев, страдающих психическим недугом, — плодом отчасти тяжелых влияний материальной обстановки, отчасти моральных неудач. У г. Достоевского такие лица выходят живыми, необыкновенно интересными и поучительными: он обнажает самые глубокие, самые сокровенные тайны человеческой души, рисуя болезненные перипетии воли и мысли, расшатанной и потрясенной роковыми влияниями гнета скорбной действительности и рефлексией, перешедшей нормальную меру»¹⁸.

В 1880 г. В. П. Буренин вместе с А. С. Сувориным активно поддерживает Ф. М. Достоевского в известном неприятном «эпизоде с каймой»¹⁹: «Поддерживать эту глупую сплетню (П. В. Анненкова о кайме. — А. П.) это недостойное дело», — пишет критик²⁰. Автор «Бедных людей» благодарен за это и надеется увидеть Суворина и Буренина на Пушкинском празднике в Москве, о чем и пишет издателю «Нового Времени» 14 мая 1880 г. Однако А. С. Суворин сообщает, что ни он сам, ни Буренин, возможно, не приедут на открытие памятника. Это огорчает Достоевского:

«Известие о Буренине, уехавшем на Волгу, мне тоже не нравится: я ждал, не напишет ли он чего-нибудь об моем последнем отрывке “Карамазовых”, ибо мнением его дорожу»²¹.

Но встреча в Москве все-таки состоялась. 5 июня 1880 г. Достоевский сообщает жене, что вчера утром он, «Суворин, его жена, Буренин и Григорович были в Кремле, в Оружейной палате, осматривали все древности», а затем в саду «Эрмитаж» он «сидел и все время пил чай с Сувориным и с Бурениным»²². 20 и 27 июня того же года критик посвящает два литературных очерка «Пушкинской речи» Достоевского, в которых объясняет ее важность и значение²³. 4 июля того же года В. П. Буренин горячо отвечает на нападки, адресованные Достоевскому по поводу его московской речи²⁴ (особенно оценив «нешаблонность мысли» и «искренность и силу убеждения» автора), а 15 августа, как и хотел автор «Карамазовых», посвящает очередной литературный очерк новым главам романа²⁵. В этот период Буренин становится едва ли не единственным критиком, поддержавшим писателя в полемике вокруг «Пушкинской речи».

Осенью 1880 г. Достоевский присутствует на домашнем спектакле у А. С. Суворина, где Буренин играет генерала из «Доходного места»

А. Н. Островского²⁶. Той же осенью критик пишет еще две положительные рецензии на «Братьев Карамазовых», давая восторженную оценку изображения судебного процесса в последних главах романа²⁷.

Таким образом, в последние несколько лет жизни Ф. М. Достоевского прослеживается явное сближение писателя с В. П. Бурениным. Можно даже сказать, что их отношения, как и отношения Достоевского с А. С. Сувориным, постепенно переходят из разряда «рабочих» в разряд дружеских. По-видимому, критик «Нового Времени» действительно ценил эти отношения, постепенно превращаясь из оппонента в горячего сторонника и защитника Ф. М. Достоевского. Таковым он и остался до самой своей смерти.

Стихи к «усопшему брату»

По воспоминаниям А. Г. Достоевской, за два дня до смерти, 26 января, Федор Михайлович «принялся читать “Новое время”»²⁸. Возможно, он открыл газету, чтобы прочесть последний литературный очерк В. П. Буренина: 23 января критик крайне зло прокомментировал рецензию присяжного поверенного, сотрудника «Вестника Европы» Евгения Утина²⁹, посвященную первому отдельному изданию цикла «Круглый год» М. Е. Салтыкова-Щедрина (СПб., 1880). В статье Утина содержались нападки на Ф. М. Достоевского³⁰: адвокат писал, что у автора «Братьев Карамазовых» «ззорные мысли», «порядочно обскурантное мирозерцание, проповедь самодовольного квиетизма, облакающая в смутные и потворствующие самым дурным инстинктам идеи “нового слова” и “всечеловечества”». Влияние Достоевского, по мнению Утина, «должно быть названо вредным для здорового роста общества»³¹. Виктор Буренин в свойственной ему ядовитой манере парирует:

«Все это нам объясняет с необыкновенной важностью г. Утин, присяжный, так сказать, эксперт патентованного либерализма и выборный человек из “лучшей части общества”; и мы, читатель, должны всему этому верить, а г. Достоевский должен прийти в совершенное отчаяние, ибо при всех своих добрых стремлениях и при всем своем таланте он обскурант и направитель общества к зловонной яме. Ну, а вот г. Салтыков зато, — о, он и талант, да и с направлением благотворным, либеральным, прямо отвечающим утинским идеалам и стремлениям»³².

Вероятно, это был последний критический очерк В. П. Буренина, с которым успел ознакомиться Ф. М. Достоевский перед смертью. Следующий текст, от 30 января 1881 г., был посвящен А. Ф. Писемскому, который скончался неделей ранее. В конце некролога, после прочерка, Буренин добавил:

«Я думал только начать за упокой настоящий этюд, но, увы, его и окончить придется за упокой. Все предыдущее уже было мною написано, когда я получил весть о смерти Ф. М. Достоевского. Эта смерть отзовется великой

скорбью по всей России. Потеря гениального писателя — это уже не только потеря для искусства, это великая общественная потеря...»³³.

Весь февраль смерть Достоевского была главной темой «Нового Времени». «Передовицы 30 и 31 января практически полностью посвящены некрологам и воспоминаниям о покойном» [Проценко, 2019: 163]. Возможно, поэту В. П. Буренин опубликовал свой большой и весьма проникновенный некролог не в суворинской газете, а в ежемесячном литературно-историческом журнале «Полярная звезда». В нем критик назвал смерть Достоевского «общественным бедствием»:

«...значение его было важно не для одного только искусства, и та общая неподдельная печаль, сказавшаяся при известии о его кончине, находит в себе, по нашему мнению, и другое, едва ли не более важное объяснение, чем сожаление об утрате крупного художественного таланта. Объяснение это вытекает из той потребности уяснить смысл нашей современной жизни, которая настоятельно сказывается в массе общества, не столько, конечно, чувствительного к красотам художественного произведения, сколько к тем отзывам на жизнь, выразителем которых совершенно справедливо считался Ф. М. Достоевский»³⁴.

1 февраля 1881 г. в числе прочих стихов, опубликованных в газете «Новое Время» на смерть Достоевского [Волгин: 671–674], появляется и скорбное посвящение В. П. Буренина (известного в основном своими злыми и острыми эпиграммами). Ранее эта версификация не привлекала внимания исследователей, а жаль: характерно, что в ней «корифей газетной брани» (как называл Буренина А. Блок) обращается к Ф. М. Достоевскому не иначе как к «усопшему брату»:

«Усопший брат! Тебя могила
 Навек, навек от нас взяла...
 Угасла страстной мысли сила,
 Что в сердце пламенном жила,
 В нас чувства светлые будила
 И мукой состраданья жгла.
 Не бьется больше сердце это,
 Что было с юных дней согрето
 Любовью жаркой и святой
 К несчастным, жизнью обделенным,
 К униженным и оскорбленным,
 К забитым горькой нищетой.
 Рукою смерти нещадающей
 Замкнуты вещи уста,
 Откуда рвался крик скорбящий

О язвах родины болящей,
Призыв ея на путь Христа
С пути неправды настоящей!
Усопший брат! Ты сам страдал,
Ты перенес все боли века
И в нас не даром возбуждал
Святую скорбь за человека:
Проникновенный твой глагол,
Дышавший к ближнему любовью,
Был сердца раненого кровью —
И кровью той ты изошел!»³⁵.

За один только 1881 г. В. П. Буренин опубликовал восемь обширных критических очерков, затрагивающих творчество Ф. М. Достоевского³⁶. Самым остроумным оказался, пожалуй, текст, озаглавленный как «Поход либерального фарисейства против покойного Достоевского, или г. Михайловский в роли клеветника, бегущего за погребальной колесницей». В февральской книге «Отечественных Записок» Н. К. Михайловский (давний литературный враг В. П. Буренина) опубликовал статью на смерть Ф. М. Достоевского, в которой впервые употребил по отношению к нему ставшую вскоре крылатой фразу «жестокий талант» [Волгин: 668]. Буренина возмущает не столько содержание статьи Н. К. Михайловского³⁷ (безусловно, и оно тоже), сколько тот факт, что «Отечественные Записки» позволили себе писать «выдуманные гадости» о покойном так скоро:

«У нас каждого выдающегося человека мало того, что при жизни поносят, но иногда даже и после его смерти и притом тотчас же, пока еще не остыло его тело. <...> У древних римлян, как это известно нам еще со школьной скамьи, был оригинальный обычай: в торжественной процессии триумфатора, за его колесницей бежал обыкновенно клеветник, всенародно порицавший героя, удостоенного триумфа, и возглашавший о нем разные выдуманные гадости. Как ни кажется странным этот обычай древнего народа, но в наше время, у нас на Руси встречаются еще более странные обычаи: у нас нередко так бывает, что не за триумфальной колесницей живого человека, а за погребальной колесницей человека умершего бежит клеветник и притом не наемный, не для исполнения формального обычая играющий свою роль, а добровольный клеветник, клеветущий и говорящий разные гадости про покойного неизвестно ради чего»³⁸.

Далее Буренин язвительно объясняет, почему Н. К. Михайловский «решился разыграть роль добровольного клеветника и поносителя»: за гробом Достоевского «в торжественной, небывалой до сих пор процессии шли десятки тысяч человек. В числе этих десятков тысяч шел и г. Михайловский»³⁹:

«Никто, конечно, г. Михайловского не заметил в громадной толпе, провожавшей гроб знаменитого писателя. Но г. Михайловский заметил именно то, что его никто не заметил, и ужасно оскорбился, как это так случилось: этакий гигант, как он, находился среди мелкой толпы и толпа не обратила никакого внимания на гиганта; толпа занималась исключительно печальными проводами праха Достоевского, а не тем, что вблизи этого праха находится живой гений, г. Михайловский. Не снес г. Михайловский такого предпочтения покойному, не снес обиды, нанесенной ему невниманием толпы, и решился в сердечном огорчении прибегнуть к экстремному средству для заявления о своем присутствии тут, на этих похоронах»⁴⁰.

В более широком смысле Буренин объясняет этот жест «Отечественных Записок» тем, что «лживый либерализм глубоко уязвился» поклонением русского общества Достоевскому:

«Как! Достоевский учитель, руководитель общества? Это признало все русское общество, мало того <...> молодое поколение признало своим учителем того самого Достоевского, который в своих произведениях являлся таким беспощадным и злым изобличителем лживого либерализма <...>. Этого никак нельзя оставить, этот выразительный факт надо как-нибудь “исправить”, исказить, надо подпакостить его значение. Лучше всего это сделать клеветой, ложью, пущенными сейчас же вслед за гробом покойника. Дождаться нельзя, да и некогда: обида, во-первых, очень уже велика, а во-вторых, популярность лживого либерализма среди молодого поколения слишком уж расшатывается этим фактом»⁴¹.

После смерти Достоевского и его беспрецедентных похорон литературный гений и авторитет писателя сделался непререкаемым — как для русского общества, так и лично для В. П. Буренина. С этого момента и до конца своих дней критик использует этот авторитет как оружие в своей газетно-журнальной полемике.

Посмертная критика Достоевского в литературных очерках Буренина

С середины 80-х гг. для Буренина «большое значение приобретает литературная репутация автора. Если раньше — в 1860–1870-е гг. — он мог позволить себе “упрекать” таких писателей, как Толстой или Достоевский, за непоследовательность, излишнюю философичность и психологизм их романов, то теперь, когда они стали общепризнанными классиками, это стало для Буренина недопустимо» [Игнатова, 2009: 16].

К Михайловскому и его знаменитой статье В. П. Буренин обратится еще не раз: 12 ноября 1882 г., 5 апреля 1885 г., 19 февраля 1888 г., 11 января 1891 г., 19 октября 1901 г. и т. д. С одной стороны, любой, кто не принимает Ф. М. Достоевского, как бы «автоматически» подвергается язвительной критике

В. П. Буренина на страницах «Нового Времени». С другой — для Буренина критика серьезным аргументом в борьбе с идейными оппонентами становится неприятие или непонимание кем-либо из них Достоевского.

«Оригинальное творчество Достоевского, — отвечает Буренин Михайловскому, — и его глубокие и глубоко-гуманные выношенные муками великого ума и великого сердца идеи не подходят под мелкое мерило теперешнего шаблонно-либерального критицизма; и вот крупнейший из художественных гениев эпохи объявляется “жестоким талантом”, инквизитором в области морали, чуть ли не извергом даже. Что тут возражать, как тут опровергать? Тут приходится только качать головой и разводиться руками. Самое обвинение в “жестокости”, адресуемое к художественному таланту, есть своего рода нелепица. Обвинять и порицать за то, за что следует хвалить и превозносить, — кому, кроме журнально-либеральной посредственности может прийти это в голову? Ведь всякий крупный талант “жесток” и чем он крупнее, тем больше его “жестокость”»⁴².

За непонимание мирового значения Ф. М. Достоевского «достается» от Буренина не только отечественным публицистам В. Г. Авсеенко⁴³, А. М. Скабичевскому, М. А. Антоновичу, К. К. Арсеньеву, Н. К. Михайловскому и т. д., но и зарубежным критикам: Юлину Шмидту⁴⁴, Евгению Цабелю⁴⁵ и Йосефу Пичу⁴⁶. 16 мая 1886 г. в критических очерках В. П. Буренин пишет:

«Впрочем, и сами немцы замечают, что суждения Ю. Шмидта и другого их присяжного критика Цабеля односторонни и для обоих критиков в русской литературе есть только один излюбленный кумир — Тургенев. Признав своим богом Тургенева, Цабель и Ю. Шмидт уже не хотят признавать других богов — Толстого и Достоевского, не хотят их поставить не только выше, но даже наряду с автором “Отцов и детей”. Один из немецких критиков, Рейнгольд, указывает на такое пристрастие своих собратьев и прямо наперекор Шмидтам, Цабелям и Пичам причисляет Толстого и Достоевского к писателям, превосходящим Тургенева глубиной творчества и силою реализма»⁴⁷.

По мнению Буренина, Достоевский — талант мирового уровня, в полной мере осознать масштаб которого человечеству еще предстоит:

«...<его> огромное значение еще не может быть вполне понято теперь и найдет себе должную оценку в будущем»⁴⁸.

Роман «Бесы», который В. П. Буренин тоже сначала недооценивал (подобно большинству критиков 70-х гг.), в 1881 г. он уже характеризует как «зеркало общественных безобразий нашей милой современности, подобного которому положительно не найдется в русской, да и в иностранных литературах за последнее двадцатилетие»⁴⁹.

С 1880-х гг. Достоевский в оценках Буренина стоит уже несравнимо выше Тургенева. Осенью 1883 г., сразу после смерти автора «Отцов и детей», критик посвящает его творчеству три больших очерка: от 14 октября, 11 ноября и 9 декабря. В первом очерке В. П. Буренин вновь обращается к «Бесам» Достоевского, называя Степана Трофимовича Верховенского состарившимся Рудиным, «окончательно расшатавшимся и умственно и нравственно»⁵⁰. По мнению критика, Достоевский более глубоко показал рудинский тип, полностью «развенчав», разоблачив его отрицательные стороны.

Во втором очерке цикла Буренин с нескрываемым одобрением рассказывает о «злейшей пародии на Тургенева», которую «очень едко выставил Достоевский» в том же романе «Бесы». В этой пародии, пишет критик, «хорошо схвачена карикатурная сторона тургеневского романтизма»⁵¹: Ф. М. Достоевский выставил личность Тургенева «именно со стороны его главной слабости: кокетничанья своей известностью и тайных забот о популярности»⁵².

Однако в своем третьем очерке Буренин напротив, ставит И. С. Тургенева в пример и Ф. М. Достоевскому, и Л. Н. Толстому:

«...удивительно искусство Тургенева, сумевшего в сравнительно небольших по объему романах “Отцы и дети” и “Дым” совместить все существенные признаки целой полосы развития русской жизни. В этом отношении Тургенев является образцом даже для таких огромных талантов, как граф Л. Толстой, Достоевский, Гончаров, произведения которых грешат громадностью объема, разбросанностью и пестротой картин и вообще отличаются недостатком художественной сжатости и сосредоточенности»⁵³.

Склонный к конъюнктуре, Буренин нередко обращался в своих статьях к известной теме вражды между Тургеневым и Достоевским. Сам критик, как можно заметить по тональности его строк, в этом конфликте находился скорее на стороне последнего:

«Тургенев, под влиянием личного раздражения против Достоевского, находил, что <...> взгляд на жестокость таланта Достоевского довольно справедлив и, со своей стороны признавая в авторе “Бесов” некоторого психологического сладострастника, наименовал его русским маркизом Де-Садом»⁵⁴;

«...пропагандируя себя во Франции, Тургенев делал такой вид, что он будто бы старается пропагандировать и других своих сверстников. Но, в сущности, он пропагандировал их так, чтобы они не могли затмить его самого. <...> Я уж не говорю о том, что насчет Достоевского Тургенев даже и не заикался французам. Положим, он в последние годы не терпел автора “Преступления и наказания”, <...> но, думаю однако же, что не эта личная неприязнь была причиной его молчания у немцев и французов о таком своеобразном и крупном явлении русской литературы, как Достоевский: он

просто боялся, что сильный и оригинальный талант могучего соперника уменьшит славу его, Тургенева, у иностранцев»⁵⁵.

Так, любая неприязнь к Ф. М. Достоевскому — литературная или личная — становится для В. П. Буренина показателем, по которому можно судить о человеке. В 1889 г. критик публикует несколько личных воспоминаний о М. Е. Салтыкове-Щедрине, подтверждая мысль о том, что покойный сатирик был завистлив и потому не терпел Тургенева и Достоевского:

«Об одном из крупнейших и содержательнейших произведений покойного романиста, о “Бесах”, мне случилось слышать из уст Салтыкова самый раздражительный, близорукий и несправедливый отзыв. <...> Мне всегда казалось, что не мог же знаменитый сатирик, при его несомненном уме, художественном вкусе, наконец, при его литературном образовании не разуместь всей глубины и значительности таких произведений, как “Отцы и дети” или “Бесы”. Скорей надо предположить, что он видел эту глубину, эту значительность и старался принижать авторов названных произведений вследствие раздражительного сознания, что его собственному таланту недостает художественных качеств в той мере, в какой наделен был талант Тургенева и Достоевского <...>. Не смешно ли, в самом деле, читать теперь рьяные полемические унижения и глумления, столь изобильно расточенные Салтыковым в “Современнике” против Достоевского, Страхова, А. Григорьева. Знаменитый сатирик с запальчивостью школьника, с грубостью почти бурлацкой глумился над этими людьми, как будто они были какие-то мелкие и невежественные писаки. <...> Время показало, у кого больше было “фонда”, т. е. таланта, образования, оригинальности — у автора ли “Преступления и наказания” и “Братьев Карамазовых”, или у автора “Писем к тетеньке” и “Головлевых”»⁵⁶.

Если же В. П. Буренин и удостаивал кого-то похвалы (что случалось нечасто), в подтверждение своей правоты он приводил, опять же, свежие мысли литераторов о Ф. М. Достоевском. Так, например, посвящая очерк сборнику статей С. А. Андреевского «Литературные чтения», Буренин признает «самыми живыми и самыми обстоятельными <...> этюды о Достоевском и Толстом». Критик позволяет себе «остановиться несколько поболее на этюде г. Андреевского о романе “Братья Карамазовы”. Этот этюд, без сомнения, представляет лучший, наиболее цельный и полный разбор великого произведения Достоевского». Он замечает, что в современной ему критике «о “Братьях Карамазовых” до сих пор не было сказано почти ничего дельного». Достоевский же «отлично разумел легкомыслие либеральной критики, травившей его роман, и сделал кой-какие указания на настоящую сущность своего произведения. Г. Андреевский в своем этюде развивает эти указания и с замечательной обстоятельностью обрисовывает, какое широкое и глубокое значение имеет этот роман»⁵⁷.

За три года до этого именно Буренин впервые заметил Василия Розанова, ставшего впоследствии крупным философом и преданным сотрудником «Нового Времени». Рекомендую книгу никому не известного тогда Розанова «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания», критик приводит из нее выдержки о Достоевском, надеясь, что они «убедят читателя, что в лице г. Розанова мы имеем дело с мыслителем столь же глубоким, сколько оригинальным»⁵⁸. Например, внимание Буренина привлекло суждение В. В. Розанова о том, что «Легенда о Великом инквизиторе» есть «самое сильное, что когда-либо было придумано человеком о жизни и истории. В этом смысле она не имеет ни сильнейшего, ни равного во всемирной литературе»⁵⁹. Интересно, что В. П. Буренин посылает эту книгу вдове писателя А. Г. Достоевской — о чем мы узнаем из ее письма от 15 мая 1888 г. К сожалению, возвращая критику книгу, Анна Григорьевна ничего не пишет о своих впечатлениях о ней.

Переписка В. П. Буренина и А. Г. Достоевской

Переписка между критиком и вдовой писателя продлилась без малого 25 лет. Не все письма сохранились, но из тех, что дошли до нас, можно почерпнуть несколько интересных сведений. Потому мы решили опубликовать эту переписку полностью в хронологическом порядке с некоторыми пояснениями.

Открывается эпистолярный двумя деловыми записками В. П. Буренина, написанными на бланке редакции газеты «Новое Время». Они касаются публикации в ней телеграмм, полученных А. Г. Достоевской от разных лиц, с соболезнованиями о смерти ее мужа. Судя по первому из сохранившихся писем, В. П. Буренин *отвечает* вдове, а не сам обращается к ней. Видимо, Анна Григорьевна посылала подлинники полученных ею телеграмм А. С. Суворину для перепечатки в газете и в изначальном (несохранившемся) своем письме заботилась о том, чтобы документы не потерялись. Из ответа Буренина можно также догадаться о том, что А. Г. Достоевская или сама присылала в редакцию списки пожертвований на надгробный памятник Ф. М. Достоевского и школу его имени в Старой Руссе, или справлялась о них у критика (именно по инициативе газеты «Новое Время» было положено начало этим сборам средств [Проценко, 2019; 2021]). Этих двух тем и касаются первые письма В. П. Буренина к А. Г. Достоевской:

*«Милостивая Государыня
Анна Григорьевна.*

Списокъ пожертвованій будетъ напечатанъ непременно на дняхъ. Что касается телеграммъ, о которыхъ Вы пишете, то при всемъ моемъ желаніи, безъ Суворина, я не могу Вамъ ничего сообщить о томъ, сохранились ли они и гдѣ они. Я, впрочемъ, поищу и если найдется, пришлю сейчасъ же.

*Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи
Искренно уважающій Вас<ѣ>
В<.> Бурен<инъ>*

*Понедѣльникъ
1881⁶⁰»⁶¹.*

*«Февраля “13” дня 1881 г.
Милостивая Государыня
Анна Григорьевна.*

Телеграммы изъ Одессы и изъ Казани⁶² напечатаны сегодня. Подлинники ихъ прилагаю при семъ. Что касается телеграммы отъ В. К.⁶³, то она передана К. К. Случевскому, который конечно возвратитъ ее Вамъ.

*Съ истиннымъ почтеніемъ
имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою
В<.> Буренинъ»⁶⁴.*

В последующие три года писем не было или они не сохранились. 18 марта 1884 г. состоялся очередной литературный вечер в пользу Старорусской школы имени Ф. М. Достоевского, которые Анна Григорьевна устраивала с 1882 по 1885 гг. и сама занималась большинством организационных вопросов [Прощенко, 2021]. Вдова писателя приглашала В. П. Буренина почитать что-нибудь на этом вечере, однако критик отказался:

*«1884.⁶⁵
Многоуважаемая
Анна Григорьевна.*

Къ моему искреннему сожалѣнію, я долженъ отказаться отъ Вашего предложенія: я очень плохой чтецъ, голосъ у меня слабый и къ тому же я такъ конфужусь, что совсмъ не гожусь для публичныхъ чтеній. Вотъ причины, которыя заставляютъ меня уклоняться отъ такихъ чтеній всегда; заставляютъ и на этотъ разъ уклониться отъ Вашего предложенія. Вы конечно не усумнитесь въ искренности моей и не припишете мой отказъ нежеланію или лѣни.

Пользуюсь случаемъ принести Вамъ глубокую благодарность за присылку соч<иненій> Федора Михайловича⁶⁶. Я изучаю ихъ почти каждый день и наслаждаюсь этимъ изученіемъ всласть.

Анонсъ о чтеніи будетъ напечатанъ завтра-же.

*Искренно уважающій Васъ
В. Буренинъ»⁶⁷.*

Это письмо может быть датировано, судя по объявлениям о предстоящем чтении в газете «Новое Время», 8, 13 или 15 марта 1884 г. 14 марта Анна Григорьевна послала А. С. Суворину два пригласительных билета для редакции — видимо, для него и для Буренина. 18 марта вышел отчет о состоявшемся вечере.

25 августа того же 1884 г. умер единственный сын критика — двадцатилетний Константин. Это стало глубокой личной трагедией для Виктора Буренина: Константин, как и его отец, публиковал в «Новом Времени» свои стихи и переводы (под псевдонимом К. Ренин). Смерть сына, по свидетельству современников, усилила мизантропию Буренина: он стал нелюдимым и много лет никуда не выходил, кроме редакции «Нового Времени», вблизи которой жил.

А. Г. Достоевская, тронутая горем критика, прислала ему свои соболезнования. До нас дошел ответ В. П. Буренина вдове, который он написал, по всей видимости, не сразу:

*«Многоуважаемая
Анна Григорьевна*

Отъ души благодарю Васъ за Ваше теплое сочувствіе моему горю. Я ожидалъ смерти сына уже съ лѣта, но все таки думалъ, что онъ быть можетъ до весны протянетъ. Но вышло иначе. Ужасно жаль мальчика: былъ бы даровитымъ человѣкомъ со временемъ. Но — вѣрно не судьба. Жена проситъ также передать Вамъ ее благодарность, хотя она не имѣетъ удовольствія знать Васъ лично. Еще разъ спасибо Вамъ за доброе слово сочувствія.

*Искренно уважающій Вас<ъ>
В<.> Бурен<инъ>»⁶⁸.*

Возможно, после этого Анна Григорьевна решила не беспокоить Буренина: переписка прекращается на четыре года. Однако сам критик дает вдове повод обратиться к нему вновь, когда присылает ей книгу Василия Розанова «О понимании». Как уже было сказано, Буренин высоко оценил размышления философа о покойном Достоевском и посчитал необходимым познакомить с ними и Анну Григорьевну. 15 мая 1888 г. вдова возвращает книгу и вместе с тем просит Буренина написать биографический очерк для третьего издания Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского. Эта просьба представляется нам весьма значимой для понимания той роли, которую критика В. П. Буренина имела для Анны Григорьевны и самого Достоевского: вдова писателя почти что вынуждает адресата согласиться:

«Глубокоуважаемый Виктор Петрович. Я возобновляю (здесь и далее курсив наш. — А. П.) мою усерднейшую и нижайшую просьбу взять на себя труд написать краткую биографию и характеристику литературной деятельности покойного Федора Михайловича. Для меня было бы большое счастье, если бы Вы могли исполнить мою просьбу. Покойный муж мой так уважал Вас; он

ценил Ваши отзывы о нем и находил, что Вы, из всех писавших о нем, наиболее понимали его мысли и намерения. Если время и обстоятельства позволят Вам — возьмитесь за эту работу; право, это будет хорошее дело <...> Простите, что я *так настаиваю* на моей просьбе, но если б Вы знали, *до чего мне желалось бы*, чтобы биография мужа была написана Вами. Никто лучше Вас не справился бы с этим делом!»⁶⁹.

К письму вдова прилагает четырнадцать номеров «Нового Времени» с критическими очерками Буренина о Достоевском. Из этого следует, что Анна Григорьевна тоже внимательно следила за творчеством критика и отмечала те номера газеты, в которых шла речь о ее покойном муже. Она так высоко ценила мнение Буренина, что даже готова была просмотреть все номера «Нового Времени» за несколько лет (газета выходила ежедневно утром и вечером), чтобы отыскать недостающие тексты.

И Буренин сначала согласился. Но спустя полгода он вдруг отказывается, ссылаясь на больную руку. Критик выделяет курсивом «опорные моменты» своего письма: «я не могу» — то есть «физически» не в состоянии; «обязательный» фельетон в неделю — то есть подчеркивает, что тут он отказаться от написания как бы не имеет права; «приготовился» и «невольная» — вместо извинения за полугодовую задержку.

«1887⁷⁰

Многоуважаемая
Анна Григорьевна,

Къ моему искреннему сожалѣнію, я долженъ отказаться отъ статьи, которую Вамъ обѣщаль. При всемъ моемъ добромъ желаніи, я не могу написать статьи: моя рука не позволяетъ мнѣ работать. Я едва могу нацарапать обязательный фельетонъ въ недѣлю. Доктора говорятъ, что я и этого не долженъ былъ бы дѣлать. Мнѣ ужасно совѣстно передъ Вами, что я васъ безбожно обманулъ и вмѣстѣ обидно, что не могу написать о Федорѣ Михайловичѣ. Тѣмъ болѣе обидно, что я приготовился къ статьѣ, перечиталь все что нужно и оставалось бы только изложить на бумагу все обдуманное въ головѣ. Но что будешь дѣлать, коли Господь наказаль недугомъ? И какъ на зло, теперъ съ наступленіемъ морозовъ, боль сильнѣе стала въ рукѣ и она становится деревяннѣе. Простите за неаккуратность, которая, вѣрьте, невольная. Боюсь, что я задержаль изданіе Ваше и все это меня страшно угнетаетъ и тревожитъ. Вы въ правѣ меня бранить и негодовать на меня; но войдите и въ мое положеніе: я физически не могу сдѣлать дѣло, которое всей душой желаль бы сдѣлать. Я принимался два раза писать и долженъ былъ отказаться отъ усилій, вызывающихъ въ рукѣ ухудшеніе.

Искренно уважающій Вас<ъ>

В. Буренин<ъ>

P. S. При семъ прилагаю Вами присланные нумера газеты»⁷¹.

Анна Григорьевна имеет полное право негодовать: из переписки с Константином Случевским (который напишет этот биографический очерк вместо Буренина) мы узнаем, что сдать последний том А. Г. Достоевская обещала уже к Рождеству — менее чем через месяц после отказа Буренина. Виктор Петрович сильно ее подвел.

13 декабря 1888 г. вдова Достоевского, которая лучше других знает, что такое записывать за мужем большие объемы продиктованного текста, не без горечи отвечает Буренину:

*«Глубокоуважаемый
Викторъ Петровичъ!»*

Вы не можете себя представить до чего я была огорчена получивъ Вашъ отказъ написать статью. Бранить Васъ и негодовать я не стану, такъ какъ твердо вѣрю, что только совершенная невозможность писать заставила Васъ нарушить слово. Не мучьте себя мыслью, что задержали издание, {ну} пусть выйдетъ мѣсяцемъ позже. Я утѣшаю себя [мыслью] {тѣмъ}, что, можетъ быть, при {одномъ изъ} слѣдующ[ем]{их} издані[и]{й}, Вы возьметесь за этотъ трудъ.

Я рѣшила обратиться къ Оресту Федоровичу {просить напис. б. Ор. Фед.¹⁾}, но если онъ откажется, то совѣтъ не знаю къ кому обратиться. Не укажете ли Вы мнѣ кого изъ молодыхъ и не заваленныхъ дѣломъ литераторов<ъ>, которые [были] [взялись за] могли бы<ъ> въ теченіи мѣсяца? Очень буду благодарна {Вамъ за указаніе. Но не [отвѣчайте] трудите больную руку, а попросите кого нибудь изъ домашнихъ написать<.>²⁾}}⁷².

Неизвестно, кто порекомендовал Анне Григорьевне обратиться к Константину Случевскому. Возможно, это было ее собственное решение: за год до того поэт любезно помогал вдове организовать визит великого князя Владимира Александровича в Старорусскую школу и получить его Высочайшее покровительство. К. К. Случевский написал биографический очерк для Полного собрания сочинений Достоевского за рекордный один месяц: 25 января 1889 г. текст уже готов, и Анна Григорьевна приглашена на его слушание вместе с А. Майковым, Ор. Миллером и Н. Страховым. Полная переписка К. К. Случевского и А. Г. Достоевской опубликована в 2006 г. [Соболев].

В 1890 г. Старорусская школа, доставшаяся таким трудом Анне Григорьевне, сгорела дотла. О произошедшем вдова посчитала необходимым сообщить в газету «Новое Время» и для этого написала В. П. Буренину вновь. Очевидно, письмо можно датировать 15 января 1890 г.; оно содержит текст корреспонденции, напечатанной в «Новом Времени» двумя днями позже: 17 января 1890 г. Из этого послания мы узнаем, что автором статьи является

¹⁾ Вписан вариант.

²⁾ Запись на полях слева.

сама Анна Григорьевна, пожелавшая сохранить анонимность (и она объясняет, почему: «так стыдно и неделикатно говорить о своих пожертвованиях», но для нее важно «восстановить» свое доброе имя). Также мы видим, как вдова писателя работала над текстом: сохранилось два варианта рукописи (они приложены к письму). Важно заметить, что в «Новом Времени» корреспонденция А. Г. Достоевской была напечатана почти без исправлений [Прощенко, 2021: 218–219].

«ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

имени

Ө. М. ДОСТОЕВСКАГО.

г. СТАРАЯ РУССА

Новгородскаго Земства, Старорусской [д]{Д}умы и попечительницы Школы. Съ 1887 г. Школа на³⁾

[Боясь] {Не смѣя} утруждать Редакцію, [{составлені}] я составила сама прилагаемую замѣтку. [Чрезвычайно] {Усердно} прошу Васъ исправить [сло] шероховатости, а если надо, то и сократить. Я сознаю, что тутъ много лишнихъ фразъ, но [я] [{мнѣ}] я боюсь, [что] если [очень сократить, то зам] извѣстіе {будетъ кратко} пройдетъ не замѣченнымъ. [Чрез] Чрезвычайно хотѣлось бы, чтобъ замѣтка была напечатана не петитомъ, а въ видѣ корреспонденціи, конечно безъ моего имени.

Ужасно колебалась я [гово] упоминать о себѣ: такъ стыдно и неделикатно говорить о своихъ пожертвованіяхъ. Но меня убѣдили это сдѣлать: меня часто упрекаютъ, и лично и анонимными письмами, что я ничего не пожертвовала въ память Ө. М. въ Литературный Фондъ, тогда какъ я {почти} все что мнѣ пришлось {на мою долю} изъ выгодъ по изданіямъ употреб. и употреб. на Старорус. Школу.

Еще {почтительная} просьба: напечатайте въ {одномъ} изъ ближайшихъ N.

Позвольте мнѣ сердечно благодар. Васъ, глубокоув. Викторъ за т[у]{о} [добрую и в] доброе вниманіе съ которымъ Вы всегда относитесь къ моимъ просьбамъ.

[Искренно] [{Глубок<о>}] Вамъ и преданная и уважающая Васъ А.<.> Достоевская.

Право, я предпочла бы⁴⁾

Утѣшаюсь мыслью что это моя перв[ый]{ая} и послѣдняя кор⁵⁾»⁷³.

³⁾ Далее в рукописи пропуск.

⁴⁾ Далее в рукописи пропуск.

⁵⁾ Не дописано автором.

В 1896 г. В. П. Буренин праздновал с 35-летие своей литературной деятельности. Анна Григорьевна, поздравляя критика, вспоминала:

«Федор Михайлович высоко ценил и ставил Ваш талант и дорожил Вашими критическими замечками по поводу его произведений. Помню, как Федор Михайлович не раз говорил, что никто из критиков его времени не понимал в таком совершенстве и в такой полноте его сокровенные мысли, то что его волновало и мучило, как понимали и определяли это Вы <...> Федор Михайлович хранил Ваши фельетоны и увозил их с собою в Старую Руссу, чтобы на досуге перечитать их лишний раз»⁷⁴.

С 1890-х гг. (а может быть, и раньше — после смерти сына), В. П. Буренин постепенно теряет свою популярность и авторитет. Он не принимает новую литературу, безжалостно критикует декадентов, обрушивается со злой и непримиримой критикой на Горького, Чехова (которых прочат в преемники Достоевского и Толстого — с чем Буренин категорически не может согласиться)⁷⁵, травит Л. Андреева, Д. Мережковского, А. Блока. В каком-то смысле критик теряет и свое литературное чутье. Молодое поколение воспринимает его не иначе, как рудимент ушедшей эпохи. В 1902 г. А. С. Суворин напишет в своем дневнике:

«Я связан по рукам и ногам. Устал невероятно, способность писать ушла. Постарел и Буренин. А молодежь плоховата очень, или ей надо больше простора»⁷⁶.

В 1905 г., готовя к выходу шестое (юбилейное) издание Полного собрания сочинений мужа, Анна Григорьевна послала критику материалы к роману «Бесы» из «Записных книжек» Ф. М. Достоевского⁷⁷. Судя по ответу Буренина, вдова спрашивала совета: не поменять ли местами отрывки? Это письмо — последнее из сохранившихся:

«1905»⁷⁸

Многоуважаемая
Анна Григорьевна

Я прочиталъ съ большимъ интересомъ “Матеріалы”. Можно пожалеть только объ одномъ: что матеріаловъ мало. Все это имѣетъ большое значеніе и для характеристики творчества Ф. М. и для нашего времени. Перемень въ порядкѣ отрывковъ, по моему, никакихъ не слѣдуетъ дѣлать.

Очень Вамъ благодаренъ за чудесный подарокъ — томы новаго изданія.

Искренно уважающій Васъ

*В. Буренинъ»*⁷⁹.

В № 10792 «Нового Времени» от 1906 г. вышел последний критический очерк В. П. Буренина, посвященный Ф. М. Достоевскому, — а точнее, тем самым материалам к роману «Бесы», которые присылала критику Анна

Григорьевна. Постепенно Буренин отходит от литературной деятельности, обращается к драматургии. Но и тогда он не забывает Достоевского: в 1907 г. вместе с сыном А. С. Суворина Михаилом Виктор Буренин поставил «Бесов» на сцене Суворинского театра в Петербурге (это была первая драматическая переделка романа).

В 1912 г. журналист Николай Снесарев охарактеризовал Буренина как старца, мечтающего лишь о покое, чуждого каким-либо хозяйственным или коммерческим заботам. После революции и закрытия «Нового Времени» мастистый когда-то критик полностью отошел от литературной деятельности. 22 декабря 1920 г. К. И. Чуковский отметил в своих записках:

«Вчера на заседании Правления Союза Писателей <...> говорили о том, что очень нуждается Буренин. Волынский, которого Буренин травил всю жизнь, пошел к нему и снес ему 10 000 рублей, от Лит. Фонда (который тоже был травим Бурениным). Блок сказал: — Если бы устроили подписку в пользу Буренина, я с удовольствием внес бы свою лепту. Я всегда любил его»⁸⁰.

Виктор Буренин умер в 1926 г. в возрасте 85 лет — в нищете, как многие люди его эпохи (в том числе и А. Г. Достоевская). По ходатайству сотрудников ИРЛИ, получивших его архив, Буренин был похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры — неподалеку от Ф. М. Достоевского.

Примечания

- ¹ См. также: Шабалина Н. Н. А. П. Чехов В. П. Буренин: к истории восприятия сборника «В сумерках» [Электронный ресурс]. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F1637529780/Shabalina_N.N._A.P._Chehov_i_V.P._Burenin.pdf (10.06.2021).
- ² Владимир Монументов [Буренин В. П.] «Ах, зачем читал я “Время”». Стихотворение // Стихотворения, присланные в редакцию «Свистка» (Свисток. 1863. № 9. С. 326). В статье «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» (Время. 1863. № 1) Ф. М. Достоевский с крайней резкостью отозвался о современных ему критиках-«свистунах», под которыми подразумевались сотрудники «Искры» (среди них был и В. П. Буренин).
- ³ Выборгский Пустынный [Буренин В. П.] Общественные и литературные заметки // Санкт-Петербургские Ведомости. 1866. № 30.
- ⁴ Буренин В. П. Романы: «Господа Обносковы» и «Идиот» // Санкт-Петербургские Ведомости. 1868. № 92. 13 сентября.
- ⁵ Z. [Буренин В. П.] Журналистика // Санкт-Петербургские Ведомости. 1871. № 65. 6 марта.
- ⁶ Z. [Буренин В. П.] Журналистика // Санкт-Петербургские Ведомости. 1872. № 15. 15 января.
- ⁷ Z. [Буренин В. П.] Журналистика // Санкт-Петербургские Ведомости. 1873. 13 января.
- ⁸ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1990. Т. 7. С. 787 [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/dostoevski/02comm/29.htm> (10.06.2021).
- ⁹ Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1872–1875 гг. // Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. С. 292. (Сер. «Литературное наследство»; т. 83.)
- ¹⁰ Z [Буренин В. П.] Санкт-Петербургские Ведомости. 1874. 5 января.

- 11 Тор [Буренин В. П.]. Литературные очерки // Новое Время. 1876. № 297. 24 декабря.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Буренин В. П. Санкт-Петербургские Ведомости. 1873. № 20. 20 января.
- 15 Буренин В. П. Кой-что о «Дневнике писателя» г-на Достоевского и о его авторе // Новое Время. 1878. 20 января; Буренин В. П. Литературные очерки // Новое Время. 1878. 3 марта; Буренин В. П. Литературные очерки // Новое Время. 1878. 24 марта.
- 16 Буренин В. П. Литературные очерки. Начало нового романа г. Достоевского. Общие замечания о даровании автора. Интерес первых глав романа // Новое Время. 1879. № 1060. 9 февраля; Буренин В. П. Литературные очерки. Два слова о романе г. Достоевского // Новое Время. 1879. № 1087. 9 марта; Буренин В. П. Литературные очерки. Роман г. Достоевского. Обвинения автора в инквизиторском фанатизме и ненависти. Пять глав пятой книги романа // Новое Время. 1879. № 1203. 6 июля; Буренин В. П. Литературные очерки. Шестая книга «Братьев Карамазовых». Нечто о «лампадном масле» и «психиатрическо-мистической истерике» в произведениях Достоевского. Страницы из «жития» русского инокa Зосимы // Новое Время. 1879. № 1273. 14 сентября; Буренин В. П. Литературные очерки. Последние главы романа г. Достоевского «Братья Карамазовы» // Новое Время. 1879. 7 декабря.
- 17 Буренин В. П. Литературные очерки. Два слова о романе г. Достоевского // Новое Время. 1879. № 1087. 9 марта.
- 18 Буренин В. П. Литературные очерки. Подражательная повесть // Новое Время. 1879. 16 февраля.
- 19 Подробнее см.: [Волгин: 267–274], [Захаров, 1978: 87–89], [Захаров, 1985: 113–120].
- 20 [Буренин В. П.] наброски и мелочи. По поводу сплетен о Достоевском [О «кайме» «Бедных людей»] // Новое Время. 1880. № 1500. 3 мая.
- 21 Ф. М. Достоевский — А. С. Суворину. 14 мая 1880 г. (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 155).
- 22 Там же. С. 179–180. Подробнее о Пушкинском празднике см.: [Волгин: 289–314].
- 23 Буренин В. Литературные очерки // Новое Время. 1880. 20 июня; Буренин В. Литературные очерки // Новое Время. 1880. 27 июня.
- 24 Буренин В. Литературные очерки // Новое Время. 1880. 4 июля.
- 25 Буренин В. Литературные очерки. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского. Отзывы автора о либералах. Защита народа. Кой-что о «мировой скорби», питавшейся на крепостном труде. Что вызовут слова г. Достоевского о «скитальцах»? Новые главы романа «Братья Карамазовы». Игра на нервах читателей // Новое Время. 1880. 15 августа.
- 26 Суворина А. И. Воспоминания о Достоевском (РО ИРЛИ. Ф. 1. Оп. 6. № 85). Опубликовано: [Кибальник, Тихомиров: 355].
- 27 Буренин В. Литературные очерки // Новое Время. 1880. № 1631. 12 сентября; Буренин В. Литературные очерки. Последние главы «Братьев Карамазовых». Нечто о внешнем языке действующих лиц романа г. Достоевского. Сатира на наше прокурорское и адвокатское красноречие. Игра в психологию и либерализм прокурора. Софистика адвоката. Призвание всей России для санкции лжи. Заключение // Новое Время. 1880. 7 ноября.
- 28 Достоевская А. Г. Солнце моей жизни — Федор Достоевский: воспоминания 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. С. 424.

- ²⁹ 14 мая 1872 г. В. П. Буренин выступал секундантом Александра Жохова на его дуэли с Евгением Утиным, в результате которой последний убил соперника выстрелом в лоб. За дуэлью последовало громкое судебное разбирательство, широко освещаемое в прессе. К суду были привлечены М. М. Стасюлевич, А. Н. Пыпин и А. С. Суворин. Утина защищал знаменитый адвокат В. Д. Спасович. Утин был приговорен к пяти месяцам заключения, но фактически был выпущен уже через два. В результате всего, возлюбленная Жохова, а затем ее сестра А. С. Лаврова, пытавшаяся убить Утина, покончили с собой.
- ³⁰ В мае 1876 г. Достоевский в «Дневнике Писателя» посвятил несколько страниц уголовному процессу по делу Каировой, на котором Е. И. Утин был адвокатом. Актриса (и будущая журналистка «Нового Времени») Анастасия Каирова в приступе ревности дважды полоснула жену своего антрепренера по шее бритвой, нанеся неглубокие раны. Каирову оправдали, но, по мнению Ф. М. Достоевского, это было неправильно: «Что до меня, то я просто рад, что Каирову отпустили, я не рад лишь тому, что ее оправдали» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. С. 7–8). Утину же Достоевский ставил в вину то, что он «*почти похвалил преступление*» (Там же. С. 8), цитируя в своей оправдательной речи Евангелие.
- ³¹ Утин Е. И. Сатира Щедрина. Очерки из современной литературы // Вестник Европы. 1881. № 1. Январь. С. 305.
- ³² Буренин В. Литературные очерки // Новое Время. 1881. 23 января.
- ³³ Буренин В. Литературные очерки // Новое Время. 1881. 30 января.
- ³⁴ Буренин В. П. Некролог Ф. М. Достоевскому // Полярная звезда. Ежемесячный литературно-исторический журнал. СПб.: Тип. А. Траншеля. Февраль. 1881. С. 129–146.
- ³⁵ Буренин В. П. У гроба Ф. М. Достоевского // Новое Время. 1881. 1 февраля.
- ³⁶ Буренин В. Литературные очерки. О приговоре над Достоевским. Праздно-техническая говорильня // Новое Время. 1881. № 1790. 20 февраля; Буренин В. Литературные очерки. Мнение критика «Вестника Европы» о Достоевском. Произведения Достоевского первого и второго периода его творчества. Выдержки из «Бесов», касающиеся злобы дня. Заключение // Новое Время. 1881. 20 марта; Буренин В. Литературные очерки. Г. Антонович, «разносящий» роман Достоевского. Нечто о семинарщине. Семинарист Раkitин и раkitинские черты в г. Антоновиче // Новое Время. 1881. 17 апреля; Буренин В. Литературные очерки // Новое Время. 1881. 1 мая; Буренин В. Литературные очерки // Новое Время. 1881. 22 мая; Буренин В. Литературные очерки // Новое Время. 1881. 26 июня; Буренин В. Литературные очерки // Новое Время. 1881. № 2066. 27 ноября.
- ³⁷ Отечественные Записки. 1881. Февраль. С. 244.
- ³⁸ Буренин В. Литературные очерки // Новое Время. 1881. 27 февраля.
- ³⁹ Там же. И. Л. Волгин в книге «Последний год Достоевского» объясняет присутствие Н. К. Михайловского на похоронах тем, что его попросил об этом М. Е. Салтыков-Щедрин: «Не возьмете ли Вы на себя труд присутствовать на похоронах Достоевского. Я лично не могу, ибо вскоре сам надеюсь последовать туда же, а если совсем уж никого не будет от “Отечественных записок”, то неловко» [Волгин: 665].
- ⁴⁰ Буренин В. Литературные очерки // Новое Время. 1881. 27 февраля.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Буренин В. Критические очерки // Новое Время. 1882. 12 ноября.
- ⁴³ В «Дневнике Писателя» за 1876 г. в статье «Культурные типики. Повредившиеся люди» Достоевский критиковал статью Авсеенко о творчестве А. Ф. Писемского в «Русском Вестнике» (1874. № 10). Критические статьи Авсеенко о «Бесах» (Русский Мир. 1872.

- 2 декабря; 1873. 6 января; Русский Вестник. 1873. № 8) и «Подростке» (Русский Мир. 1875. 29 января; 27 февраля), где Авсеенко упрекал Достоевского в неумении дать «верное представление о нравственной болезни нашего поколения», в преклонении перед простонародьем в «поразительной, небывалой неблагопристойности повествования», вызвали сильное неудовольствие Достоевского. Если в первой статье «Дневника Писателя» за 1876 г. Достоевский ругал Авсеенко-критика, то во второй статье он уже критикует Авсеенко-писателя. В записной тетради 1875–1876 гг. Достоевский прямо называет Авсеенко «бесспорно, глупейшим из писателей» (Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1875–1876 гг. // Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. С. 462. (Сер. «Литературное наследство»; т. 83.)
- 44 Юлиан Шмидт (1818–1886) — немецкий журналист, издатель, литературный критик и историк литературы.
- 45 Евгений Цабель (1851–1924) — немецкий критик, один из редакторов «National Zeitung». В 1890 г. написал пьесу «Raskolnikow» на сюжет из Достоевского.
- 46 Йосеф Ладислав Пич (1847–1911) — австро-венгерский чешский историк, педагог и музейный деятель, профессор истории в чешском университете в Праге.
- 47 Буренин В. Критические очерки // Новое Время. 1886. 16 мая.
- 48 Буренин В. Критические очерки // Новое Время. 1882. 12 ноября.
- 49 Буренин В. Литературные очерки. Мнение критика «Вестника Европы» о Достоевском. Произведения Достоевского первого и второго периода его творчества. Выдержки из «Бесов», касающиеся злобы дня. Заключение // Новое Время. 1881. 20 марта.
- 50 Буренин В. Критические очерки // Новое Время. 1883. 14 октября.
- 51 Буренин В. Критические очерки // Новое Время. 1883. 11 ноября.
- 52 Буренин В. Критические очерки. «Свежая кровушка» в беллетристике // Новое Время. 1885. 5 апреля.
- 53 Буренин В. Критические очерки // Новое Время. 1883. 9 декабря.
- 54 Буренин В. Критические очерки. «Свежая кровушка» в беллетристике // Новое Время. 1885. 5 апреля.
- 55 Буренин В. Критические очерки // Новое Время. 1885. 4 октября.
- 56 Буренин В. Критические очерки // Новое Время. 1889. 8 декабря.
- 57 Буренин В. Критические очерки. С. А. Андреевский. Литературные чтения // Новое Время. 1891. 4 января.
- 58 Буренин В. Критические очерки // Новое Время. 1888. 20 мая.
- 59 Там же.
- 60 Год вписан рукой А. Г. Достоевской.
- 61 ОР РГБ. Ф. 93.П.1.127. Л. 3.
- 62 Подробнее об этой телеграмме см.: [Проценко, 2021: 224].
- 63 По-видимому, речь идет о телеграмме от Великих Князей Сергея и Павла Александровичей из Рима, полученной А. Г. Достоевской 7 февраля 1881 г. Подробнее см.: [Фокин: 49].
- 64 ОР РГБ. Ф. 93.П.1.127. Л. 1.
- 65 Год вписан рукой А. Г. Достоевской.
- 66 Речь идет о первом посмертном издании Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского, вышедшего годом ранее в типографии А. С. Суворина.
- 67 ОР РГБ. Ф. 93.П.1.127. Л. 5–6.
- 68 ОР РГБ. Ф. 93.П.1.127. Л. 11–12.
- 69 РО ИРЛИ. Ф. 83. Оп. 2. Ед. хр. 148. Цит. по: [Белов: 140].

- ⁷⁰ Год вписан рукой А. Г. Достоевской. На самом деле — декабрь 1888.
- ⁷¹ ОР РГБ. Ф. 93.П.1.127. Л. 7–8.
- ⁷² РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30407.
- ⁷³ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30407. Л. 2–7.
- ⁷⁴ РО ИРЛИ. Ф. 36. Оп. 2. № 148. Л. 9–10. Цит. по: [Библиотека: 31].
- ⁷⁵ См., например: Буренин В. Критические очерки. Разговор с разочарованным // Новое Время. 1902. 25 января.
- ⁷⁶ Дневник Суворина А. С. М.; Пг., 1923. С. 275.
- ⁷⁷ К публикации «материалов...» в Полном собрании сочинений 1904–1906 гг. добавлена сноска от издателя: «Помещаемые здесь “Материалы к роману «Бесы»” были выбраны из “Записных книжек” Ф. М. Достоевского Н. Н. Страховым, редактировавшим Полное Собрание Сочинений 1883 г., для напечатания в первом томе. По некоторым обстоятельствам, “Материалы” были отложены для помещения в одном из последующих изданий» (см.: Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского. Юбилейное (6-е) изд. Т. 1–14. СПб.: Изд. А. Г. Достоевской, 1904–1906. 14 т.; Бесы; [Материалы к роману «Бесы»: роман в 3 ч.: (Из «Записных книжек» Ф. М. Достоевского)]. 1905. С. 597).
- ⁷⁸ Год вписан рукой А. Г. Достоевской.
- ⁷⁹ ОР РГБ. Ф. 93.П.1.127. Л. 9.
- ⁸⁰ Чуковский К. Дневник 1901–1929. М., Советский писатель, 1991. С. 152.

Список литературы

1. Баршт К. А. «Цинический реализм» В. Буренина как претекст «реализма в высшем смысле» Ф. Достоевского // Вопросы литературы. 2017. № 6. С. 165–190. (a)
2. Баршт К. А. Философское эссе В. П. Буренина и статья Родиона Раскольников в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 112–123. (b)
3. Баршт К. А. Пародии В. П. Буренина в творческой истории романа Ф. М. Достоевского «Бесы» и в статье «Господин Щедрин, или раскол в нигилистах» // Новый филологический вестник. 2018. № 2 (45). С. 73–83.
4. Белов С. В. Письмо А. Г. Достоевской от 15 мая 1888 // Байкал. 1976. № 5. С. 140–141.
5. Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
6. Боева Г. Н. Пародии В. П. Буренина в антисемитском дискурсе начала XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия филология. Журналистика. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 331–334.
7. Волгин И. Л. Последний год Достоевского. М.: АСТ, 2017. 780 с.
8. Глинский Б. Б. «Новое время»: исторический очерк (1876–1916). Пг.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916. 182 с.
9. Захаров В. Н. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1978. 112 с.
10. Захаров В. Н. По поводу одного мифа о Достоевском // Север. 1985. № 11. С. 113–120.
11. Захарова О. В. Спор с Достоевским о «Бесах»: проблема непонимания романа в прижизненной критике // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 143–162 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457955610.pdf (10.06.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2012.347

12. Игнатова И. Б. Литературно-критическая деятельность В. П. Буренина: генезис, эволюция, критический метод: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 19 с.
13. Игнатова И. Б. В. П. Буренин в «Новом времени» (1876–1900) (Библиографический список критических статей) // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118). С. 441–457.
14. Игнатова И. Б. Библиографический список критических статей В. П. Буренина в газете «Новое время» (1876–1900) // Новое литературное обозрение. 2013. № 1 (119). С. 389–406.
15. Игнатова И. Б. Буренин. Начало пути // Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны: сб. науч. тр. по итогам международной научно-практической конференции. СПб., 2015. № 2. С. 35–37.
16. [Кибальник С. А., Тихомиров Б. Н.] А. И. Суворина <Воспоминания о Ф. М. Достоевском> / подгот. текста С. А. Кибальника, Б. Н. Тихомирова, коммент. Б. Н. Тихомирова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 343–364.
17. Куликова Е. Ю., Пенская Е. Н. Литературные и эстетические парадоксы Виктора Буренина // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 152–167.
18. Петрова А. В. Ф. М. Достоевский — автор «Дневника писателя» в откликах газетной периодики 1873–1874 гг. (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 134–157.
19. Проценко А. А. «Достоевец» Суворин: от противоборства к сближению // Неизвестный Достоевский. 2019. № 2. С. 149–170 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562686094.pdf (10.06.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4061
20. Проценко А. А. «Школы Достоевского» в русской прессе // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 206–241 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617295695.pdf (10.06.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5282
21. Рейтблат А. И. Книга «Бес в столице» и ее автор: неизвестный роман-памфлет В. Буренина // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 208–216.
22. Рейтблат А. И. Буренин и Надсон: как конструируется миф // Новое литературное обозрение. 2005. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/burenin-i-nadson-kak-konstruiyuetsya-mif.html> (10.06.2021).
23. Смирнов В. Б. Об авторе романа-фельетона «Розы прогресса» // Н. А. Некрасов и его время. Калининград, 1980. Вып. 5. С. 106–117.
24. [Соболев Л.] Переписка К. К. Случевского с А. Г. Достоевской / публ. Льва Соболева // Блоковский сборник XVII: Русский модернизм и литература XX века. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. С. 209–221.
25. Фокин П. Е. Телеграммы разных лиц к А. Г. Достоевской с соболезнованиями в связи со смертью Ф. М. Достоевского (из рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // Неизвестный Достоевский. 2018. № 2. С. 45–68 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532432511.pdf (10.06.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3582
26. Шабалина Н. Н. Мастерство Буренина-критика: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 22 с. (a)
27. Шабалина Н. Н. Литературный скандал в творчестве В. П. Буренина // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 2. С. 145–151. (b)

References

1. Barsht K. A. "Cynical Realism" by V. Burenin as a Pretext of "Realism in the Highest Sense" by F. Dostoevsky. In: *Voprosy literatury*, 2017, no. 6, pp. 165–190. (In Russ.) (a)
2. Barsht K. A. Philosophical Essays by V. P. Burenin and the Rodion Raskolnikov's Article in the Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment". In: *Voprosy filosofii*, 2017, no. 5, pp. 112–123. (In Russ.) (b)
3. Barsht K. A. V. P. Burenin's Parodies in the Creational History of "The Demons" by F. Dostoevsky and in the Article "Mr. Shchedrin, or the Schism in Nihilists". In: *Novyy filologicheskiy vestnik [The New Philological Bulletin]*, 2018, no. 2 (45), pp. 73–83. (In Russ.)
4. Belov S. V. Letter of A. G. Dostoevskaya Dated May 15, 1888. In: *Baykal*, 1976, no. 5, pp. 140–141. (In Russ.)
5. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
6. Boeva G. N. V. P. Burenin's Parodies in the Anti-Semitic Discourse of the Beginning of the 20th Century. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya filologiya. Zhurnalistika [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism]*, 2019, vol. 19, issue 3, pp. 331–334. (In Russ.)
7. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo [The Last Year of Dostoevsky]*. Moscow, AST Publ., 2017. 780 p. (In Russ.)
8. Glinskiy B. B. «Novoe vremya»: istoricheskiy ocherk (1876–1916) ["Novoe Vremya": a Historical Essay (1876–1916)]. Petrograd, tipografiya tovarishchestva A. S. Suvorina «Novoe vremya» Publ., 1916. 182 p. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. *Problemy izucheniya Dostoevskogo [The Problems of Studying Dostoevsky]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1978. 112 p. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. About One Myth on Dostoevsky. In: *Sever*, 1985, no. 11, pp. 113–120. (In Russ.)
11. Zakharova O. V. Polemic with Dostoevsky on "Demons": The Problem of Misunderstanding of the Novel in the Lifetime Criticism. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 143–162. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457955610.pdf (accessed on June 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2012.347 (In Russ.)
12. Ignatova I. B. *Literaturno-kriticheskaya deyatel'nost' V. P. Burenina: genesis, evolyutsiya, kriticheskiy metod: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The Literary-Critical Activity of V. P. Burenin: Genesis, Evolution, Critical Method. PhD. philol. sci. diss. abstract]*. Moscow, 2009. 19 p. (In Russ.)
13. Ignatova I. B. V. P. Burenin in "Novoe vremya" (1876–1900) (Reference List of Critical Articles). In: *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer]*, 2012, no. 6 (118), pp. 441–457. (In Russ.)
14. Ignatova I. B. Reference List of V. P. Burenin's Critical Articles in the Newspaper "Novoe Vremya" (1876–1900). In: *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer]*, 2013, no. 1 (119), pp. 389–406. (In Russ.)
15. Ignatova I. B. Burenin. The beginning of the way. In: *Aktual'nye voprosy gumanitarnykh nauk v sovremennykh usloviyakh razvitiya strany: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Actual Issues of the Humanities in the Modern Conditions of the Country's Development: a Collection of Scientific Papers Based on the Results of an International Scientific and Practical Conference]*. St. Petersburg, 2015, no. 2, pp. 35–37. (In Russ.)

16. Kibal'nik S. A., Tikhomirov B. N. A. I. Suvorina <Memories of F. M. Dostoevsky>. In: *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2015 god [Year Book of the Manuscript Department of Pushkin House for 2015]*, 2016, pp. 343–364. (In Russ.)
17. Kulikova E. Yu., Penskaya E. N. Literary and Aesthetic Paradoxes of Viktor Burenin. In: *Sibirskiy filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2018, no. 1, pp. 152–167. (In Russ.)
18. Petrova A. V. F. M. Dostoevsky — the Author of “A Writer’s Diary” in the Reactions of 1873–1874 Periodicals (Based on the Materials of the Manuscript Department at the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, 2020, no. 4 (12), pp. 134–157. (In Russ.)
19. Proshchenko A. A. F. M. Dostoevsky and A. S. Suvorin: Relationship History. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 2, pp. 149–170. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562686094.pdf (accessed on June 10, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4061 (In Russ.)
20. Proshchenko A. A. “Dostoevsky Schools” in the Russian Press. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 206–241. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617295695.pdf (accessed on June 10, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5282 (In Russ.)
21. Reytblat A. I. The Book “The Demon in the Capital” and its Author: (Unknown Novel-Pamphlet by V. Burenin). In: *Voprosy literatury*, 1991, no. 6, pp. 208–216. (In Russ.)
22. Reytblat A. I. Burenin and Nadson: How the Myth Is Being Constructed. In: *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer]*, 2005, no. 5. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/burenin-i-nadson-kak-konstruiyuetsya-mif.html> (accessed on June 10, 2021). (In Russ.)
23. Smirnov V. B. About the Author of the Novel-Feuilleton “Roses of Progress”. In: *N. A. Nekrasov i ego vremya [N. A. Nekrasov and His Time]*. Kaliningrad, 1980, issue 5, pp. 106–117. (In Russ.)
24. Sobolev L. Correspondence Between K. K. Sluchevsky and A. G. Dostoevskaya. In: *Blokovskiy sbornik XVII: Russkiy modernizm i literatura XX veka [Blok's Collection 17: Russian Modernism and Literature of the 20th Century]*. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2006, pp. 209–221. (In Russ.)
25. Fokin P. E. The Telegrams of Different People to Anna Dostoevskaya Expressing Condolences on the Death of Fyodor Dostoevsky (from the Manuscript Collection of Vladimir Dahl Russian State Literary Museum). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 2, pp. 45–68. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532432511.pdf (accessed on June 10, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3582 (In Russ.)
26. Shabalina N. N. *Masterstvo Burenina-kritika: dis. ... kand. filol. nauk [Mastery of V. P. Burenin as a Critic. PhD. philol. sci. diss.]*. Kazan, 2012. 22 p. (In Russ.) (a)
27. Shabalina N. N. Literary Scandal in the Critical Works of V. P. Burenin. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]*, 2012, vol. 154, book 2, pp. 145–151. (In Russ.) (b)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прощенко Анастасия Андреевна, преподаватель-исследователь, лаборант факультета журналистики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (ул. Моховая, д. 9, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 125009); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7173-8841>; e-mail: a9851825663@gmail.com.

Anastasia A. Proshchenko, Teacher-researcher, Laboratory Assistant of the faculty of journalism, Lomonosov Moscow State University (ul. Mokhovaya 9/1, Moscow, 125009, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7173-8841>; e-mail: a9851825663@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 12.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.08.2021

Принята к публикации / Accepted 25.08.2021

Дата публикации / Date of publication 15.09.2021

Научная статья

УДК 930.25

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5601

Забывшие воспоминания о Ф. М. Достоевском в собрании А. Г. Достоевской

П. Е. Фокин

*Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: pfokin@mail.ru

Аннотация. За прошедшие 140 лет со дня смерти Ф. М. Достоевского были опубликованы отдельными книгами и сборниками практически все воспоминания современников о писателе, которые являются общедоступными. Однако основной корпус свидетельств современников на сегодняшний день вовсе не исчерпывающий. Просмотр газетных вырезок, собранных А. Г. Достоевской, позволил выявить несколько не учтенных и пропущенных публикаторами заметок, которые зачастую представляют собой небольшие фрагменты, включенные авторами в статьи иной тематики и интересующие биографов Ф. М. Достоевского. В статье публикуются и комментируются воспоминания А. А. Соколова, С. Атавы, Вогюэ, В. Г. Авсеенко, В. Ф. Пуцыковича. Они относятся к последним годам жизни Достоевского. В них запечатлены отдельные черты его бытового поведения, отдельные реплики и высказывания. Интерес представляет рассказ В. Г. Авсеенко об отношении Достоевского к событиям европейской политической хроники, а также авторский комментарий Достоевского к «Великому инквизитору», записанный В. Ф. Пуцыковичем во время встречи в Берлине в 1879 г.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, воспоминания, Вогюэ, В. Г. Авсеенко, П. Д. Боборыкин, К. Н. Леонтьев, В. Ф. Пуцыкович

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90018 («Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля»).

Для цитирования: Фокин П. Е. Забытые воспоминания о Ф. М. Достоевском в собрании А. Г. Достоевской // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 3. С. 136–155. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5601

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5601

Forgotten Memoirs about F. M. Dostoevsky in the Collection of A. G. Dostoevskaya

Pavel E. Fokin

*The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: pfokin@mail.ru

Abstract. In the 140 years that have passed since the death of F. M. Dostoevsky, almost all of his contemporaries' memoirs about the writer have been published (in separate books and collections).

To date, we can assume that the main corpus of Dostoevsky's contemporaries' accounts of him is publicly available. However, this does not mean that it is completely exhausted. A review of newspaper clippings collected by A. G. Dostoevskaya allowed us to identify several notes that were previously unaccounted for and missed by the publishers. For the most part, these are small fragments included by their authors in articles on other topics, nevertheless, they are also of interest to the biographers of F. M. Dostoevsky. The article publishes and comments on the memoirs of A. A. Sokolov, S. Atava, Vogue, V. G. Avseenko, V. F. Putsykovich. They are related to the final years of Dostoevsky's life, capturing distinct features of his everyday behavior, specific phrases and statements. Of interest is the story related by V. G. Avseenko about Dostoevsky's attitude to the political events in Europe, as well as Dostoevsky's commentary on his "The Grand Inquisitor," was recorded by V. F. Putskovich after a meeting in Berlin in 1879.

Keywords: memoirs of F. M. Dostoevsky, Vogue, V. G. Avseenko, P. D. Boborykin, K. N. Leontiev, V. F. Putsykovich

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90018.

For citation: Fokin P. E. Forgotten Memoirs about F. M. Dostoevsky in the Collection of A. G. Dostoevskaya. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 136–155. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5601 (In Russ.)

Первый сборник воспоминаний о Достоевском, подготовленный В. Е. Чешихиным, вышел в составе серии «Историко-литературная библиотека» в 1912 г. в издательстве «Товарищество И. Д. Сытина и К^о» (*Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1912*). В 1920-е гг. практически друг за другом были опубликованы несколько книг мемуарного характера, написанных родственниками (*Достоевская Л. Ф.*), (*Достоевская А. Г., 1923*), (*Достоевская А. Г., 1925*) и близкими к Достоевскому людьми (*Суслова*). Наконец, в 1934 г. стали доступны в полном объеме воспоминания младшего брата писателя Андрея Михайловича Достоевского (*Достоевский А. М.*). Эти публикации позволили в 1964 г. подготовить расширенное двухтомное издание «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников» (*Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1964*), в основе которого были материалы, собранные В. Е. Чешихиным. С небольшими добавлениями двухтомник был переиздан в 1990 г. (*Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1990*).

В указанных выше сборниках были использованы материалы, вышедшие ранее или самостоятельными изданиями, или в журнальных публикациях. При этом достаточно большой и интересный массив текстов, появившийся в 1880–1900-е гг. на страницах газет, был фактически проигнорирован. Этот пробел восполнил в 1993 г. С. В. Белов, подготовивший сборник «Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников» (*Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников*). В научный и культурный оборот было возвращено около 60 статей и заметок о Достоевском.

На сегодняшний день основной корпус свидетельств современников о Достоевском является общедоступным, но он вовсе не исчерпан. Просмотр газетных вырезок, собранных А. Г. Достоевской, позволил выявить несколько не учтенных и пропущенных публикаторами заметок, которые зачастую

представляют собой небольшие фрагменты, включенные авторами в статьи иной тематики, тем не менее они также представляют интерес для биографов Достоевского.

26 июля 1889 г. «Петербургская газета» поместила небольшую заметку «Праздношатающегося» (А. А. Соколов) в память газетного торговца И. К. Кузьмина, в которой упоминается Достоевский:

«Пульсъ газетный” пересталь биться. Газетнымъ пульсомъ звали старѣйшаго изъ петербургскихъ торговцевъ газетами Ивана Кузьмича Кузьмина, имѣвшаго три прилавка въ Пассаждѣ.

— И кто-кто не стоялъ у моего прилавка, говаривалъ покойный. И Ѳедоръ Михайловичъ (Достоевскій) стаивалъ и насчетъ газетнаго дѣла бесѣдовалъ. Часто заходилъ, особенно, когда “Дневникъ писателя” издавалъ.

И начнетъ, бывало, Иванъ Кузьмичъ пересчитывать литераторовъ, “заправскихъ” литераторовъ, такъ окажется, что около него всѣ перебывали, о газетномъ дѣлѣ справляясь.

— Центръ у меня тутъ, самый бой. Всегда услѣдить можно, какая газета идетъ ходче, какой журналъ больше требуется. Ровно въдъ *пульсъ* бьется.

Отсюда онъ и прозвище получилъ “Газетнаго пульса” и едва-ли это прозвище не было дано покойному Ѳедоромъ Михайловичемъ. Это прозвище Ивана Кузьмича нѣсколько разъ фигурировало и въ печати.

Покойный отличался большимъ умомъ, честностью и рѣдкимъ среди торговцевъ безкорыстіемъ. <...>

Ив. К. Кузьминъ можетъ считаться однимъ изъ первыхъ по времени распространителемъ отдѣльныхъ газетныхъ №№ среди публики» (*Петербургская Газета*).

Эта скромная по объему публикация очень информативна. Во-первых, она вводит в круг знакомых Достоевского новое лицо. В масштабном справочнике С. В. Белова «Ф. М. Достоевский и его окружение» [Белов] имя И. К. Кузьмина отсутствует. Кроме того, из этой заметки мы узнаем еще об одном месте Петербурга, которое регулярно посещал в 1870-е гг. писатель.

Из воспоминаний А. Г. Достоевской известно, что писатель каждый день выходил на прогулку. Анна Григорьевна во время этих выходов не сопровождала мужа, поэтому его маршруты практически неизвестны, в то же время они представляют несомненный интерес.

Посещение газетной торговли И. К. Кузьмина, очевидно, было регулярным. Несомненно, это место было особенно привлекательно для Достоевского, всегда пристально следившего за современными событиями и новостями. И. К. Кузьмин, как можно понять из статьи, относился к числу энтузиастов своего дела и, конечно же, ежедневно читал газеты, которыми торговал. В общении с ним Достоевский мог узнавать о наиболее интересных статьях, опубликованных в газетах, которые он не выписывал, и покупать необходимые ему издания.

Мы узнаем, что особенно часто Достоевский заходил к К. И. Кузьмину в период издания «Дневника Писателя». Безусловно, его интересовала реакция читателей, которую розничная торговля отражала мгновенно.

К. И. Кузьмин мог делиться и своим читательским впечатлением, и теми отзывами, которые ему доводилось слышать от покупателей.

Судя по всему, К. И. Кузьмин был человеком словоохотливым, да и Достоевский умел при желании разговорить собеседника. И в разговоре с ним Достоевский безусловно узнавал не только газетные новости, но и устные, неофициальные. Круг общения К. И. Кузьмина, как пишет «Праздношатающийся», был обширен: «около него все перебивались» — и уж точно не одни «заправские» литераторы (заметим, слово «заправские» — из лексикона Достоевского). Достоевский «стаивал» у его прилавка с явным интересом.

Можно предположить, что К. И. Кузьмин был по-человечески симпатичен писателю. Выходец из простонародной среды, при этом образован, начитан, судя по страсти похвастаться знакомствами со знаменитостями, обладал простодушным характером, «отличался большим умом, честностью и редким среди торговцев бескорыстием», а главное — проявлял живой интерес к жизни, был деятельным и неравнодушным, что так импонировало темпераменту Достоевского. Неслучайно он добродушно прозвал своего знакомого «Пульс газетный».

В забытом фельетоне С. Атавы (С. Н. Терпигорев) «Умерший писатель», посвященном прощанию с Достоевским, прослеживается контакт писателя с городской средой:

«...Въ квартиру пробраться не было никакой возможности. Толпа становилась все плотнѣе и плотнѣе. Приѣзжавшіе въ каретахъ и на извозчикахъ останавливались далеко гдѣ-то, выходили и шли пѣшкомъ, въ тщетномъ предположеніи, что такъ имъ удастся все-таки, наконецъ, попасть къ праху умершаго. Я никогда не видывалъ такой толпы, т. е. толпы такого состава: бѣдняки, старики, старухи, какія-то блѣдныя, изнуренныя, ранѣе зрѣлости состарившіеся женскія и дѣвичьи лица, блѣдныя лица мужчинъ съ несомнѣнными на нихъ слѣдами долгихъ страданій — странная толпа. Нѣсколько оборванныхъ, грязныхъ, нарумяненныхъ, пьяныхъ женщинъ истерически рыдали тутъ же. Страхъ какой-то обуялъ меня... Я тутъ только понималъ, что такое писатель и что можетъ сдѣлать искреннее, отъ сердца оторванное, и брошенное толпѣ имъ слово...» (Атава).

С. Атава, скорее всего, сгустил краски для большей выразительности картины или, под впечатлением от события, невольно увидел в лицах людей, пришедших отдать последний поклон Достоевскому, его героев — «униженных и оскорбленных». Однако такое впечатление не могло родиться на пустом месте, из одной только фантазии литератора. Кто же эти люди из простонародья, которые так оплакивали Достоевского? Его читатели? Не исключено, что некоторые из них действительно читали что-то из произведений Достоевского, но вряд ли их было большинство. Они все — персонажи Достоевского, но не сошедшие со страниц его романов, а жившие с ним по соседству, знавшие его лично.

Илл. 1. Сергей Николаевич Терпигорев (Атава).

Санкт-Петербург. 1870-е — 1880-е гг.

Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.

ГЛМ КП 50948/67

Fig. 1. Sergey Nikolaevich Terpigorev (ATAVA). St. Petersburg. 1870s — 1880s.

The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.

GLM KP 50948/67

Е. А. Штакеншнейдер в своем дневнике записала жалобы Анны Григорьевны на «расточительство» мужа:

«Придет с улицы молодой человек, назовется бедным студентом, — ему три рубля. Другой является: был сослан, теперь возвращен Лорис-Меликовым, но жить нечем, надо двенадцать рублей, — двенадцать рублей даются. Нянька старая, помещенная в богадельню, значит, особенно не нуждающаяся, придет, а приходит она часто. “Ты, Анна Григорьевна, — говорит он, — дай ей три рубля, дети пусть дадут по два, а я дам пять”. И это повторяется не один раз в год и не три раза, а гораздо, гораздо чаще. <...> Вы не поверите, на железной дороге, например, он, как войдет в вокзал, так, кажется, до самого конца путешествия все держит в руках раскрытое портмоне, так его и не прячет, и все смотрит, кому бы из него дать что-нибудь. Гулять ему велели теперь, но он ведь и гулять не пойдет, если нет у него в кармане десяти рублей. Вот так мы и живем» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1990: 363).

Илл. 2. Елена Андреевна Штакеншнейдер. Санкт-Петербург.
Фотоателье И. А. Гоха. 1870-е — 1880-е гг.
Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.
ГЛМ КП 50948/728

Fig. 2. Elena Andreevna Stackenschneider. Saint-Petersburg.
I. A. Gokh's photo studio. 1870s — 1880s.
The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.
GLM KP 50948/728

Облагодетельствованными подаянием Достоевского были десятки и сотни бедняков и несчастных, которых он постоянно встречал и вокруг рынка на Кузнечном, и рядом с Владимирской церковью, и просто на улицах. Достоевский, конечно, помогал не только деньгами, но и живым словом, человеческим участием. С простыми людьми писатель общался охотно и искренне. Его характерная внешность была хорошо знакома всем обитателям близлежащих улиц и переулков. Многие из них не только не подозревали, что он гениальный писатель, но и, скорее всего, не знали даже его имени, зато были уверены, что он «добрый человек». И вот пришли оплакивать.

Илл. 3. Владимир Петрович Мещерский. Санкт-Петербург. Фотоателье В. Везенберга. 1880-е гг. Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля. ГЛМ КУ 3899/178

Fig. 3. Vladimir Petrovich Meshchersky. Saint-Petersburg. V. Wesenberg's photo studio. 1880s. From the collection of A.G. Dostoevskaya. The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature. GLM KU 3899/178

Образованных на европейский манер выскочек, высокомерных космополитов Достоевский, как известно, не жаловал, поэтому в светских салонах, где таких «русских европейцев» было предостаточно, он слыл угрюмым, неприветливым, колким. Князь В. П. Мещерский вспоминал:

«...бывало, на моих вечерах, пока все сидевшие с ним были близкие, Достоевский бывал очарователен и рассказами, и остроумием, и своею оригинальною по смелости логикою. Но едва только входил гость ему мало или вовсе незнакомый, сразу Достоевский входил, как улитка, в свою раковину, и превращался в молчаливого и злого на вид истукана, и продолжалось это до тех пор, пока этому незнакомцу не удастся произвести на Достоевского симпатичного впечатления... И беда была, если, не дождавшись этого впечатления, незнакомец решится заговорить с Достоевским: непременно приходилось ждать со стороны Достоевского злую физиономию и какую-нибудь грубую реплику» (Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников: 209–210).

Яркой иллюстрацией этих слов служат забытые воспоминания журналиста, литературного критика и прозаика Василия Григорьевича Авсеенко (1842–1913), опубликованные в «Новом Времени»:

«Съ Достоевскимъ мнѣ случилось встрѣтиться только два раза въ жизни. Въ первый разъ это было въ началѣ 70-хъ годовъ, вскорѣ послѣ парижской коммунѣ, на вечерѣ у Я. П. Полонскаго. Тамъ былъ П. Д. Боборыкинъ, еще почти молодой человѣкъ, только что вернувшійся изъ-за границы, оживленный, говорливый, весь проникнутый самыми политическими и культурными интересами европейскихъ столицъ. Этимъ онъ чрезвычайно отличался отъ собравшагося общества, слѣдившаго за европейскою жизнью какъ бы изъ-за тридцати земель. Онъ и одѣтъ былъ какъ-то по другому, не такъ какъ одѣваются петербургскіе литераторы; между прочимъ на немъ были воротнички съ изображеніемъ на уголкахъ лошадиныхъ головъ — въ то время послѣдній крикъ заграничной бульварной моды. Этого было совершенно достаточно, чтобы пробудить въ Достоевскомъ самое человѣко-ненавистническое чувство къ молодому русскому литератору, который къ тому же ничѣмъ не обнаружилъ особаго впечатлѣнія отъ встрѣчи съ авторомъ “Преступленія и наказанія”. По всей вѣроятности П. Д. Боборыкинъ также мало подозрѣвалъ о враждебно-настороженномъ вниманіи Достоевскаго, какъ и о провинціальномъ равнодушіи остальныхъ къ интересамъ западной жизни. Видимо еще весь охваченный заграничными впечатлѣніями, онъ очень долго и много рассказывалъ о Делеклюзѣ, котораго тогда разыскивали и не могли найти, и вдавался по этому поводу въ догадки и соображенія съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто ему была обѣщана премія за поимку бѣглеца. Достоевскій все больше и больше хмурился, и вдругъ сказалъ не громко, но такъ что многіе слышали:

— Да на какого чорта намъ объ этомъ Делеклюзѣ рассказываютъ? Для чего мы эту чепуху должны слушать?

Милѣйшій хозяинъ, Полонскій, смутился и попытался замять разговоръ. Н. Н. Страховъ слабо хихикнулъ и, поглаживая свою уже и тогда сѣдую бороду, обратился къ Достоевскому со словами, которыя должны были его успокоить. Онъ былъ горячимъ его поклонникомъ и умѣлъ вкрадчиво вливать бальзамъ въ его душу. Но во весь остальной вечеръ Достоевскій былъ необычайно мраченъ, и весь его разговоръ состоялъ изъ бранчивыхъ фразъ въ самомъ нетерпимомъ славянофильскомъ духѣ.

Въ другой разъ я встрѣтился съ Достоевскимъ у покойнаго К. Н. Леонтьева, прекраснаго и недостаточно оцѣненнаго рассказчика изъ славяно-греко-турецкой жизни на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ онъ нѣкоторое время служилъ консуломъ. Въ Петербургѣ Леонтьевъ былъ проѣздомъ и жилъ въ гостиницѣ. Достоевскій, войдя въ номеръ, долго разматывалъ

какой-то странный коврикъ, окутывавшій ему шею, и что-то пробурчалъ вмѣсто привѣтствія. Вообще прошло не мало времени, пока онъ усѣлся и втянулся въ разговоръ. Но разговоръ былъ чрезвычайно странный. Достоевскій походилъ на человѣка, который хочетъ, но не можетъ напасть на интересующій его предметъ. Поговорили о нѣкоторыхъ болезняхъ и способахъ врачеванія, о гостиницѣ, гдѣ стоялъ Леонтьевъ, и о непонравившихся Достоевскому нѣмецкихъ кельнерахъ въ коридорѣ. Леонтьевъ, видимо желая занять гостя, рассказалъ, что когда ему для какой-то черной работы прислали русскаго мужика, то онъ призвалъ оберъ-кельнера и выразилъ ему мнѣніе, что въ русской гостиницѣ черную работу должна исполнять нѣмецкая, а не русская прислуга, на что нѣмецъ возразилъ только односложнымъ: — “So?” Но и этотъ рассказъ не расшевелилъ Достоевскаго, и посидевъ съ полчаса и грубо отказавшись отъ предложеннаго ему чаю, онъ сталъ снова обматывать шею своимъ страннымъ коврикомъ.

— Что, онъ всегда такой? — не безъ удивленія спросилъ я по его уходѣ.

Леонтьевъ, будучи немножко дипломатомъ, только слегка пожалъ плечами и поигралъ глазами» (Авсенко).

Илл. 4. В. В. Матэ. Портрет В. Г. Авсенко. Гравюра. 1880–1890-е гг.
Государственный музей истории российской литературы
имени В. И. Даля. ГЛМ КУ 11599/2

Fig. 4. V. V. Mate. Portrait of V. G. Avseenko. Engraving. 1880s — 1890s.
The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
GLM KU 11599/2

После газетной публикации воспоминания В. Г. Авсеенко не переиздавались. Отрывок, в котором рассказывается о встрече Достоевского с К. Н. Леонтьевым, процитирован Н. А. Рабкиной в статье «Антигерой Достоевского и штрихи реальной истории» [Рабкина: 315], со ссылкой на которую в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» дается информация о его встрече с К. Н. Леонтьевым [Летопись, т. 3: 362–363]. Опираясь на эту же публикацию, С. В. Белов в статье о В. Г. Авсеенко в энциклопедическом словаре «Ф. М. Достоевский и его окружение» пишет об одной их встрече; в то же время воспоминания В. Г. Авсеенко прямо начинаются со слов: «С Достоевским мне случилось встретиться только два раза в жизни».

В. Г. Авсеенко — автор довольно резких отзывов о романах Достоевского «Бесы» и «Подросток». Ему чужда эстетика Достоевского, о которой он писал:

«Свойства таланта этого писателя таковы, что нормальная, здоровая жизнь, ежедневная действительность обыкновенно исчезают из сферы его наблюдений, заслоняясь воображениями и анализом ненормальных явлений, в чем он особенно силен» [Летопись, т. 2: 405].

Достоевский ему неприятен. Это чувствуется и в тоне его воспоминаний, пронизанных снисходительным недоумением и плохо скрываемой иронией. Заметим, что после «ответной» расправы Достоевского с В. Г. Авсеенко в апрельском «Дневнике Писателя» за 1876 г. интонация мемуариста могла быть более злой.

Достоевский называет В. Г. Авсеенко «сбивчивым писателем», ядовито признаваясь:

«Отвечать г-ну Авсеенко нет никакой выгоды: трудно представить писателя, менее вникающего в то, что он пишет. А впрочем, если б он и вникал, то вышло бы то же самое» (ДЗ0, т. 22: 103).

Правила печатной полемики не позволили Достоевскому назвать В. Г. Авсеенко попросту «дураком».

Достоевский видит в В. Г. Авсеенко особый тип писателя-западника, «потерявшего себя на обожании высшего света»:

«...он пал ниц и обожает перчатки, кареты, духи, помаду, шелковые платья (особенно тот момент, когда дама садится в кресло, а платье зашумит около ее ног и стана) и, наконец, лакеев, встречающих барыню, когда она возвращается из итальянской оперы. Он пишет обо всем этом беспрерывно, благоговейно, молебно и молитвенно, одним словом, совершает как будто какое-то даже богослужение» (ДЗ0, т. 22: 107).

Кстати, как тут не обратить внимание на особо модные воротнички Боборыкина, которые памяты В. Г. Авсеенко и двадцать лет спустя!

Нападки В. Г. Авсеенко на Достоевского продолжались и после смерти писателя. В 1894 г. критик утверждал в одной из статей о Достоевском:

«...образование средняго кадета. Знакомство съ европейскою литературою самое ограниченное, по совершенному незнанію иностранныхъ языковъ. Начитанность немножко въ родѣ той, какую обладаютъ старообрядческіе уставщики. Знаніе жизни и людей очень одностороннее, частью благодаря долгому пребыванію въ Сибири, частью вслѣдствіе несообщительности и мелочной нетерпимости. Талантъ своеобразный, способный отдѣлять сильный терпкій запахъ, и не лишенный той гибкости, какая вырабатывается лицемѣриемъ» (цит. по: *Буренин*).

Благодаря сохранившимся воспоминаниям В. Г. Авсеенко его литературная дуэль с Достоевским получает дополнительный оттенок. В основе неприятия Достоевским критических выступлений и литературных опусов В. Г. Авсеенко лежали идейные разногласия. По этой же причине В. Г. Авсеенко негативно относился к творчеству Достоевского. Но нельзя исключать их личную неприязнь.

Рассказывая эпизод с П. Д. Боборыкиным, В. Г. Авсеенко всецело на стороне молодого коллеги. Раздраженные слова Достоевского он принимает близко к сердцу, будто они были адресованы ему. По сути, так оно и было. Вероятно, Достоевский своим пронизательным взглядом сумел тогда рассмотреть не только увлеченного своими новостями П. Д. Боборыкина, но и откровенно сочувствующего ему и его модным воротничкам В. Г. Авсеенко, который Достоевскому также не понравился. И, кто знает, может быть, в сторону Авсеенко на том вечере тоже прозвучали некие «бранчивые фразы», о которых В. Г. Авсеенко не упоминает, но которые остались в его душе.

Датировать эпизод позволяет упоминание имени активного деятеля и фактического руководителя парижской Коммуны в дни ее падения Луи Шарля Делеклюза (1809–1871), который погиб на баррикадах 25 мая 1871 г. Достоевский вернулся в Россию 8 (20) июля. Возможно, участь Делеклюза не сразу стала известной и была окружена слухами, которые стали основой рассказов П. Д. Боборыкина. Долго такие новости не живут, следовательно, воспоминания В. Г. Авсеенко относятся к первым неделям возвращения Достоевского из-за границы и свидетельствуют о том, что писатель, вернувшись на родину, сразу же стал возобновлять свои прежние знакомства, бывать в обществе, посещать литературные салоны.

В. Г. Авсеенко упрекает собравшихся у Я. П. Полонского (а значит, и Достоевского) в «провинциальном равнодушии к интересам западной жизни». Конечно, это было далеко не так. Письма и публицистика Достоевского свидетельствуют о его пристрастном интересе к западной жизни. Только взгляд у него был иным — русским. Европейские события *сами по себе, только как* европейские события, без их отношения к России и русским делам, ему были скучны. Раздражение Достоевского на слова П. Д. Боборыкина вполне объяснимы. Он отсутствовал на родине четыре года и устал от Европы, ему хотелось домашних известий. А тут какой-то Делеклюз! Кем бы он ни был. «Да на какого чорта!» Для чего он эту чепуху должен слушать?

Илл. 5. Петр Дмитриевич Боборыкин. Пересъёмка с фотографии И. А. Александрова. 1880-е гг. Москва. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля. ГЛМ КУ 12665/2842

Fig. 5. Pyotr Dmitrievich Boborykin. Retake of a photograph by I. A. Alexandrov. 1880s. Moscow. The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature. GLM KU 12665/2842

Второй эпизод исследователи датируют декабрем 1879 г. [Летопись, т. 3: 362–363]. Узнал ли Достоевский В. Г. Авсеенко, когда неожиданно встретил его в гостиничном номере у К. Н. Леонтьева? Наверное, да. Но даже если в первую минуту и не узнал (А. Г. Достоевская пишет о забывчивости Достоевского на лица), то уж несомненно, что по правилам светского обихода К. Н. Леонтьев представил вошедшему Достоевскому своего гостя. Потому

так нескладно и вел себя Достоевский, явно недовольный тем, что оказался в компании человека, о котором совсем недавно еще писал так нелюбезно и которого, на самом деле, не уважал. Очевидно, что В. Г. Авсеенко явно мешал разговору и Достоевский во время визита никак не мог «напасть на интересующий его предмет», говорил о несущественном и «светском»: о болячках и способах их лечения. Несомненно, не это было поводом прихода Достоевского к Леонтьеву. Бестактный В. Г. Авсеенко этого не почувствовал и дождался того, что Достоевский ушел.

В не очень содержательном рассказе В. Г. Авсеенко кроме настойчивого упоминания о «коврике», которым укутывал свою шею Достоевский (отомстил за воротнички П. Д. Боборыкина!), интерес вызывает общая атмосфера визита, свидетельствующая о давнем знакомстве Достоевского с К. Н. Леонтьевым. Во всяком случае видно, что Достоевский и К. Н. Леонтьев встречаются не в первый раз. Это подчеркнуто и репликой В. Г. Авсеенко после ухода Достоевского.

История личного знакомства Достоевского с К. Н. Леонтьевым мало документирована. В упомянутой статье Н. А. Рабкиной помимо встречи, описанной В. Г. Авсеенко, со ссылкой на Д. Н. Любимова, упоминается встреча на обеде у Любимовых в 1880 г. в Москве и, со слов из письма К. Н. Леонтьева В. В. Розанову, в Петербурге за месяц до Пушкинской речи, то есть в мае 1880 г. Свидетельство В. Г. Авсеенко косвенно, но вполне однозначно указывает на встречи писателей в предыдущие годы.

Отдельный тип мемуарных свидетельств, затерявшихся в газетной периодике, составляют реплики Достоевского, воспроизводимые по случаю лицами, которые общались с ним.

19 (31) октября 1893 г. «Новое Время» (№ 6337) дает отчет о банкете русской прессы в Париже, на котором с речами выступали российские и французские журналисты и общественные деятели, в частности, дипломат, литературный критик, исследователь и популяризатор творчества Достоевского во Франции граф Эжен Мельхиор де Воюэ (1848–1910), не раз встречавшийся с писателем в Петербурге в салоне С. А. Толстой.

Корреспондент «Нового Времени» из Парижа сообщает:

«Представители русской литературы и печати, приѣхавшіе въ Парижъ по случаю празднествъ, давали, какъ извѣстно, въ Hôtel Continental представителямъ французской литературы, печати и искусства банкетъ на 128 кувертовъ <...>.

На банкетъ предсѣдательствовали А. С. Суворинъ и виконтъ Мельхиоръ де Воюэ, членъ французской академіи <...>.

Графъ де Воюэ произнесъ длинную рѣчь, изъ которой газеты приводятъ слѣдующія выдающіяся мѣста:

<...> Помню разговоръ съ изступленнымъ Достоевскимъ, когда однажды вечеромъ онъ металъ грома противъ мерзостей въ западной культурѣ и противъ Парижа, этого великаго Вавилона, въ особенности. Пупомъ этого ужаснаго Вавилона былъ для него Café Anglais, и онъ говорилъ, что когда-нибудь оно провалится въ геену, въ то время какъ мстительная рука начертитъ на стѣнѣ три роковые слова: “Мане, ѳакель, ѳаресь”. Вамъ случалось, быть-можетъ, проникать въ эту берлогу, и вы не нашли въ немъ ничего особенно ужаснаго. Огненная рука не привела еще въ исполненіе слова Достоевскаго,

только алмазы по-прежнему гравировать на стеклах имена, ничего страшного не представляющія...» (*Новое Время*).

Помимо еще одного свидетельства страстного неприятия Достоевским буржуазной цивилизации, которую он в свое время так безжалостно разоблачил в своих «Зимних заметках о летних впечатлениях», в этой реплике привлекает внимание упоминание парижского *Café Anglais*, располагавшегося на углу бульвара Итальянцев и рю де Мариво и бывшего в середине XIX века популярным местом встречи артистической богемы.

Достоевский был в Париже дважды: в 1862 и 1863 гг. В первую поездку он провел в столице Франции целый месяц. Второй визит был короче.

Илл. 6. Константин Николаевич Леонтьев.

Пересъёмка с фотографии 1860-х гг.

Государственный музей истории российской литературы
имени В. И. Даля. ГЛМ КП 39743

Fig. 6. Konstantin Nikolaevich Leontiev. Retake of a photograph from the 1860s.
The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.

GLM KP 39743

В письме Н. Н. Страху 26 июня (8 июля) 1862 г. Достоевский сообщает, что намерен «не теряя времени, обозреть и изучить его (Париж. — П. Ф.) не ленись, сколько возможно для простого туриста, каков я есмь» (*Д30*, т. 28₂: 27). Сведений о том, где именно был и что видел в Париже Достоевский, очень немного. В письмах он об этом не рассказывает, а в «Зимних заметках о летних впечатлениях» сообщает только самые приблизительные сведения (в отличие от Лондона).

О Café Anglais Достоевский говорил явно не понаслышке. Писавший буквально в это же время фантазию «Призраки» И. С. Тургенев так изобразил в ней Итальянский бульвар:

«Толпы народа, молодые и старые щеголи, блузники, женщины в пышных платьях теснились по панелям; раззолоченные рестораны и кофейные горели огнями; омнибусы, кареты всех родов и видов сновали вдоль бульвара; все так и кипело, так и сияло, все, куда ни падал взор... <...> Казалось, горячий, тяжелый, рдяный пар поднимался оттуда, не то пахучий, не то смрадный: уж очень много жизней сбилось там в одну кучу» (*T12*, т. 7: 211).

Благодаря реплике де Вогюэ устанавливается еще один парижский адрес, связанный с именем Достоевского. И не самый случайный. Невозможно узнать, в какой из визитов в Париж Достоевский посещал Café Anglais. Но это, несомненно, одно из тех мест, которое побудило его в 1863 г. написать В. Д. Констант: «Не нравится мне Париж, хоть и великолепен ужасно. Много в нем есть кой-что посмотреть; но как осмотришь, то упадет ужасная скука. <...> для туриста как я, наблюдающего просто за нравами, французы мерзят, а город уж мне почти известен» (*Д30*, т. 28₂: 40–41).

Примечательно, что не только «славянофил» Достоевский, но и «парижанин» И. С. Тургенев испытывал к этому месту сходные чувства:

«Но вот резкий, как лязг железных полос, голос уличной лоретки внезапно долетел до меня; как наглый язык, высунулся он наружу, этот голос; он кольнул меня, как жало гадины. Я тотчас представил себе каменное, скулистое, жадное, плоское парижское лицо, ростовщицьи глаза, белила, румяны, взбитые волосы и букет ярких поддельных цветов под остроконечной шляпой, выскребленные ногти вроде когтей, безобразный кринолин... Я представил себе также и нашего брата степняка, бегущего дрянной припрыжкой за продажной куклой... Я представил себе, как он, конфузясь до грубости и насильственно картавя, старается подражать в манерах гарсонам Вефура, пищит, подслуживается, юлит, — и чувство омерзения охватило меня <...>

Неси меня прочь от этих мабилей и мезон-доре, от ганденов и бишей, от Жокей-клуба и Фигаро, от выбритых солдатских лбов и вылощенных казарм, от сержандевилей с эспаньолками и стаканов мутного абсенту, от игроков в домино по кофейным и игроков на бирже, от красных ленточек в петлице сюртука и в петлице пальто, от господина де Фуа, изобретателя «специальности браков» и даровых консультаций д-ра Шарля Альбера, от либеральных лекций и правительственных брошюр, от парижских комедий и парижских опер, от парижских остроумий и парижского невежества... Прочь! прочь! прочь!» (*T12*, т. 7: 211).

Еще одно мнение Достоевского о Франции воспроизвел в своей статье «Франция, Россия и тройственный союз» Виктор Феофилович Пуцыкович (1843–1909) в политическом обозрении «Нового Времени» «Внешние известия» 22 августа (3 сентября) 1893 г.:

«...Покойный Достоевский, съ свойственною ему пронизательностью, въ 1879 году, въ Берлинѣ, говорилъ мнѣ, что нынѣшняя Франція имѣетъ одно важное преимущество для насъ: она искренно будетъ исполнять всѣ наши требованія, такъ какъ ея прежнія “фанатериі” исчезли безвозвратно...» (Пуцыкович, 1893).

Встреча В. Ф. Пуцыковича с Достоевским состоялась 22 июля (3 августа) 1879 г. [Летопись, т. 3: 332]. О ней мемуарист более подробно расскажет в 1902 г. в заметке «О Ф. М. Достоевском (Из воспоминаний о нем)», опубликованной в «Новом Времени» (№ 9292 от 16 (29) января) в связи с полемикой Инфолио с В. В. Розановым вокруг «Великого инквизитора». В. Ф. Пуцыкович приводит слова Достоевского о замысле и характере поэмы. Эти воспоминания известны и, ввиду важности их содержания, частично процитированы в соответствующей статье «Летописи жизни и творчества...». Однако там слова Достоевского приведены в сокращении, поэтому публикуем их целиком:

«Дѣло въ томъ, что самъ покойный Ф. М. Достоевскій не только сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя разъясненія насчетъ этой легенды, но и прямо поручилъ мнѣ кое-что о ней написать. Проѣздомъ въ 1879 г. лѣтомъ въ Эмсъ и обратно въ Петербургъ нашъ знаменитый теперь повсюду писатель провелъ нѣсколько дней въ Берлинѣ. Вотъ что онъ мнѣ, между прочимъ, прямо тогда продиктовалъ съ просьбою написать объ этомъ: “Федоръ Михайловичъ съ этою легендою — о великомъ инквизиторѣ — достигъ кульминаціоннаго пункта въ своей литературной дѣятельности или — какъ это прибавилъ онъ — въ своемъ творествѣ”... На вопросъ же мой, что значитъ то, что онъ помѣстилъ именно такую религіозную легенду въ романъ изъ русской жизни (“Братья Карамазовы”) и почему именно онъ считаетъ не самый романъ, имѣвшій такой успѣхъ даже до окончанія его, важнымъ, а эту легенду, онъ объяснилъ мнѣ вотъ что. Онъ тему этой легенды такъ-сказать выносилъ въ своей душѣ почти въ теченіе всей жизни и желалъ бы ее именно теперь пустить въ ходъ, такъ какъ не знаетъ, удастся ли ему еще что-либо крупное напечатать. Относительно же самого содержанія легенды онъ прямо объяснилъ, что она — противъ католичества и папства, и именно самого ужаснаго періода католичества, т.-е. инквизиціоннаго его періода, имѣвшаго столь ужасное дѣйствіе на христіанство и все человѣчество. Онъ прямо говорилъ, что въ инквизиціонномъ католичествѣ дѣйствовали не Христосъ и даже не папы, а “просто злой духъ, бѣсъ, чортъ”... Противъ католичества же вообще и особенно періода первыхъ чистыхъ вековъ христіанства онъ, конечно, не имѣлъ ничего; даже разъ мнѣ сказалъ, что если новѣйшая Италія чем-либо прославилась, такъ это своимъ папствомъ и могучею объединяющею силою на весь міръ первоначальнаго вселенскаго католичества.

Послѣ всего этого, мнѣ кажется, что г. Розановъ совершенно правъ, увѣряя въ опроверженіе мыслей г. Инфолио о томъ, что Достоевскій будто бы заимствовалъ фабулу легенды у Гете и Вольтера, что невозможно “трудъ жизни, страданія мысли многолѣтнія, тяжелыя, сердечныя приравнивать къ литературному заимствованію”. Но г. Розановъ не правъ въ своемъ замѣчаніи, что это какъ бы не столько “анти-католическая, сколько вообще анти-христіанская” легенда! Нѣтъ, именно анти-католическая, — по этимъ его личнымъ сдѣланнымъ мнѣ разъясненіямъ, но, повторяю,

анти-католическая позднѣйшаго періода, періода упадка его, господства католической іерархіи лишь по виду надъ душами вѣрующихъ, а въ сущности такъ сказать надъ ихъ грѣшными тѣлами и ихъ имуществами чисто мірскими и пр. Не даромъ же Достоевскій и избралъ для дѣйствія великаго инквизитора 16-е столѣтіе, когда католичество въ Испаніи достигло того, что государственною инквизиціею было казнено нѣсколько десятковъ тысячъ католиковъ!

Вполнѣ правъ также г. Розановъ, говоря, что вовсе не нужно и справокъ съ Вольтеромъ и Гете, чтобы начать сочинять подобную легенду, ибо “все это (содержаніе) такъ общераспространено, составляетъ такой краеугольный камень христіанства”... Къ тому же Достоевскій былъ крайне щепетилень насчетъ заимствованій, — особенно тайныхъ, въ произведеніяхъ творчества. Вообще и мнѣ представляется такое заимствование совершенно невѣроятнымъ и неправдоподобнымъ, — да еще будто бы “съ мстительнымъ, протестантскимъ характеромъ источника”. Насчетъ же протестантовъ въ религіозныхъ дѣлахъ Достоевскій тоже постоянно такъ отзывался: “Да у нихъ ничего нѣтъ” или “ничего не осталось”.

Разъясненія его мнѣ насчетъ легенды о великомъ инквизиторѣ я болѣе 22 лѣтъ носилъ въ себѣ все имѣя ввиду написать обстоятельныя воспоминанія о Ѳедоре Михайловиче, отъ котораго имѣю еще не напечатанные письма» (*Пуцъкович, 1902*).

Къ свидетельствамъ В. Ф. Пуцъковича следуетъ относиться съ осторожностью, учитывая, что, как он самъ говорит, они написаны болѣе 22 летъ спустя после разговора, и поэтому если тогда не были буквально записаны, то, конечно, претерпели неизбежные для памяти искаженія. Кроме того, как установили исследователи, онъ достаточно вольно относился къ первоисточникамъ, даже при подготовкѣ къ публикаціи писемъ Достоевскаго, довольно свободно редактируя ихъ, «вмешиваясь въ тексты писемъ подчеркиваніемъ, вычеркиваніемъ, пропусками целыхъ абзацевъ и даже переносомъ фрагментовъ писемъ изъ одного въ другое» [Зинкова, Солопова: 110]. Что ужъ говорить о *личныхъ* воспоминаніяхъ!

Такъ ли понялъ слова Достоевскаго его собеседникъ? Очевидно, что онъ значительно сузилъ проблематику поэмы. Достаточно сравнить текстъ воспоминаній со словами Достоевскаго, написанными тогда же для вступительнаго слова передъ чтеніемъ поэмы на литературномъ утре въ пользу студентовъ С.-Петербургскаго университета 30 декабря 1879 г.:

«Смыслъ тотъ, что если исказишь Христову веру, соединивъ ее съ целями міра сего, то разомъ утратится и весь смыслъ христіанства, умъ несомненно долженъ впасть въ безверіе, вместо великаго Христова идеала созиждется лишь новая Вавилонская башня. Высокій взглядъ христіанства на человечество понижается до взгляда какъ бы на звериное стадо, и подъ видомъ социальной любви къ человечеству является уже не замаскированное презрѣніе къ нему» (*Д30, т. 15: 198*).

Темъ не менѣе совсемъ ставить подъ сомнѣніе свидетельство В. Ф. Пуцъковича не стоитъ, ибо въ целомъ оно не противоречитъ известнымъ фактамъ.

Воспоминанія современниковъ — важный источникъ биографическихъ данныхъ. И, хотя онъ требуетъ критическаго отношенія и проверки другими матеріалами и документами, онъ болѣе тесно связанъ съ личностью того, о комъ идетъ рѣчь. Факты могутъ быть искажены, но сохраняется образъ, который можетъ быть болѣе ценнымъ, чемъ сами факты. Каждое свидетельство дополняетъ

свой штрих в портрет, свою краску. И даже самые незначительные по объему рассказы или отдельные эпизоды, вписанные в общую картину, имеют значение. Поиск и осмысление таких «осколков памяти», связанных с личностью Достоевского, необходимо продолжать.

Когда-то в юности Достоевский написал: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать». Разгадке этой тайны посвящено все творчество Достоевского. Он показал, что даже самый обыкновенный человек, не одаренный какими-либо талантами и способностями, представляет собой бездну, которую постичь до конца практически невозможно. Личности, выдающиеся из середины, являют собой еще большую загадку. Сам Достоевский был фигурой экстраординарной. Он был гением. В его личности человечеству дан опыт грандиозного масштаба и значимости, *ключ к разгадке тайны человека*. Именно поэтому бесценным является не только целое его судьбы, но и все, без исключения, ее элементы — в буквальном смысле слова каждый шаг Достоевского.

Источники

Авсеенко — А. О. [Авсеенко В. Г.] Из литературных воспоминаний // Новое Время. СПб., 1900. № 8794. 11 (24) августа.

Атава — Сергей Атава. Умерший писатель // Новое Время. СПб., 1886. № 3568. 2 (14) февраля.

Буренин — В. Буренин. Критические очерки // Новое Время. СПб., 1894. № 6470. 4 (16) марта.

Д30 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Достоевская А. Г., 1923 — Достоевская А. Г. Дневник. М.: Новая Москва, 1923. XVI, 390 с. (Документы по истории литературы и общественности / [Центрархив]; Вып. 7.)

Достоевская А. Г., 1925 — Достоевская А. Г. Воспоминания / под ред. Л. П. Гроссмана. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 310 с.

Достоевская Л. Ф. — Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении его дочери / пер. с нем. Л. Я. Круковской; под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922. 105 с.

Достоевский А. М. — Достоевский А. М. Воспоминания / ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 425 с.

Новое Время — Банкет русской прессы // Новое Время. СПб., 1893. № 6337. 19 (31) октября.

Петербургская Газета — Из записной книжки Праздношатающегося. 25-го июля // Петербургская Газета. СПб., 26 июля 1889. № 202.

Пуцыкович, 1893 — П. [Пуцыкович В. Ф.] Внешние известия. Франция, Россия и тройственный союз // Новое Время. СПб., 1893. № 6279. 22 августа (3 сентября).

Пуцыкович, 1902 — В. Пуцыкович. О Ф. М. Достоевском (Из воспоминаний о нем) // Новое Время. СПб., 1902. № 9292. 16 (29) января.

Суслова — Суслова А. П. Годы близости с Достоевским: Дневник. Повесть. Письма / вступ. статья и примеч. А. С. Долинина. М.: М. и С. Сабашниковы, 1928. 194 с.

T12 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1981.

Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1912 — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках / сост. Ч. Ветринский (Вас. Е. Чехихин). М.: Т-во И. Д. Сытина, [1912]. LVI, 336 с. (Историко-литературная библиотека / под ред. А. Грузинского; при близж. участии Н. Л. Бродского, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова; Вып. 7.)

Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1964 — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. А. Долинин; вступ. ст. Б. Рюрикова. М.: Худож. лит., 1964.

Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1990 — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. К. Тюнькина; Подготовка текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990.

Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников — Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 331 с.

Список литературы

1. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Алетея, 2001.
2. Зинкова В. С., Солопова А. И. «Надежда на Васъ однихъ!..» (Переписка Ф. М. Достоевского с В. Ф. Пуцыковичем: полный комментированный корпус писем) // Неизвестный Достоевский. 2016. № 4. С. 108–118 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1481752950.pdf (01.06.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2881
3. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. 1821–1881 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук; под ред. Г. М. Фридендера, Н. Ф. Будановой. СПб.: Академический проект, 1999.
4. Рабкина Н. А. Антигерой Достоевского и штрихи реальной истории // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1984. Т. 43. № 4. С. 315–326.

References

1. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar'*: v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky and His Ambience: *Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols*]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2001. (In Russ.)
2. Zinkova V. S., Solohova A. I. "I rely only on You!.." (Correspondence of F. M. Dostoevsky with V. F. Putsykovich: Complete Corpus of Letters with Commentaries). In: *Neizvestnyj Dostoevskiy [Unknown Dostoevsky]*. Petrozavodsk, 2016. № 4. С. 108–118. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1481752950.pdf (accessed on June 1, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2881 (In Russ.)
3. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. (In Russ.)
4. Rabkina N. A. Dostoevsky's Antihero and the Strokes of Real History. In: *Izvestia Akademii nauk SSSR. Seria literatury i jazyka [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language]*. Moscow: Nauka Publ., 1984. Vol. 43. No. 4. P. 315–326. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фокин Павел Евгеньевич, кандидат филологических наук, зав. отделом «Музей-квартира Ф. М. Достоевского», Государственный музей истории российской культуры им. В. И. Даля (Государственный литературный музей) (Трубниковский пер., д. 17, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4958-859X>; e-mail: pfokin@mail.ru.

Pavel E. Fokin, PhD (Philology), Head of Department “Museum-apartment of F. M. Dostoevsky”, The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (State Literary Museum) (Trubnikovskiy per. 17, str. 1, Moscow, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4958-859X>; e-mail: pfokin@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 06.06.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 08.08.2021

Принята к публикации / Accepted 20.08.2021

Дата публикации / Date of publication 15.09.2021

Научная статья

УДК 821.161.1+82-92

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5521

Столетний юбилей Ф. М. Достоевского в контексте советской прессы

Д. Е. Куликова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: egle13solnze@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрено отношение к Ф. М. Достоевскому в советской России в период празднования его столетнего юбилея на основе материалов, опубликованных в периодической печати («Труд», «Петроградская правда», «Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов», «Народное просвещение», «Красный воин», «Красный командир», «Красная новь», «Печать и революция», «Зори грядущего», «Экран: вестник театра, искусства, кино, спорта», «Жизнь искусства», «Саррабис», «Вестник литературы», «Летопись Дома Литераторов», «Артельное дело», «Начала» и др.). Многие тексты ранее не рассматривались в работах по достоевистике. В советской прессе предпринимались многочисленные попытки интерпретации творчества и идей Ф. М. Достоевского в духе социализма. Противоречившие революционной идеологии взгляды писателя строители коммунизма либо отвергали, либо искажали в соответствии со своими целями. Им импонировал образ бывшего каторжника, защитника «униженных и оскорбленных». В некоторых журналах («Артельное дело», «Начала» и т. д.), возникших в Петрограде в период нэпа, выходили религиозно-философские работы о Ф. М. Достоевском. Двойственность отношения к писателю, присутствие в прессе как социалистических, так и христианских трактовок были признаком переходной исторической эпохи.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, литературный юбилей, советская журналистика, социализм, нэп

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 Достоевский («Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)»).

Для цитирования: Куликова Д. Е. Столетний юбилей Ф. М. Достоевского в контексте советской прессы // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 3. С. 156–182. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5521

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5521

Centenary of F. M. Dostoevsky's Birth in the Soviet Russian Press

Daria E. Kulikova

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

e-mail: egle13solnze@mail.ru

Abstract. This article considers the attitude towards F. M. Dostoevsky in Soviet Russia during the celebration of his centenary based on materials published in the periodical press. Articles from newspapers and magazines of that era (*Trud*, *Petrogradskaya Pravda*, *Izvestiya Petrogradskogo soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov*, *Narodnoe prosveshcheni*, *Krasnyy voin*, *Krasnyy komandir*, *Krasnaya Nov'*, *Pechat' i revolyutsiya*, *Zhizn' iskusstva*, *Sarrabis*, *Vestnik literatury*, *Artel'noe delo*, *Nachala*, etc.) were used. Many of these texts have not been previously analyzed by scholars of Dostoevsky's work. Numerous attempts were made in the Soviet press to interpret the work and ideas of F. M. Dostoevsky in the spirit of socialism. The writer's negative view of revolutionary ideology was either rejected or distorted by Socialists, however, they were attracted by the image of a former convict and a defender of the "humiliated and insulted". Certain magazines (*Artel'noe delo*, *Nachala*) that appeared in Petrograd during the NEP period, published religious and philosophical articles about F. M. Dostoevsky. The ambivalence of the attitude towards the writer, the presence of socialist and Christian interpretations of his work in the press were a sign of a transitional historical period.

Keywords: F. M. Dostoevsky, literary anniversary, Soviet journalism, socialism, NEP

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90021 Dostoevsky ("Dostoevsky: Life and Legacy. Biographical Lacunae. Perception of His Life and Work in the Russian National Consciousness (1881–1921)").

For citation: Kulikova D. E. Centenary of F. M. Dostoevsky's Birth in the Soviet Russian Press. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2021, vol. 8, no. 3, pp. 156–182. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5521 (In Russ.)

Столетний юбилей Ф. М. Достоевского отмечался в сложный для России исторический момент. Страна была измучена гражданской войной, интервенцией, крестьянскими волнениями. В марте 1921 г. на X съезде РКП (б) В. И. Ленин объявил о переходе к нэпу, что означало временную либерализацию режима. В этот год сразу две знаковые даты — сто лет со дня рождения и сорокалетие кончины Достоевского — побудили общественность обратиться к творчеству писателя. Литературный юбилей вызвал много откликов в печати; одни из них имеют широкую известность, другие почти забыты. На основе публикаций в прессе мы получили представление о том, как относились к Ф. М. Достоевскому в это противоречивое время.

Прежде всего, необходимо отметить важную роль столетнего юбилея в становлении советского достоевсковедения. Именно в тот период было

по-настоящему осознано значение творчества писателя, понята ценность его писем и рукописей [Захаров, 2021: 9]. Развитию науки о Ф. М. Достоевском способствовал тот факт, что в конце 1910-х — начале 1920-х гг. стали доступны для изучения новые источники (переписка с редакцией «Русского вестника», черновой вариант «Пушкинской речи», дневник А. П. Сусловой и др.; см. подр.: [Гроссман: 122–125]). Вышедшие на немецком языке воспоминания дочери писателя Л. Ф. Достоевской сразу же получили противоречивую оценку¹. Включение в научный оборот неопубликованных рукописей Ф. М. Достоевского, дневников его жены и других документов стало возможным после того, как были вскрыты шкатулка из сейфа А. Г. Достоевской в Главархиве (1921 г.) и несгораемый ящик, хранившийся в Историческом музее (1922 г.)².

Столетие Ф. М. Достоевского было первым в истории советской России литературным юбилеем [Захаров, 2021: 8]. Газеты и журналы внимательно следили за ходом мероприятий, публиковали анонсы событий³. Своими впечатлениями о том, как почтили память Ф. М. Достоевского в его родном городе — Москве, поделился историк Ч. Ветринский (В. Е. Чехихин) на страницах петербургского журнала Общества взаимопомощи литераторов и ученых «Вестник литературы»:

«Дни Достоевского» начались в Москве за несколько дней до поминального 12-го ноября. Губполитпросвет выпустил для народных аудиторий, клубов, школ и проч. плакат о жизни Достоевского и его деятельности, причем в оценке писателя подчеркнута особая точка зрения — официальное признание гения, с оговоркою, что Достоевский не сторонник рабоче-крестьянской социальной революции. Лекций и чтений о Достоевском для широкой публики народной аудитории было немало. Московский совет переименовал больницу, в которой родился Достоевский, в больницу его имени. Этим чествования официального характера и кончились. «Известия», «Правда» и «Коммунистический Труд» не отметили дня юбилея никакими поминальными статьями. Шире развертывается отклик на юбилей со стороны общественности»⁴.

На основе этого и других источников можно восстановить хронику юбилейных мероприятий. В Москве Губполитпросвет организовал более пятидесяти лекций-бесед с участием П. Н. Сакулина, В. Ф. Переверзева, В. М. Фриче и других ученых. К памятной дате были приурочены три вечера в Политехническом музее: читали Ю. И. Айхенвальд («Душа Достоевского»), В. А. Поссе («Религия Достоевского») и А. В. Луначарский («Достоевский как художник и мыслитель»). На заседании Вольной Академии Духовной Культуры выступили Н. А. Бердяев («О миросозерцании Достоевского»), Б. П. Вышеславцев («Русская стихия у Достоевского»), Б. А. Грифцов («Эстетика Достоевского») и Г. И. Чулков («Символизм Достоевского»),

состоялась беседа на тему «Мистическая атмосфера романов Достоевского». На вечере в Обществе любителей российской словесности П. Н. Сакулин произнес вступительное слово, Л. П. Гроссман представил содержательный обзор творчества писателя, Н. Л. Бродский говорил о замысле «Жития великого грешника», А. А. Грушка — о «Пушкинской речи». На собрании Всероссийского союза писателей В. Е. Чешихин сделал доклад об отношении Ф. М. Достоевского к социализму, Б. А. Грифцов — о художественных приемах в повести «Кроткая», Н. А. Бердяев — о «Великом инквизиторе» как центральном произведении в мировоззрении писателя. Вечера состоялись и в ряде других организаций. В нескольких храмах были отслужены панихиды по Ф. М. Достоевскому. В Историческом музее была открыта выставка его памяти⁵.

В Петрограде в Пушкинском Доме состоялось торжественное заседание Российской Академии наук, Дома Литераторов, Петроградского университета, Петроградского института книговедения, Русского библиологического общества, Союза писателей, Музея революции и других организаций, после чего была открыта выставка, посвященная Ф. М. Достоевскому. Заседания прошли также в Доме Литераторов, в Вольной философской ассоциации, где с докладами выступили С. А. Аскольдов («Религиозные и этические взгляды Достоевского»), Андрей Белый («Достоевский и Толстой»), П. А. Сорокин («Достоевский как социолог»), А. Л. Волынский («Верования Достоевского»), А. А. Чебышев-Дмитриев («Самоистребители и Достоевский»), Р. В. Иванов-Разумник («Достоевский и революция») и др.⁶ Хроника мероприятий, прошедших в Петербурге в связи с юбилеем и сорокалетием кончины Ф. М. Достоевского, достаточно подробно изложена в посвященной ему Однодневной газете Русского библиологического общества⁷.

Юбилейные мероприятия прошли в Омске — городе, сыгравшем большую роль в судьбе Ф. М. Достоевского. Вечер его памяти состоялся в клубе военно-учебных заведений; прочитанный там доклад представителя литературной секции Губполитпросвета был повторен на литературном утре в зале партийного дома; после этого профессор Г. В. Круссер выступил с речью, где творчество писателя рассматривалось с марксистской точки зрения. На следующий день в библиотеке имени Ф. М. Достоевского открылась библиографическая выставка⁸.

Региональные издания сообщали о торжественных заседаниях в ноябре 1921 г. в ряде высших учебных заведений⁹. Теплые слова в адрес Ф. М. Достоевского прозвучали из уст поэта Н. С. Власова-Окского, посвятившего ему очерк в журнале «Известия Тверского губсоюза»:

«...мученик в жизни, искатель правды, любви и добра <...>. Своими произведениями, как и собственной высокопоучительной жизнью, Федор Михайлович внушил людям святую мысль о том, как чутко нужно подходить

к душе человека, как бережно следует обращаться с нашим ближним, как надлежит покорять сердца других братскою любовью...»¹⁰.

«Несмотря на трудные условия издания, русская печать отметила юбилей Достоевского», — писала Однодневная газета Русского библиологического общества, сообщая о новых книгах¹¹. В 1921 г. было выпущено не так много посвященных Ф. М. Достоевскому изданий: в частности, в Петрограде вышли сборники «Пушкин. Достоевский» с речами А. Г. Горнфельда и А. М. Ремизова по случаю 40-летия кончины писателя¹², «Достоевский и Пушкин»¹³ (переиздание знаменитой речи, по мнению Л. П. Гроссмана, сделанное наспех¹⁴), а также критическое исследование Ю. Н. Тынянова [Тынянов]. Готовилась к печати книга «Ф. М. Достоевский: статьи и материалы» под редакцией А. С. Долинина [Долинин]. Наиболее значимым в научном плане изданием юбилейного года был вышедший в Одессе сборник под редакцией Л. П. Гроссмана [Гроссман]; исследования, основанные на новых источниках, увидели свет несколько позднее.

Юбилей Ф. М. Достоевского вызвал литературный отклик за границей. Были осуществлены новые переводы на европейские языки [Гроссман: 121]. В софийском русско-болгарском издательстве в 1921 г. вышли следующие труды: «Тургенев и Достоевский. История одной вражды» Ю. А. Никольского¹⁵ и «Словарь к творениям Достоевского» митрополита Антония (Храповицкого)¹⁶. «Вестник литературы» публиковал сообщения о выходе книг на иностранных языках, в частности, «критико-психологического этюда» о Ф. М. Достоевском, написанного сербским профессором Я. Лавриным¹⁷ (речь идет об исследовании «Dostoevsky and His Creation: a psycho-critical study»¹⁸), «Этюд о богоборчестве» доктора Д. Прохаски¹⁹ (по всей вероятности, имеется в виду «Fjodor Mihajlović Dostojevski. Studija o sveslavenskom čovjeku»²⁰) и книги Цвейга²¹ (по-видимому, «Drei Meister: Balzac — Dickens — Dostojewski» С. Цвейга²²).

Историк Ч. Ветринский свидетельствовал о росте интереса к Ф. М. Достоевскому после юбилейных мероприятий, признавая при этом, что исследователям жизни и творчества писателя предстоит сделать еще очень многое²³. Итоги юбилейного года в январе 1922 г. попытался подвести редактор «Вестника литературы» Д. А. Лутохин; в его тексте слышны пессимистичные ноты:

«Эти юбилейные дни уже прошли и теперь, подводя им итоги, следует заметить, что внешне юбилей был отпразднован прилично. <...> То, что мы предсказывали в упомянутой нашей заметке — нарастание интереса широких читательских масс к творчеству Достоевского, теперь несомненно уже наблюдается. Но, как все в наши печальные дни, и юбилейный пафос, и прочный интерес к Достоевскому страдают какими-то худосочием и недоговоренностью. Выделяется своим интересным содержанием сборник, выпущенный в Одессе Л. П. Гроссманом. Прежде всего, радуешься, что даже

провинция, отрезанная от архивов, смогла откликнуться на юбилей таким изданием. <...> Между тем, в разбираемом сборнике этого “нового Достоевского” очень мало — всего 17 страничек, правда, интересных, но не характерных. <...> В общем, сборник “Творчество Достоевского” все же лучшее, что дали его поминки, но обидно, что дано немного. И опять мы принуждены указать на необходимость организовать общество изучения Достоевского. Ту же мысль независимо от нас высказал и А. Ф. Кони. Что же задерживает ее осуществление?»²⁴

Нужен ли Ф. М. Достоевский советскому государству?

4 января 1921 г. М. Горький, в свое время назвавший Ф. М. Достоевского «злым гением»²⁵, на вечере в «Доме Искусств» рассуждал о положении русской литературы:

«У нас, несмотря на выдающийся талант писателя, его читает всегда одна часть людей: социалиста — социалисты, консерватора — консерваторы, либерала — либералы, тогда как на Западе талантливого писателя читают все политические партии, считаясь, прежде всего, с талантом и забывая о партийном ярлыке, — передает содержание его речи “Вестник литературы”. — У нас наоборот: у нас предан забвению Ф. М. Достоевский»²⁶.

Та же печальная мысль звучит в статье А. Редько «Судьбы русской литературы»: в Германии «сейчас жадно читают таких русских писателей, которые у себя на родине мало читаются или даже совсем не читаются, как славянофилы...»²⁷.

На самом деле, проблема очень глубока: вопрос стоял не просто о чтении тех или иных писателей, а о существовании духовной культуры, о бытии самого народа.

По мнению А. Редько, в свете революционных событий опасения за будущее русской литературы и за само существование интеллигенции «далеко не иллюзорны»²⁸.

Строки, напечатанные в декабре 1921 г., приобретают характер мрачного пророчества в ходе дальнейших исторических событий, когда советское государство стало целенаправленно избавляться от интеллигенции:

«Другие опасаются большего. Русская художественная литература вымрет, потому что вымирает русская интеллигенция, потому что слабеет и уменьшается тот ничтожный тоненький слой общества, который выносил в своей душе основы русской духовной культуры, создал литературные идеалы, выдвинул Достоевского и Льва Толстого...»²⁹.

Надежду на возрождение русской культуры А. Редько также связывал с именами Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого:

«Будем верить, что русская культура не прервется; что русская интеллигенция, подарившая тысячелетнему культурному миру Достоевского и Толстого, не иссякнет, что она вынесет все доставшееся ей на долю — в исторически сложившихся судьбах современности <...>. Будем верить в недоказуемое — пока»³⁰.

Неудивительно, что предоставляющие слово петербургской интеллигенции «Вестник литературы» и его бывший автономный отдел «Летопись Дома Литераторов», с ноября 1921 г. ставший самостоятельным изданием, порой раздражали коммунистов. Остроуму на язык поэту-футуристу, автору рецензий в «Красной нови», органе Главполитпросвета, С. П. Боброву эти журналы казались «несколько невыносимыми» из-за присущего им «тона осторожного и только чуточку зловещего нытья»³¹.

Празднование в социалистическом государстве столетия Ф. М. Достоевского — сторонника православия и самодержавия — требовало разъяснений. Весной 1921 г., когда уже была отмечена годовщина смерти автора «Братьев Карамазовых», основатель и первый редактор «Вестника литературы» А. Е. Кауфман ответил одному «недоумевающему читателю» статьей «Апофеоз Достоевского», в которой дал совет «читать и перечитывать» сочинения писателя:

«Достоевского нельзя судить по отдельным его произведениям и публицистическим выступлениям. Его надо взять целиком. Достоевский не был умственным вождем и политиком. Он был, прежде всего, выдающийся писатель-романист и большой психолог-сердцевед»³².

Посвященная Ф. М. Достоевскому редакционная статья в «Летописи Дома Литераторов» начинается со слов о его бессмертии:

«В радостном воспоминании о том, что сто лет тому назад родился в России Достоевский, нет ни тени этого дыхания смерти, нет поминания усопшего, нет дани истории: есть лишь захватывающее ощущение жизни вечной, ощущение беспредельного становления. Рождением великих людей была богата треть века, давшая Пушкина и Толстого, но без преувеличения можно сказать: из художников и мыслителей, которых мы присоединяем к сверстникам Достоевского, никто в наши дни не может считаться живым в такой степени, как Достоевский. Художественные образы, созданные им, становятся все содержательнее и необходимее, вопросы жизни и духа, поставленные им, становясь все насущнее, решаются в формах, данных им...»³³.

Восхищение писателем соседствовало с убеждением в необходимости осторожного подхода к нему. Автор предостерегал от возвеличивания Ф. М. Достоевского и выражал пожелание, чтобы «теперь, когда явно открывается новая полоса его понимания», он был для русских людей «руководителем, но не кумиром, учителем мысли, но не пророком»:

«Да, в эти дни торжественного величания Достоевского живого, Достоевского бессмертного, надо твердо сказать: великим этапом в углублении мысли, великим периодом в очеловечении человечества должен быть Достоевский, но попранием его завета, устранением его благотворности было бы сосредоточение на нем одном, приятие его как единого всевластного учителя жизни. Надо принять Достоевского, но надо преодолеть его; надо учиться у него, надо усвоить его методы, надо оценить — и нет возможности оценить выше меры — то, что он открыл в нашей жизни, в нашем духе, но нельзя воспринять это без разбора, как вековую истину, как путь жизни. И это не только потому, что нет непреходящих истин, что истина только в преодолении понятого и усвоенного, но и потому, что Достоевский — живой человек, великий, но ни в мысли, ни в чувствах, ни в деяниях не безгрешный и даже с той “заминкой”, которую отметил в нем Лев Толстой. <...> Возвеличить Достоевского сверх меры в наших русских условиях значит отказать от углубления в него, тогда как именно его величие повелительно требует иного отношения»³⁴.

О «преодолении Достоевского», вкладывая в это свой смысл, говорили многие критики и философы (В. П. Кранихфельд в 1911 г.³⁵, Н. А. Бердяев в 1917 г.³⁶). Литературный критик Ю. И. Айхенвальд завершил статью «Памяти Достоевского» в московском альманахе «Новая жизнь» (1922 г.) следующими словами:

«Достоевский себя не преодолел, но другим он оставил завет: преодолеть в себе Достоевского. <...> он — трагическая категория духа, которой миновать нельзя и которая в большей или меньшей степени обязательна для каждого. Через Достоевского, но к Пушкину, к Толстому — такова магистраль духовного пути, который проложила русская литература для русского читателя»³⁷.

По мнению Ю. И. Айхенвальда, Ф. М. Достоевский — это «Иван Грозный русской литературы», порой «принимающий облик писателя-дьявола»³⁸. Критик и прежде не скупился на подобные суждения об авторе «Братьев Карамазовых».

Незадолго до юбилея Ю. И. Айхенвальд сделал категорическое заявление:

«...нам, гражданам социалистического отечества, с Достоевским не по пути, что нашей республике не подобает славить годовщину его рождения и что необходимо сделать выбор между Достоевским и ею, республикой этой»³⁹.

Заметим, что Ю. И. Айхенвальд не являлся сторонником советской власти. «Как некий колдун, Достоевский наворожил России революцию»,⁴⁰ — это мнение он высказал еще под влиянием событий 1905 г. (новые статьи

отчасти дублировали его ранние тексты⁴¹). В 1922 г. критик был выслан из страны: не любивший Ф. М. Достоевского Ю. И. Айхенвальд разделил судьбу исследователей религиозных мотивов в творчестве писателя [Захаров, 2021: 9].

Статья, вышедшая в «Вестнике литературы» под заголовком «Особое мнение», вызвала оживленную полемику. А. Е. Кауфман предварил публикацию собственным текстом, в котором он почти дословно цитировал свой «Апофеоз Достоевского»:

«Не все согласятся с проф. Айхенвальдом, но нельзя не считаться со взглядами талантливого критика и авторитетного историка нашей литературы <...>. Вот почему мы даем ниже место “особому мнению”...»⁴².

Критически отозвался о статье П. И. Новицкий:

«Это усердие неопита не основано даже на той продуманности, которой блистают строки о Достоевском того же Айхенвальда в “Силуэтах русских писателей”»⁴³.

Критик Н. Н. Фатов отметил, что «истинный смысл» слов Ю. И. Айхенвальда «некоторыми понят не так, как следовало», и посвятил статью в декабрьском выпуске «Вестника литературы» установлению «правильного взгляда на Достоевского и его воззрения». По его словам, произведения писателя «во многом *революционны*»: у него «немало и сознательных протестов против “существующего строя”, начиная с “либеральных” мыслей Макара Девушкина о богатых и бедных, кончая кошмарным бытом “карамазовщины”», а беспристрастное изображение быта прошлого столетия само по себе «является прекрасной *против него агитацией*»⁴⁴. Н. Н. Фатов напомнил читателям о том, что Достоевский — «величайший психолог и один из крупнейших наших писателей-философов», «великий художник слова»:

«Мы, граждане социалистического отечества, можем лишь гордиться тем, что у нас был Достоевский, не можем не ценить того, что он давал и дает нам ценного для наших идей, а к тому, что в Достоевском было темного, в чем он ошибался, мы должны отнестись, как к *историческому факту, беспристрастно*, вина за это не *страдальца-писателя*, а те условия, в которых он творил, и тот *политический и социальный строй*, в котором он жил»⁴⁵.

Ф. М. Достоевский в свете социалистического учения

В юбилейный год все чаще возникал неоднозначный вопрос: как советскому человеку следует относиться к Ф. М. Достоевскому? Попытки поновому осмыслить наследие писателя и определить его роль в прошлом и настоящем России запечатлены на страницах советской прессы; зачастую

эти рассуждения очень поверхностны, а сами тексты проникнуты идеями, типичными для социалистического сознания.

Размышляя над этими вопросами, литератор, в прошлом участник революционного движения, С. Д. Мстиславский на страницах московского журнала «Экран: вестник театра, искусства, кино, спорта» писал:

«...“С ними — Великими Прошлого — или против них”? Вопрос этот ныне ставится по отношению к Достоевскому, одному из сильнейших “стариков” наших, которому убьют, поколение за поколением, воздавать честь без раздумья, воздавать “на ощущение его силы”, сказал бы я, а не за самую силу»⁴⁶.

Ф. М. Достоевский, по его словам, писатель «для немногих. Воистину для немногих. Ибо, творчество его, как раскрытый, до последних тайн, до последнего обнажения, морг»⁴⁷.

В некоторых пунктах идеи Ф. М. Достоевского близки советским идеалам:

«Этой глубинной, страстной, истинной любовью к человеку, к личности его, прежде всего и вечен, и близок нам Достоевский <...>. И верным провидится ему ответ: <...> счастье станет возможно лишь тогда, когда во всемирном братстве побратаются люди, когда счастьем одного будет утверждаться счастье других, и счастье одного — счастьем всех»⁴⁸.

Цитатой из «Братьев Карамазовых» («...жизнь есть рай, и все мы в раю...») С. Д. Мстиславский подтверждал мысль о том, что способ достижения счастья — изменение самого человека, и в этом обнаруживал сходство с Ф. М. Достоевским, но тут же опровергал дальнейшую связь:

«Эта идея внутреннего преобразования человека, есть руководящая идея сегодняшнего дня, сегодняшней революционной нашей борьбы. И здесь высшая точка, предельная грань нашей близости, нашей связи с Достоевским. За гранью этой резко обрывается связь. Ибо, правильно поставив вопрос и правильно наметив решение, Достоевский в бессилии опускает руки именно там, где мы начинаем делание. Сказался гипноз морга, от сознания “виновности”, виновности “всех перед всеми” идет Достоевский на разрешение великой задачи преобразования человека»⁴⁹.

Автор упрекал Ф. М. Достоевского в том, что тот отрекся от «творчества жизни», от ее «действенного преобразования» и встал на путь религии. Заглавие статьи — «Записки из Мертвого Дома» — метафора смерти отживших, по мнению С. Д. Мстиславского, взглядов писателя. Исходя из современной ему действительности, он делает поспешный вывод:

«...мертва для нас проповедь Достоевского. И самые книги его, в ранящие, кровоточащие строки которых, так напряженно, так жадно всматривается

ум, остаются, несмотря на созвучность исканий наших, — “Записками из Мертвого Дома”. Такими будут они для грядущих поколений»⁵⁰.

Статью о Ф. М. Достоевском для журнала Наркомпроса РСФСР «Народное просвещение» написал критик В. М. Фриче, в 1922 г. возглавивший Институт языка и литературы Академии наук. Он полагал, что рабочей демократии учиться у героев писателя «собственно — нечему», потому что его творчество органически связано с «группой обособленных мещан-пауперов». В. М. Фриче признавал, что некоторые черты, свойственные Ф. М. Достоевскому (любовь к детям, сочувствие к беднякам, гуманность к преступникам), близки советскому обществу, но статью о писателе «ему вразрез, ему наперекор» завершил лозунгом:

«Да здравствует социализм и классовая борьба рабочей демократии за счастье человечества»⁵¹.

Протест против мистического ореола вокруг Ф. М. Достоевского звучал на страницах журнала «Красная новь».

В рецензии «Кони о Некрасове и Достоевском» С. П. Бобров восклицал:

«Но, дорогие друзья, что же мы себе сделали из этого писателя, который так или не так, а входит в ряд наших первоклассных писателей? Из этого скромного в общей сложности человека <...> Достоевский превращается в какую-то реинкарнацию Магомета в великую мистическую величину»⁵².

Негативно окрашенные характеристики в период юбилея встречались в некоторых украинских изданиях. Так, в харьковской газете «Коммунист» была опубликована статья о Ф. М. Достоевском «Памяти великого врага»⁵³, автором которой является В. С. Рожицын. Он специализировался на антирелигиозной пропаганде, издал множество брошюр на эту тему, за счет чего получил известность, и после переезда в Москву работал в Центральном антирелигиозном музее [Шахнович]. В 1922 г. в литературном журнале «Зори грядущего», издававшемся в Харькове секцией пролетарских писателей Всеукраинкома, вышла публикация А. М. Лейтеса «Достоевский в свете революции»⁵⁴, где фигурировало понятие «Достоевщина», которое он писал с прописной буквы. Это одна из дебютных работ молодого критика. Ф. М. Достоевский в его понимании — «подпольный человек», протестующий против мировой гармонии, возводящий страдание в культ и потому отказывающийся от социалистической идеологии:

«Достоевский только потому больше всех достоин называться “человеком ада”, что, как художник, в жизни он видел только ад, и, главное, *кроме ада ничего в жизни видеть не хотел*. И Данте рисовал нам свой фантастический ад, но он же нарисовал нам (пусть менее удачно) и свой фантастический рай <...>. Достоевский не хочет рая. Он бунтует, он с пеной у рта протестует

против рая, он отбрыкивается от рая-социализма и руками и ногами. <...> Герои Достоевского не только не мечтают об избавлении от ада, но над этой мечтой о счастье, о рае больше всего издеваются, больше всего эту мечту не любят. Ибо какая-то новая, странная и страшная философия родилась у них — в Подполье. <...> И вот почему Достоевский так ненасытно и так прямолинейно враждебен социализму, ибо социализм — религия радости...»⁵⁵.

А. М. Лейтес разработал собственную концепцию «Достоевщины»: это «самая глубокая психология пессимизма», «любопытная философия последнего отчаяния»⁵⁶. «Но все же никогда и нигде мы не встречали такого абсурдного, странного и страшного решения вопроса... В чем смысл жизни? спрашивает Достоевщина. И отвечает: смысл жизни в страдании»⁵⁷, — писал А. М. Лейтес⁵⁸. «Страдание и порок» — это «то главное, что дает право на жизнь всем героям Достоевщины»⁵⁹. По убеждению автора, «Достоевщина» — это порождение буржуазной эпохи, оказавшее огромное влияние на литературу:

«...в последний период буржуазного господства существуют не только противоречия в экономических отношениях <...>; существуют мучительные, раздирающие противоречия и в душе человека, живущего в этот период, что не менее великолепно показали нам образы Достоевщины. <...> И недаром вся последняя декадентская литература, как мы уже только что упоминали, находится под исключительным знаком Достоевщины»⁶⁰.

Вплоть до 1920-х гг. представления о Ф. М. Достоевском как о «злом гении» и враге революции были «хотя и характерным, но частным мнением, иногда партийной, но еще не государственной позицией» [Захаров, 1991: 147]. На торжественном вечере в честь столетия писателя в ноябре 1921 г. нарком просвещения А. В. Луначарский предпочел провозгласить бывшего участника кружка петрашевцев социалистом и революционером⁶¹, нежели объявить его врагом. «Если бы Достоевский воскрес, он, конечно, нашел бы достаточно правдивых и достаточно ярких красок, чтобы дать нам почувствовать всю необходимость совершаемого нами подвига...»⁶², — кощунствовал нарком. Спустя десять лет А. В. Луначарский в корне переосмыслил свою речь, отказался от прежнего понимания Ф. М. Достоевского как пророка и заявил, что попасть под влияние этого писателя «стыдно» и «общественно негигиенично»⁶³. Пока же в советской печати часто предпринимались попытки приспособить «неудобного» автора к нуждам нового государства и интерпретировать его идеи в духе революции.

Н. В. Стариков в статье о Ф. М. Достоевском, опубликованной в газете «Труд», поставил следующий вопрос:

«Казалось бы, что общего между нами, революционерами-строителями будущего, того самого “государства будущего”, против гармонии и устойчивости которого так сильно протестовал именно он, Ф. М. Достоевский, столетие со дня рождения которого мы сегодня празднуем — и им?»⁶⁴.

Он выразил убеждение, что писатель косвенно принимал участие в революции, а его крупнейшие произведения были «прозорливым чувствованием грядущего обвала господствующих классов России, начавшегося в феврале 1917 г.»:

«Достоевский разрушал мировоззрение старой России и потому косвенно участвовал и подготавливал великую экономическую и духовную революцию, каковые соединил в себе Октябрь. Он делал это половинчато <...>, метался, искал, мучился. Многими чертами своими он примыкал к великой работе Революции вообще и октябрьской — по преимуществу, почти всегда не отдавая себе в этом ясного отчета. Мы можем праздновать столетие со дня рождения Ф. М. Достоевского, человека, ошибки которого были “ошибками” действительного, мучительного искания справедливых отношений между людьми и разумности жизни. Он не любил революцию, но многое сделал для нее»⁶⁵.

Искусствовед П. И. Новицкий, сотрудник крымского Наркомпроса, посвятил статью в симферопольском сборнике «Помощь» теме «Достоевский и революция». Он видел в творчестве писателя, которого называл «великим безумцем, галлюцинантом, провидцем, пророком», близкие социализму этические идеалы (преодоление индивидуализма, братство, т. е. коллективизм)⁶⁶. По его словам, «Достоевский — не проповедник смирения, а постоянный возбудитель бунта», «непримиримый враг устроенности и успокоенности»⁶⁷. Новицкий писал:

«Достоевский — ожесточенный враг революции. <...> И все-таки социалистическая революция должна принять Достоевского. Он был ее великим пророком, предтечей и провозвестником. <...> *Стихия Достоевского и стихия русской революции — одно.* <...> Русскую революцию сделали “бедные люди” Достоевского, накопившие озлобление, месть, горечь, жестокость и отчаяние <...>. Кто этого не видит, тот ничего не понимает в русской революции»⁶⁸.

Интересная концепция содержится в статье с тем же названием критика-марксиста В. Ф. Переверзева:

«В дни революции Достоевского следует вспомнить не только ради столетнего юбилея, но и ради самой революции, ради революционного самопознания»⁶⁹.

По мнению автора, «все сбылось по Достоевскому»: он больше других знал о революции, понимал ее механику, и у него «многому можно научиться»⁷⁰. В тот момент статья, вышедшая в журнале «Печать и революция», была встречена положительно⁷¹, но в результате дискуссии 1929 — 1930 гг. В. Ф. Переверзев был обвинен в меньшевизме, его литературоведческая школа была разгромлена.

В статье Э. Ф. Голлербаха, которая была опубликована в газете «Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов» к сорокалетию смерти Ф. М. Достоевского, высказанные в «Пушкинской речи» мысли о всемирности и всечеловечности связывались с идеями социализма; заметен намек на мировую пролетарскую революцию:

«Тысячу раз прав был Достоевский, определяя главное свойство русской интеллигенции, как всечеловечность. <...> Социализм всегда пленял ее именно идеей всечеловечности, своим упорным отвращением к национализму. <...> Революционная современность убеждает нас, что тысячу раз прав был Достоевский, утверждая, что “назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное”. Стать настоящим русским, стать вполне русским значит стать братом всех людей, всечеловеком. Пророк русской революции, Достоевский понимал, что славянофильство и западничество есть великое недоразумение, хотя исторически и необходимое, — недоразумение потому, что “...наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей”. Эта мечта, этот завет, это пророчество Достоевского обязана воплотить в жизнь современная Россия. И к этому она стремится»⁷².

В статье А. Зарина «Два юбилея», посвященной Ф. М. Достоевскому и Н. А. Некрасову и опубликованной в журнале «Красный командир», автору «Бесов» приписывалось пророчество о том, что русский народ принесет в мир социализм, который якобы «очистит и объединит все народы»⁷³. Так Зарин толковал слова Шатова о народе-богоносце, совершенно искажая смысл, вложенный в них Ф. М. Достоевским:

«Достоевский звал русский народ “богоносцем” и постоянно твердил, что наш народ принесет в мир бога и очистит людей от всей пошлости и грязи, в которой они погрязли. И мы сейчас видим, что предсказания великого писателя оправдываются»⁷⁴.

Начальник пропагандистского отдела политуправления Петроградского военного округа, критик Г. Е. Горбачев в своем докладе высказал мнение, что «революционным трудовым массам» нужно учиться читать Ф. М. Достоевского «по-своему»: изучение его творчества дает «доказательство от противного» правоты революционной идеологии, «разоблачая враждебные ей учения» и «освещая их социальные корни»⁷⁵.

Он был убежден:

«...приступив с такой точки зрения к Достоевскому, мы найдем у него: воодушевленный протест против сословно-крепостнического строя и против буржуазного “правопорядка”; глубокую любовь и доверие к силе и правде народных масс; горячую веру в тот же идеал всечеловеческого братства, что одушевляет и нас, и тот высокий пафос трагического героизма, который так нам нужен сейчас»⁷⁶.

Писатель «сходится с нами в критике утопизма, революционного авантюризма, индивидуализма, в тоске по строю братства и любви и представляет собою и своими героями величавую трагедию великого духа, задыхающегося <...> под гнетом безобразного строя неравенства»⁷⁷, — считал Г. Е. Горбачев.

Газета художественного отдела Петрогубполитпросвета «Жизнь искусства» назвала Ф. М. Достоевского «лучшим учителем для зрителя-пролетария»:

«Ряд величайших образов, памятников былой социальной несправедливости, засилия имущих, вакханалии капитала — глядят на нас со страниц его произведений»⁷⁸.

В газете Петроградского губкома РКП «Петроградская правда» высказывалась мысль о необходимости издания книги о Ф. М. Достоевском для народа, которая содержала бы ясную концепцию его творчества:

«Хотелось бы простой, но понятной народу книги, где разъяснялось бы, как этот гениальный каторжник, сам страдавший всю жизнь за народ, дошел до таких произведений, как “Бесы”. <...> Издать же такую книгу нужно еще и потому, что сочинения Достоевского читаются в наших коммунистических школах, как читаются и те сочинения, где Достоевский выдается за пророка русской... метафизической революции»⁷⁹.

В том же издании вышла статья «Печальник чердака и подвала», подписанная инициалами Л. Н., за которыми, по мнению С. В. Белова, скрывается историк литературы Н. О. Лернер [Белов: 147]). Автор публикации поднял непростой вопрос: «Чей же Достоевский? “Их” или “наш”?». В отличие от многих современников, он не считал нужным винить Ф. М. Достоевского за его воззрения, полагая, что некоторые его идеи могли бы превратиться в «грозный вызов», если бы писатель прожил несколько дольше. Автор подчеркивал социальную значимость творчества Ф. М. Достоевского и выражал сожаление о том, что простые люди мало знают его:

«“Простец” мало знает Достоевского, что греха таить. Он кажется уже с первого взгляда страшно скучен, темен, многословен. <...> Ошибка, большая, тяжелая ошибка. Достоевского нужно читать, нужно знать именно людям, знающим на своем опыте, что такое безысходная, тягучая беднота <...>».

Нельзя никоим образом забывать того приветствия, которым бессмертный критик Белинский встретил первое произведение Достоевского <...>. Теперь, когда в России униженные перестали быть таковыми, оскорбленные смели с лица земли своих оскорбителей, — “бедные люди” российской действительности должны с особым уважением почтить своего давно ушедшего в могилу защитника»⁸⁰.

Советская пресса достаточно часто говорила о Ф. М. Достоевском как о заступнике «униженных и оскорбленных», при этом, как правило, делалась оговорка о размежевании во взглядах.

Об этом шла речь в редакционной статье, опубликованной в «Московском печатнике» — приложении к журналу «Всероссийский печатник»:

«Мы отказываемся принять мировоззрение Достоевского — преодолеем его и укрепимся в вере своей в великие нравственные основы мирового движения рабочих масс. И вместе с тем, читая его, мы закрепим в себе чувство любви ко всем страждущим и угнетенным. И этим сотворим в сердце своем достойный памятник великому певцу страданий человеческих»⁸¹.

Газета Политуправления Московского военного округа «Красный воин» посвятила юбилею писателя сразу несколько публикаций. Н. Солодовников отмечал любовь Достоевского к человеку, глубокое понимание души, идею очищения через страдание. Он подчеркивал, что на отношение к писателю не должны влиять его убеждения:

«...его нельзя вычеркнуть из списка тех, кому революционная Россия должна поставить памятник. Достоевским всегда руководило одно только чувство — любовь к человечеству, любовь ко всем униженным и оскорбленным, ко всем измученным и страдающим, ищущим вечной правды. <...> И вот это-то искание правды <...> делает его писателем, нам близким, родным и незабываемым»⁸².

Писателя «по праву называют пророком русской революции», — считал Д. Пленов. Он отмечал: «Всякому сознательному человеку, в том числе красному воину, имя Достоевского должно быть известно»⁸³. Как и Н. Солодовников, он высказал мысль об увековечении его памяти:

«Надлежащую оценку может дать лишь наше время, современный революционный читатель, который по-своему прочтет Достоевского и поймет, чем болела его душа. Достоевский еще ждет своего памятника от “униженных и оскорбленных”, так как присвоение Мариинской больницы его имени — слабая отметка заслуг гениального сердцеведа»⁸⁴.

На той же странице было опубликовано посвященное Ф. М. Достоевскому стихотворение некоего Лаптева. Тот факт, что писатель был осужден

царским правительством за участие в кружке петрашевцев и сослан на каторгу, делал его близким сознанию революционеров и использовался для того, чтобы заявить, что он на их стороне. Стихотворение представляет собой характерный образец социалистической оды. Приводим его целиком.

Тебе нашему
(к 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского)

Ты не знал, да и знать откуда
В дни кнута, эшафота, плетей,
Что свершится однажды чудо
На просторах России твоей.

Что однажды над Русью сонной
Прогудит семнадцатый год,
Что “униженный и оскобленный”
“Мертвый дом” твой навек сметет...

Если-б жил ты, — ты был-бы с нами...
Не пылало-ль в душе твоей пламя,
Не пылало-ль в душе твоей пламя,
Как погнали тебя в Сибирь?!

Или раньше — тогда — вначале
Не сжимались твои кулаки,
Как на близких твоих надевали
Ожерелья из царской пеньки?!

Да, ты наш, — брат рабочего люда,
Свет, зажженный тобой, не погас,
Ты не знал, что свершится чудо,
Но я знаю, ты верил в нас⁸⁵.

Религиозно-философские трактовки

В 1921 году в публикациях о Ф. М. Достоевском в периодике уже преобладали социалистические мотивы, однако в это время еще сохранялась возможность высказывать иные взгляды. Центром независимой печати (самоназвание — неп) стал потерявший статус столицы Петроград, где концентрировалась инакомыслящая интеллигенция [Жирков]. В 1922 году виднейшие из ее представителей были высланы из страны, но пока они еще выступали с речами и публиковали свои работы. В это время возник ряд новых религиозно-философских интерпретаций творчества Ф. М. Достоевского. Несколько текстов появились на страницах петроградского журнала кооператоров «Артельное дело», издававшегося «Артельтрудсоюзом», благодаря новому редактору — В. С. Миролюбову. Сын священника, бывший

оперный певец, увлекавшийся религиозной философией и имевший большой опыт редакторской деятельности, привлек к сотрудничеству в журнале известных ученых-гуманитариев [Шилов]. К юбилею Ф. М. Достоевского в «Артельном деле» вышли публикации трех профессоров Петроградского университета. Социолог П. А. Сорокин, через год навсегда покинувший страну, в статье «Заветы Достоевского» писал об указанном писателем «пути религиозно-нравственной деятельной любви» и о том, что без внутреннего совершенствования человека не поможет изменение общественного строя⁸⁶. Один из основателей Санкт-Петербургского религиозно-философского общества С. А. Аскольдов высказал мнение, что произведения писателя утверждают моральные нормы, давая пережить опыт нарушения нравственного закона, а также указал на евангельские мотивы в его творчестве — притчу о блудном сыне и эпизод прощения Христом грешницы⁸⁷.

Философ и историк-медиевист Л. П. Карсавин в небольшом очерке о Ф. М. Достоевском⁸⁸ выдвинул ряд идей, которые позже будут развиты в его собственной философии [Резниченко]; этот текст отчасти перекликается с его статьей «Федор Павлович Карамазов как идеолог любви», где он напомнил о призыве старца Зосимы любить человека и во грехе его⁸⁹. Эта работа была опубликована в первом выпуске журнала «Начала», издававшимся в Петрограде двумя членами Российской академии наук — востоковедом С. Ф. Ольденбургом и историком С. Ф. Платоновым, а также философом Э. Л. Радловым и А. С. Николаевым.

Ф. М. Достоевскому, помимо статьи Л. П. Карсавина, был посвящен художественный текст историка литературы, первого директора Пушкинского Дома Н. А. Котляревского «Тихая ночь», где автор стремился воссоздать размышления писателя о Боге, о любви к ближнему, о России, о русском народе⁹⁰.

В разделе «Хроника. Из интеллектуальной жизни Запада» был затронут вопрос о «культе Достоевского» в среде немецкой интеллигенции того времени. Исследователь западноевропейского музыкального искусства Е. М. Браудо высказал мысль о том, что немцам недостает «мистической глубины» русского писателя:

«...своего апогея это увлечение русским искусством достигло в том подлинном культе Достоевского, который охватил сейчас немецкие круги различных направлений и различной политической ориентации. Достоевский сейчас самый влиятельный писатель в немецкой литературе. Одни ищут в его произведениях разгадки и предреказаний той грандиозной социальной революции, которая произошла сейчас в России, другие, более глубоко понимающие русскую жизнь, видят в нем поэта всечеловечества, рядом с которым Ибсен производит впечатление узкого доктринера, а Золя — устарелого романиста. Как народному организму, немцам совершенно недостает той мистической глубины, того религиозного сознания, вольное воплощение которого дал Достоевский»⁹¹.

Первый выпуск журнала «Начала» получил негативную оценку в «Петроградской правде»: историк революционного движения М. К. Лемке в рецензии с говорящим названием «Концы, а не начала» критиковал издание за религиозную направленность и сетовал на «повальное интеллигентское поправление»⁹². Сотрудник «Красной нови» С. П. Бобров в целом отозвался о журнале положительно, но дал невысокую оценку некоторым материалам: «лирика» Н. А. Котляревского, по его мнению, «недорогого стоит», а статья Л. П. Карсавина «ставит себе любопытную психологическую задачу, но разрешает (или пробует разрешать) ее в весьма приподнятом, манерном и аффектированном стиле»⁹³. Уже в 1922 г. журнал прекратил свое существование.

Поэтика Ф. М. Достоевского

В свете идеологических споров порой уходила на второй план художественная сторона творчества писателей. Этой проблеме посвящена статья Вс. Архангельского «Политик и поэт» в саратовском журнале «Саррабис», органе местного отдела Всероссийского Союза работников искусств. Автор призывал не осуждать за «политические грехи» рожденных в один год «последних трубадуров дворянской культуры» — Ф. М. Достоевского, А. Н. Майкова и Н. А. Некрасова, указывая на их принадлежность к переходной эпохе: их «господствующий импульс — художественный», и «мы чтим их именно за поэтические предвидения»⁹⁴.

Автор цитировавшейся выше статьи о Ф. М. Достоевском в журнале «Летопись Дома Литераторов» удивлялся необыкновенному своеобразию художественного мира писателя, его самобытности:

«...внутренним видением как бы исчерпывается мир Достоевского. С новым недоумением останавливаемся мы неизменно пред всяким его образом, и, даже проделав путь историко-литературного исследования, всякий раз спрашиваем себя: откуда он это взял, откуда это к нему, откуда это к нам? И не можем, не решаемся сказать себе, откуда Достоевский взял Неточку Незванову, Парфена Рогожина, Ивана Карамазова, откуда Россия в половине прошлого века взяла Достоевского — эту неразгаданнейшую из тайн русского существа, это необычайнейшее из чудес русского творчества»⁹⁵.

Критик, переводчик Н. П. Вишняков, составивший обзор русской критической мысли о Ф. М. Достоевском для газеты «Жизнь искусства», назвал писателя «великим ночным светилом»:

«Пушкина издавна называют солнцем русской поэзии. Достоевского один из позднейших критиков (Ю. Айхенвальд) сравнивает с “ночью русской литературы”, ночью, “полною тягостных призраков и сумбурных видений”. Может быть, лучше уподобить нашего великого, ныне вспоминаемого писателя грандиозной, величественной комете, озаряющей мрачным блеском эту ночь, поражающей воображение и глубоко волнующей мысль и чувство.

И если при солнечном сиянии легко разобратся, обрести душевную гармонию, найти мир и успокоение, то совсем не то при страшном свете ночного необычного, грядущего гибелью, “беззаконного светила”⁹⁶.

И. Игнатов, автор статьи о Ф. М. Достоевском в Энциклопедическом словаре Русского библиографического института «Гранат», переизданном в 1922 г., противоположность мнений о писателе объяснял тем, что тот «за-трагивает разных читателей разными чертами своего изображения, в каждом терзая наиболее болезненную сторону души»; в этом же состоит и «причина жизненности его творчества»⁹⁷. О художественном стиле Ф. М. Достоевского он отзывался так:

«Нервный, часто неправильный, оригинальный язык Достоевского» придает изложению особенную страстность, а нагромождение событий, казавшееся некоторым критикам грехом против художественности, гармонирует с тем хаотическим состоянием, в котором находится душа большинства действующих лиц»⁹⁸.

Еженедельник «Культура и жизнь» дал оценку графическим иллюстрациям к произведениям Ф. М. Достоевского, созданным немецкими экспрессионистами:

«Судя по воспроизведениям из этого альбома, помещенным в одном журнале, Достоевский воспринимается очень отвлеченно, в соответствии с отвлеченным складом немецкой мысли вообще и отвлеченностью нового художественного течения — в частности. Самое замечательное в Достоевском — предельная абстрактность его мысли и совершенная конкретность его образов, кровно связанных с народом и даже определенным бытом — остается, по-видимому, совершенно недоступным»⁹⁹.

Э. Ф. Голлербах в газете «Жизнь искусства» размышлял о живописных изображениях самого Ф. М. Достоевского:

«Писатель всегда как-то *похож* на свое творчество: именно *это* и должен уловить портрет. К сожалению, у нас нет ни одного портрета Достоевского, который был бы достоин его. Нет портрета, который передавал бы всю жуткую глубину этой мятежной, напряженной, исключительно-сложной души»¹⁰⁰.

Искусствовед признавал, что труд В. Г. Перова «не превзойден», но допускал возможность создания «портрета-символа»¹⁰¹, отражавшего сущность души Ф. М. Достоевского, который (по словам из другой его статьи) «сочетал в себе Рафаэлевские черты с Леонардовской раздвоенностью, с мятежностью Микель-Анджело»¹⁰².

Музыкальный критик, композитор В. Г. Каратыгин в статье о Ф. М. Достоевском и музыке пришел к выводу, что они «почти исключают друг друга» из-за его специфических отношений со временем:

«Встречали вы писателя, у которого давлением множества тесно сгруппированных событий, массой близко примыкающих друг к другу чувств, страстей, аффективных и волевых разрядов, время достигало бы большей зажатости, большей стремительности полета, большей “плотности”, нежели у Достоевского? <...> Музыка требует, вернее — требовала до последних дней — определенного, устойчивого метра, хотя бы и быстрого, но четко членораздельного. А у Достоевского судорога времени, вплоть до стяжения в точку, в ничто. Какой же тут возможен союз?»¹⁰³

Впрочем, сомнения у некоторых авторов вызывала не только возможность написания музыки к произведениям Ф. М. Достоевского (хотя к тому времени уже возникли первые оперы по его сюжетам [Гозенпуд: 149–151]), но и правомерность начавшегося еще ранее перенесения его героев на театральные подмостки. «Если не считать инсценировок его романов, писателя-романиста насильственно притянули к театру, используя, без ведома и санкции автора, его произведения. <...> Великий романист оказывается на сцене только посредственным драматургом и наоборот», — считал Н. Носков¹⁰⁴. Редакция газеты «Жизнь искусства» не разделяла его взгляды¹⁰⁵.

Сходные суждения звучали в Однодневной газете Русского библиологического общества. Актриса И. А. Аполлонская-Стравинская посвятила этой теме статью с красноречивым названием «Нечто об эстетических страданиях»:

«После такой операции не остается почти ничего от писателя, точно систематически вытравили его душу, перекраивая его детище. <...> Нужен гений, равный Достоевскому, чтобы из его романа создать равносильную театральную пьесу»¹⁰⁶.

Актриса предлагала своеобразное решение проблемы:

«Надо давать только “сценические иллюстрации” к известным главам и страницам романов»¹⁰⁷.

А. С. Поляков в той же газете выразил убеждение, что инсценировки произведений Ф. М. Достоевского не могут передать всего, что в них заложено автором, однако признал, что эти попытки представляют огромный интерес как для зрителей, так и для самих артистов:

«Ведь никто из русских писателей, кроме Достоевского, не задает такой трудной задачи актеру, не требует разрешения глубокой психологической загадки, целиком покоящейся на интуиции. Психология Достоевского прежде

всего психология русского человека, полного скверны и святости, непомерной гордости и самоуничужения, философа и скомороха, одним словом, смертного с «эвклидовским умом» и необъятным сердцем, не знающего границ и скользящего над бездной»¹⁰⁸.

Столетие Ф. М. Достоевского и сорокалетие его кончины, безусловно, способствовали росту интереса к писателю в советской России и вызвали волну публикаций о нем не только в литературно-художественных, но и в общественно-политических изданиях. Журналисты, критики, общественные деятели стремились определить значение всемирно известного писателя для современной им России.

Во многих советских изданиях предпринимались попытки переосмыслить идеи Ф. М. Достоевского. Апологетам нового строя весьма импонировал образ защитника «униженных и оскорбленных», с любовью и состраданием писавшего о «бедных людях» и с восторгом встреченного В. Г. Белинским, однако отношение к писателю было противоречивым. Авторы статей старались дать социалистическую интерпретацию его творчества и заявить о несогласии с его политическими и религиозными взглядами. Нередко они стремились подкрепить свои идеи авторитетом Ф. М. Достоевского — даже если его мысли ради этого приходилось исказить — и поставить талант великого писателя на службу новому государству.

Первый год нэпа дал ощущение свободы. В журналах, возникших в этот период в Петрограде, вышли немногочисленные работы о Ф. М. Достоевском, затрагивающие религиозно-философскую проблематику. Уже в начале 1922 г. началась кампания по изъятию церковных ценностей, а осенью виднейшие представители интеллигенции были высланы из страны. Отечественная журналистика начала 1920-х гг., в которой соседствовали социалистические и христианские трактовки наследия Ф. М. Достоевского, отражала двойственность своей эпохи.

Примечания

- ¹ Литературная хроника // Вестник литературы. 1921. № 3. С. 9; Я. Л. Новое о Достоевском // Вестник литературы. 1921. № 6/7. С. 9–10.
- ² Неопубликованные рукописи Достоевского // Печать и революция. 1921. № 3. С. 309; Рукописи Достоевского // Печать и революция. 1922. № 1. С. 332.
- ³ К 100-летию рождения Ф. М. Достоевского // Вестник литературы. 1921. № 10. С. 18; Памяти Ф. М. Достоевского // Экран. 1921. № 6. С. 3; Чествование памяти Достоевского // Вестник театра и искусства. 1921. № 3. С. 2.
- ⁴ Ветринский Ч. [Чешихин В. Е.] Дни Достоевского (Письмо из Москвы) // Вестник литературы. 1921. № 12. С. 9.
- ⁵ Там же; Юбилей Достоевского // Печать и революция. 1921. № 3. С. 299.
- ⁶ Там же; Кадомская А. Д., Тихонович Е. Г. Хроника // «Достоевский». Однодневная газета Русского библиологического общества. Пг., 1921., 30 октября (12 ноября). С. 32–33.
- ⁷ Там же. С. 32–34.

- 8 Ознаменованье 100-летних юбилеев Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова в Омске // Искусство (Омск). 1922. № 2. С. 120.
- 9 Неразгаданный // Красное знамя. 1921. 17 ноября; Отчет о деятельности философского общества при Донском университете за 1921 учебный год // Известия Донского государственного университета, 1921. Кн. 1. С. 154.
- 10 Власов-Окский Н. С. Ф. М. Достоевский (1821–1921) // Известия Тверского Губсоюза. 1921. 18 ноября. № 31. С. 6.
- 11 Кадомская А. Д. и Тихонович Е. Г. Хроника... С. 34.
- 12 Пушкин. Достоевский [сб. ст.]. Пб.: Дом литераторов, 1921. 149 с.
- 13 Достоевский и Пушкин / под ред. и с предисл. А. Л. Волынского [Флексера А. Л.]. СПб.: Парфенон, 1921. 56 с.
- 14 Л. Г. [Гроссман Л. П.] Достоевский и Пушкин // Экран. 1922. № 32. С. 13.
- 15 Никольский Ю. А. Тургенев и Достоевский. История одной вражды. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921.
- 16 Преосв. Антоний, митр. Киевский и Галицкий. Словарь к творениям Достоевского. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921.
- 17 Литература за рубежом // Вестник литературы. 1921. № 10. С. 19–20.
- 18 Lavrin Janko. Dostoevsky and His Creation: a psycho-critical study. London, 1920.
- 19 Литературная хроника // Вестник литературы. 1921. № 9. С. 20.
- 20 Dr. Dragutin Prohaska. Fjodor Mihajlovič Dostojevski. Studija o sveslavenskom čovjeku. Zagreb. 1921.
- 21 Литературная хроника // Вестник литературы. 1921. № 9. С. 20.
- 22 Zweig S. Drei Meister: Balzac — Dickens — Dostojewski. Insel, Leipzig 1920.
- 23 Ветринский Ч. [Чешихин В. Е.] Указ. соч. С. 9.
- 24 Лутохин Д. А. Изучение Достоевского // Вестник литературы. 1922. № 1. С. 14.
- 25 Горький М. О «карамазовщине» // Русское слово. 1913. 22 сентября.
- 26 Литературная хроника // Вестник литературы. 1921. № 1. С. 16.
- 27 Редько А. Судьбы русской литературы // Вестник литературы. 1921. № 12. С. 10.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Там же. С. 11.
- 31 Бобров С. П. Рец. на изд.: «Начала», журнал истории литературы и истории общественной. Петербург, 1921. № 1 // Красная новь. 1922. № 1. С. 318.
- 32 Кауфман А. Е. Апофеоз Достоевского (Ответ «недоумевающему читателю») // Вестник литературы. 1921. № 3. С. 3.
- 33 Достоевский. 30 октября 1821 — 11 ноября 1921 [ред. ст.] // Летопись Дома литераторов. 1921. 15 ноября. № 2. С. 1.
- 34 Там же.
- 35 Кранихфельд В. П. Преодоление Достоевского // Современный мир. 1911. № 5. С. 322–339.
- 36 «Многое в Достоевском должно быть преодолено, как русский соблазн». См.: Бердяев Н. Россия и Западная Европа // Русская мысль. 1917. № 5–6. С. 80.
- 37 Айхенвальд Ю. Памяти Достоевского // Новая жизнь. М., 1922. Кн. 1. С. 13.
- 38 Там же. С. 12.
- 39 Айхенвальд Ю. И. Особое мнение: к 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского // Вестник литературы. 1921. № 10. С. 2.
- 40 Там же. С. 1.

- 41 См.: Айхенвальд Ю. И. Достоевский // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей: в 2 т. М.: Юрайт, 2021. Т. 1. С. 333–349.
- 42 Кауфман А. Е. К особому мнению о Ф. М. Достоевском // Вестник литературы. 1921. № 10. С. 1.
- 43 Новицкий П. Достоевский и революция // Помощь. Симферополь: Изд. Крым. ЦК Помгола, 1922. Кн. 1. С. 29.
- 44 Фатов Н. Н. Как же относиться к Достоевскому? // Вестник литературы. № 12. С. 10.
- 45 Там же.
- 46 Мстиславский С. Д. «Записки из Мертвого дома» (к юбилею Достоевского) // Экран. 1921. № 6. С. 3.
- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 Там же.
- 50 Там же.
- 51 Фриче В. М. Ф. М. Достоевский (1821–1921) // Народное просвещение. 1921. № 91. С. 2–3.
- 52 Бобров С. П. Кони о Некрасове и Достоевском // Красная новь. 1921. № 4. С. 247.
- 53 Рожицын В. Ф. М. Достоевский: к 100-летию со дня рождения: памяти великого врага // Коммунист. Харьков, 1921. 12 нояб.
- 54 Лейтес А. Достоевский в свете революции (1821 — 1881 — 1921) // Зори грядущего. Харьков, 1922. № 1. С. 102–108.
- 55 Там же. С. 103–104.
- 56 Там же. С. 107.
- 57 Там же. С. 104.
- 58 В приведенной цитате сохранена авторская пунктуация.
- 59 Там же. С. 105.
- 60 Там же. С. 108.
- 61 Луначарский А. В. Достоевский как художник и мыслитель. Стенограмма речи, произнесенной на торжестве в честь столетия со дня рождения Ф. М. Достоевского // Красная новь, 1921. № 4. С. 209.
- 62 Там же. С. 211.
- 63 Луначарский А. В. Достоевский как мыслитель и художник // Луначарский А. В. Собр. соч.: в 8 т. М.: Гослитгиздат, 1963. Т. 1. С. 195.
- 64 Н. В. С. [Старииков Н. В.] Федор Михайлович Достоевский (12 ноября (30 октября) 1821 г. — 12 ноября 1921 года) // Труд. 1921. 12 ноября. С. 2.
- 65 Там же.
- 66 Новицкий П. Достоевский и революция... С. 20, 26.
- 67 Там же. С. 21–22, 29.
- 68 Там же. С. 20–21.
- 69 Переверзев В. Ф. Достоевский и революция. (К столетию со дня рождения) // Печать и революция. 1921. № 3. С. 4.
- 70 Там же. С. 9–10.
- 71 В журнальном мире. (Хроника). III. Достоевский и революция // Красная новь. 1922. № 1. С. 289–291.
- 72 Голлербах Э. Ф. М. Достоевский. (К 40-летию со дня смерти) // Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1921. 10 февр. № 29. С. 2.
- 73 Зарин А. Два юбилея // Красный командир. 1921. № 24/25. С. 52.

- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Горбачев Г. Е. Революция и Достоевский (К 100-летию со дня рождения: доклад, прочитанный в открытом заседании Научного общества марксистов в Петрограде) // Записки Петроградского им. Толмачева Инструкторского института. Политическое управление Петроградского военного округа. Петроград, 1922. № 3. С. 6–7.
- ⁷⁶ Там же. С. 7.
- ⁷⁷ Там же. С. 31.
- ⁷⁸ Достоевский и сцена // Жизнь искусства. Петроград, 1921. 15 ноября. № 817. С. 2.
- ⁷⁹ В. Н. Рец. на изд.: «Достоевский. Однодневная газета Русского библиологического общества. 30 октября 1821 г. — 30 октября 1921 г.» // Петроградская правда. 1921. 15 ноября.
- ⁸⁰ Л. Н. [Лернер Н. О.] Печальник чердака и подвала // Петроградская правда. 1921. 20 ноября. С. 2.
- ⁸¹ Ф. М. Достоевский (1821–1921) [ред. ст.] // Московский печатник. 1921. № 12. С. 2.
- ⁸² Солодовников Н. Творчество Достоевского // Красный воин. 1921. 12 ноября. С. 3.
- ⁸³ Пленов Д. Ф. М. Достоевский. (К столетию со дня рождения) // Там же. С. 2.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Лаптев. Тебе нашему... (К 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского) // Там же. С. 2.
- ⁸⁶ Сорокин П. А. Заветы Достоевского // Артельное дело. 1921. № 17/20. С. 4–7.
- ⁸⁷ Аскольдов С. А. [Алексеев С. А.] Достоевский как учитель жизни // Там же. С. 7–15.
- ⁸⁸ Карсавин Л. П. Федор Михайлович Достоевский (30 окт. 1821 — 28 янв. 1881) // Там же. С. 2–4.
- ⁸⁹ Карсавин Л. П. Федор Павлович Карамазов как идеолог любви // Начала. 1921. № 1. С. 49.
- ⁹⁰ Котляревский Н. А. Тихая ночь. (Памяти Ф. М. Достоевского) // Там же. С. 15–33.
- ⁹¹ Браудо Е. Германия. Немецкая интеллигенция в 1920 — 1921 гг. Хроника. Из интеллектуальной жизни Запада // Там же. С. 228.
- ⁹² Лемке М. Концы, а не начала // Петроградская правда. 1922. 28 марта.
- ⁹³ Бобров С. П. Рец. на изд.: «Начала»... С. 318.
- ⁹⁴ Архангельский В. Политик и поэт // Саррабис. Саратов, 1921. № 4. С. 14.
- ⁹⁵ Достоевский. 30 октября 1821 — 11 ноября 1921 [ред. ст.] // Летопись... С. 1.
- ⁹⁶ Вишняков Н. Достоевский в русской критике // Жизнь искусства... С. 2.
- ⁹⁷ Игнатов И. Достоевский Федор Михайлович // Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат». 11-е изд., стереотип. М., 1922. Т. XIX. С. 20–21.
- ⁹⁸ Там же. С. 36.
- ⁹⁹ Б. Россия в художественной жизни Германии // Культура и жизнь. 1922. № 1. С. 64.
- ¹⁰⁰ Голлербах Э. Портреты Достоевского // Жизнь искусства... С. 3.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Голлербах Э. Ф. М. Достоевский... С. 2.
- ¹⁰³ Каратыгин В. Достоевский и музыка // Жизнь искусства... С. 4.
- ¹⁰⁴ Носков Н. Достоевский и театр // Там же. С. 2.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Аполлонская-Стравинская И. Нечто об эстетических страданиях // «Достоевский». Однодневная газета... С. 24–25
- ¹⁰⁷ Там же. С. 25.
- ¹⁰⁸ Поляков А. Достоевский и театр // Там же. С. 22.

Список литературы

1. Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб.: Российская национальная библиотека, 2011. 755 с.
2. Гозенпуд А. А. Достоевский и музыка. Л.: Музыка, 1971. 173 с.
3. [Гроссман Л. П.] Творчество Достоевского. 1821–1881–1921: сб. ст. и материалов / под ред. [и с предисл.] Л. П. Гроссмана. Одесса: Всеукр. гос. изд-во, 1921. XII, 150, [2] с.
4. [Долинин А. С.] Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. [Сб. 1] / под ред. А. С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. 517 с.
5. Жирков Г. В. Петербургская школа подготовки журналистов: три модели выпускника // 60 лет университетскому журналистскому образованию в России. 1946–2006. Ленинград-Санкт-Петербург, факультет журналистики СПбГУ. СПб.: Моби Дик, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://jf.spbu.ru/museum/296/297.html> (10.07.2021).
6. Захаров В. Н. Синдром Достоевского // Север. 1991. № 11. С. 145–151.
7. Захаров В. Н. Актуальность Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (10.07.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321
8. Резниченко А. И. Карсавин // Православная Энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла Т. 31. С. 341–357 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1681165.html> (10.07.2021).
9. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). Пг.: Опояз, 1921. 48 с.
10. Шахнович М. М. [М. Ш.]. Рожицын Валентин Сергеевич // Изучение религии в России в XVIII — первой половине XX в. Санкт-Петербургский государственный университет. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://relstud-hist.spbu.ru/articles/rozicyn-valentin-sergeevic> (10.07.2021).
11. Шилов Л. А. Миролюбов Виктор Сергеевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь: в 4 т. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=115 (10.07.2021).

References

1. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy. Ukazatel' proizvedeniy F. M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom yazyke, 1844–2004 gg.* [F. M. Dostoevsky. *Index of F. M. Dostoevsky's Works and Writings on Him in the Russian Language, 1844–2004s*]. St. Petersburg, The National Library of Russia Publ., 2011. 755 p. (In Russ.)
2. Gozenpud A. A. *Dostoevskiy i muzyka* [Dostoevsky and Music]. Leningrad, Muzyka Publ., 1971. 173 p. (In Russ.)
3. Grossman L. P. *Tvorchestvo Dostoevskogo. 1821–1881–1921: sbornik statey i materialov* [Dostoevsky's Works. 1821–1881–1921: Collection of Articles and Materials]. Odessa, Vseukrainskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1921. 150 p. (In Russ.)
4. Dolinin A. S. F. M. *Dostoevskiy. Stat'i i materialy* [F. M. Dostoevsky. *Articles and Materials*]. Peterburg, 1922, collection 1. 517 p. (In Russ.)
5. Zhirkov G. V. St. Petersburg School of Journalism: Three Models of Graduates. In: *60 let universitetskomu zhurnalistskomu obrazovaniyu v Rossii. 1946–2006. Leningrad — Sankt-Peterburg, fakul'tet zhurnalistiki SPbGU* [60th Anniversary of University Education in Journalism in Russia. 1946–2006. Leningrad — St. Petersburg, Faculty of Journalism, St. Petersburg State University]. St. Petersburg, Moby Dik Publ., 2006. Available at: <http://jf.spbu.ru/museum/296/297.html> (accessed on July 10, 2021). (In Russ.)

6. Zakharov V. N. The Relevance of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 1, pp. 5–20. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (accessed on July 10, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321 (In Russ.)
7. Zakharov V. N. The Dostoevsky Syndrome. In: *Sever*, 1991, no. 11, pp. 145–151. (In Russ.)
8. Reznichenko A. I. Karsavin. In: *Pravoslavnyaya Entsiklopediya pod redaktsiey Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla* [Orthodox Encyclopedia Edited by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia]. Vol. 31, pp. 341–357. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/1681165.html> (accessed on July 10, 2021) (In Russ.)
9. Tynyanov Yu. N. *Dostoevskiy i Gogol' (k teorii parodii)* [Dostoevsky and Gogol (to the Theory of Parody)]. Petrograd, OPOYAZ Publ., 1921. 48 p. (In Russ.)
10. Shakhnovich M. M. Rozhitsyn Valentin Sergeevich. In: *Izucheniye religii v Rossii v XVIII — pervoy polovine XX v. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 2021* [Study of Religion in Russia in the 18th — the First Half of the 20th Century. St. Petersburg State University]. Available at: <https://relstud-hist.spbu.ru/articles/rozicyn-valentin-sergeevic> (accessed on July 10, 2021) (In Russ.)
11. Shilov L. A. Mirolyubov Viktor Sergeevich. In: *Sotrudniki Rossiyskoy natsional'noy biblioteki — deyateli nauki i kul'tury: Biograficheskiy slovar': v 4 tomakh* [Employees of the National Library of Russia — Scientists and Cultural Figures: Biographical Dictionary: in 4 Vols]. Available at: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=115 (accessed on July 10, 2021). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Куликова Дарья Евгеньевна, аспирантка **Daria E. Kulikova**, PhD Student of the Faculty факультета журналистики, Московский of Journalism, Lomonosov Moscow State государственный университет им. М. В. Ло- University (ul. Mokhovaya 9с1, Moscow, 119019, моносова (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Рос- Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-742X>; e-mail: egle13solnze@mail.ru); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-742X>; e-mail: egle13solnze@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.08.2021

Принята к публикации / Accepted 01.09.2021

Дата публикации / Date of publication 15.09.2021

Научная статья

УДК 821.161.1+004

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5681

Перспективы цифрового Достоевского

В. Н. Захаров

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Аннотация. В истории было несколько эпох, которые изменили жизнь человечества. Первая эпоха — когда устный текст стал письменным. Вторая — когда немецкий книжник Гутенберг изобрел типографский станок, и рукописный текст стал печатным. Сейчас любой текст может быть цифровым, идет естественный процесс цифровизации всех сфер деятельности человека, в том числе наследия Достоевского. Современные информационные технологии создают новый тип текста, который не только сохраняет достоинства устного, рукописного и печатного текста, но и приобретает дополнительные возможности. Цифровой текст расширяет круг источников, объем информации, стимулирует новые методы изучения творчества писателя. Несмотря на то, что в настоящее время в Интернете преобладают электронные библиотеки, в которых представлены цифровые копии печатных изданий Достоевского, появляются новые типы электронных изданий, новые инструменты анализа не только рукописного и печатного, но уже и цифрового текста. Идея цифрового Достоевского реализуется в проектах Петрозаводского университета (с 1995 г.), Института русской литературы РАН (с 2016 г.), Университета Торонто (с 2019 г.). В цифровом формате ведется лексикографическая работа над словарями языка Достоевского в Институте русского языка РАН. В статье дан обзор и намечены перспективы развития цифрового Достоевского. Важной задачей глобального *Digital Dostoevsky* является создание национальных библиографий и электронных библиотек, публикация новых источников жизни и творчества писателя. Необходимо создать условия для оптимизации и интеграции имеющихся ресурсов. Цифровой формат позволяет активно использовать новые инструменты анализа текста и возможности информационных технологий в исследовательских и образовательных целях.

Ключевые слова: Digital Humanities, Достоевский, цифровой Достоевский, рукопись, почерк, печатный текст, цифровой текст, информационные технологии

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00333, ИРЛИ РАН).

Для цитирования: Захаров В. Н. Перспективы цифрового Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 3. С. 183–192. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5681

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5681

Prospects of Digital Dostoevsky

Vladimir N. Zakharov

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Abstract. There were several epochs in history that have altered the life of mankind. The first epoch was when the oral text was written down. The second was when the German scribe Guttenberg invented the printing press, and the handwritten text became printed. Now text is becoming digital, and there is a natural digitalization of all spheres of human activity, including the legacy of Dostoevsky. Modern information technologies create a new type of text that not only preserves the advantages of oral, handwritten and printed text, but also acquires new capabilities. The digital text expands the range of sources, the volume of information, and stimulates new methods of studying the writer's creative work. Despite the fact that electronic libraries, which currently dominate the Internet, present digital copies of Dostoevsky's printed publications, new types of electronic publications and new tools for analyzing not only handwritten and printed, but also digital text, are emerging. The idea of Digital Dostoevsky is being implemented in Petrozavodsk University projects (since 1995), the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (since 2016), and the University of Toronto (since 2019). Lexicographic work on Dostoevsky's vocabulary is being carried out in digital format at the Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. The article provides an overview and outlines the prospects for the development of Digital Dostoevsky. An important task of the global Digital Dostoevsky is the creation of national bibliographies and electronic libraries and publication of new sources related to the writer's life and work. It is necessary to create the conditions for optimizing and integrating the existing resources. The digital format allows to actively use new text analysis tools and information technology capabilities for research and educational purposes.

Keywords: Digital Humanities, Dostoevsky, digital Dostoevsky, manuscript, handwriting, printed text, digital text, information technology

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 21-18-00333, IRLI RAS.

For citation: Zakharov V. N. Prospects of Digital Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 183–192. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5681 (In Russ.)

Любое литературное произведение существует как текст: устный, рукописный, печатный, теперь и цифровой. Каждый вид текста обладает своими уникальными возможностями в выражении авторского смысла.

Текстология является базовой филологической дисциплиной. С критики текста должно начинаться каждое серьезное исследование. Необходимо отказаться от традиционной недооценки текстологии в современном литературоведении и лингвистике. Возможны разные типы изданий как в оригинальной, так и в современной орфографии и пунктуации, в лингвистической и литературно-критической интерпретации текста. Эти особенности не учитываются в советских и постсоветских изданиях русской классики,

но имеют важное смыслообразующее значение. Несмотря на потребность исследователей в аутентичных изданиях, подготовленных на принципах научной критики текста, таких баз данных и электронных библиотек недостаточно.

В истории человечества было несколько эпох, подобных той, которую мы переживаем сегодня. Первая эпоха — когда устный текст стал письменным. Вторая началась, когда в середине XV в. немецкий книжник Иоганн Гутенберг изобрел типографский станок, позволявший печатать книги съёмными литерами.

Рукописный текст семантически богаче печатного. Для его эдиционного воспроизведения недостаточно известных пунктуационных знаков и инструментария верстки.

Печатный текст стандартен и типичен. Оригинальные шрифты не воспроизводят индивидуальные особенности почерка и каллиграфию писца, не передают другие особенности рукописного текста.

Цифровой формат в состоянии не только максимально сохранить семантику рукописного текста, но и реализовать по принципу дополнительности преимущества факсимильного и печатного воспроизведения рукописи. Цифровые технологии создают новый тип текста, который интегрирует устный, рукописный и печатный текст, позволяют воспроизводить рукописный и печатный текст в исторических и индивидуальных трансформациях, учитывать оригинальную орфографию и пунктуацию в лингвистической и литературно-критической интерпретации текста.

Цифровой текст возникает в результате многоуровневой разметки, которая предполагает его визуализацию, его насыщение новыми смыслами и значениями, расширение внетекстовой информации. Объем его вербальной и невербальной информации безграничен.

Цифровой текст имеет значительный объем дополненной информации, который еще мало востребован современными исследователями. Несмотря на распространенность и доступность цифровых технологий, их применение пока не оправдывает ожидания исследователей: обещанные успехи пока не подтверждаются достижениями; много возможностей, но мало открытий; не все актуально в результатах, полученных с помощью новых информационных технологий, и тем не менее Digital Humanities — одно из перспективных и активно развивающихся направлений современных гуманитарных исследований.

В январе 1846 г. в «Петербургском сборнике» вышел роман Достоевского «Бедные люди». За прошедшие с тех пор 175 лет литературной истории оригинальный текст Достоевского претерпел существенные изменения в графике, орфографии и пунктуации, его объем умножился в интерпретациях и переводах на разные языки мира, в том числе и на современный русский язык, использованием образов и произведений писателя в театре, кино, других видах искусства.

Эту полноту присутствия Достоевского в современном мире не может вместить ни один архив, ни одна библиотека, кроме цифровой.

Сегодня есть немало ресурсов, посвященных биографии и творчеству Достоевского. Преимущественно это сайты, в которых в незначительном объеме и случайной подборке даны электронные версии печатных изданий, среди которых встречаются прижизненные книжные издания, полные собрания сочинений, научные издания произведений Достоевского и литературы о нем. Электронные версии печатных книг и статей в сборниках и журналах имеются в цифровых коллекциях Национальной электронной библиотеки (НЭБ), Российской государственной библиотеки (РГБ), Российской национальной библиотеки (РНБ), особенно значительны ресурсы Национальной электронной библиотеки (URL: <https://elibrary.ru/>).

Над проектами цифрового Достоевского сегодня работают разные коллективы. Их основная задача — представить жизнь и творчество Достоевского как цифровой текст, пригодный для анализа цифровыми методами.

В Интернете уже представлены разные сегменты «Цифрового Достоевского»: электронные научные издания (ЭНИ), библиотеки, энциклопедии, электронные словари.

Некоторые разделы, начатые и в той или иной мере завершённые, можно увидеть в разделе «Достоевский» на сайте ПетрГУ (URL: <http://philolog.petrstu.ru/>): это полное собрание сочинений Достоевского в прижизненных публикациях; «Евангелие Достоевского»; «Конкордансы Ф. М. Достоевского»; «Журналы М. М. и Ф. М. Достоевских “Время” (1861–1863), “Эпоха” (1864–1865)», еженедельник Ф. М. Достоевского «Гражданин» (1873–1874); «Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов»; «Достоевский в прижизненной критике (1845–1881)» и др.¹

Все, кто попадал в круг повседневного общения и влияния Достоевского, становились журналистами, мемуаристами и писателями, и это, в первую очередь, братья Михаил² и Андрей³, жена Анна Григорьевна Достоевская⁴, дочь Люба⁵.

Петрозаводский государственный университет обладает цифровыми копиями всех рукописей и печатных изданий Достоевского из российских и зарубежных архивов и библиотек. У нас пока нет права их публиковать, но они постоянно в работе. На их основе подготовлены текстовые публикации. В процессе их подготовки исправлены тысячи опечаток, неавторских искажений текста и ошибочных прочтений, открыты новые тексты Достоевского.

Текстологические принципы издания печатных и рукописных текстов Достоевского сформулированы и обоснованы в трудах [Михайлов], [Захаров, 1994], [Захаров, 2001], [Захаров, 2009], [Проблемы текстологии, 2009], [Заваркина, Панюкова, Солопова, Тарасова], [Тарасова, 2012], [Проблемы текстологии, 2012], [Заваркина, Панюкова, Тарасова, 2017], [Захаров, 2018].

Задам риторический по отношению к Достоевскому вопрос: сколько человеку нужно почерков? Для большинства из нас достаточно одного.

У Достоевского только в бытовом обиходе были *пропись* (типовая, писарская, личная), *скоропись* (разборчивая, ускоренная, быстрая), *бисер*. Его *каллиграфия* ориентирована не на одно или несколько начертаний, а на историческое и индивидуальное многообразие. Зачем это нужно Достоевскому? Откуда в нем эта потребность во многообразии дойти до совершенства? Удивительно, как много страниц рукописей Достоевского эстетически выразительны и художественно совершенны.

Графическая семантика и идеография рукописей, особенности почерка Достоевского описаны в работах [Тарасова, 2007], [Тарасова, 2011], [Тарасова, 2017], [Тарасова, Панюкова, 2016], [Тарасова, Панюкова, 2020], [Тарасова, Заваркина, Панюкова], [Тарасова, 2019], [Заваркина, Панюкова, Тарасова, 2019], [Тарасова, 2020].

Значительным достижением в текстологическом изучении рукописей стали проекты Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) по грантам РНФ «Рабочие тетради Ф. М. Достоевского: первая полнотекстовая публикация автографов в их динамической транскрипции» (2016–2020, руководитель С. А. Кибальник) и «Новые методы изучения рукописного наследия Ф. М. Достоевского» (2020–2023, руководитель Н. А. Тарасова) (URL: <http://dostoevsky-archive.ru/>). В этих проектах предпринята публикация рукописей Достоевского в графическом и текстовом форматах, оригинальный текст представлен со всеми графическими особенностями аутентичного воспроизведения рукописи (рисунки, условные обозначения, каллиграфия), дан его перевод в современную орфографию⁶.

В цифровом формате ведется лексикографическая работа над словарями языка Достоевского в Институте русского языка РАН. Их создатели активно используют различные виды разметки текста, лингвистическое моделирование, корпусные технологии, привлекают машинные фонды русского языка, составляют разные типы словарей и т. д. Цель этой деятельности, впрочем, прикладная: публикация печатного издания словаря и его электронной версии. Недостатком этих словарей, к сожалению, являются исходные ограничения в источниках: неполное извлечение текстов из полного собрания сочинений Достоевского в тридцати томах, обращение к национальному корпусу русского языка с его неполным корпусом текстов даже русской классики.

В рамках проекта РФФИ по атрибуции анонимных и псевдонимных статей в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин» разработана открытая система СМАЛТ («Статистические методы анализа литературного текста»), включающая в себя публицистику и критику изданий, которые редактировал Достоевский, и другие издания. На данный момент СМАЛТ содержит 319 текстов с морфологической разметкой по 96 признакам, 905225 слов (814287 — без учета цитат), 125824 уникальных разборов. На основе математических моделей и методов («деревья решений», «лес решений», глубокие нейронные сети с архитектурой «трансформер»,

теоретико-графовые модели и др.) проверяются атрибутивные гипотезы. Результатами этих исследований и базой данной размеченных текстов можно воспользоваться в открытом доступе (URL: <http://smalt.karelia.ru/>).

Заметным событием стало открытие сайта «Мир Достоевского» (URL: <https://dostoevskyworld.ru/>), в котором опубликованы рукописные, изобразительные и печатные источники из богатой коллекции Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля.

В настоящее время в достоевистике собраны, оцифрованы и набраны все рукописи Достоевского, хранящиеся в российских и зарубежных архивах, идет публикация печатных и рукописных источников творчества Достоевского, ведутся активные исследования.

Недавно проект Digital Dostoevsky объявлен исследователями Торонтского университета (Канада). В отличие от других, их «Цифровой Достоевский» — подчеркнуто исследовательский проект по компьютерному анализу текста Достоевского, составленного из повестей «Двойник, Петербургская поэма» и «Записки из подполья», романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы»⁷. Его результатом станет текст, размеченный с помощью программного обеспечения TEI (The Text Encoding Initiative) и Oxygen XML Editor. Применение цифровых методов анализа текста должно помочь выявить глубинную структуру романов Достоевского, особенности речи, характеров, пространства и темпоральности, аффекты и вымысленность. Об этом пишет руководитель проекта Кейт Холланд: «We are excited by how digital approaches such as TEI encoding, machine reading, and natural language processing can help to answer questions about the deep structure of Dostoevsky's novels, questions about speech, character, space, temporality, affect, and fictionality, among other areas» [Holland].

Важной задачей глобального Digital Dostoevsky является создание национальных библиографий и электронных библиотек, в которых были бы размещены прижизненные издания, критика и исследовательские интерпретации его творчества, включая переводы на английский, немецкий, французский, итальянский, испанский, сербский, польский, болгарский, японский, китайский и др. языки. Каждое национальное общество Достоевского могло бы создать свой раздел, часть библиографических записей уже сейчас может быть снабжена гиперссылками, которые будут отсылать к конкретному тексту и документу. Особо востребованы ресурсы по прижизненной критике, опубликованной в русской периодической печати XIX в., в первую очередь в газетах. Сегодня общенациональные, петербургские, московские, областные газеты практически недоступны ученым. Их оцифровка существенно расширит источниковедческую базу исследований творчества писателя.

Сделано много, еще больше предстоит сделать. Очевидно, что в полной мере оставшийся объем труда не под силу исполнить одному коллективу. Необходимы оптимизация и интеграция проектов. Чтобы не переделывать

то, что уже сделано, необходимы координация и сотрудничество в проведении исследований.

Кто соберет эти разрозненные ресурсы и коллективы?

Альтернативы цифровому Достоевскому нет.

Цифровой формат создаваемых ресурсов позволяет в полном объеме использовать информационные технологии в научных и образовательных целях.

Примечания

- 1 Федор Михайлович Достоевский (URL: <https://philolog.petsru.ru/fmdost/index.htm>).
- 2 Михаил Михайлович Достоевский (URL: <http://philolog.petsru.ru/mdost/texts/>).
- 3 Андрей Михайлович Достоевский (URL: <http://philolog.petsru.ru/amdost/>).
- 4 Анна Григорьевна Достоевская (URL: <http://philolog.petsru.ru/agdost/vospomin/vospomin.htm>).
- 5 Любовь Федоровна Достоевская (URL: <http://philolog.petsru.ru/ldost/texts/arts/arts.htm>).
- 6 Странное впечатление производит альтернативный проект К. А. Баршта «Объединенный цифровой архив Ф. М. Достоевского», в котором повторяется попытка решить аналогичные задачи. Научное значение данного проекта в настоящее время ничтожно из-за неверных текстологических установок исследователя и многочисленных ошибок в описании и атрибуции публикуемых документов (URL: <https://dostoevskyarchive.pushdom.ru/>).
- 7 DIGITAL DOSTOEVSKY. A blog chronicling the Digital Dostoevsky project (URL: <https://digitaldostoevsky.com/>).

Список литературы

1. Заваркина М. В., Панюкова Т. В., Солопова А. И., Тарасова Н. А. Роль корректора в романах Достоевского «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 4 (65). С. 78—88.
2. Заваркина М. В., Панюкова Т. В., Тарасова Н. А. Текстологические проблемы ранних публикаций рукописей Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 4. С. 3–47 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514369395.pdf (15.06.2021). DOI 10.15393/j10.art.2017.3281.
3. Заваркина М. В., Панюкова Т. В., Тарасова Н. А. Графические особенности рукописей Достоевского (по материалам записных книжек и тетрадей 1862–1865 гг.) // Неизвестный Достоевский. 2019. № 4. С. 84–138 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576766460.pdf (15.06.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4301.
4. Захаров В. Н. Канонический текст Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. С. 355–359.
5. Захаров В. Н. Нужна ли текстология Интернету? // Journal Graduate School of Letters. Sapporo: Hokkaido University. 2001. Vol. 5. P. 78–90.
6. Захаров В. Н. Текстология как технология // Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. Вып. 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы». С. 3–26.
7. Захаров В. Н. Поэтика и жанр маргиналий в записных книжках и рабочих тетрадях Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 3. С. 85–100 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1538994799.pdf (15.06.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5461
8. Михайлов А. В. К новому Достоевскому // Наш современник. 1991. № 3. С. 177–179.

9. Проблемы текстологии Достоевского / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. Вып. 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы». 197 с.
10. Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского / М. В. Заваркина, В. С. Зинкова, Т. А. Радченко, А. И. Солопова; отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. Вып. 2: роман «Подросток». 96 с.
11. Тарасова Н. А. Современные проблемы текстологического анализа рукописей Достоевского // Достоевский и XX век: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 651–663.
12. Тарасова Н. А. Знание и понимание языковых и графических характеристик текста: проблемы чтения рукописей Ф. М. Достоевского // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 135–140.
13. Тарасова Н. А. Проблемы текстологического изучения рукописного и печатного текста Ф. М. Достоевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки, 2012. № 7 (128). Т. 2. Ноябрь. С. 80–84.
14. Тарасова Н. А. Критика текста и проблема «трудных чтений» (на материале черновых записей 1864–1865 годов) // Русская литература. 2017. № 4. С. 51–61.
15. Тарасова Н. А. Установление текста на основании графологического анализа (на примере черновых рукописей романа Достоевского «Бесы») // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 2 (6). С. 191–215.
16. Тарасова Н. А. Текстологический анализ и новые факты истории текста (на материале рукописей Ф. М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 2 (10). С. 153–169.
17. Тарасова Н. А., Панюкова Т. В. Графика — семантика — фактография: проблемы текстологии записных тетрадей Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2016. № 4. С. 23–46 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482754762.pdf (15.06.2021). DOI 10.15393/j10.art.2016.2863
18. Тарасова Н. А., Панюкова Т. В. Семантика и идеография рукописного текста Достоевского: от почерка к смыслу // Неизвестный Достоевский. 2020. Т. 7. № 4. С. 222–292.
19. Тарасова Н. А., Заваркина М. В., Панюкова Т. В. Графические особенности рукописей Достоевского: материалы для информационной базы данных // Неизвестный Достоевский. 2018. № 4. С. 17–69 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (15.06.2021). DOI 10.15393/j10.art.2018.3788
20. Holland K. Introducing Digital Dostoevsky. URL: <https://bloggerskaramazov.com/2021/07/29/introducing-digital-dostoevsky/>

References

1. Zavarkina M. V., Panyukova T. V., Solopova A. I., Tarasova N. A. The Role of the Proofreader in Dostoevsky's Novels "The Demons", "The Raw Youth", "The Brothers Karamazov". In: *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Bulletin of the Russian Foundation for Humanities]*, 2011, no. 4 (65), pp. 78–88. (In Russ.)
2. Zavarkina M. V., Panyukova T. V., Tarasova N. A. Textual Problems of Early Publications of Dostoevsky's Manuscripts. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2017, no. 4, pp. 3–47. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514369395.pdf (accessed on June 15, 2021). DOI 10.15393/j10.art.2017.3281 (In Russ.)
3. Zavarkina M. V., Panyukova T. V., Tarasova N. A. Graphical Peculiarities of Dostoevsky's Manuscripts (Based on the Materials of the Notebooks and Workbooks of the Years 1862–1865).

- In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2019, no. 4, pp. 84–138. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576766460.pdf (accessed on June 15, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4301 (In Russ.)
4. Zakharov V. N. Dostoevsky's Canonical Text. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo* [*New Aspects in Studying of Dostoevsky*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 355–359. (In Russ.)
  5. Zakharov V. N. Does the Internet Need Textual Criticism? In: *Journal Graduate School of Letters*. Sapporo, Hokkaido University Publ., 2001, vol. 5, pp. 78–90. (In Russ.)
  6. Zakharov V. N. Textual Criticism as a Technology. In: *Problemy tekstologii F. M. Dostoevskogo* [*The Problems of Fedor Dostoevsky's Textual Criticism*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2009, issue 1, pp. 3–26. (In Russ.)
  7. Zakharov V. N. The Poetics and Genre of Marginalia in Fyodor Dostoevsky's Notebooks and Workbooks. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2018, vol. 16, no. 3, pp. 85–100. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1538994799.pdf (accessed on June 15, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5461 (In Russ.)
  8. Mikhaylov A. V. To the New Dostoevsky. In: *Nash sovremennik*, 1991, no. 3, pp. 177–179. (In Russ.)
  9. *Problemy tekstologii Dostoevskogo* [*The Problems of Fedor Dostoevsky's Textual Criticism*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2009, issue 1. 197 p. (In Russ.)
  10. *Problemy tekstologii F. M. Dostoevskogo* [*The Problems of Fedor Dostoevsky's Textual Criticism*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 2. 96 p. (In Russ.)
  11. Tarasova N. A. Modern Problems of Textological Analysis of Dostoevsky's Manuscripts. In: *Dostoevskiy i XX vek: v 2 tomakh* [*Dostoevsky and the 20th Century: in 2 Vols*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, vol. 1, pp. 651–663. (In Russ.)
  12. Tarasova N. A. Knowledge and Understanding of Language and Graphic Characteristics of Text: Problems of Reading of F. M. Dostoevsky's Manuscripts. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [*Knowledge. Understanding. Skill*], 2011, no. 2, pp. 135–140. (In Russ.)
  13. Tarasova N. A. Problems of Textual Research of Hand-written and Printed Text of F. M. Dostoevsky. In: *Seriya «Obshchestvennye i gumanitarnye nauki»* [*Proceedings of Petrozavodsk State University. Ser. "Social Sciences and Humanities"*], 2012, no. 7 (128), vol. 2. November, pp. 80–84. (In Russ.)
  14. Tarasova N. A. *Text Criticism and the Problem of "Difficult Readings"* (Based on the Material of Draft Records of 1864–1865). In: *Russkaya literatura*, 2017, no. 4, pp. 51–61. (In Russ.)
  15. Tarasova N. A. Critical Study of the Text on the Basis of Graphological Analysis (On the Material of Draft Manuscripts of Dostoevsky's Novel *The Demons*). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2019, no. 2 (6), pp. 191–215. (In Russ.)
  16. Tarasova N. A. Textual Analysis and New Facts for a History of the Text (on the Material of F. M. Dostoevsky's Manuscripts). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2020, no. 2 (10), pp. 153–169. (In Russ.)
  17. Tarasova N. A., Panyukova T. V. Graphics — Semantics — Factography: Textual Problems of Dostoevsky's Notebooks. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2016, no. 4, pp. 23–46. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482754762.pdf (accessed on June 15, 2021). DOI 10.15393/j10.art.2016.2863 (In Russ.)

18. Tarasova N. A., Panyukova T. V. Semantics and Ideography of Dostoevsky's Handwritten Text: from Handwriting to Meaning. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 222–292. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607609576.pdf (accessed on June 15, 2021). (In Russ.)
19. Tarasova N. A., Zavarkina M. V., Panyukova T. V. Graphical Peculiarities of Dostoevsky's Manuscripts: Materials for the Information Database. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 4, pp. 17–69. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (accessed on June 15, 2021). DOI 10.15393/j10.art.2018.3788 (In Russ.)
20. Holland K. Introducing Digital Dostoevsky. URL: <https://bloggerskaramazov.com/2021/07/29/introducing-digital-dostoevsky/> (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захаров Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru.

Vladimir N. Zakharov, PhD (Philology), Professor, Head of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.08.2021

Принята к публикации / Accepted 25.08.2021

Дата публикации / Date of publication 15.09.2021

Научная статья

УДК 821.161.1+004

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5662

Новые методы изучения творческого наследия Ф. М. Достоевского: на материале цифрового архива писателя

Н. А. Тарасова

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российская Академия наук*

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: nsova74@mail.ru

И. А. Мбого¹, В. В. Захаркина²

*Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

¹ e-mail: irina.mbogo@gmail.com

² e-mail: zakharkina@gmail.com

Аннотация. Работа посвящена обоснованию новых методов исследования творческого наследия писателя и концепции цифрового архива Достоевского. В первой части статьи рассматриваются примеры использования информационных технологий в среде Интернет для создания электронных архивов литературных и исторических текстов разных эпох, выделяются особенности и общие черты созданных архивных собраний, анализируются принципы представления материала. Материалом для этой части научно-исследовательской работы стали наиболее репрезентативные зарубежные и российские Интернет-порталы, на которых представлены исторические и литературные коллекции и фонды, связанные с теми или иными культурными традициями и персоналиями. Каждое такое электронное собрание создавалось на основе длительной, иногда занимавшей целые десятилетия, научной работы, направленной на сбор рукописных и печатных источников, реставрацию рукописных материалов, их текстологическое исследование, изучение их творческой и нетворческой истории, определение методики работы с ними и концепции их текстурального и цифрового воспроизведения, а также длительную подготовительную работу по выбору технического оборудования и оцифровке текстов. В большинстве случаев подобного рода цифровые архивы являются не только местом хранения источников, но продолжают служить исследовательским целям, содержат результаты и примеры научных исследований. Во второй части статьи формулируются задачи цифрового архива Достоевского как собрания текстов и научной лаборатории по исследованию рукописного и печатного наследия писателя. В статье получает обоснование первый этап исследовательской работы по созданию каталога вербальной и невербальной графики Достоевского, основанного на соединении современных программных методов и текстологического анализа.

Ключевые слова: Достоевский, история текста, критика текста, методы исследования рукописей, графика, цифровой архив писателя, Digital Humanities

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00333, ИРЛИ РАН).

Для цитирования: Тарасова Н. А., Мбого И. А., Захаркина В. В. Новые методы изучения творческого наследия Ф. М. Достоевского: на материале цифрового архива писателя // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 3. С. 193–248. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5662

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5662

New Approaches to the Creative Heritage of F. M. Dostoevsky: Based on the Materials from the Writer's Digital Archive

Natalia A. Tarasova

*The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: nsova74@mail.ru

Irina A. Mbogo ¹, Valentina V. Zakharkina ²

*Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

¹ e-mail: irina.mbogo@gmail.com

² e-mail: zakharkina@gmail.com

Abstract. The work is devoted to the substantiation of new research methods used to examine the writer's creative heritage and the concept of Dostoevsky's digital archive. The first part of the article provides examples of the use of online information technologies to create electronic archives of literary and historical texts from different eras, highlight the distinct and common features of the created archival collections, and analyze the principles of material presentation. The material for this part of the research was obtained from the most respectable foreign and Russian Internet portals, which display historical and literary collections and funds associated with various cultural traditions and personas. Each such electronic collection was created on the basis of extensive, sometimes decades-long, scientific work aimed at collecting handwritten and printed sources, restoring handwritten materials, their textual research, studying their creative and non-creative history, determining the methodology of working with them and the concept of their textual and digital reproduction, as well as extensive preparatory work on the selection of technical equipment and digitization of texts. In most cases, such digital archives are not only a place to store sources; they continue to serve research purposes and contain the results and examples of scientific research. In the second part of the article, the tasks of the Dostoevsky digital archive as a collection of texts and a scientific laboratory for the study of the writer's handwritten and printed heritage are formulated. The article substantiates the first stage of research work on the creation of a catalog of Dostoevsky's verbal and non-verbal graphics, based on the combination of modern software methods and textual analysis.

Keywords: Dostoevsky, text history, text criticism, manuscript research methods, graphics, writer's digital archive, Digital Humanities

Acknowledgement: The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 21-18-00333, IRLI RAS.

For citation: Tarasova N. A., Mbogo I. A., Zakharkina V. V. New Approaches to the Creative Heritage of F. M. Dostoevsky: Based on the Materials from the Writer's Digital Archive. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 193–248. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5662 (In Russ.)

Современные концепции публикации рукописей в среде Интернет представляют интерес в связи с обоснованием новых методов текстологического исследования творчества Достоевского и задачами создания цифрового архива писателя.

За рубежом и в нашей стране есть многочисленные примеры использования информационных технологий для организации цифровых архивов и разрабатываются проекты электронного представления творческой истории литературных произведений, истории текстов и историко-культурных традиций.

Модель цифрового архива решает следующие основные задачи:

1. Доступность. Цифровой архив, в отличие от традиционного, доступен «из дома», вне зависимости от местонахождения пользователя, что ускоряет получение нужной информации и облегчает выполнение исследовательской работы.
2. Полнота состава публикуемого материала. В цифровом архиве возможно собрать материал из разных архивных собраний, находящихся в России и за рубежом: рукописное наследие, связанное с именем Достоевского, имеет достаточно обширную географию. Формат цифрового архива дает возможность представить читателям рукописные источники, электронную библиотеку, результаты научно-исследовательской работы, а также предусмотреть варианты обратной связи с пользователями.
3. Установка на аутентичность отражения информации. В цифровом архиве размещаются копии источников, что позволяет исследователям видеть почти все особенности текста. Исключением является анализ особенностей носителей информации (бумага, штампы, водяные знаки, средства письма — перо, карандаш и др.), для осуществления которого необходима работа с первоисточниками текста.
4. Ускоренный поиск информации. Программные средства цифрового архива обеспечивают быстрый доступ к нужному материалу и просмотр значительного количества источников.
5. Использование функционального технического инструментария. Цифровой архив создается на основе компьютерных программ, позволяющих исследовать как форму, так и содержание размещенных в архиве источников (см. подробнее ниже).

В нашем случае речь идет о цифровом архиве как электронном научном издании текстов и их исследовании. Концепция научного издания предполагает необходимость разработки принципов электронного представления источников и результатов их изучения.

Цифровые архивы в сети Интернет

Попыток организации таких электронных изданий в сети Интернет достаточно много, особенно за рубежом. Рассмотрим далее те проекты, которые представляют интерес для решения задач организации цифрового архива Достоевского.

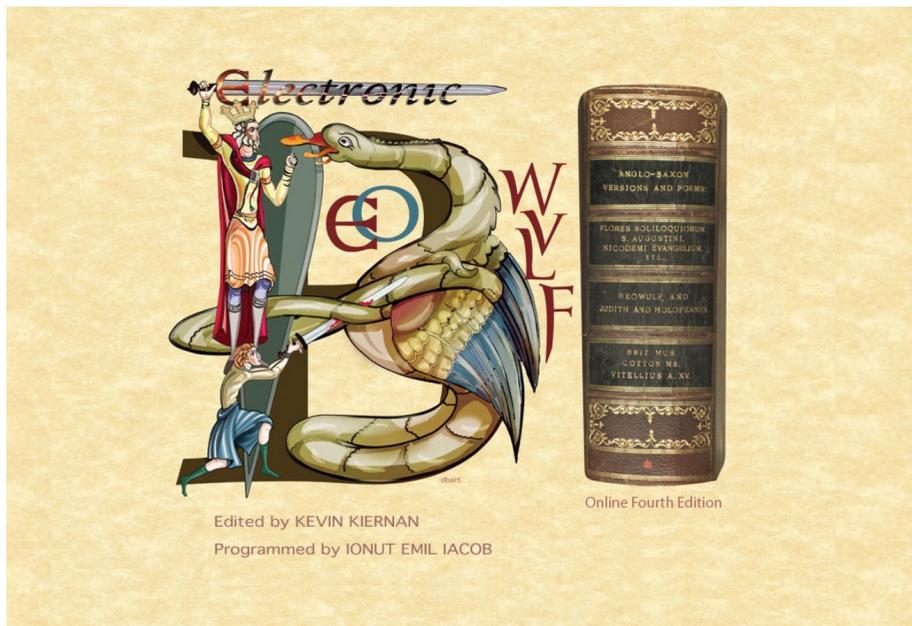
На первый взгляд далекие от нашей тематики по материалу, в мировом Интернет-пространстве существуют разработки, которые невозможно не упомянуть. Один из первых таких проектов — «Электронный Беовульф» (Electronic Beowulf. URL: <http://ebeowulf.uky.edu/>), созданный при участии Британской библиотеки (Великобритания) и Университета Кентукки (США), редактором электронного издания является Кевин Кирнан (Kevin Kiernan).

Илл. 1. Титульная страница исследовательской части проекта «Электронный Беовульф»

Fig. 1. The title page of the research part of the Electronic Beowulf Project

На заглавной странице проекта имеется меню, в разделах которого представлены все материалы, связанные с исследованием средневековой англосаксонской поэмы «Беовульф». В разделе «Going Online» читателю предоставляется возможность перейти по гиперссылке к самому тексту поэмы и онлайн-инструментарии для работы с ним (см. Илл. 2).

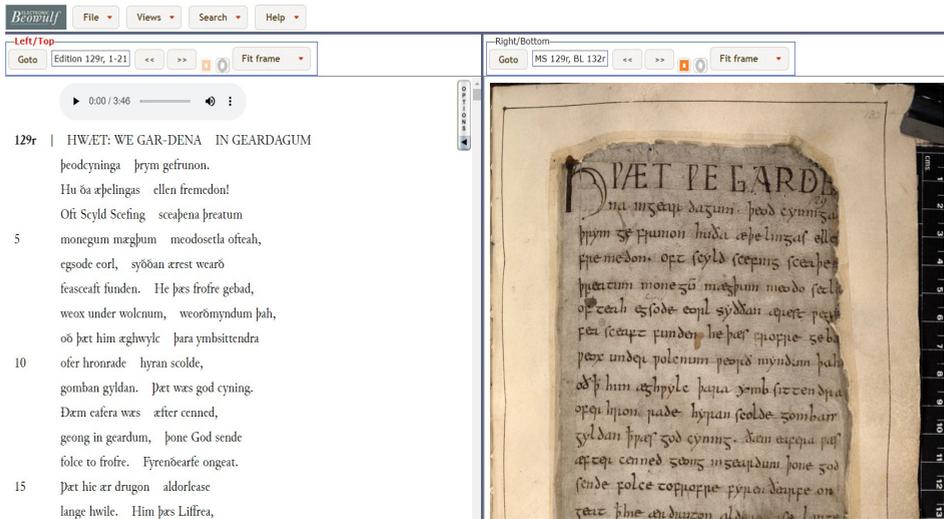

Илл. 2. Титульная страница с текстом поэмы «Беовульф»

Fig. 2. The title page with the text of the “Beowulf”

На сайте опубликовано четвертое издание «Электронного Беовульфа» и даны ссылки на исследовательские материалы, включая обновленную библиографию поэмы, описание истории проекта, серию статей, показывающих широкий контекст исследования. В рамках стратегических целей на 2000 г. Британская библиотека расширила доступ к своим коллекциям за счет использования сетевых технологий. Весной 1993 г. в результате этой инициативы был начат проект «Электронный Беовульф», в своей первой версии сделавший доступным в начале 1994 г. полноцветное электронное факсимиле рукописи поэмы. По мере роста электронного архива в него вошли факсимильные копии многих других документов, которые способствовали восстановлению частей рукописи, утерянных или поврежденных пожаром в библиотеке Роберта Коттона в XVIII в., где хранился список поэмы. Для оцифровки применялось оборудование, способное сканировать текст с разрешением 2000 × 3000 пикселей в 24-битном цвете. Были получены изображения объемом около 21–25 Мб. Об оцифровке и работе по реставрации и исследованию манускрипта поэмы см. подробнее: [The Electronic Beowulf].

Результаты выполненного исследования представлены на сайте в варианте, который используется во многих проектах электронной публикации рукописей — в виде специального пользовательского интерфейса с параллельным воспроизведением манускрипта и его расшифровки (см. Илл. 3).

Илл. 3. Список поэмы «Беовульф» и исследовательская расшифровка текста

Fig. 3. A list of the “Beowulf” and a research transcript of the text

С середины 2000-х гг. создавался проект, в котором также принимала участие Британская библиотека, — «Синайский Кодекс» (Codex Sinaiticus. URL: <http://www.codex-sinaiticus.net/ru/>).

Синайский Кодекс — это христианская Библия на греческом языке, включающая полный текст Нового Завета. Четырьмя главными участниками проекта «Синайский кодекс» являются учреждения — места хранения частей рукописи: Британская библиотека (Великобритания), Российская национальная библиотека (Россия, Санкт-Петербург), Библиотека монастыря Св. Екатерины (Синай, Египет), Государственная библиотека университета г. Лейпциг (Германия). В числе партнеров — Институт текстуального анализа и электронного редактирования (Institute for Textual Scholarship and Electronic Editing, ITSEE), университет г. Бирмингем (Великобритания), Институт текстуального исследования новозаветных текстов, университет г. Мюнстер (Германия), Гёттингенский Электронный Центр при Нижнесаксонской государственной и университетской библиотеке, г. Гёттинген (Германия), Общество Библейской литературы, Атланта (США).

Русскоязычный сайт, на котором размещены результаты проекта, содержит четыре раздела.

Страница «Главная», где даны гиперссылки на основные разделы проекта — описание Синайского Кодекса, описание проекта и перечень участников (см. Илл. 4).

Илл. 4. Титульная страница проекта «Синайский Кодекс»

Fig. 4. The title page of the Sinai Codex Project

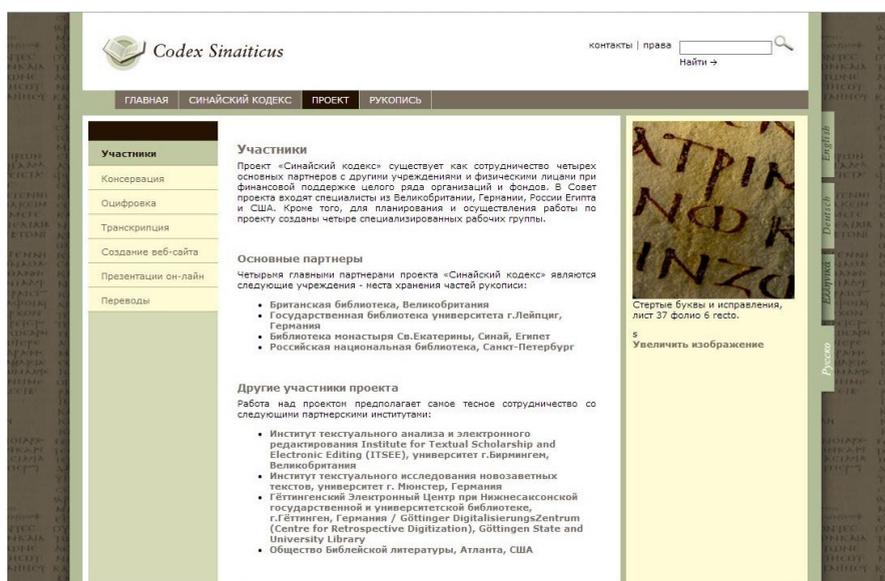
Страница «Синайский Кодекс», где приводится вся информация о материале исследования — в разделах «Значение» Кодекса, «Название», «Датирование», «Содержание», «Изготовление манускрипта», «История».

Илл. 5. Описание материала исследования в проекте «Синайский Кодекс»

Fig. 5. Description of the research material in the Sinai Codex Project

Страница «Проект», где описаны пять основных направлений деятельности: историческое исследование, хранение, оцифровка (сохранение на электронном носителе), транскрипция, публикация (распространение). Здесь есть разделы «Участники» (сведения о рабочей группе), «Консервация» (описание физических характеристик манускрипта и практики хранения), «Оцифровка» (описание технических стандартов и специфики оцифровки применительно к данной рукописи), «Транскрипция» (обоснование электронной транскрипции текста и информация о ее разработчиках), «Создание веб-сайта» (сведения о рабочей группе и технических требованиях к сайту), «Презентация он-лайн» (объяснение электронной структуры сайта, принципов навигации, экранных опций), «Переводы» (характеристика переводов Кодекса на английский и немецкий языки).

Илл. 6. Сведения о проекте «Синайский Кодекс»

Fig. 6. Information about the Sinai Codex Project

Наконец, главное — страница «Рукопись», где размещен изучаемый материал, то есть рукопись Синайского Кодекса и ее транскрипция (см. Илл. 7).

Илл. 7. Текст манускрипта и его расшифровка в проекте «Синайский Кодекс»

Fig. 7. The text of the manuscript and its interpretation in the Sinai Codex Project

Как сообщают создатели сайта, «электронная транскрипция осуществлялась силами научной группы университетов Бирмингема и Мюнстера <...>. Над каждой книгой работали два транскриптора, ответственных за электронное изображение. Затем транскрипции проходили автоматическое сравнение с помощью программы Collate. Далее все обнаруженные различия еще раз сравнивались с изображениями и, наконец, утверждалась окончательная версия. В большинстве случаев возникала необходимость обращаться к оригиналу, чтобы избежать неточного прочтения. Транскрипция конвертировалась в XML, а затем в HTML для последующего размещения на сайте. В основу транскрипции Нового Завета была положена транскрипция Института исследований новозаветных текстов г. Мюнстер (Вестфалия).

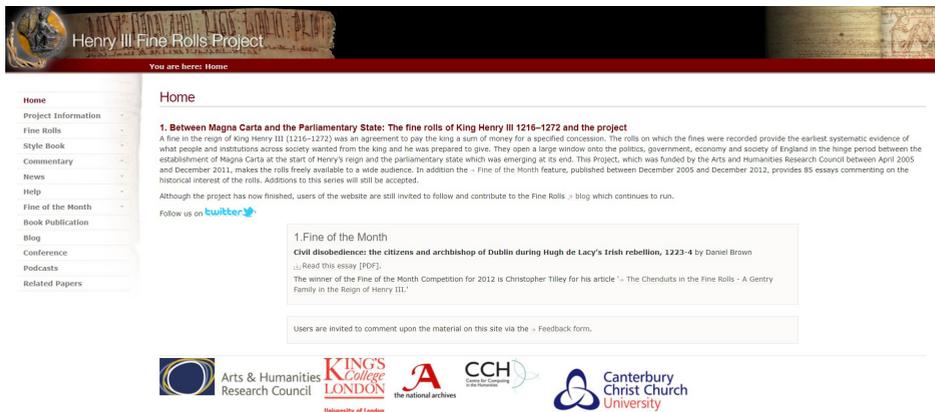
Групповое научное исследование полного текста рукописи дало возможность кодикологического и палеографического сравнения всех листов манускрипта. Поскольку рукопись принадлежит перу по меньшей мере трех различных авторов и содержит многочисленные исправления более поздних переписчиков, это исследование способствует более полному описанию и пониманию этого произведения» [Codex Sinaiticus. Раздел «Проект». Подраздел «Транскрипция»].

Поясняя концепцию представления рукописи и ее расшифровки, разработчики проекта «Синайский Кодекс» отметили, что «на веб-сайте происходит уникальное событие: впервые соединяются изображения каждой

страницы текста и сам текст этой страницы» [Codex Sinaiticus. Раздел «Проект». Подраздел «Развитие веб-сайта»]. Рукопись и транскрипция представлены на экране, который делится на две части: в левой находится цифровая копия рукописного листа, в правой — транскрипция текста. Имеется возможность синхронного поиска в рукописи и ее расшифровке, когда пользователь может навести курсор и кликнуть на интересующее слово в транскрипции и соответствующая ему запись на цифровой копии источника будет идентифицирована программой и выделена рамкой. Для воспроизведения комментариев в транскрипции используются всплывающие окна.

Среди проектов, посвященных источникам исторического и историко-литературного содержания, стоит отметить, кроме того, следующие.

Цифровой архив-исследование свитков короля Генриха III: Henry III Fine Rolls Project (2005–2011, King's College London, Canterbury Christ Church University, The National Archives). URL: <http://www.finerollshenry3.org.uk/home.html>

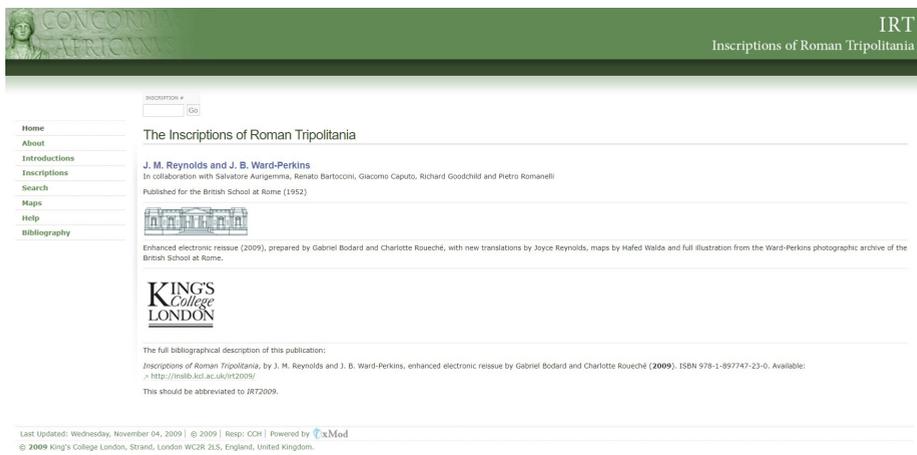

Илл. 8. Титульная страница цифрового архива свитков короля Генриха III

Fig. 8. The title page of the digital archive of the scrolls of King Henry III

Электронный ресурс исторического содержания — издание инскриптов Римской Триполитании (имеется в виду расширенное переиздание книги: [The Inscriptions of Roman Tripolitania]), — созданный в 2009 г. (Inscriptions of Roman Tripolitania. URL: <http://irt.kcl.ac.uk/irt2009/>) сотрудниками Королевского колледжа Лондона и Кембриджского университета Габриэлем Бодаром (Gabriel Bodard, King's College London, University of London) и Шарлоттой Руше (Charlotte Roueché, Cambridge, King's College London), с новыми переводами инскриптов, осуществленными Джойс Рейнольдс (Joyce Reynolds, Cambridge), географическими картами, подготовленными археологом Хафедом Вальда (Hafed Walda, King's College London), и полным корпусом иллюстраций из

фотоархива Дж. Б. Уорда-Перкинса (John Bryan Ward-Perkins, 1912–1981) Британской школы в Риме (British School at Rome).

Илл. 9. Титульная страница цифрового архива инскриптов Римской Триполитании

Fig. 9. The title page of the digital archive of the Roman Tripolitania Inscriptions

Электронное издание существенно дополнило и расширило материал первой (книжной) публикации 1952 г. Выпущенная в послевоенных условиях, она включала только иллюстрации нескольких надписей и ограниченную географическую информацию. Целью расширенного переиздания было сделать материал доступным и предоставить читателям фотокопии инскриптов (посвящений, мемориальных надписей и др.) на различных культурных артефактах в сопровождении географических данных, связывающих инскрипты с картами и географическими справочниками, а также с другими ресурсами. Электронная публикация сделала это возможным.

Издание представляет собой каталог, где каждая надпись получила описание согласно следующему классификатору: название и характеристика артефакта; географическое положение артефакта, на котором обнаружен инскрипт; датировка; библиография, посвященная артефакту и инскрипту; текст самого инскрипта на языке оригинала и в переводе на английский язык (см. Илл. 10).

Previous Next

INSCRIPTION #

239. Funerary inscriptions with acclamation

Description: Elaborately painted rock-cut tomb.
Text: There are inscriptions painted above the two sepulchral recesses and inscribed on the cinerary urns. a) With flying putti. c) On the lids of the sarcophagi, now lost.
Letters: a) Lettering: 0.06. b) Lettering: 0.03. c) Not seen
Date: Late third or fourth century (context)
Findspot: Oea: Rock-cut tomb at Gargaresh, W of Tripoli (map ref. L 418665), immediately S of the main coast the two sepulchral recesses once inscribed on the cinerary urns.
Original Location: Findspot
Last recorded location: a, b, in situ; c, believed to be in Tripoli Castle. Not seen (1951)
Bibliography: *Corpus Inscriptionum Latinarum*, VIII: 22687, VIII:22688; *Notiziario archeologico del Ministero Ward-Perkins, The Inscriptions of Roman Tripolitania*, Rome: British School at Rome, 1952; including revision at Rome 23 (1955), 124-147
Text constituted from: a and b, transcription (Reynolds, Ward-Perkins); c from previous publications.

[Edition](#) [Diplomatic](#) [Epidoc \(XML\)](#) [\[Conventions\]](#)[\[Font help\]](#)

a

DMS
AELIAARISVTH
VIXITANNOS
SEXAGINTA
5 PLVSMINVS

Илл. 10. Пример описания из каталога инскриптов

Fig. 10. An example of a description from the inscription catalog

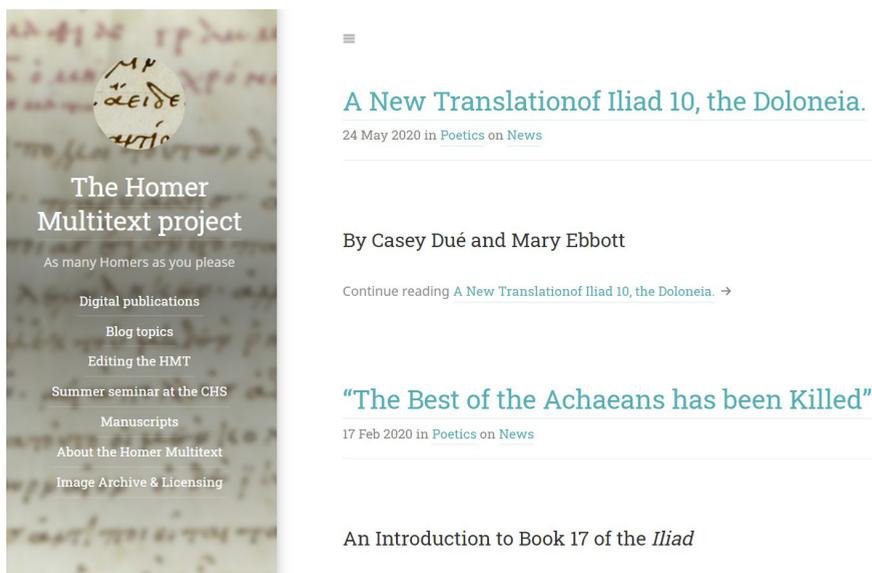
Под каждым описанием публикуется цифровая копия соответствующего инскрипта, которую можно открыть в отдельном окне в увеличенном изображении.

Илл. 11. Фотоизображение инскрипта

Fig. 11. Photo image of the inscription

Цифровой архив «Мультитекстовый Гомер» (Homer Multitext Project. URL: <http://www.homermultitext.org/>; 2019–2020, оцифровка с 2007 г.) представляет «Илиаду» и «Одиссею» Гомера в составе цифровой библиотеки текстов (переводов, исследований) и изображений. В данном электронном собрании представлены факсимиле древнейшей рукописи Venetus A, содержащей текст «Илиады» на древнегреческом языке и схолии (комментарии) античных авторов к этому тексту.

Илл. 12. Содержание проекта «Мультитекстовый Гомер»

Fig. 12. The content of the Multi-text Homer Project

Создатели проекта — сотрудники Хьюстонского университета, Колледжа Святого Креста и Университета Фурмана в США: Кейси Дуэ (Casey Dué, The University of Houston), Мэри Эббот (Mary Ebbott, The College of the Holy Cross), Кристофер Блэкуэлл (Christopher Blackwell, Furman University), Нил Смит (Neel Smith, The College of the Holy Cross).

Еще один проект, на который стоит обратить внимание, — электронное издание эпистолярного наследия Винсента Ван Гога, подготовленное Музеем Ван Гога (The Van Gogh Museum) и Институтом Гюйгенса в Амстердаме (The Huygens Institute for the History of the Netherlands) (Vincent van Gogh: The Letters, 2004–2009. URL: <http://www.vangoghletters.org/vg/letters.html>). Проект стартовал в 1994 г. как исследовательский, и первые полгода работы над ним были отданы инвентаризации источников и разработке концепции. Были изучены все оригинальные рукописи в Музее Ван Гога и в других

местах. Результатом стала научная транскрипция, которая послужила основой для чтения и воспроизведения текста, когда его предполагалось напечатать. Исследование заняло первые пять лет проекта. Далее началась комментаторская работа, которая заняла еще пять лет. Тем временем коллектив из пяти переводчиков начал переводить письма на английский язык, затем переводы редактировались. По мере развития проекта задачи его расширились. К 2004 г. изменения в издательском мире и быстро растущий потенциал электронных мультимедийных средств привели организаторов к пересмотру концепции проекта, и было принято решение опубликовать издание в цифровом формате. Участники пришли к выводу, что этот вариант в большей степени соответствует огромному объему материала, а также дает посетителям сайта больше возможностей и способов использования издания. Для значительного числа людей, которые предпочли бы читать письма в традиционном книжном варианте, существует иллюстрированная печатная версия с краткими примечаниями. Издание, как книжное, так и электронное, представлено на трех языках: английском, голландском и французском.

Создатели проекта подчеркивают его ориентированность на учебные и исследовательские цели: веб-издание предназначено для специалистов по Ван Гогу, историков искусства и литературоведов, изучающих письма или работы Ван Гога, а также для студентов, изучающих историю искусства, историю литературы и смежные дисциплины. На сайте представлены не только полные факсимиле, но и тексты писем Ван Гога (в текстовой версии для параллельного чтения, которая сохраняет разрывы строк оригиналов, текстовой версии для чтения с непрерывным текстом) и новый английский перевод, который, по утверждению организаторов, осуществлен с целью максимально точной передачи смысла оригинала и, следовательно, не является литературным или интерпретирующим. В комментариях обосновываются датировки каждого письма и поясняется содержание. За всем этим стояла, по словам создателей архива, двоякая цель: опубликовать письма Ван Гога в том виде, в каком он их писал, и поместить переписку в целом в ее исторический контекст. Вводные главы исследования также служат этой цели [The background to this edition: the Van Gogh Letters Project. The nature and purpose of this edition].

В данном случае пользовательский экран также разделен на две части, в каждой из которых пять вкладок (активная выделена белым цветом, остальные коричневым), где содержатся цифровая копия письма, транскрипция, перевод на английский язык, комментарии, рисунки автора (см. *Илл. 13*).

The screenshot displays the Vincent van Gogh Digital Archive interface. At the top, there are navigation links for 'Van Gogh Museum', 'huygens ing', and 'Help | Quick Guide | Updates | Credits | Contact | Home'. Below this is a search bar with options to search by 'period', 'correspondent', 'place', or 'with sketches'. The main content area shows a letter entry for '001' dated '29 September 1872'. On the left, there is a thumbnail of the original handwritten text. On the right, the transcription is provided in Dutch, starting with '[Waarde] Theo, Dank voor je brief, het deed mij genoegen dat je weer goed aangekomen zijt. Ik heb je de eerste dagen gemist & het was mij vreemd je niet te vinden als ik 's middags thuis kwam.' The interface includes various navigation and search tools throughout.

Илл. 13. Рукописный текст и его транскрипция в цифровом архиве Винсента Ван Гога

Fig. 13. Handwritten text and its transcription in the Vincent Van Gogh Digital Archive

Разработчики предлагают просмотр страниц не методом перелистывания — перехода с одной страницы на другую, а при помощи скроллинга по вертикали сверху вниз, при этом границы между страницами обозначены миниатюрами скана каждой страницы слева от текста. При нажатии на такую миниатюру бегунок автоматически спускается вниз к нужному контексту в транскрипции.

Американский Национальный фонд развития гуманитарных наук и Бри-танская Академия при участии американских, английских и шотландских университетов, библиотек и научных центров организовали проект, который посвящен публикации путевых дневников шотландского миссионера Дэ-вида Ливингстона 1870–1871 гг. (The David Livingstone Spectral Imaging Project. URL: <http://livingstone.library.ucla.edu/>)¹.

Структура сайта включает описание проекта, руководство пользователя и сведения о рабочей группе; информацию о дневниках Ливингстона; рукописи и транскрипцию; критические заметки, поясняющие содержание проведенной работы; характеристику истории проекта.

Особенность материалов на этом ресурсе — то, что их исследовали методом спектрального анализа изображений, так как многие записи в дневниках выцвели и стали трудночитаемыми. С помощью специально разработанной методики было подготовлено электронное издание (2011–2013 г., обновлено в 2017 г.), в которое вошли цифровые копии рукописей, их транскрипция, комментарии к тексту (см. Илл. 14).

И в этом случае пользовательский интерфейс предусматривает параллельное чтение рукописи и ее расшифровки, а также возможность поиска по транскрипции текста.

Илл. 14. Факсимиле рукописной страницы в «Проекте спектральной визуализации дневников Дэвида Ливингстона»

Fig. 14. Facsimile of a handwritten page in the David Livingston's Diaries Spectral Visualization Project

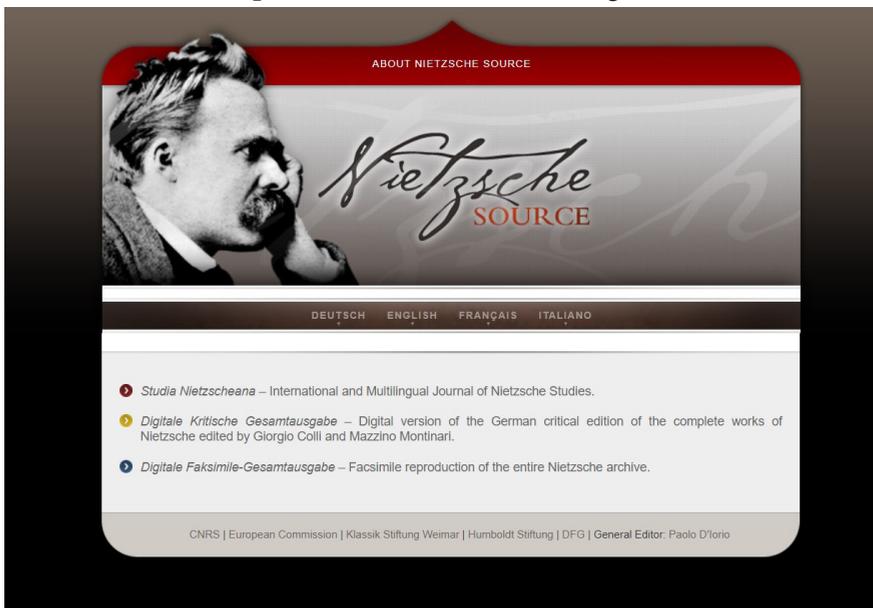

Илл. 15. Пример применения методики спектральной визуализации текста

Fig. 15. An example of the application of the spectral text visualization technique

На сайте представлены обычные и спектральные варианты цифровых копий рукописного источника, показывающие возможности и результаты спектрального анализа текста (см. Илл. 15).

С 1998 г. ведется работа над веб-сайтом архива Фридриха Ницше (Nietzsche Source. URL: <http://www.nietzschesource.org/>).

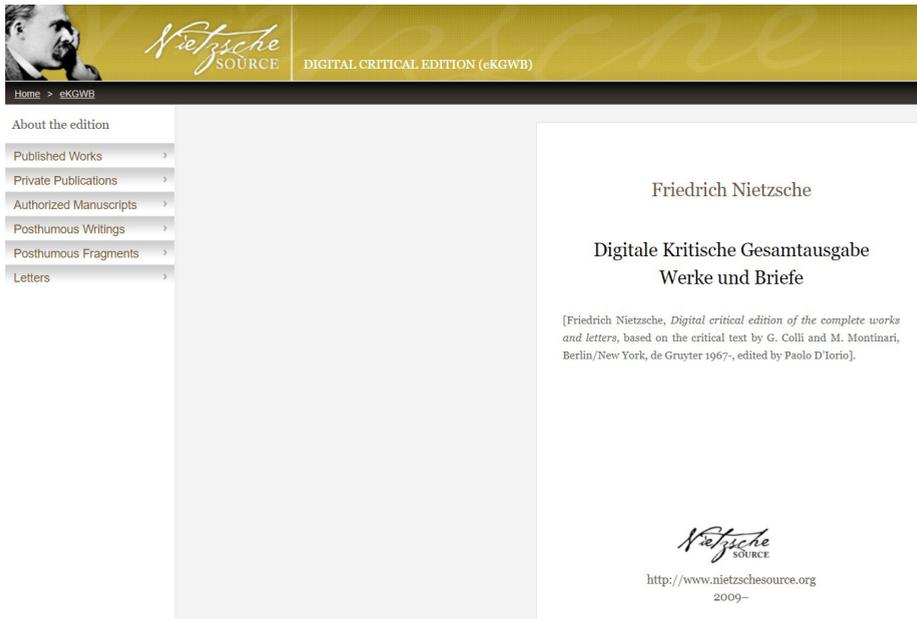

Илл. 16. Титульная страница цифрового архива Ф. Ницше

Fig. 16. Title page of F. Nietzsche's digital archive

Главный редактор проекта — итальянский философ Паоло Д'Иорио (Paolo D'Iorio), сотрудник Национального центра научных исследований (Centre national de la recherche scientifique, CNRS) и руководитель Института современных текстов и рукописей (Institut des Textes et Manuscrits Modernes, ITEM). Пользовательский интерфейс сайта предусматривает работу на четырех языках — немецком, английском, французском и итальянском.

Проект посвящен публикации научных материалов о жизни и творчестве Ф. Ницше. Во-первых, он включает цифровое критическое издание произведений и писем Ницше (Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Briefe) — цифровую версию издания произведений Ницше под редакцией Джорджо Колли (Giorgio Colli) и Маззины Монтинари (Mazzino Montinari): Friedrich Nietzsche, Werke. Kritische Gesamtausgabe, Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1967; Nietzsche Briefwechsel. Kritische Gesamtausgabe, Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1975.

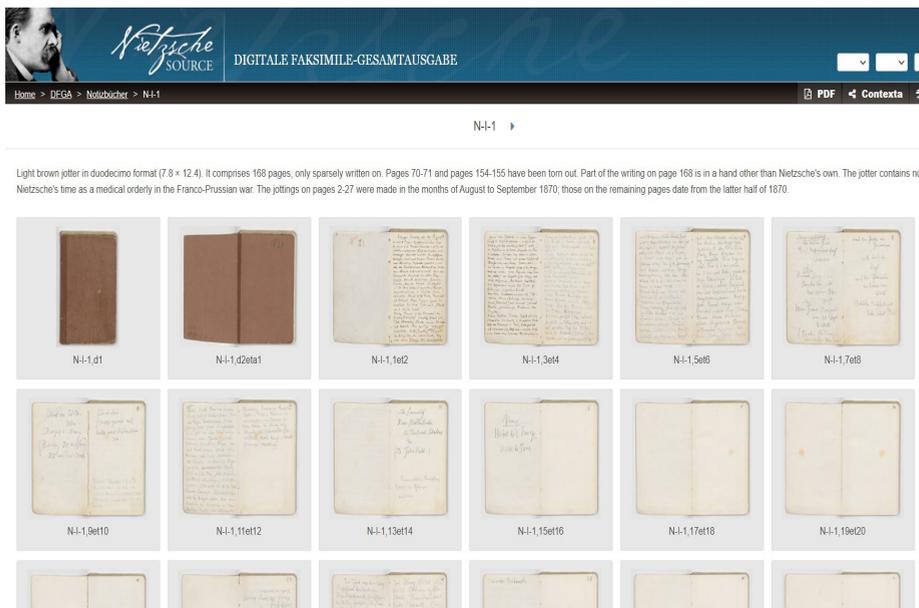

Илл. 17. Электронное собрание сочинений Ф. Ницше

Fig. 17. Electronic collection of works by F. Nietzsche

Оцифрованный текст этого издания был критически выверен по источникам и включает около 6600 исследовательских исправлений. Интерфейс издания позволяет читателям просматривать, цитировать и копировать текст, осуществлять поиск по целому или его частям. Все тексты и результаты поиска можно распечатать. Текст закодирован в XML-TEI для обеспечения взаимодействия с другими текстовыми архивами.

Во-вторых, на сайте размещено цифровое факсимильное издание творческого наследия Ницше (Digitale Faksimile-Gesamtausgabe) под редакцией Паоло Д'Иорио. Эта публикация ставит своей целью впервые представить цифровое воспроизведение всего творчества Ницше, включая рукописи, первые издания произведений и биографические документы (см. Илл. 18).

Илл. 18. Факсимиле рукописей Ф. Ницше

Fig. 18. Facsimiles of F. Nietzsche's manuscripts

Рукописные тексты приводятся с исследовательским описанием, но без транскрипции, которая бы сопровождала каждую страницу. Акцент сделан на средства визуализации рукописного листа — различные возможности увеличения и разворота изображения в целях его анализа. Разрешено скачивание страниц.

Особое значение для нас имеют проекты цифровых литературных архивов. Наиболее интересными являются представленные ниже.

Полное генетическое издание рукописей романа Гюстава Флобера «Мадам Бовари» (1856) (*Les manuscrits de Madame Bovary*. URL: <http://www.bovary.fr/>). Проект стал результатом сотрудничества Муниципальной библиотеки Руана (*Bibliothèque municipale de Rouen*) и Центра Флобера при Руанском университете (*Centre Flaubert, l'Université de Rouen*, проф. Иван Леклерк (*Yvan Leclerc*), Даниэль Жирар (*Danielle Girard*), Нитивади Шрихонг (*Nitiwadee Srihong*)), при участии лаборатории LITIS (*Laboratoire d'Informatique, de Traitement de l'Information et des Systèmes; ex-PSI (Laboratoire Perception Systèmes Information)*, проф. Тьерри Паке (*Thierry Paquet*) и Лоран Этт (*Laurent Heutte*), Стефан Николя (*Stéphane Nicolas*)).

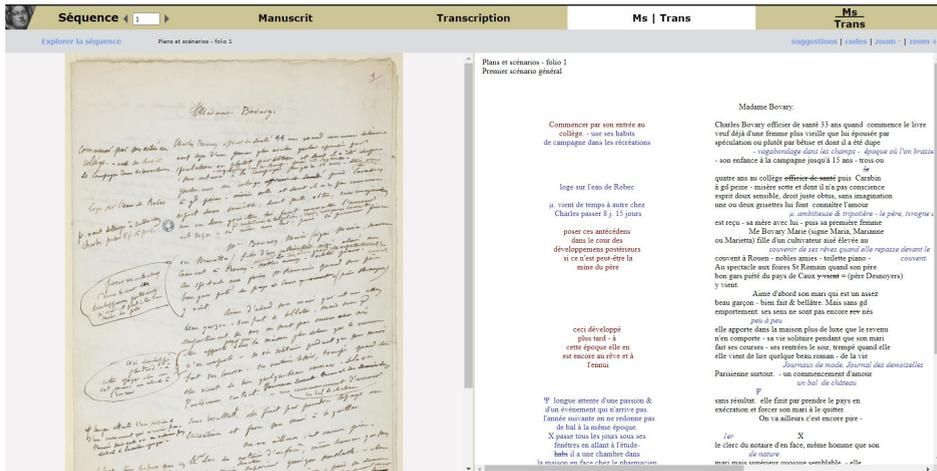
Реставрационная работа с рукописями романа велась с 1994 по 1999 г., оцифровка материалов выполнена с 2002 по 2003 г. В 2004–2005 г. были определены форма и функции выпускаемого издания, с 2005 по 2009 г. осуществлялась разработка концепции электронного архива и определялся его эргономический и компьютерный дизайн. Исследование истории текста

выполнила в Центре Флобера Мари Дюрель (Marie Durel), которая проанализировала последовательность записей и составила полную генетическую классификацию рукописных источников. Результаты исследования творческой истории романа «Мадам Бовари» позволили рассмотреть вопрос об издании «генетического досье» этого произведения путем оцифровки и транскрипции автографов.

Особенность проекта заключается в том, что транскрипции рукописного текста сделаны волонтерами из разных стран (Аргентина, Австрия, Бельгия, Колумбия, Метрополия Франции, Гана, Великобритания, Венгрия, Италия, Япония, Новая Каледония, Новая Зеландия, Французская Полинезия, Португалия, Швейцария, Таиланд, США²) в период с марта 2003 по сентябрь 2005 г., затем прошли проверку организаторами Les manuscrits de Madame Bovary и регулярно обновляются. С одной стороны, это указывает на долговременность и сложность текстологического исследования; с другой стороны, установка на сотрудничество подобного рода обеспечивает высокую степень интерактивности проекта.

На сайте предлагаются два режима доступа к текстам.

Во-первых, просмотр факсимиле рукописей и транскрипции.

Илл. 19. Параллельный просмотр (по горизонтали) источника и его транскрипции в проекте «Рукописи «Мадам Бовари»»

Fig. 19. Parallel viewing (horizontal) of the source and its transcription in the «Madame Bovary» Manuscripts Project

Пользовательский интерфейс предусматривает просмотр рукописных страниц отдельно, транскрипции отдельно, совмещенный просмотр рукописной страницы и ее транскрипции в режиме «по горизонтали» и такой же просмотр рукописи и транскрипции в режиме «по вертикали» (см. Илл. 20).

Илл. 20. Параллельный просмотр (по вертикали) источника и его транскрипции в проекте «Рукописи “Мадам Бовари”»

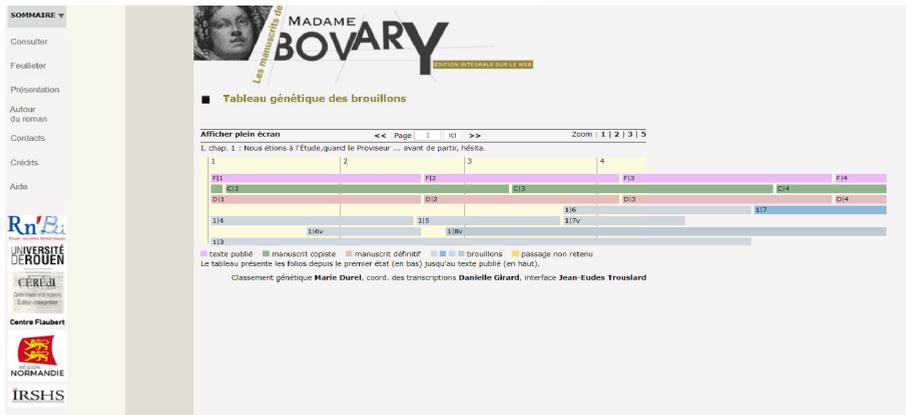
Fig. 20. Parallel viewing (vertical) of the source and its transcription in the “Madame Bovary” Manuscripts Project

В верхнем правом углу экрана есть гиперссылки, по которым открываются различные функции: возможность обратной связи с модераторами сайта, если у читателя / исследователя возникла необходимость сообщить о неверно прочитанном слове в транскрипции; описание кодов транскрипции; функция уменьшения / увеличения цифрового изображения рукописного листа.

Создатели архива предлагают следующие коды транскрипции. Основной текст отражается шрифтом черного цвета. Маргинальные или подстрочные дополнения выделены синим курсивом. То, что зачеркнуто, *зачеркнуто*. То, что подчеркнуто, подчеркнуто. Две звездочки обрамляют ряд неуверенно читаемых слов. Неразборчивые слова или отрывки сопровождаются пометой [неразборчиво]. Длина нерасшифрованного текста обозначена точками по бокам. Авторские ошибки, сокращения, устаревшие написания сохраняются.

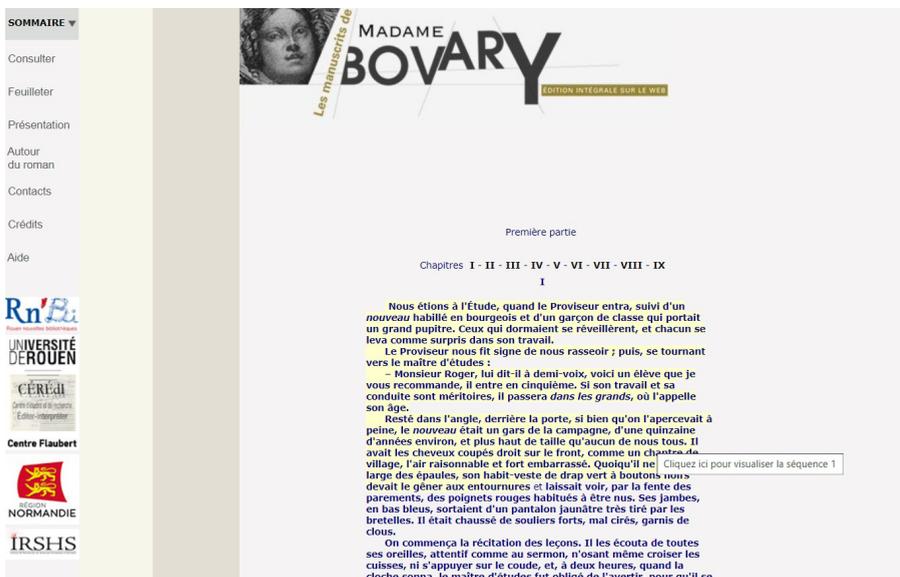
Второй режим просмотра возможен через навигацию по хронологии написания текста, а также через чтение отрывка из романа или запрос в поисковой системе.

Хронология создания текста отражена в специальных таблицах с диаграммами, откуда есть выход по гипертекстовым ссылкам к соответствующим рукописным страницам и расшифровкам. В таблицах представлены страницы от черновиков (внизу) до опубликованного текста (вверху) (см. Илл. 21).

Илл. 21. Генеалогические таблицы с результатами анализа текста

Fig. 21. Genealogical tables with the results of text analysis

Илл. 22. Окончательный текст романа

Fig. 22. The final text of the novel

Читателям предоставлена возможность проследить соответствия между окончательным текстом и черновой рукописью — при наведении курсора на текст желтым цветом выделяется фрагмент, при нажатии на который пользователь попадает на соответствующую страницу черновика с ее расшифровкой (транскрипцией) (см. Илл. 22).

Наконец, через форму поиска читатель получает возможность задать искомое слово, чтобы найти его в тексте (транскрипции или окончательном тексте). Возможен поиск с ограничителями (только в окончательном тексте, только в черновых или беловых рукописях и др.).

Илл. 23. Страница с функциями поиска по тексту

Fig. 23. Page with text search functions

Цифровой архив рукописного наследия английской писательницы Джейн Остин (1775–1817) (Jane Austen's Fiction Manuscripts. URL: <https://janeausten.ac.uk/index.html>) подготовлен в 2012 г. проектной группой, в состав которой вошли Кэтрин Сазерленд (Kathryn Sutherland, English Faculty and St Anne's College, Oxford), Мэрилин Диган (Marilyn Deegan, Centre for Computing in the Humanities, King's College London), Елена Пьераццо (Elena Pierazzo, Centre for Computing in the Humanities, King's College London), Дженни Маколи (Jenny McAuley, English Faculty, Oxford), Шарон Рагаз (Sharon Ragaz, English Faculty, Oxford) и др.

Сайт содержит материалы, в которых представлены различные периоды творчества Дж. Остин и различные типы текста: черновые и беловые рукописи, списки для частного распространения среди друзей и родственников и др. Рукописи хранились в одной коллекции до 1845 г., когда после смерти сестры Дж. Остин Кассандры они были рассредоточены среди членов семьи, после чего, в 1920-х гг., произошло второе крупное их перераспределение в государственные учреждения и частные коллекции.

Оцифровка и систематизация этих материалов в электронном собрании способствовала их воссоединению и предоставила исследователям возможность визуального анализа их различных внешних и содержательных характеристик. Создатели архива подчеркивают, что многие рукописи Дж. Остин находятся в ветхом состоянии, открытый и постоянный доступ к ним долгое время был невозможен и по этой причине, а не только из-за территориального рассредоточения материалов. Оцифровка, таким образом, не только предоставляет возможность виртуального воссоединения этих рукописных ресурсов, но и сопровождается фиксацией в максимально полной форме истории хранения и текущего физического состояния этих рукописей, чтобы помочь их будущему сохранению.

Цифровая визуализация рукописей Дж. Остин выполнена методом сканирования в 24-битном цвете. На ранних стадиях проекта были получены изображения с разрешением 144 млн пикселей и размером до 350 Мб. В процессе работы было выбрано в качестве оптимального изображение с разрешением до 40 млн пикселей, объемом примерно 44 Мб. Создатели архива считают, что на копирование в таком разрешении не тратится много времени, при этом не приходится жертвовать качеством изображения, учитывая, что большинство материалов относительно невелики по объему [Jane Austen's Fiction Manuscripts. Methodology. Imaging].

Помимо цифровых копий были подготовлены полные транскрипции всех текстов и размечены с использованием XML-схемы, разработанной в Центре информационных технологий в сфере гуманитарных наук Королевского колледжа Лондона (Centre for Computing in the Humanities, King's College London). Почерк и пунктуация Дж. Остин, по общему мнению, имеют большое значение для понимания ее работы, но мало изучались. Тексты были размечены в соответствии со стандартами TEI и METS, что позволило отразить орфографические варианты и знаки препинания в мельчайших деталях для последующего компьютерного анализа³. Публикация дает исследователям возможность сравнивать изображение и текст, изменения в почерке, изучать фрагменты с авторской правкой.

В структуру сайта, помимо вводной страницы и вкладки с контактными данными, входят разделы, посвященные содержанию проекта и изложению концепции электронного издания, каталог рукописей с их транскрипцией, включающей исследовательские комментарии, раздел поиска, в котором можно ввести в поисковую строку интересующее исследователя слово и программа отразит его (при наличии) в расшифровках рукописных текстов (см. *Илл. 24*).

Manuscripts index

Show all data

- Juvenilia
  - Volume the First, Bodleian Library, Oxford - [Text](#) - [Head Note](#) - [Facsimile](#)
  - Volume the Second, British Library, London - [Text](#) - [Head Note](#) - [Facsimile](#)
  - Volume the Third, British Library, London - [Text](#) - [Head Note](#) - [Facsimile](#)
- Lady Susan, Morgan Library & Museum, New York - [Text](#) - [Head Note](#) - [Facsimile](#)
- Susan, Morgan Library & Museum, New York - [Text](#) - [Head Note](#) - [Facsimile](#)
- The Watsons - [Head Note](#)
  - The Watsons, Morgan Library & Museum, New York - [The Watsons \(1\) Text](#) - [Facsimile](#)
  - The Watsons, Bodleian Library, Oxford - [The Watsons \(2\) Text](#) - [Facsimile](#)

Илл. 24. Раздел «Рукописи» проекта «Творческие рукописи Джейн Остин»

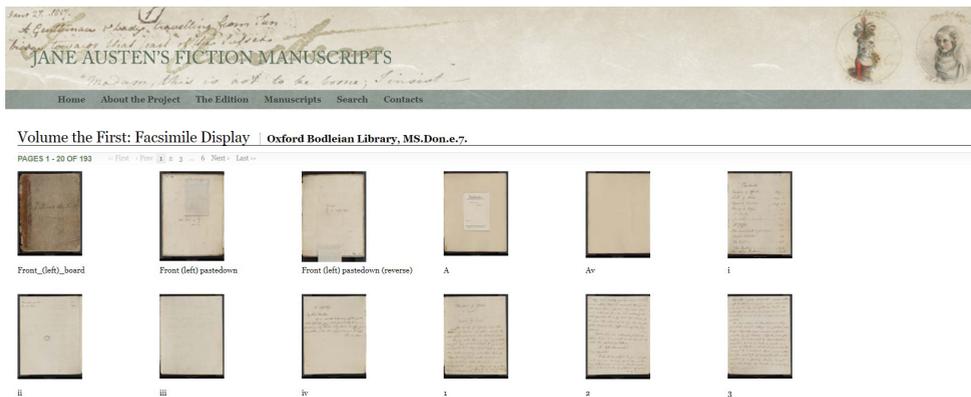
Fig. 24. Manuscripts section of the Jane Austen Creative Manuscripts Project

По гиперссылке «Факсимиле» (Facsimile) открывается каталог цифровых изображений, которые представлены постранично с указанием на источник (см. Илл. 25).

По гиперссылке «Примечания» (Head Note) открываются исследовательские комментарии к конкретной рукописи (см. Илл. 26).

По гиперссылке «Текст» (Text) открывается пользовательский экран, в левой части которого расположена транскрипция рукописного листа, в правой — его факсимильное изображение (см. Илл. 27).

В транскрипции применены средства визуализации творческого процесса Дж. Остин — горизонтальное вычеркивание отражает вычеркнутые в рукописи слова, вписанные показаны в том месте, где их вписал автор (например, в надстрочном пространстве). Кроме того, в ряде случаев (при чтении стертых слов) используется цветное выделение текста, а также при необходимости приводятся короткие комментарии в сносках, сделанных в тексте транскрипции в виде всплывающих окон.

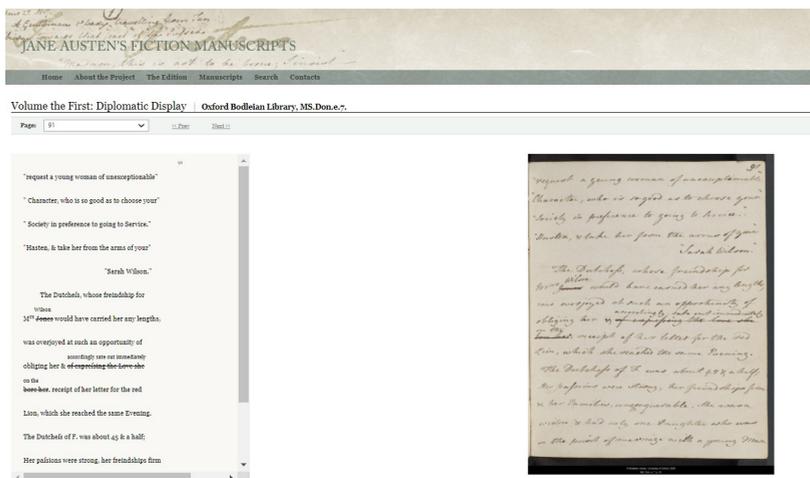
Илл. 25. Каталог факсимиле в проекте «Творческие рукописи Джейн Остин»

Fig. 25. Facsimile catalog in the Jane Austen Creative Manuscripts Project

Илл. 26. Комментарии к рукописным источникам в проекте «Творческие рукописи Джейн Остин»

Fig. 26. Comments on Handwritten Sources in the Jane Austen Creative Manuscripts Project

Илл. 27. Текст и его транскрипция в проекте «Творческие рукописи Джейн Остин»

Fig. 27. Text and its transcription in the Jane Austen Creative Manuscripts Project

Публикаторы справедливо замечают, что даже самое точное цифровое воспроизведение рукописного источника не может воссоздать все черты и свойства оригинала. В случае цифрового изображения рукописи теряется сам носитель: у нас есть визуальное впечатление от бумаги и чернил, но нет точного представления о физических параметрах оригинала. При подготовке цифрового архива его создатели старались не забывать об этом различии, извлекая выгоду из его парадоксального потенциала. Работа с рукописями велась с большой осторожностью, чтобы ограничить некоторые виды «улучшений» текста (обрезка, искажение масштаба, стирание пятен, сглаживание). Гораздо более важны в цифровом формате другие, действительные улучшения, удовлетворяющие исследовательскому интересу: в частности, техническая возможность увеличивать трудные слова или отрывки и фокусироваться на графических характеристиках рукописи. В результате издание, включающее факсимильные изображения, предъявляет более высокие требования к интерпретации текста: верность оригиналу всегда находится под критическим контролем [Jane Austen's Fiction Manuscripts. Introduction to the Edition. The role of facsimiles]⁴.

Интерес представляет проект Елены Пьераццо (Elena Pierazzo, Grenoble University, на момент создания проекта — King's College, London) и Жюли Андре (Julie André, Institut des Textes et Manuscripts modernes (ITEM), Ecole Polytechnique (University of Paris-Saclay)), которые представили несколько

страниц из записной книжки Марселя Пруста с транскрипцией (URL: http://elenapierazzo.org/proust_prototype).

Работа была анонсирована на конференции, посвященной изучению рукописей Пруста («Proust, l'œuvre des manuscrits»), которая состоялась в Париже 1–2 марта 2012 г. и была организована «командой Пруста» (Équipe Proust, ITEM (Institut des Textes et Manuscrits modernes), см.: [Équipe Proust]). В разработке функционала сайта приняли участие Раффаэле Вильянти (Raffaele Viglianti) и Питер Стокс (Peter Stokes).

Создатели проекта рассматривают эту публикацию как подготовку к будущему цифровому изданию рукописей Пруста. Цель ее заключается в том, чтобы показать процесс написания текста на одном примере — нескольких страницах из записной книжки Пруста (тетрадь 46).

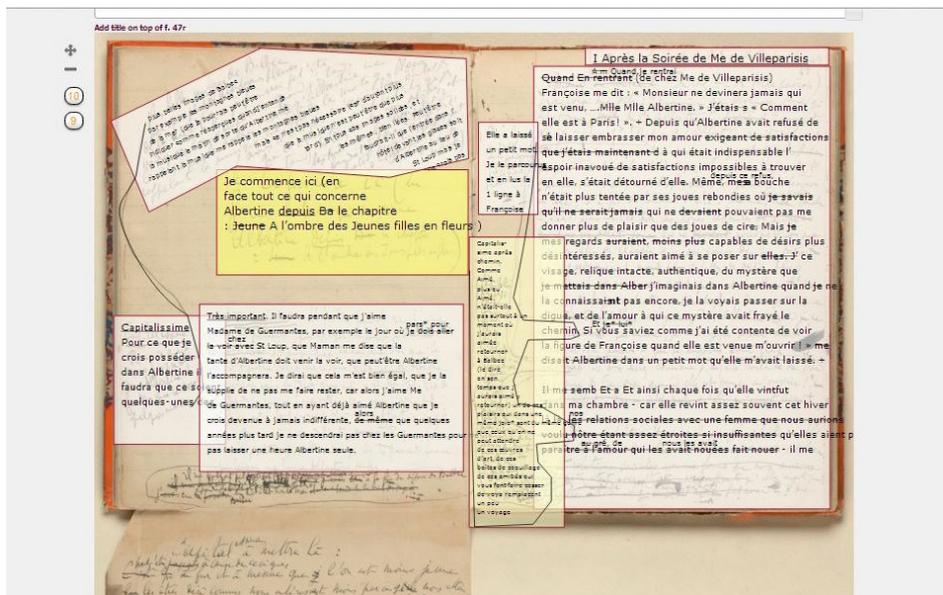
Илл. 28. Факсимиле страниц из записной книжки М. Пруста

Fig. 28. Facsimiles of pages from M. Proust's notebook

В данном случае транскрипция накладывается на соответствующие фрагменты снимка рукописи при клике компьютерной мышью на ту или иную запись.

Первый шаг, названный «reading sequence» (последовательность чтения), позволяет пользователям визуализировать путь к чтению текста прямо на странице. Второй, «writing sequence» (последовательность написания), показывает записи в хронологическом порядке. Таким образом, суть этого цифрового проекта заключается в том, чтобы сосредоточиться на исследовании динамики написания текста и представить процесс его создания. При этом гипотетичность текстологических решений оговаривается. Различные оттенки желтого цвета обозначают различные уровни уверенности

редакторов в том, каков порядок записей, т. е. чем сильнее желтый цвет, тем выше предположительность решения.

Илл. 29. Реконструкция хода творческого процесса в записях М. Пруста

Fig. 29. Reconstruction of the course of the creative process in M. Proust's notes

Среди российских проектов отметим «Автограф. XX век. Электронный архив русской литературы» (URL: <http://literature-archive.ru/ru>), работа над которым началась в 2014 г. под руководством В. Е. Багно при финансовой поддержке Российского научного фонда.

Проект создан при участии РГАЛИ, Пушкинского Дома и Высшей школы экономики. Как сообщают создатели, «сейчас в состав портала входят архивные собрания Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Андрея Белого, Иннокентия Анненского, Федора Сологуба, Александра Блока, Владимира Маяковского, Велимира Хлебникова, Николая Гумилева, Константина Бальмонта, Валерия Брюсова, Михаила Булгакова, Михаила Шолохова и Михаила Зощенко. К 2020 г. портал «Автограф. XX век» стал в три больше по количеству сайтов, и в десять раз — по объему электронных копий.

На портале находятся рукописи, рабочие тетради, дневники, переписка, фотографии и портреты, и справочная информация об архивных материалах: описи, перечни, аннотации. С 2019 года проект «Автограф. XX век» ведет Школа филологических наук НИУ ВШЭ, руководит проектом профессор Елена Наумовна Пенская. Портал продолжает пополняться материалами [Автограф. XX век. Электронный архив русской литературы. О проекте].

Илл. 30. Титульная страница проекта «Автограф. XX век»

Fig. 30. The title page of the Autograph. XX Century Project

Стоит упомянуть также серию «виртуальных архивов», созданную РГАЛИ, — в нее входят электронные проекты «Творческое наследие Анны Ахматовой» (URL: <http://www.akhmatova-rgali.ru/>), «Объединенный архив Вяч. Иванова» (URL: <http://www.ivanov-rgali.ru/>), «Объединенный электронный архив Ивана Бунина» (URL: <http://www.bunin-rgali.ru/>) и др.

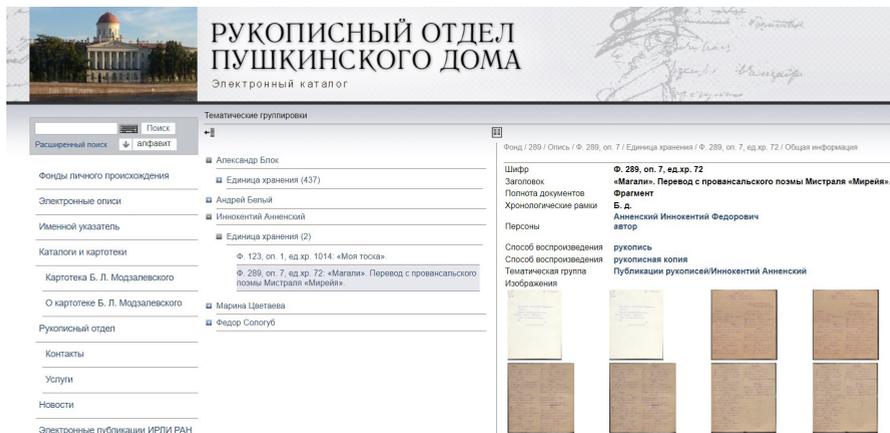
Кроме того, это сайт Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: URL: <http://ro.pushkinskiydom.ru/> (см. Илл. 31).

Илл. 31. Титульная страница сайта Рукописного отдела Пушкинского Дома

Fig. 31. The title page of the website of the Manuscript Department of the Pushkin House

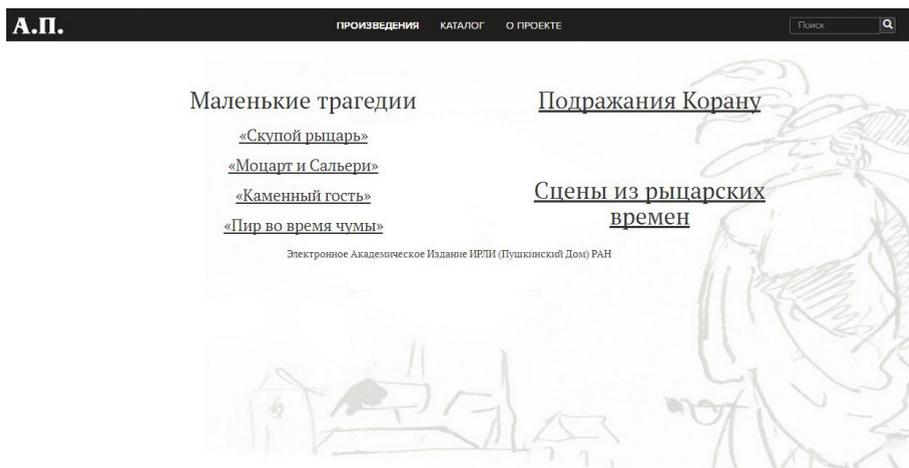
На сайте есть раздел «Рукописи Онлайн», где выложены факсимиле рукописей из фондов А. Блока, А. Белого, И. Анненского, М. Цветаевой, Ф. Сологуба.

Илл. 32. Факсимиле рукописей из фондов Рукописного отдела Пушкинского Дома

Fig. 32. Facsimiles of manuscripts from the funds of the Manuscript Department of the Pushkin House

В Пушкинском Доме создан проект цифрового академического издания сочинений А. С. Пушкина «Pushkin Digital» (URL: <https://www.pushkin-digital.ru/texts>). На сайте представлены материалы академического полного собрания сочинений Пушкина, подготовленные в ИРЛИ РАН В. Е. Багно, А. С. Бодровой, М. Н. Виролайнен и А. А. Долининым. Концепция электронной публикации разработана коллективом филологов и программистов, в который вошли В. Е. Багно, А. Ю. Балакин, Г. Н. Беляк, А. С. Бодрова, М. Н. Виролайнен, В. Л. Зунин, Е. О. Ларионова, Ю. И. Лукин, Ю. С. Пеньков, С. Б. Федотова.

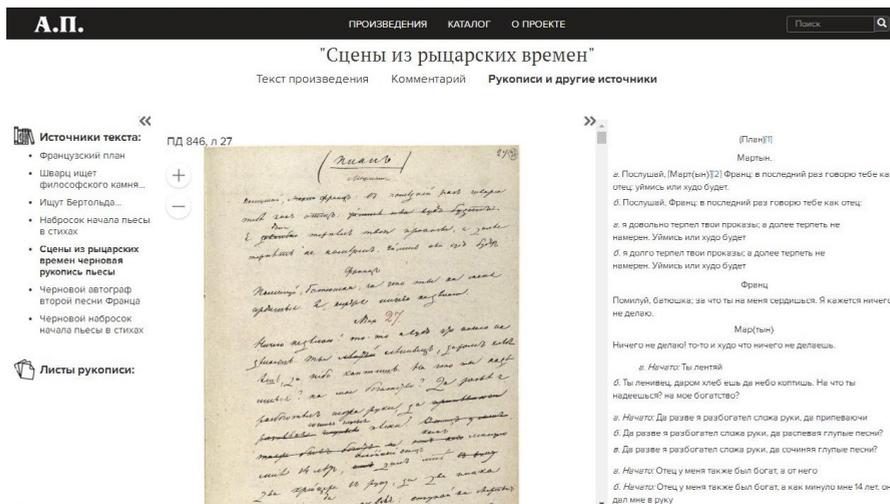
Илл. 33. Титульная страница проекта «Pushkin Digital»

Fig. 33. Title page of the Pushkin Digital Project

Здесь представлены как печатные, так и рукописные тексты пушкинских произведений. Как замечают создатели ресурса, «это не только пушкинский текст, снабженный обширным историко-литературным комментарием, но и мультимедийная энциклопедия произведения, содержащая тысячи внешних ссылок, сотни книг и статей, а также десятки листов пушкинских рукописей, оцифрованных и снабженных специальной расшифровкой, позволяющей проследить ход работы поэта.

Новый академический стандарт электронной публикации, новый способ представления филологического знания в виде многофункционального диджитал ресурса делает академическую науку понятной и доступной максимально широкому кругу читателей и в то же время даст новые инструменты профессионалу» [Pushkin Digital. О проекте].

При воспроизведении рукописных текстов используется уже знакомая нам модель параллельного представления рукописного источника и его расшифровки. Транскрипция дана в виде вариантов, отражающих слои правки и приведенных поочередно под литерами.

Илл. 34. Факсимиле рукописи и транскрипция в проекте «Pushkin Digital»

Fig. 34. A facsimile of the manuscript and transcription in the Pushkin Digital Project

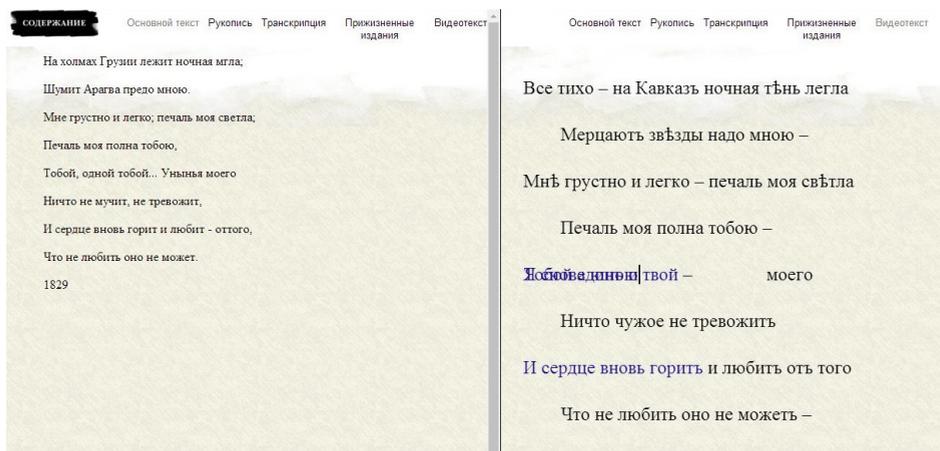
Кроме того, это веб-сервис для транскрибирования и электронного представления рукописей «Текстограф», разработанный в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве (URL: <http://textograf.ru/textograf/#/>). Как и многие другие проекты, «Текстограф» предлагает параллельный просмотр рукописного листа и исследовательской расшифровки текста. Материалы сайта в целом имеют исследовательский характер и содержат результаты изучения истории текстов и творческой истории произведений Л. Н. Толстого⁵.

Наконец, это проект «Видеотекст: цифровая технология генетического чтения» (URL: <http://videotekst.ru/>; см. подробнее: [Хомякова]). Автор идеи и концепции проекта, возникшей в 2011 г., — Г. В. Векшин, проф. кафедры русского языка и стилистики Московского государственного университета печати им. Ивана Федорова. Для практического применения разработок участники проекта выбрали «Арзрумскую тетрадь» А. С. Пушкина.

Здесь также используется принцип деления экранного пространства на две части, при этом они взаимозаменяемые. Есть вкладки «Основной текст», «Рукопись», «Транскрипция», «Прижизненные издания», «Видеотекст». В верхнем левом углу экрана находится вкладка «Содержание». При наведении на нее курсора высвечиваются заголовки стихотворений, включенных в публикацию (см. Илл. 35).

Главным отличием этого проекта от других является вкладка «Видеотекст», которая и дала название всей программе. Здесь средствами анимации показан процесс авторского письма — то есть создания стихотворения с учетом последовательности возникновения вариантов и слоев записи. Один слой сменяет другой, и в результате читатель видит окончательный текст.

Илл. 37. Пример использования анимации в проекте «Видеотекст»

Fig. 37. Example of using animation in the Videotext Project

Недостаток этого метода в том, что на предыдущие варианты накладываются последующие, которые заменяют их, то есть не виден срез всех этапов правки текста автором. В этом смысле традиционная транскрипция дает больше сведений о творческом процессе.

Говоря о представлении творческого наследия Достоевского в среде Интернет, следует отметить, что первым проектом, сосредоточенным на этой задаче, стал сайт Philolog.ru в Петрозаводском университете (URL: <http://philolog.petrso.ru/>), на котором выложены печатные материалы, связанные с именем Достоевского, включая и полные конкордансы его произведений. Здесь, кроме того, размещены критически подготовленные печатные тексты русской классики, а также содержится много информации, связанной с изучением творчества Достоевского (см. Илл. 38).

Илл. 38. Титульная страница сайта Philolog.ru

Fig. 38. The title page of the Philolog.ru website

О концепции цифрового архива Достоевского

Обзор цифровых архивов в сети Интернет, связанных с презентацией мирового культурного наследия, показывает, что каждый такой архив создавался на основе продолжительной, иногда занимавшей целые десятилетия, научной работы, направленной на сбор рукописных и печатных источников, реставрацию рукописных материалов, их текстологическое исследование, изучение их творческой и нетворческой истории, определение методики их анализа и концепции их текстуального и цифрового воспроизведения, а также длительную подготовительную работу по выбору технического оборудования и оцифровке текстов.

Цифровой архив Достоевского мог бы объединить материалы многих архивных собраний — мест хранения творческих рукописей, эпистолярного наследия, других рукописных и печатных источников, связанных с жизнью и творчеством писателя.

При этом следует понимать, что простое размещение в сети факсимиле рукописных текстов — занятие малоперспективное, так как для профессионального читателя — текстолога — всегда будет ощутимой разница как между работой с оригиналом рукописи и ее цифровой копией, так и между копией в высоком разрешении, открытой в программе-просмотрщике изображения на компьютере, и копией в сниженном разрешении, размещенной в сети Интернет. Непрофессиональный читатель, открыв такой цифровой

каталог источников, не сможет ими пользоваться, так как почерк во многих рукописях трудночитаемый. Таким образом, факсимиле рукописей без исследования и комментирования текста не составят полноценный цифровой архив. Проект должен служить и читательским, и исследовательским целям.

Исследование как процесс лежит в основе создания электронных архивов и становится формой их развития. Именно поэтому публикация рукописных материалов в большинстве приведенных выше примеров сопровождается научными расшифровками рукописных источников и другими материалами, необходимыми для понимания, прочтения, изучения текстов. Так электронная база данных становится площадкой для дальнейшей исследовательской работы.

С 2016 г. в Пушкинском Доме в рамках двух проектов Российского научного фонда ведется работа по созданию цифрового архива Достоевского, включающего рукописные тексты и результаты их текстологического исследования: «Рабочие тетради Ф. М. Достоевского: первая полнотекстовая публикация автографов в их динамической транскрипции» (2016–2020, руководитель С. А. Кибальник) и «Новые методы изучения рукописного наследия Ф. М. Достоевского» (2020–2023, руководитель Н. А. Тарасова).

На сайте созданного цифрового архива (URL: <http://dostoevsky-archive.ru/>) выложены все записные тетради Достоевского в цифровых копиях, а также их комментированные исследовательские расшифровки, подготовленные объединенными усилиями петербургских, московских и петрозаводских текстологов — В. Н. Захарова, Н. А. Тарасовой, Б. Н. Тихомирова, Т. В. Панюковой, Л. В. Алексеевой и др. Подготовительная работа по текстологическому исследованию, сканированию, оцифровке, печатному набору этих материалов была начата в 1990-е гг. коллективом сотрудников Петрозаводского университета под руководством В. Н. Захарова (в то время это сотрудники текстологической группы, работавшие с рукописями: Н. А. Тарасова, Г. В. Борисова, В. С. Зинкова, Т. В. Панюкова, Т. А. Радченко и др.).

Таким образом, транскрипция рукописей Достоевского осуществлялась на протяжении почти двадцати лет. Как и при разработке других электронных архивов (например, проект «Синайский Кодекс», где расшифровкой занимались два транскриптора, чтения которых сравнивались; цифровой архив романа Г. Флобера «Мадам Бовари», в котором транскрипция уточняется и обновляется до сих пор), рукописные тексты расшифровывали разные исследователи, чтения многих «трудных мест» в рукописях Достоевского сравнивались по всем печатным публикациям рукописного текста, по первоисточникам и обсуждались коллегиально, при этом учитывались мнения наиболее опытных текстологов. В настоящее время эта исследовательская работа продолжается. Доступ в созданный архив предоставляется пользователям через модератора сайта.

Изучение текстов Достоевского основывается преимущественно на опубликованных источниках — собраниях сочинений и исследованиях. Однако творческое наследие писателя до сих пор публикуется с отступлениями от авторского текста, который во многих случаях передан в печати неточно, в том числе по причине сознательной редакционной правки: от языковой модернизации до необоснованного разделения связанных между собой записей Достоевского и публикации их в отрыве друг от друга. При этом многие детали творческого процесса автора не получают подробного освещения при публикации.

На многих страницах рабочих тетрадей писателя встречаются каллиграфические прописи, пробы пера, росчерки, рисунки (портретные зарисовки, геометрические фигуры, орнаменты, изображение архитектурных деталей готического стиля). 1860–1870-е гг. стали временем наиболее интенсивного обращения Достоевского к графике. В рукописях этого периода формировались крупные творческие замыслы (в том числе романов, открывающих «великое пятикнижие», — «Преступление и Наказание» и «Идиот»). Разработка художественных идей выражалась не только в их вербальном воплощении, но и в создании системы образных представлений, которые способна передать именно графика: портреты героев будущих произведений, «готика» как отражение эстетических впечатлений Достоевского от европейской храмовой культуры, с которой писатель был хорошо знаком, историко-литературный подтекст большинства каллиграфических записей. Кроме того, рукописи содержат систему условных обозначений, выполнявших две функции: 1) корректурных знаков, с помощью которых соединялись связанные между собой записи; 2) знаков-символов, которыми автор отмечал отдельные записи, связанные не синтаксически, как в первом случае, а семантически и тематически (наибольшее количество знаков-символов содержат тетради 1870-х гг. с набросками к роману «Подросток» и «Дневнику Писателя») (см.: [Тарасова, 2004], [Тарасова, 2021]). В печатных публикациях рукописного текста авторские знаки почти не воспроизводятся⁶, однако они, как и другая графика, имеют безусловное значение для исследования творчества Достоевского.

Остановимся подробнее на проблемах, которые возникают при электронной форме воспроизведения текста. Спектр вопросов, связанных с этой темой, обусловлен многолетним исследованием рукописей Достоевского, которое способствовало формированию в наши дни новых подходов к публикации материала, определяемых возможностями электронной публикации рукописного текста с максимально полным отражением его особенностей и с использованием специфики информационной Интернет-среды.

Интернет-публикация тетрадей писателя показывает авторский текст как эстетическую целостность, в совокупности вербальных и невербальных его характеристик. Кроме того, современные средства программирования

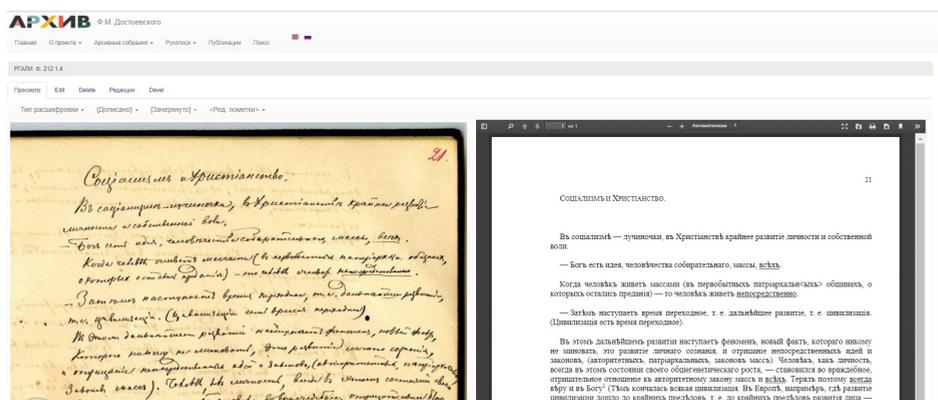
позволяют разработать новые, многофункциональные, интерактивные способы представления текста на всех этапах его истории.

Электронное представление информации дает возможность показать читателям цифровую копию каждой рукописной страницы и — для сравнения — исследовательскую расшифровку текста. Подобного рода соотнесение стало, как мы видели, традиционным в электронных изданиях. Далее приводятся примеры визуализации страницы рукописного источника и ее расшифровки в виде транскрипции из цифрового архива Достоевского.

Электронное представление материала

Страница рукописи

Исследовательская расшифровка
текста

Илл. 39. Наброски к замыслу «Социализм и Христианство» и их расшифровка (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 21)

Fig. 39. Sketches for the “Socialism and Christianity” concept and their interpretation (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.4. P. 21)

Читателям предлагается два варианта расшифровки текста: аутентичная версия с сохранением всех особенностей авторского правописания и версия на современном языке, в которой восстановлены недостающие знаки пунктуации и учитываются особенности авторского языка и стиля, а также языковые характеристики эпохи. Исследовательская транскрипция представлена в формате HTML и PDF. Модераторы сайта и работающие с этим материалом текстологи могут уточнять и дополнять текст транскрипции в режиме редактирования.

Технологии представления текста в электронном виде обычно предполагают выбор основных функций программного текстового редактора,

с помощью которых исследователь и читатель могут производить необходимые действия. Так, цифровую копию рукописи можно увеличить и рассмотреть интересующие детали, сравнивая страницу автографа с представленной расшифровкой текста.

Однако применительно к исследовательским расшифровкам остаются те же вопросы, которые возникали ранее, в «доцифровую» эпоху, при подготовке печатных (книжных) публикаций рукописей: расшифровка представляет собой текст как результат исследования (и интерпретации), и существенной проблемой (помимо корректности самой интерпретации) становится форма представления этих исследовательских результатов.

Полнотекстовые электронные версии рукописей оформляются по-разному. Рассмотрим варианты отображения текста на примере автографов Достоевского. Традиционный путь печатного (книжного) издания — когда текст воспроизводится посредством выделения последнего слоя записи (или признанного таковым публикаторами) и приведения остальных слоев в подстрочных примечаниях, содержащих, кроме того, необходимые редакционные пояснения. Этот метод используется в академических изданиях, однако ясно, что в электронной версии текста он может быть использован именно как вариант среди других. Второй путь — применение транскрипции. Методика транскрибирования текста неоднократно вызывала критику, не утвердилась в практике советских академических изданий, но в наши дни интерес к ней возобновился. Если сравнивать названные подходы, то транскрипционный сложен для восприятия, но точнее передает ход творческого процесса автора; отражение последнего слоя авторской правки выглядит эстетичнее, но содержит больше условий для произвольной интерпретации рукописного текста, неточной его передачи, и меньше информации для читателя.

При использовании транскрипции приоритетным является рассмотрение авторского текста как идейно-эстетической целостности и одновременно — исторического документа, который должно воспроизводить аутентично, показывая ход творческой работы писателя. Транскрипция используется для отражения результатов текстологического анализа как система обозначений, при помощи которых исследователями передается динамика авторского письма, с установлением последовательности вычеркнутого и вписанного текста, с выделением слоев записи в пределах рукописной страницы. Частью этой работы становится описание хода творческого процесса и анализа связей между записями.

Основные коды транскрипции, позволяющие передать характер авторской правки текста в рукописях Достоевского: 1) Вычеркнутое приводится в квадратных скобках []. Внутреннее вычеркивание — с выделением первой пары скобок полужирным шрифтом: [[...]]. 2) Вписанное приводится в скобках {}. Внутреннее вписывание — с удвоением скобок и выделением первой пары полужирным шрифтом: {{...}}. 3) Восстановленные исследователями знаки вопроса, восклицания, тире (<?>, <!>, <—>) используются в случаях

исследовательской интерпретации контекста при отсутствии в авторском тексте необходимых знаков препинания. 4) Слова, читаемые предположительно, сопровождаются знаком <?>.

Читатель имеет возможность обратиться непосредственно к тексту автора Достоевского, чтобы увидеть интересующее его слово или контекст.

Пример транскрипции

[18][20.]

Окончательный планъ романа

NB)? — Геро любить (или воображаетъ что любить) Красавчика. [При] У ней былъ прежде Инженеръ. При дядѣ сватался Сенаторъ. Отказала. Дядя и не соваяся. [Но] [Кра] На дядю она злилась, потому что дядя отбивалъ Красавчика; Красавчикъ боялся раздражить его. [Лопну]

— NB) На Геро злятся, что ее нельзя держать какъ всѣхъ другихъ гувернантокъ.

— Лопнулъ процессъ, Геро надѣялась что Красавчикъ посватается. Но тутъ характерная мать и всѣ вдругъ начали пилить Геро: Зачѣмъ отказала Сенатору. “Чего-бы имъ-то кажется?” Стало быть сердятся что хлѣбъ у нихъ ѣсть. Тутъ-то и сватается дядя. Не смотря на защиту Генерала, Геро принуждена была принять предложене.

— Идиотъ, съ самаго начала отбиваетъ невѣсту у отца. Въ Семействѣ Генерала онъ вдругъ является не Идіотомъ. (день его рожденія) Съ Умецкой онъ сходится нечаянно.

— Съ Геро палець. СТАРИЧКИ. Сенаторъ. Дядя радъ, что онъ осмѣялъ Сенатора. Отець Инженера. ¹

— Дядя, какъ воротился (съ вечера), затѣялъ съ нимъ исторію: {—} Какъ могъ онъ скрываться? —

— Романическаія отношенія съ дядей.

— Идиотъ и Петербургъ. ² Убѣжденія Идіота. Дядя сулитъ деньги; беретъ съ пренебреженіемъ. Дядя и Умецкая. {(Молитвы, похороны и проч.)}

— Лопнулъ процессъ. (У дяди межъ тѣмъ катастрофа съ Идіотомъ) Дядя съ предложеніемъ.

— Геро въ негодованіи на Красавчика. Генераль. Обвиненіе Генерала въ любви. Нечего дѣлать, надо взять дядю.

— Кутежъ Геро. Побѣгъ Геро съ Идіотомъ (съ пасынкомъ)

Илл. 40. Пример транскрипции. Черновые наброски к роману «Идиот» (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 20)

Fig. 40. Example of transcription. Rough drafts for the novel “Idiot” (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.5. P. 20)

Указанные принципы транскрибирования рукописного материала важны как способ наиболее информативного отражения не только творческого процесса автора, но и хода исследовательской работы по прочтению и интерпретации текста. Разработка транскрипции полезна именно в исследовательских целях, так как транскрибирование позволяет фиксировать детали прочтения рукописи и характер передачи текстологических фактов.

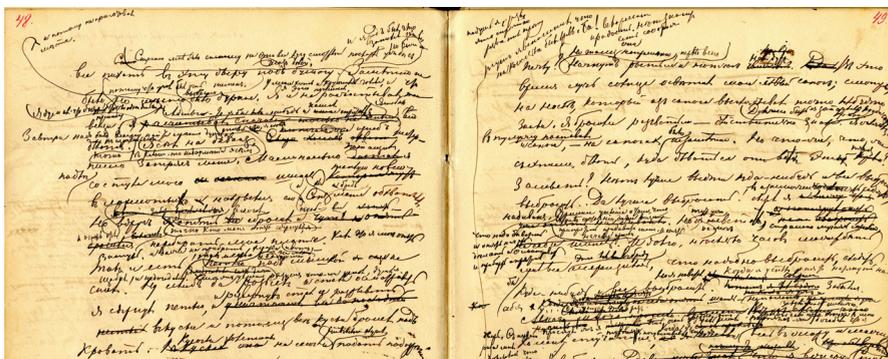
Определяя транскрипцию как рабочий инструмент текстолога при подготовке рукописного текста к печати, не следует абсолютизировать ее роль

в воспроизведении рукописей, чтобы транскрипционный подход не усложнял читательское восприятие материала. Набор элементов описания должен быть минимален и прост. Было бы неуместно превращать авторский текст в шифровку, недоступную пониманию или становящуюся самостоятельным объектом изучения, уводящим внимание читающего от содержания публикуемого материала. Однако на данном этапе очевидно, что без транскрипции в системах электронного воспроизведения текста практически невозможно обойтись, о чем свидетельствует обзор цифровых архивов, приведенный выше. Транскрипция в данном случае показывает своего рода «карту текста», то есть все срезы в его истории, всю последовательность авторской правки, все слои, которые можно увидеть разом, одновременно.

На этапе транскрибирования проявляется еще одна проблема, нуждающаяся в решении, — сохранение целостного представления о правке текста. Казалось бы, именно транскрипция раскрывает текст в движении, дает информацию обо всех слоях сразу, то есть о целостной картине изменения текста. На примере текстов сравнительно небольшого объема (стихотворных) это действительно так, но на материале прозаического чернового текста значительного объема становится очевидной сложность представления всех слоев авторской правки и, соответственно, затрудненность читательского восприятия публикуемого автографа.

Использование даже минимального (см. выше) набора кодов транскрипции в ряде случаев может приводить к указанным сложностям восприятия текста. Приведем в качестве примера фрагмент чернового автографа «Преступления и Наказания», содержащий многослойную правку.

Пример многослойной правки

Илл. 41. Фрагмент чернового автографа к роману
«Преступление и Наказание» (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 48–49)

Fig. 41. Fragment of a draft autograph for the novel “Crime and Punishment”
(The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.4. P. 48–49)

Следующим образом выглядела бы транскрипция этого текста даже при использовании минимального набора элементов описания — также приводим ее небольшой фрагмент (с. 48).

Пример усложненной транскрипции

всё пихать в эту дыру под бумагу. [{{Само<му>}}] {Странно мне было самому на эту¹ всю кучу смотреть<> поскорей уж бы с глаз долой, и я рад был<> что запихал это всё. “Но Бож<е> м<ой><> <—> подумал я, <—> разве это спрятано<> разве так прячу<т><?>”²} Заметно не было, {потому что угол был очень темен.} Но место {выбрано} было дурное. {У меня хоть и кружилась голова, а я это понимал.} Я и не рассчитывал [на<> {что} вещи {принесу}]: я рассчитывал сначала только на деньги. {Я думал<> что будут только одни деньги} {и потому не приготовил места.³} {А деньги-то я бы как-нибудь и [иначе] {нашел} спрятать.} {Ясно было}<> {Что делать<>⁴} {Завтра надо было всему найти место<> <—> думал я. В изнеможении} Я сел⁵ {{Точно} В каком-то недоумении я сел} на диван. [Скоро холод охвати<л>] [{{и}}] {Только что я сел}<> {Тотчас же} озноб нестерпимо} затряс меня. Машинально [достал] {поташил} я {подле} со стула мою [ш] [осеннюю] шинель<> [которая тут] {теплую<> но всю} в лохмотья[в]{x}<> [и] накрылся ею [и] {и} сон [и] {или} бред} меня обхватывал. Но {волнение} [забота взяла свое и] я вскочил} вдруг<> [я] {точно кто меня опять сдернул, я} опять [всё] сбросил {с себя всё} и⁶ [чуть не] [опять] [и опять]} [бросился] [{{вскочил}}] {и опять стал} перебирать мое платье. {Как это я мог опять заснуть, и даже не прибрать платье на место. “О Боже мой! и вот —} Так и есть! {так и есть!} Петлю под мышкой [я еще] не снял! {и забыл и не догадался! [Я не догадался опять даже] Что ж у меня разум<> что ли<> ушел<?>, <—> думал я.} <—> Ну если б да розыск и стали осматривать<?>”, я сдернул петлю [и уничтожил всё до последней нитки] {и<> развернув<> стал ее разрывать} в куски и

Илл. 42. Расшифровка автографа (версия на современном языке)

Fig. 42. Transcription of the autograph (modern language version)

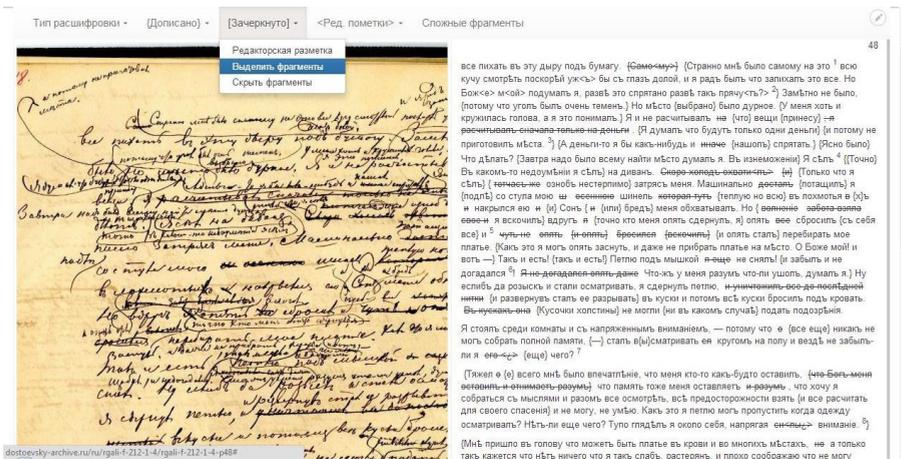
В данном случае описание текста усложняется не только за счет необходимости частого использования знаков транскрипции, но и из-за такой специфической черты чернового автографа «Преступления и Наказания», как отсутствие в беглом письме многих знаков препинания, необходимых для понимания записи, в связи с чем возникает вопрос о степени публикаторского вмешательства в текст: если восстанавливать знаки, то отражать ли их как неавторские или воспроизводить по умолчанию? Фиксирование неавторского характера знаков при помощи угловых скобок увеличивает число графических элементов транскрибирования и усложняет читательское восприятие текста еще больше. Если же эти знаки воспроизводить, не огоривая их неавторский характер, читатель будет считать их авторскими.

Именно поэтому особое значение приобретает вариантность представления результатов исследовательской работы: аутентичная языковая версия, сохраняющая текст в том виде, в каком он представлен в рукописи, и языковая версия с расставленными (без угловых скобок) знаками препинания, правила постановки которых специально оговорены публикаторами, становятся взаимодополняющими, и благодаря этому читатель получает максимум информации как о самом тексте, так и об исследовательской работе над ним.

Практика показывает, что при транскрибировании прозы мы сталкиваемся с такими проблемами, как объем черногого текста (это могут быть сотни и даже тысячи страниц при отсутствии или недостаточности автоматизированных способов их обработки), характер заполнения автором рукописного листа с возможным сочетанием разных типов черновиков, связного текста и набросков в разных направлениях и по записанному, правкой высокой сложности более, чем в три-четыре слоя. Все эти условия могут максимально усложнить зрительное восприятие текста в транскрипции.

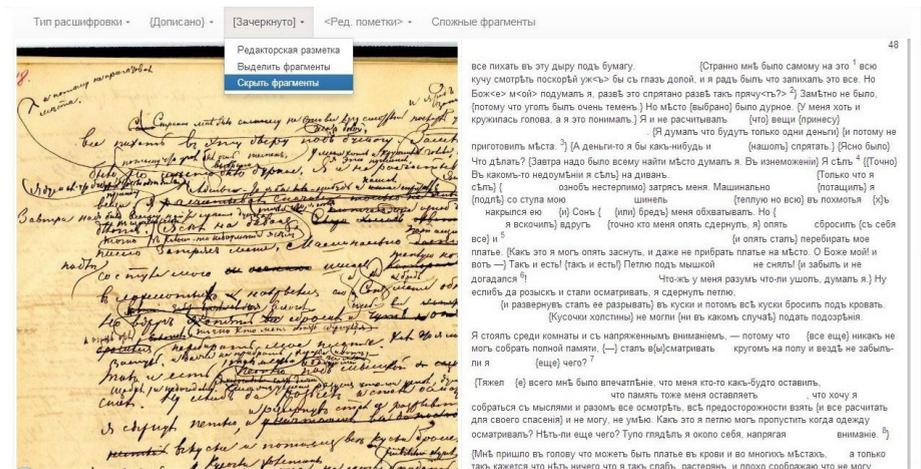
Следовательно, транскрипция как способ представления материала нуждается в доработке с помощью современных технологий.

Самая сложная задача для нас — это показать особенности творческого процесса автора при помощи программных средств так, чтобы это было максимально понятно и наглядно. В основе этого механизма в нашем проекте те функции, которые определяются спецификой самого творческого процесса при создании текста: мы показываем авторские вычеркивания (функция «Зачеркнуто») и вставки (функция «Дописано»), визуально выделяя (или скрывая) соответствующие фрагменты текстовой расшифровки. Читатель может выбрать различные режимы просмотра, при которых дописанные фрагменты выделяются фоновым цветом, а зачеркнутые либо отображаются зачеркнутым стилем, либо временно скрываются. Таким образом, например, можно скрыть вычеркнутое автором, выделить дописанное и получить результирующий слой авторской правки.

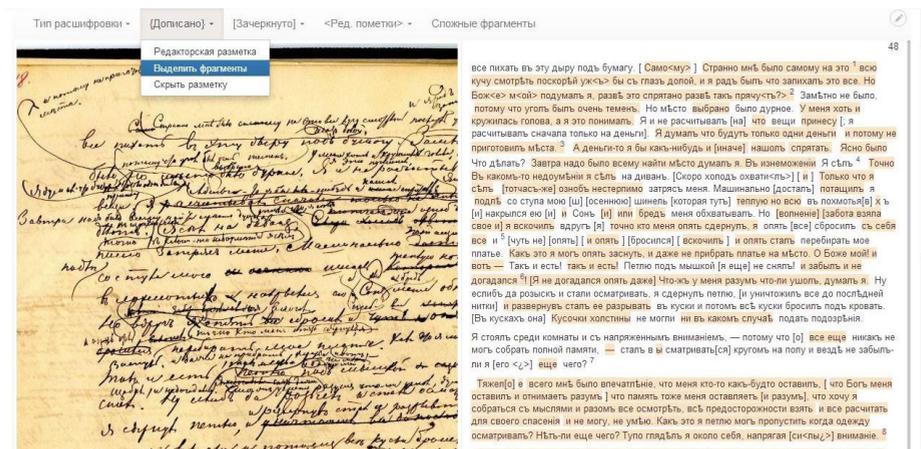

Илл. 43. Графическое выделение вычеркнутого

Fig. 43. Graphic selection of the crossed-out text

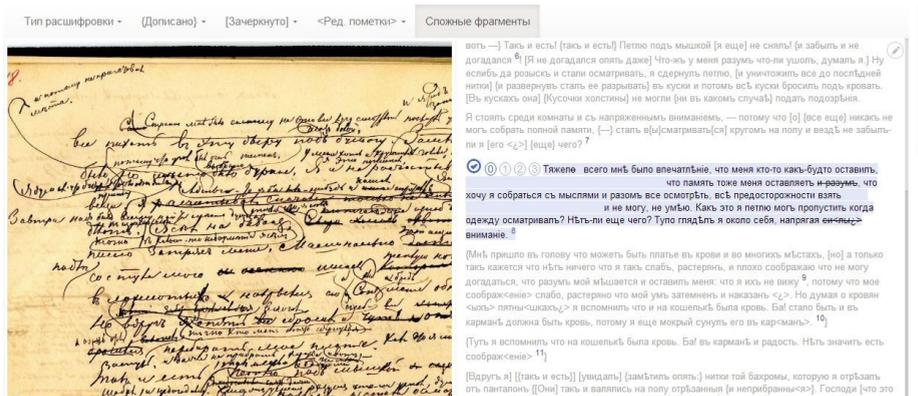

Илл. 44. Вычеркнутое скрыто
Fig. 44. Crossed-out text is hidden

Илл. 45. Цветовое выделение вписанного
Fig. 45. Color selection of the inscribed text

Наиболее интересной для формального программного анализа представляется последовательность авторского вписывания и вычеркивания. В ходе подготовки публикации текстовых расшифровок с динамической транскрипцией был разработан и реализован оригинальный рекурсивный алгоритм, позволяющий интерпретировать редакторскую разметку. В нетривиальных случаях читателю доступна функция «Сложные фрагменты», позволяющая в интерактивном режиме увидеть слою авторской правки:

Илл. 46. Пример работы со сложными фрагментами текста

Fig. 46. Example of working with complex text fragments

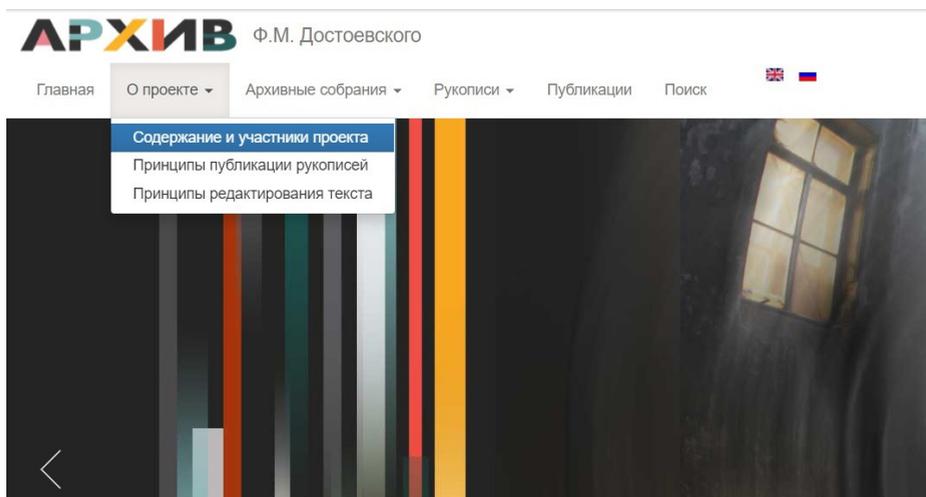
Из сказанного следует, что мы доработали модель электронного представления текста именно в направлении этой задачи — отражения слоев правки и главных особенностей творческого процесса. Это особенно важно, если учесть, что мы имеем дело с прозаическими текстами большого объема и черновой правкой высокой сложности (когда этих слоев много).

Имеет значение подробное вербальное описание информации о расположении записей на странице и их взаимосвязи. При установке на постраничное воспроизведение источника нужны комментарии, разъясняющие ход творческого процесса автора. Такие пояснения включаются в саму транскрипцию в виде подстрочных примечаний к конкретным местам текста, а в случае большего объема и концептуальности исследовательских наблюдений подобного рода материалы целесообразно публиковать отдельно. В данном случае цифровой архив выполняет и функции электронной библиотеки, где в соответствующем разделе размещены научные работы по текстологии и другим аспектам исследования творчества Достоевского.

Таким образом, собственно организация и настройка программной платформы для цифрового архива предполагает создание функций, актуальных для мультимедийного представления результатов исследовательской работы в глобальной сети: создание форм, представляющих информационные материалы, включая отсканированный документ (рукопись); его расшифровки в HTML и PDF в современной и аутентичной языковых версиях; создание шаблонов и макетов страниц различных типов (стартовая, информационная, страница рукописи, публикация и др.); страниц разделов; навигации (меню); расширенной формы регистрации; инструментария, обеспечивающего создание мультязычных административных и клиентских интерфейсов.

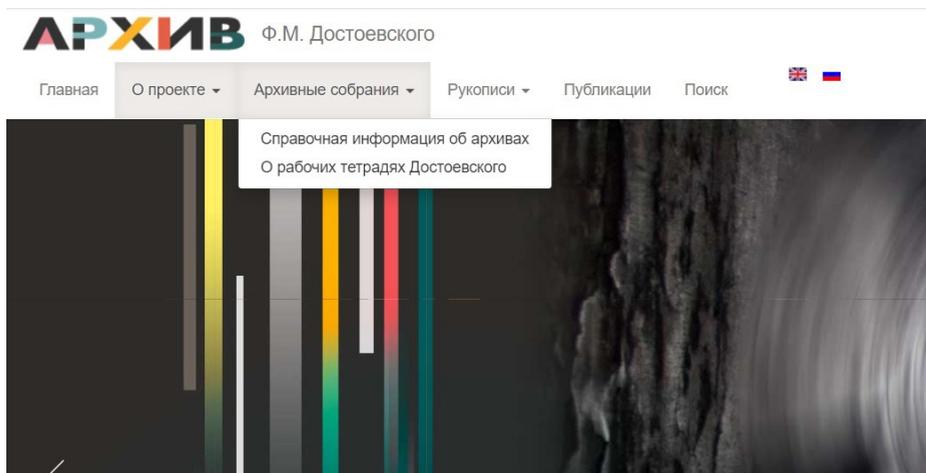
Перспективы развития цифрового архива Достоевского заключаются в дальнейшей доработке его функционала и содержательного наполнения согласно тем принципам, о которых было сказано в начале статьи — доступность и полнота материала, установка на аутентичность отражения текстовой информации, полноценное использование технического инструментария.

Ниже представлена рабочая версия оригинал-макета сайта в соответствии с изложенной концепцией цифрового архива Достоевского.

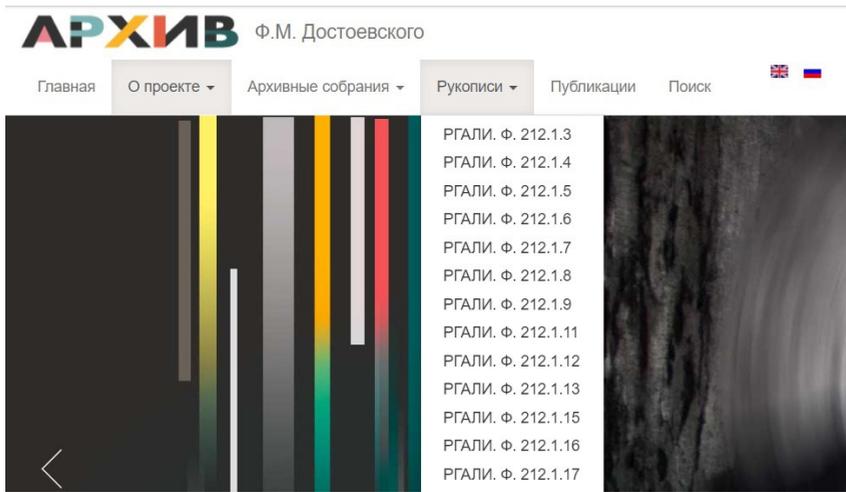
Илл. 47. Раздел «О проекте»

Fig. 47. About the Project section

Илл. 48. Раздел «Архивные собрания»

Fig. 48. Archival Collections section

Илл. 49. Раздел «Рукописи»

Fig. 49. Manuscripts section

На данный момент структура сайта включает шесть основных разделов: стартовую страницу «Главная», на которой содержатся сведения о научном коллективе, создавшем цифровой архив Достоевского; раздел «О проекте», включающий описание работы и обоснование принципов электронной публикации и редактирования текстов Достоевского; пополняемый раздел «Архивные собрания» с характеристикой фондов хранения рукописей Достоевского; пополняемый раздел «Рукописи» с выложенными в нем единицами хранения (здесь читатель может пройти по нужному шифру и получить доступ к той или иной рабочей тетради Достоевского и исследовательской расшифровке текста); пополняемый раздел «Публикации», в котором размещается библиотека исследований о Достоевском; раздел «Поиск», который предусматривает возможность поиска по транскрипции рукописных текстов.

Цифровой архив как форма разработки и применения новых методов изучения рукописного наследия Достоевского

В настоящее время все большую актуальность приобретают междисциплинарные исследования, связанные с применением новейших информационных технологий в сфере гуманитарного знания. Для изучения рукописного наследия Достоевского данный подход представляет несомненную ценность. Тексты писателя опубликованы с большим числом искажений, которые объясняются не только редакторским и корректорским вмешательством в текст, но и неразработанностью самой методологии чтения и комментирования рукописей, недостаточной изученностью специфики

творческого процесса Достоевского. Неверное прочтение текстов приводит к ошибкам их исследовательского истолкования, как на уровне черновиков писателя, так и при обращении к окончательным текстам, включая и знаменитые романы Достоевского.

Таким образом, актуальность разработки новых методов изучения рукописного наследия Достоевского обосновывается тем, что графические особенности текстов писателя (как почерк, так и невербальную графику) следует рассматривать как отправную точку для понимания авторского текста, анализировать и представлять читателю во всей полноте и смысловых взаимосвязях. От точности прочтения рукописного текста зависит адекватность его последующей научной интерпретации, что важно не только для исследования черновиков, но и для решения многих проблем изучения печатных текстов Достоевского и его окружения, в том числе при датировании и атрибуции материала. Для этого необходимо сочетание возможностей текстологии как филологической науки и современных программных методов обработки информации. Эта работа имеет несомненную научную и практическую ценность — она позволяет собрать, в том числе автоматизированными способами, информацию о почерке писателя, графических формах передачи смыслов, особенностях творческого процесса, разработать методы прочтения трудночитаемых слов в черновых текстах Достоевского, критически оценить существующие научные интерпретации творческого наследия писателя.

В задачи нашего исследования входят разработка и обоснование программных методов сбора и систематизации данных о почерке Достоевского (выделение типичных и нетипичных написаний, вариантов буквенных начертаний); составление описания и классификации невербальных форм выражения смысла в рукописях писателя — рисунков и условных обозначений автора; изучение каллиграфии Достоевского; включение образцов невербальных форм и каллиграфии с их идентификациями и описаниями в разрабатываемое онлайн-приложение; исследование значения графических характеристик для решения вопросов датирования записей. В совокупности решение этих задач служит разработке методологии чтения рукописного текста Достоевского и, в конечном счете, — методологии анализа творческого процесса, точного прочтения и интерпретации текста, с использованием возможностей программирования. Основой для выполнения этих задач служит работа, начатая нами в проектах, посвященных текстологическому изучению рукописей Достоевского.

Использование программных средств ведется в следующих направлениях: текстологическая разметка (с помощью TEI или аналогичных языков разметки), программная обработка размеченных текстов, сопоставление графического содержимого страниц рукописи и текстовых расшифровок. В созданном нами цифровом архиве Достоевского предлагается подход, связанный с созданием корпуса образцов начертаний и изображений,

методики их исследования и с разработкой соответствующего программного обеспечения, реализующего задачи точной расшифровки и текстологического анализа рукописного наследия Достоевского. Это позволило бы исследователям работать с рукописями Достоевского, имея необходимый технический инструментарий и базу данных об авторском почерке, графических и содержательных характеристиках текста, специфике творческого процесса.

В настоящее время на основе созданного архива мы начали работу над созданием онлайн-библиотеки вербальной и невербальной графики Достоевского. На данный момент разработан классификатор, позволяющий систематизировать образцы графических изображений по следующим критериям.

Тип графики:

1) Невербальная → рисунки (классификация по типам) и условные знаки (классификация по типам).

2) Вербальная → текст.

Тип текста:

1) Каллиграфия → классификация по типам.

Объектом анализа являются общие (инварианты) и индивидуальные признаки (особенности) каллиграфии.

2) Скоропись.

Исследование скорописи предполагает составление словника на материале записных тетрадей Достоевского, в том числе на повторяющихся примерах написаний, анализ которых позволит определить типичные и нетипичные признаки буквенных сочетаний. Это в свою очередь должно стать дополнительным исследовательским инструментарием для распознавания трудночитаемых записей Достоевского.

Вид записи:

1) Карандаш.

2) Перо.

Техническая реализация классификатора состоит в следующем. За основу для отбора информации принимаются страница рукописи и слово. По этим двум единицам анализа организован поиск на сайте. В пределах рукописной страницы автоматизированным способом отбираются графемы, относящиеся как к вербальной, так и к невербальной графике, и в каждом конкретном случае снабжаются необходимым исследовательским комментарием, пополняя онлайн-библиотеку образцов графики Достоевского.

Первый этап технологической реализации библиотеки графических образцов

Особенности технологической реализации обусловлены стратегией пополнения и развития ресурса. Различные группы пользователей имеют свои возможности, связанные с просмотром, добавлением и редактированием

материалов. Внешний зарегистрированный пользователь имеет право просмотра полномасштабных сканов страниц рукописей, их расшифровок с динамической транскрипцией и библиотеки графем. Участники же проекта могут добавлять и редактировать как текстовые, тек и графические материалы.

Таким образом, ставится задача создания инструментов двух типов: для просмотра и для контентного пополнения. В настоящий момент возможности эффективного просмотра поддерживаются инструментами поиска и фильтрации по категориям. По мере пополнения базы данных инструменты будут развиваться.

Москва

The screenshot displays a search interface with the following elements:

- Filters:**
  - Тип текста (Text Type):** A dropdown menu with options: '- Любой -', '- Любой -', 'Скоропись' (selected), 'С элементами каллиграфии', 'Укрупненный почерк'.
  - Часть речи (Part of Speech):** A dropdown menu with the option '- Любой -'.
  - Apply:** A blue button to apply the filters.
- Results:** Three columns of search results for the word 'Москва':
  - Column 1:** Shows a handwritten sample of 'Москва' with a bounding box. Below it, metadata: 'Страница тетради: 212.1.3. С.28.', 'Буква: Прописная', 'Тип записи: полная', 'Тип текста: Скоропись', and actions: 'удалить', 'изменить'.
  - Column 2:** Shows a handwritten sample of 'Москва' with a bounding box. Below it, metadata: 'Страница тетради: 212.1.3. С.28.', 'Буква: Прописная', 'Тип записи: полная', 'Тип текста: Скоропись', and actions: 'удалить', 'изменить'.
  - Column 3:** Shows a handwritten sample of 'Москвы' with a bounding box. Below it, metadata: 'Страница тетради: 212.1.3. С.28.', 'Буква: Прописная', 'Тип записи: полная', 'Тип текста: Скоропись', and actions: 'удалить', 'изменить'.

Илл. 50. Графические образцы, соответствующие словоформе

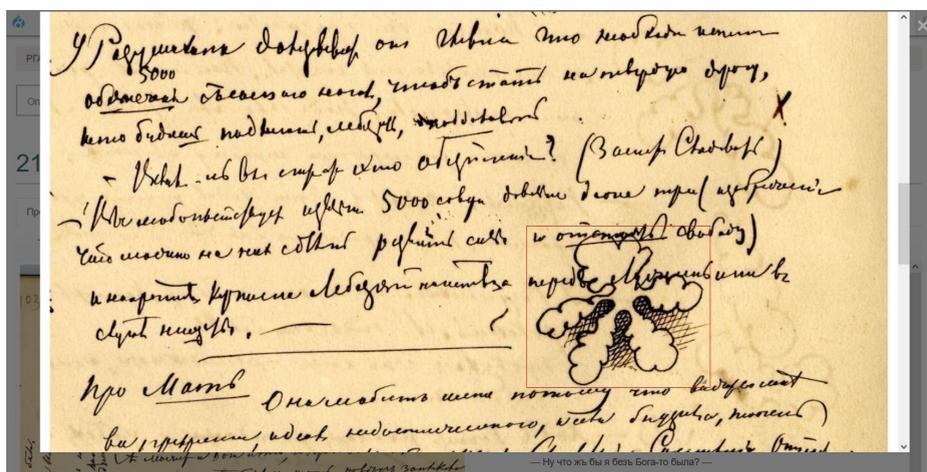
Fig. 50. Graphic samples that correspond to the word form

Если инструменты просмотра достаточно типичны, то задачи создания инструментария, обеспечивающего пополнение библиотеки графических образцов, представляются весьма нетривиальными. Участники проекта должны иметь возможность работать онлайн и в любой момент видеть обновленные результаты совместной деятельности. В процессе работы можно выделить ряд задач, каждая из которых требует соответствующей технологической реализации: просмотр отсканированной страницы рукописи, выделение фрагмента изображения, заполнение обязательных полей, привязка к категориям, расширения списка терминов и категорий и т. д.

В настоящий момент на базовом уровне выделено несколько категорий графических элементов, каждый из которых имеет свой дополнительный набор классификационных признаков: вербальная графика, каллиграфия и невербальная графика (рисунки, условные знаки, цифры).

Процесс разработки инструментальных средств основывался на необходимости использования существующих в системе цифровых изображений рукописных страниц и установления связи между страницами тетради

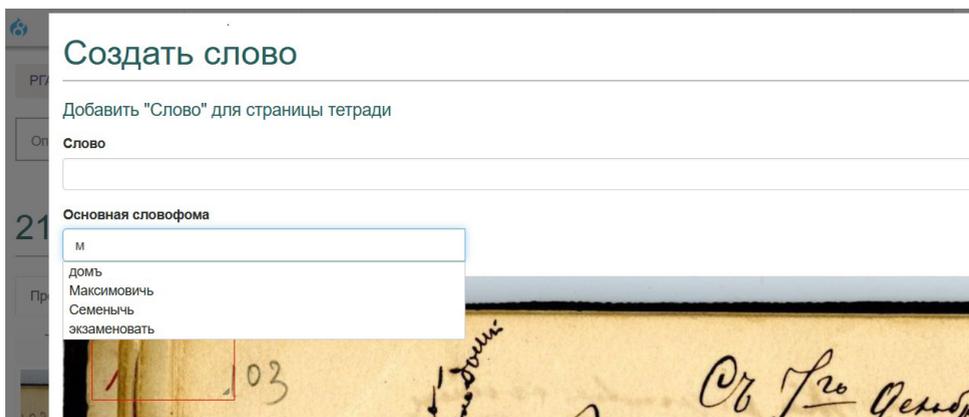
и вновь создаваемыми страницами. С целью оптимизации работы был создан алгоритм, позволяющий устанавливать такую связь автоматически во время добавления любого вида графем. Алгоритм позволяет использовать уже существующее изображение сканов страниц тетрадей для определения требуемых фрагментов и автоматически устанавливать ссылку на исходную страницу тетради. Второй особенностью оптимизации инструментов является возможность выделения фрагментов изображения онлайн. Исследователь имеет возможность, используя привычный интерфейс выделения фрагментов изображений в виде рамки, передвигать и масштабировать ее. В результате, во время сохранения материала, координаты выделенного фрагмента используются для автоматического создания нового файла, в котором сохраняется фрагмент изображения. Таким образом, исключается необходимость использования дополнительного графического приложения, и уменьшаются трудозатраты на создание и загрузку файлов с фрагментами.

Илл. 51. Онлайн инструмент выбора фрагмента изображения

Fig. 51. Online Image Fragment selection tool

Каждый из типов материалов для вербальной и невербальной графики, а также каллиграфии имеют свои классификаторы, часть из них содержит набор постоянных статических признаков. Перечень словоформ должен, напротив, пополняться. С этой целью реализована возможность автоматического добавления термина в классификатор в ходе создания материала. Для связи с существующими терминами используется механизм автодополнения: при начале ввода термина в поле появляется подсказка. Если нужная словоформа отсутствует в перечне, она будет автоматически в него добавлена по завершении ввода.

Илл. 52. Инструмент «автодополнение» для словаря словоформ

Fig. 52. The Auto-completion tool for the word form dictionary

Таким образом, существующий инструментарий позволяет выделить графический элемент и задать привязку к категориям, параллельно автоматически пополняется словник. Графемы сохраняют связь со страницей рукописи, что позволяет организовать вывод элементов библиотеки графических образцов с необходимыми перекрестными ссылками. Инструментарий редактора и возможности просмотра материалов внешними пользователями будут развиваться по мере пополнения базы данных.

Примечания

- ¹ См. также результаты проекта, включая изложение концепции спектрального анализа рукописей Дэвида Ливингстона, на другом ресурсе — Livingstone Online: [Wisnicki Adrian S. Project History (1)], [Wisnicki Adrian S. Project History (2)].
- ² См. список участников: [Les transcripteurs du manuscrit de “Madame Bovary”]. По такому же принципу организован проект «Расшифровать Бентама»: Transcribe Bentham. URL: <https://blogs.ucl.ac.uk/transcribe-bentham/> Он был начат в сентябре 2010 г. сотрудниками Университетского колледжа Лондона (University College London, UCL), при участии: UCL Research IT Services, UCL Library Services, UCL’s Centre for Digital Humanities, UCL Digital Media Services и онлайн-сообщества. На сайте представлены цифровые изображения рукописей английского философа Иеремии (Джереми) Бентама (1748–1832).
- ³ TEI (Text Encoding Initiative) — один из стандартов, позволяющих размечать текстовый документ, определять в нем значимые элементы и формировать метаданные. Стандарт METS (Metadata Encoding and Transmission Standard) дает дополнительные возможности по описанию связей между фрагментами документа и соответствующей метаинформацией.
- ⁴ См. также сайты цифровых архивов Мэри Шелли (Годвин) (URL: <http://shelleygodwinarchive.org>), Стендаля (URL: <http://www.manuscrits-de-stendhal.org/>), Эдварда Мунка (URL: <https://www.emunch.no>) и др.

⁵ На момент завершения работы над данной статьей доступ к ресурсу по указанной ссылке отсутствовал.

⁶ Исключение составляют печатные издания рукописей романа «Братья Карамазовы», подготовленные А. С. Долининым (на рус. яз.) и В. Л. Комаровичем (на нем. яз.): [Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, 1935], [F. M. Dostojewski. Die Urgestalt der "Brüder Karamasoff"].

Список литературы

1. Автограф. XX век. Электронный архив русской литературы. О проекте [Электронный ресурс]. URL: <http://literature-archive.ru/ru> (01.06.2021).
2. Тарасова Н. А. Условные знаки Достоевского (на материале записных тетрадей 1875–1876 и 1876–1877 гг.) // Достоевский и мировая культура / Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Комиссия по изучению творчества Достоевского. СПб.; М.: Серебряный век, 2004. № 20. С. 375–394.
3. Тарасова Н. А. Творческие дневники Достоевского: текстологические, биографические, интермедийные аспекты исследования романа «Подросток» // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2021. (В печати).
4. Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / АН СССР; Институт русской литературы; под ред. А. С. Долинина. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 603 с.
5. Хомякова Е. В. Технология мультимедийного представления творческой истории текста в электронном издании (издательский проект «Видеотекст»): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 151 с.
6. Codex Sinaiticus. Раздел «Проект». Подраздел «Транскрипция» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.codex-sinaiticus.net/ru/project/transcription.aspx> (01.06.2021).
7. Codex Sinaiticus. Раздел «Проект». Подраздел «Развитие веб-сайта» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.codex-sinaiticus.net/ru/project/webdevelopment.aspx> (01.06.2021).
8. F. M. Dostojewski. Die Urgestalt der "Brüder Karamasoff". Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente / erläutert von W. Komarowitsch. München: R. Piper, 1928. 621 s.
9. Équipe Proust [Электронный ресурс]. URL: <http://www.item.ens.fr/proust/> (01.06.2021).
10. Jane Austen's Fiction Manuscripts. Introduction to the Edition. The role of facsimiles [Электронный ресурс]. URL: <https://janeausten.ac.uk/edition/intro.html> (01.06.2021).
11. Jane Austen's Fiction Manuscripts. Methodology. Imaging [Электронный ресурс]. URL: <https://janeausten.ac.uk/about/methodology.html> (01.06.2021).
12. Les transcripteurs du manuscrit de "Madame Bovary" [Электронный ресурс]. URL: https://www.bovary.fr/dossiers/transcripteurs/0_noms.htm (01.06.2021).
13. Pushkin Digital. О проекте [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pushkin-digital.ru/about> (01.06.2021).
14. The background to this edition: the Van Gogh Letters Project. The nature and purpose of this edition [Электронный ресурс]. URL: http://vangoghletters.org/vg/about_1.html#intro.VI.1.2 (01.06.2021).
15. The Electronic Beowulf / by Kevin S. Kiernan [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uky.edu/~kiernan/welcome/1993.htm> (01.06.2021).
16. The Inscriptions of Roman Tripolitania / ed. by J. M. Reynolds and J. B. Ward Perkins (in collaboration with S. Aurigemma, R. Bartocchini, G. Caputo, R. Goodchild, and P. Romanelli). Rome: British School at Rome, 1952. 10 × 7½. Pp. vii + 286. 9 maps, 11 plates, 17 figures.

17. Wisnicki Adrian S. Project History (1) / Debbie Harrison, ed. // *Livingstone's 1871 Field Diary* / Adrian S. Wisnicki, dir. *Livingstone Online*. Adrian S. Wisnicki and Megan Ward, dirs. University of Maryland Libraries, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://livingstoneonline.org/uuid/node/d2c119f4-4ada-4b18-9aca-6e79a46dc975> (01.06.2021).
18. Wisnicki Adrian S. Project History (2) / Debbie Harrison, ed. // *Livingstone's 1871 Field Diary* / Adrian S. Wisnicki, dir. *Livingstone Online*. Adrian S. Wisnicki and Megan Ward, dirs. University of Maryland Libraries, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://livingstoneonline.org/uuid/node/73c6634d-9b48-417f-ae97-81cc19dc0f23> (01.06.2021).

References

1. *Avtograf. XX vek. Elektronnyy arkhiv russkoy literatury. O proekte* [Autograph. The 20th Century. Electronic Archive of Russian Literature. About the Project]. Available at: <http://literature-archive.ru/ru> (accessed on June 1, 2021). (In Russ.)
2. Tarasova N. A. Symbols of Dostoevsky (Based on the Notebooks of 1875–1876 and 1876–1877. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and World Culture]. St. Petersburg, Moscow, Serebryanny vek Publ., 2004, no. 20, pp. 375–394. (In Russ.)
3. Tarasova N. A. Dostoevsky's Creative Diaries: Textological, Biographical, Intermedia Aspects of the Study of the Novel "The Adolescent". In: *Roman «Podrostok»: sovremennoe sostoyanie izucheniya* [Dostoevsky's Novel "The Adolescent": The Current State of Study]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. (In print). (In Russ.)
4. *F. M. Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [F. M. Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1935. 603 p. (In Russ.)
5. Khomyakova E. V. *Tekhnologiya mul'timedijnogo predstavleniya tvorcheskoy istorii teksta v elektronnom izdanii (izdatel'skiy proekt «Videotekst»): dis. ... kand. filol. nauk* [Technology of Multimedia Presentation of the Creative History of the Text in the Electronic Edition (Publishing Project "Videotext"). PhD. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2017. 151 p. (In Russ.)
6. *Codex Sinaiticus. Razdel «Proekt». Podrazdel «Transkriptsiya»* [Codex Sinaiticus. Section "Project". Subsection "Transcription"]. Available at: <http://www.codex-sinaiticus.net/ru/project/transcription.aspx> (accessed on June 1, 2021). (In Russ.)
7. *Codex Sinaiticus. Razdel «Proekt». Podrazdel «Razvitie veb-sayta»* [Codex Sinaiticus. Section "Project". Subsection "Website Development"]. Available at: <http://www.codex-sinaiticus.net/ru/project/webdevelopment.aspx> (accessed on June 1, 2021). (In Russ.)
8. F. M. Dostojewski. *Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente* [An Original Image of "The Brothers Karamazov". Dostoevsky's Manuscripts, Drafts and Fragments]. Munich, R. Piper Publ., 1928. 621 p. (In German)
9. *Équipe Proust* [Proust Team]. Available at: <http://www.item.ens.fr/proust/> (accessed on June 1, 2021). (In French)
10. *Jane Austen's Fiction Manuscripts. Introduction to the Edition. The Role of Facsimiles* Available at: <https://janeaugen.ac.uk/edition/intro.html> (accessed on June 1, 2021). (In English)
11. *Jane Austen's Fiction Manuscripts. Methodology. Imaging*. Available at: <https://janeaugen.ac.uk/about/methodology.html> (accessed on June 1, 2021). (In English)
12. *Les transcripateurs du manuscrit de Madame Bovary* [The Transcriptionists of Madame Bovary's Manuscript]. Available at: https://www.bovary.fr/dossiers/transcripateurs/0_noms.htm (accessed on June 1, 2021). (In French)

13. *Pushkin Digital. O proekte [Pushkin Digital. About the Project]*. Available at: <https://www.pushkin-digital.ru/about> (accessed on June 1, 2021). (In Russ.)
14. *The Background to this Edition: the Van Gogh Letters Project. The Nature and Purpose of this Edition*. Available at: http://vangoghletters.org/vg/about_1.html#intro.VI.1.2 (accessed on June 1, 2021). (In English)
15. *The Electronic Beowulf*. Available at: <http://www.uky.edu/~kiernan/welcome/1993.htm> (accessed on June 1, 2021). (In English)
16. *The Inscriptions of Roman Tripolitania*. Rome, British School at Rome Publ., 1952. 286 p. (In English)
17. Wisnicki Adrian S. Project History (1). In: *Livingstone's 1871 Field Diary*, 2017. Available at: <http://livingstoneonline.org/uuid/node/d2c119f4-4ada-4b18-9aca-6e79a46dc975> (accessed on June 1, 2021). (In English)
18. Wisnicki Adrian S. Project History (2). In: *Livingstone's 1871 Field Diary*, 2017. Available at: <http://livingstoneonline.org/uuid/node/73c6634d-9b48-417f-ae97-81cc19dc0f23> (accessed on June 1, 2021). (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тарасова Наталья Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Российская Академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: 0000-0002-8775-1434; e-mail: nsova74@mail.ru.

Natalia A. Tarasova, PhD (Philology), Leading Researcher, the Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-8775-1434; e-mail: nsova74@mail.ru.

Мбого Ирина Анатольевна, старший преподаватель кафедры информационных систем в искусстве и гуманитарных науках, Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская набережная, д. 7/9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: 0000-0002-5942-7143; e-mail: irina.mbogo@gmail.com.

Irina A. Mbogo, Senior Lecturer of the Department of Information Systems in the Arts and Humanities, Saint Petersburg State University (Universitetskaya naberezhnaya 7/9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5942-7143; e-mail: irina.mbogo@gmail.com.

Захаркина Валентина Валентиновна, к. ф.-м. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская набережная, д. 7/9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: 0000-0002-4950-2410; e-mail: zakharkina@gmail.com.

Valentina V. Zakharkina, PhD (Physico-Mathematical Sciences), docent, Saint Petersburg State University (Universitetskaya naberezhnaya 7/9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4950-2410; e-mail: zakharkina@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 12.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.08.2021

Принята к публикации / Accepted 25.08.2021

Дата публикации / Date of publication 15.09.2021

В оформлении обложки использован фотопортрет В. Вольфсона
с подписью А. Г. Достоевской. Фотография R. Eich.
Дрезден, нач. 1860-х гг. Государственный музей истории российской
литературы имени В. И. Даля

For the design of the cover page there was used a portrait of Wilhelm Wolfson.
Photo by R. Eich.
Dresden, early 1860s. The V. I. Dahl State Museum of the History
of Russian Literature

Редакторы: И. С. Андрианова, М. В. Заваркина, Е. Н. Вяль
Компьютерная верстка: М. В. Заваркина, Е. Н. Вяль
Перевод: Я. И. Соломинская
Зав. редакцией: И. С. Андрианова

Адрес редакции:
185910, Российская Федерация, Петрозаводск,
пр. Ленина, 33. ПетрГУ

Address of the Editorial Staff:
185910, Russian Federation Petrozavodsk,
33 Lenin Avenue,
Petrozavodsk State University

Tel. +7 (8142) 719 603
E-mail: poetica@post.com
<http://unknown-dostoevsky.ru>